

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025 | 2 (57)

ISSN 2411-7951

Ученые записки Новгородского государственного университета

2025 | № 2 (57)

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

ISSN 2411-7951

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Татьяна Леонидовна Каминская,
д. филол. наук, доцент (Великий Новгород)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

ИСТОРИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Елена Владимировна Торопова,
к. ист. наук, доцент (Великий Новгород)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Марина Альбиновна Ариас-Вихиль,
д. филол. наук, в. н. с. (Москва)

Марина Борисовна Бессуднова,
д. ист. наук, доцент (Великий Новгород)

Вероника Витальевна Высокова,
д. ист. наук, профессор (Екатеринбург)

Петр Григорьевич Гайдуков,
д. ист. наук, член-корр. РАН (Москва)

Алексей Алексеевич Гиппиус,
д. филол. наук, профессор, член-корр. РАН (Москва)

Владимир Иванович Заика,
д. филол. наук, доцент (Великий Новгород)

Владимир Васильевич Запарий,
д. ист. наук, профессор (Екатеринбург)

Сергей Анатольевич Маленко,
д. филос. наук, профессор (Великий Новгород)

Александр Васильевич Моторин,
д. филол. наук, профессор (Великий Новгород)

Светлана Анатольевна Питина,
д. филол. наук, профессор (Челябинск)

Ольга Николаевна Прохорова,
д. филол. наук, профессор (Белгород)

Владимир Валентинович Седов,
д. искусств., профессор, член-корр. РАН (Москва)

Адриан Александрович Селин,
д. ист. наук, профессор (Санкт-Петербург)

Александра Леонидовна Семенова,
д. филол. наук, доцент (Великий Новгород)

Дарья Борисовна Терешкина,
д. филол. наук, доцент (Великий Новгород)

Татьяна Викторовна Шмелева,
д. филол. наук, профессор (Великий Новгород)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

Адрес редакции и издателя:

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
Тел.: +7 (8162) 338830 доб. 2292
Факс: +7 (8162) 974526

E-mail: enotes@novsu.ru

<https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/>

Оригинал-макет подготовлен редакцией
сетевого издания «Ученые записки
Новгородского государственного университета»
Редактор перевода: О. В. Наволоцкая
Технический редактор: Т. С. Григорьева

Свидетельство

Эл № ФС77-58076 от 20 мая 2014 г.
Роскомнадзора Российской Федерации
Периодичность издания: 4 выпуска в год

Подписано в печать 25.04.2025 г.

Дата выхода 28.04.2025 г.

© НовГУ, 2025

© Авторы статей, 2025

16+

Memoirs of Novgorod State University

2025 | № 2 (57)

ONLINE JOURNAL

ISSN 2411-7951

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana L. Kaminskaya,

Doctor of Philology, Associate Professor (Veliky Novgorod)

HISTORICAL SCIENCES EDITOR

Elena V. Toropova,

Candidate of History, Associate Professor (Veliky Novgorod)

EDITORIAL BOARD

Marina A. Arias-Vikhil,

Doctor of Philology, Leading Researcher (Moscow)

Marina B. Bessudnova,

Doctor of History, Associate Professor (Veliky Novgorod)

Petr P. Gaidukov,

Doctor of History, Corresponding Member of
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Aleksey A. Gippius,

Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Sergey A. Malenko,

Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod)

Aleksandr V. Motorin,

Doctor of Philology, Professor (Veliky Novgorod)

Svetlana A. Pitina,

Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk)

Olga N. Prokhorova,

Doctor of Philology, Professor (Belgorod)

Vladimir V. Sedov,

Doctor of Art History, Professor, Corresponding Member of
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Adrian A. Selin,

Doctor of History, Professor (St. Petersburg)

Aleksandra L. Semenova,

Doctor of Philology, Associate Professor (Veliky Novgorod)

Tatiana V. Shmeleva,

Doctor of Philology, Professor (Veliky Novgorod)

Daria B. Tereshkina,

Doctor of Philology, Associate Professor (Veliky Novgorod)

Veronika V. Vysokova,

Doctor of History, Professor (Ekaterinburg)

Vladimir I. Zaika,

Doctor of Philology, Associate Professor (Veliky Novgorod)

Vladimir V. Zapariy,

Doctor of History, Professor (Ekaterinburg)

Founder and Publisher:

Federal State Budgetary Educational

Institution of Higher Education

“Yaroslav-the-Wise Novgorod State University”

(NovSU)

Postal Address:

173003, Russian Federation, Veliky Novgorod,

41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.

Tel.: +7 (8162) 338830 add. 2292

Fax: +7 (8162) 974526

E-mail: enotes@novsu.ru

<https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/>

Original layout is prepared

by the Memoirs of NovSU editorial staff

Translation Editor: O. V. Navolotskaya

Technical Editor: T. S. Grigorieva

Registration Certificate:

El No. FS77-58076 of May 20, 2014, issued by the

Federal Service for Supervision of Communications,

Information Technology and Mass Media

Publication frequency: 4 issues per year

Signed for publication on April 25, 2025

Published on April 28, 2025

© NovSU, 2025

© Authors, 2025

16+

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Шмелева Т. В. Медицинский дискурс регионального медиаполя: популяризация знаний о здоровье.....	225
Муха А. В. Особенности современных литературных журналов в интернете.....	236
Асташкин Д. Ю., Козлов С. А. Открытие памятника «Тысячелетие России» в петербургской и новгородской журналистике.....	247
Шашкова Е. В. Отечественная дореволюционная журналистика чрезвычайных ситуаций.....	258
Семенова А. Л. Роль новгородской интеллигенции в развитии периодической печати Новгородской губернии (1838–1916).....	272
Лаптиева Д. К. Особенности коммуникативной личности интервьюера в сетевой среде.....	284
Куянцева Е. А. Русофобия в украинском медийном пространстве (2022–2024).....	294
Давыдов А. Н. Медиадизайн в игровой журналистике: к постановке проблемы.....	304

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евчук О. П. Символика и метафизика образа весны в русской поэзии XIX века.....	318
Терешкина Д. Б., Чэнь Ц. Тема взаимодействия человека и природы в повести Олега Бундура «В гостях у белого медведя» и в её переводе на китайский язык.....	328

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Мязин Н. А. Развитие нового протестантизма в Прибалтийских странах.....	338
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Пахолкова Т. В. Рождаемость и смертность в Колоденской волости Череповецкого уезда в XIX веке.....	348
Исаченко Т. А. Памятная книга Храповицких в Осиповичском историко-краеведческом музее: новые данные.....	360
Клейменов В. И. Выходцы из других городов и земель в составе посадского населения Старой Руссы XV–XVII вв.....	373

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Запарий В. В.

Реконструкция Уралмаша как этап разработки комплексной программы экономического развития на Урале и влияние на нефтегазовую промышленность в 1970-е годы.....385

Скрыдлов А. Ю.

Составить «верную, полную и отчетливую картину» государства:
статистика в периодических изданиях Академии наук (XVIII – первая половина XIX в.).....394

Синельникова Е. Ф.

Общество гражданских инженеров в первые годы советской власти.....405

Артемьев Е. М.

Роль Советского Союза в становлении системы высшего образования
в Северной Корее (1945–1950).....416

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Замальдинов В. Е.

Интернет-коммуникация как пространство для создания словообразовательных неологизмов.....426

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Чиглова Е. И.

Особенности стратегии освоения категории лица детьми раннего возраста в немецком языке.....436

CONTENTS

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Shmeleva T. V. Medical discourse of regional media field: popularization of knowledge about health.....	225
Mukha A. V. Features of modern literary magazines on web.....	236
Astashkin D. Yu., Kozlov S. A. Millennium-of-Russia monument opening in newsmaking of St. Petersburg and Novgorod.....	247
Sashkova E. V. Russian pre-revolutionary emergency journalism.....	258
Semenova A. L. Novgorod intelligentsia's role in Novgorod-Province periodical-press development.....	272
Laptieva D. K. Interviewer's communicative personality features in web environment.....	248
Kuyantseva E. A. Russophobia in Ukrainian media space (2022–2024).....	294
Davydov A. N. Media design in game journalism: problem formulation.....	304

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURES OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yevchuk O. P. Symbolism and metaphysics of spring image in Russian poetry of 19th century.....	318
Tereshkina D. B., Chen Q. Human-nature interaction theme <i>In Visiting the Polar Bear</i> by Oleg Bundur and in its translation into Chinese.....	328

WORLD HISTORY

Miazin N. A. Development of new Protestantism in Baltic states.....	338
---	-----

RUSSIAN HISTORY

Pakholkova T. V. Birth and mortality rates in Kolodenskaya volost of Cherepovetsky uезд in 19th century.....	348
Isachenko T. A. Memorial book of Krasovsky family in Asipovichy museum of history and regional studies: new information.....	360

Kleymenov V. I.

Migrants from other Russian towns and lands among the *posad* population
of Staraya Russa in the 15th–17th centuries.....373

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Zapariy V. V.

Uralmash reconstruction as stage of comprehensive Urals economic development program
and impact on oil and gas industry in 1970s.....385

Skrydlov A. Yu.

To compose “true, complete and clear picture” of state:
statistics in periodicals by Academy of Sciences (18th – first half of 19th century).....394

Sinelnikova E. F.

Civil engineers society in first years of Soviet power.....405

Artemyev E. M.

Soviet Union's role in North-Korean higher-education system development (1945–1950).....416

RUSSIAN LANGUAGE, LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Zamaldinov V. E.

Internet communication as space for creating derivational neologism.....426

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Chiglova E. I.

Person-category acquisition by young children in German language.....436

МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС РЕГИОНАЛЬНОГО МЕДИАПОЛЯ: ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ О ЗДОРОВЬЕ

Т. В. Шмелева

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия*

Аннотация. В статье с опорой на идею полидискурсивной организации регионального медиаполя рассматривается один из дискурсов новгородского медиаполя – медицинский, точнее субдискурс популяризации медицинских знаний, реализуемый в телевизионной программе «Скажите, доктор» и рубрике «Здоровье» сетевого издания «53 новости». Составляющие субдискурса медиатексты анализируются в трех аспектах – фактура, контент, дискурсивные практики. Показано, что полифактурность текстов – от телевизионного к видеотексту в соцсетях и графическому в рубрике – обеспечивает массовую аудиторию их восприятия; контент включает информацию о здоровье и болезнях, в том числе детских, особо выделяя сезонные заболевания; дискурсивные практики отличаются разнообразием, демонстрируя связь изучаемого субдискурса науки, повседневности и медиадискурса. Полученные результаты могут использоваться в сопоставительных региональных медиаисследованиях, а также в дискурс-исследованиях медиасферы регионального и федерального масштабов.

Ключевые слова: медиаисследования, дискурс, медицина, популяризация знаний, региональное медиаполе, фактура медиатекста, контент, дискурсивные практики.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Правительства Новгородской области, проект № 24-28-20290, <https://rscf.ru/project/24-28-20290>.

Для цитирования: Шмелева, Т. В. (2025). Медицинский дискурс регионального медиаполя: популяризация знаний о здоровье. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 225–235. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).225-235](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).225-235)

В кругу современных медиаисследований значительное место занимает изучение дискурсивной природы медиасферы, описание отдельных дискурсов, рассмотрение их различных аспектов – жанровых, содержательных, стилистических, региональных. Последний аспект составляет предмет интереса и в настоящей работе: в ней обсуждаются проблемы медицинского дискурса в составе регионального медиаполя на примере новгородского.

Методология исследования опирается на идею полидискурсивной организации регионального медиаполя, подробно представленную в монографии [Шмелева, 2015]. Ключевое теоретическое понятие работы – фактура медиатекста, интерпретация которого изложена в статье, где этот параметр представлен как обеспечивающий возможность контента быть предъявленным на разных каналах в виде графического, аудио-, телевизионного текста, или телетекста [Шмелева, 2024]. В понятийно-терминологический аппарат исследования входят широко известные термины *дискурс, субдискурс, дискурсивные практики, контент, автор, адресат, популяризация, цифровизация*, что избавляет от необходимости их разъяснять, а также рабочие термины *социальная задача, культурная задача* и др., значение которых очевидно. Наряду с этим в работе учитывается богатый опыт исследования медицинского дискурса в федеральном, региональном масштабах и в зарубежных практиках, что сформулировано в массе публикаций, например, в статьях [Майборода,

2017; Линник, 2020; Шмелева, 2024a]. Исследование проводится в рамках реализации проекта «Полифактурность медиатекста в условиях цифровизации при решении социальных и культурных задач».

Как уже отмечалось, медицинский дискурс новгородского медиаполя полифоничен: в нем представлены три субдискурса – власти, медиков-профессионалов и потребителей медицинских услуг [Шмелева, 2025]. В настоящей работе представлен опыт исследования одного из этих голосов – голос врачей, популяризирующих медицинские знания в условиях цифровизации – в рамках регионального медиаполя.

Эмпирическая база данного фрагмента исследования сформирована из публикаций двух каналов названного субдискурса – программы «Скажите, доктор!» Новгородского областного телевидения¹ и рубрики «Здоровье» сетевого новостного издания «53 новости»², связанных, как будет показано, контентом. Материалом для анализа послужили 12 выпусков телепрограммы, выходящей практически ежедневно в период с 27 ноября по 12 декабря 2024 года, что стало возможным благодаря тому, что они размещены в интернете; публикации рубрики за этот же период, в том числе 7 графических текстов, представляющих собой версии выпусков этой программы, вышедших в октябре и самом начале ноября 2024 года, две графических версии программы «Главный эфир», всего более 20 медиатекстов разных фактур.

Цель этого фрагмента исследования – выявить и охарактеризовать три аспекта избранных медиатекстов – их фактуру, контент и дискурсивные практики, что позволяет установить фактурный маршрут медиатекстов, круг популяризуемых медицинских знаний и дискурсивные практики в понимании, близком к тому, который представлен в монографии [Иссерс, 2012].

Фактурный маршрут медиатекстов

В качестве исходного материала исследования взяты телевизионные тексты, поскольку именно в этой фактуре медицинский контент предлагается впервые, телевидение остается для большей части аудитории весьма востребованным каналом связи. Далее текст появляется в интернете на сайте Новгородского областного телевидения и в социальной сети ВКонтакте (ВК). Примерно через месяц появляется новая точка маршрута – графический текст публикуется в рубрике «Здоровье» сетевого издания «53 новости», который нельзя считать простой расшифровкой телетекста. В графическом тексте явно выражено его «родство» с телевизионным – ссылкой на программу и визуальными элементами, хотя у него новый автор – ведущая рубрики журналист Ольга Лаврова.

Таким образом, текст появляется в двух фактурах – видео- и графической. Однако стоит отметить, что хотя на экране телевизора и мониторе компьютера текст выступает в одной той же фактуре – видео, характер его потребления меняется: телетекст воспринимается синхронно с его публикацией, а размещенный в интернете, он может быть воспринят зрителем по его желанию и возможностям, так что считать их абсолютно идентичными не приходится. Кроме того, в прямом эфире возможно

¹ Новгородское областное телевидение. URL: <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/>

² 53 новости. URL: <https://53news.ru/tag/zdorove>

интерактивное взаимодействие постоянной ведущей программы Светланы Стерлиговой со зрителями, что исключено для ВК (и, кстати, при повторе выпуска); в ВК у зрителя появляется возможность комментировать видеотекст. В связи с этим кажется корректным говорить о трех фактурах медиатекста, в которых он обращается в региональном медиаполе в рамках фактурного маршрута, – телетекст в прямом эфире, телетекст в записи и соцсетях и графический текст в интернет-издании.

Продемонстрировать формирование фактурного маршрута медицинского контента можно телетекстом выпуска «Как похудеть к Новому году и не набрать вес после». Вышедший на экраны 10.12.2024 с повтором на следующий день, в виде видеотекста он был размещен на сайте Новгородского областного телевидения³ и ВК⁴, а через три недели опубликован в рубрике «Здоровье» сетевого издания «53 новости» в виде графического текста «Как не набрать на новогодних каникулах лишние кило? Советы от врача-диетолога»⁵.

Таким образом, контент предъявлен в региональном медиаполе пять раз в трех фактурах, что можно считать условием его эффективного восприятия, поскольку он обращен к аудитории телевидения, соцсетей и новостного интернет-издания. Нельзя сказать, что так продвигается в региональном медиаполе каждый телетекст программы, но сама возможность такого продвижения существует, и нельзя думать, что представленные точки исчерпывают фактурный маршрут текста.

Стоит отметить, что полифактурность используется не только в рамках фактурного маршрута, но и в презентации отдельных выпусков. Так, каждый выпуск программы начинается с анимационной заставки с предметами медицинского обихода – капсулы медицинских препаратов, медицинские документы, машина скорой помощи – в сопровождении веселой мелодии; студия оформлена особым образом – мониторами, создавая пространство коммуникации; программа включает фотографии под закадровый голос, о котором будет сказано далее. То есть медиатекст каждого выпуска включает вербальный, визуальный, аудиальный элементы. Даже телефактура представлена неоднородно – студийной записью разговора, фото с закадровым голосом, анимационной заставкой. Такая внутренняя полифактурность работает на эффективность восприятия текста и говорит о продуманности его подготовки с привлечением различных средств выражения смысла и стилистических эффектов, доступной в условиях цифровизации.

Полифактурны и тексты рубрики «Здоровье», как показывает рассмотренный пример, помимо графической составляющей, в которой заключен основной контент, он включает визуальный компонент, подчеркивающий его вторичность и связь с видеотекстом, а также визуализирующий участников разговора – ведущую и ее собеседника-специалиста, иногда изображение просветительских изданий, к которым зритель может обратиться после передачи, уточняя те или иные моменты обсуждаемой проблемы; так демонстрируется связь телетекста с классическими

³ <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/kak-pohudet-k-novomu-godu-i-ne-nabrat-ves-posle-skazhite-doktor>

⁴ https://vkvideo.ru/playlist/-16840961_53303538/video-16840961_456274748?t=4s

⁵ <https://53news.ru/novosti/kak-ne-nabrat-na-novogodnih-kanikulah-lishnie-kilo-sovety-ot-vracha-dietologa.html>

формами санпросвета – печатными материалами, как вербальными, так и визуальными. Важно отметить, что графический текст обязательно включает гиперссылку на исходный, она вводится фразой «Больше важной информации — в программе “Скажите, доктор”, которую ведет Светлана Стерлигова». Кроме того, графическая структура текста отличается сложностью – рубрикацией, игрой шрифтов, что способствует его эффективному восприятию.

Таким образом, анализ избранных медиатекстов в аспекте их фактуры позволил не только установить фактурный маршрут их обращения в региональном медиаполе, но и увидеть необходимость внести некоторые уточнения в интерпретацию фактуры медиатекста, различая телетекст и его версию на повторе, размещенную в интернете. Различая полифактурность как потенциальное свойство медиатекста и как его реальные характеристики, стоит учитывать, что во втором случае речь идет о технологических возможностях повысить эффективность восприятия текста за счет подключения разных видов восприятия зрителя. Это обстоятельство существенно подчеркнуть особо, поскольку речь идет о популяризации медицинских знаний в условиях цифровизации, предоставляющей бóльшие возможности, чем предыдущие времена, когда медикам приходилось ограничиваться двумя фактурами – устным просвещением и печатной продукцией.

Контент популяризирующих текстов медицинского дискурса

Первое представление о контенте телепрограммы можно получить из аннотации на сайте Новгородского областного телевидения: «Телевестник “Скажите, Доктор” о сохранении здоровья и лечении различных заболеваний. Передача ставит перед собой серьезные задачи. Среди важных – доступность врачебного консультирования, персонализация местных специалистов, повышение престижа новгородских врачей, формирование здорового образа жизни, профилактика заболеваний, а также снижение алкоголизации населения Новгородской области»⁶.

Как видно из этого текста, перед программой ставится ряд разнообразных задач, включая «повышение престижа врачей» и «снижение алкоголизации населения». Если же сосредоточиться на контенте, а не эффектах его продвижения и согласиться с тем, что избранные для анализа выпуски «телевестника» типичны в отношении содержания, то можно сделать следующие наблюдения.

В целом контент телепрограммы составляют профессиональные медицинские знания, носителями которых оказываются профессионалы – сотрудники новгородских медучреждений, которые всегда называются в представлении гостя программы, как и их специализация и должность. Выпуски программы преподносят контент как отдельную проблему, в обсуждении которой звучат разные мнения специалистов, и, что показательно, ведущая задает вопросы типа «А какие мифы существуют вокруг этого явления?», что говорит о том, что в задачу программы входит отделение современного медицинского знания от устаревших представлений и мифов.

Систематизируя эти знания, можно увидеть, что прежде всего различаются программы о здоровье и болезнях. Для первой темы характерно название программы

⁶ <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/>

«Ответственное отношение к своему здоровью»⁷, в которой обсуждаются принципы такого отношения. Более конкретные аспекты становятся объектом внимания в программах о диспансеризации⁸, половом созревании⁹, электронных сигаретах¹⁰.

Однако следует признать, что специфика программы такова, что здоровье рассматривается как отсутствие болезней (о сложной семантике лексемы *здоровье* см. в статье [Радбиль, 2024]), профилактика и диспансеризация направлены на выявление заболеваний на ранних стадиях, курение рассматривается как фактор заболеваемости и т. д.

Что касается травм и болезней, то для их обсуждения отбираются темы актуальные (новогоднее переиздание, сезонные вспышки гриппа и ОРВИ, зимние травмы, магнитные бури) и вечные (онкология); при этом тема выпуска может быть весьма конкретной, как, например, химиотерапия¹¹. При этом специалисты сообщают статистические данные о распространении обсуждаемой болезни, возрасте, который наиболее характерен для нее, и подобное.

Интересно отметить, что часть передач посвящена болезням детей¹², что говорит о противопоставлении болезней взрослых и детей, с одной стороны, и осмыслении детских болезней как особой проблемы, с другой.

Таким образом, общий контент программы «Скажите, доктор» – травмы и болезни в аспектах их предупреждения и помощи при них. Ведущая программы подчеркивает, что формируется именно общий контент программы, напоминает зрителям, что к этой теме обращались ранее. Так, в выпуске об ответственном отношении к здоровью именно ведущая вводит в разговор тему витаминов, напомнив, что о них уже шла речь, и приглашенный эксперт ее развивает. Такого рода отсылки представляют медицинский контент как некий общий фонд медицинский знаний, хотя и распределенный по разным выпускам.

Рубрика «Здоровье», контент которой частично дублирует «телевестник», предъявляет аналогичный круг проблем. В рассматриваемый период в рубрике появляются публикации и о здоровье, и о болезнях, ср. например, «Новгородский психолог рассказала о пользе стресса» (06.12.2024)¹³ и «В буквах слова «мозг» зашифрованы признаки инсульта» (28.11.2024)¹⁴. Стоит отметить, что контент рубрики выходит за рамки популяризации медицинских знаний: многие ее материалы отражают институциональный медицинский дискурс, при этом в качестве источников информации используются официальные сайты Правительства области, Министерства здравоохранения региона.

⁷ <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/otvetstvennoe-otnoshenie-k-svoemu-zdorovyu-skazhite-doktor>

⁸ <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/dispenserizaciya-i-rannee-vyyavlenie-zabolevanij-skazhite-doktor>

⁹ <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/polovoe-razvitie-malchikov-skazhite-doktor>

¹⁰ <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/elektronnye-sigarety-riski-i-posledstviya-skazhite-doktor>

¹¹ <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/sovremennye-podhody-i-metody-himioterapii-skazhite-doktor>

¹² Экстренная медицинская помощь детям. Телепроект «Скажите, доктор». 02.12.2024. URL: <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/ekstrennaya-meditsinskaya-pomoshh-detyam-skazhite-doktor>; Боли в животе у детей. Телепроект «Скажите, доктор». 06.12.2024. URL: <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/boli-v-zhivote-u-detej-skazhite-doktor>

¹³ <https://53news.ru/novosti/novgorodskij-psiholog-rasskazala-o-polze-stressa.html>

¹⁴ <https://53news.ru/novosti/v-bukvah-slova-mozg-zashifrovany-priznaki-insulta.html>

Дискурсивные практики

Анализ телетекстов программы «Скажите, доктор» показывает, что все они построены по одному сценарию, то есть в рассматриваемом субдискурсе регионального медиаполя реализуются разработанные для этих целей дискурсивные практики. Их характеризуют следующие дискурсивные доминанты – говорение, диалогичность, адаптация контента.

Каждый выпуск программы построен как живой разговор в студии, где остановки, возвращения к теме, повторы, переспросы смотрятся как естественные черты непосредственного говорения, что выгодно отличает в плане восприятия такого рода тексты от, скажем, печатной научной продукции, которую можно найти в книжных магазинах. Такая дискурсивная практика учитывает особенности восприятия информации и служит одним из условий популяризации научных медицинских знаний.

Вторая важная характеристика дискурсивной программы – диалогичность, обозначенная уже в ее названии, представляющем собой императивное предложение с обращением «Скажите, доктор». При этом важно, что диалог организуется четырьмя участниками:

- ✓ постоянная ведущая программы журналист Светлана Стерлигова, модерлирующая диалог и выступающая как представитель интересов зрителей (здесь медиа буквально выступают в своем качестве посредника);

- ✓ специалист-медик, специализация и должность которого соответствует теме выпуска, всегда выступает в белом халате, что подчеркивает его профессиональную принадлежность, хотя в студии это не обязательно;

- ✓ закадровый голос (женский), который в начале программы до начала собственно диалога между ведущей и гостем сообщает общую информацию энциклопедического характера, отталкиваясь от которой, строят диалог, в конце выпуска формулирует его основные итоги;

- ✓ наконец, иногда в разговор включаются со своими вопросами зрители, которые звонят по телефону либо в прямом эфире (номер телефона постоянно присутствует на экране телевизора, как бы приглашая к участию в коммуникации); либо заранее, и тогда вопрос в распечатанном виде показывают на экране.

Естественно, что основная «партия» в этом диалоге принадлежит специалисту-медику, он обеспечивает информативность программы, ценность ее контента.

Но нельзя не видеть и значимость фигуры ведущей: она обеспечивает диалогичность общения, актуализирует и проблематизирует информацию, «цементирует» коммуникацию фатической информацией [Прокофьева, 2015; Загидуллина, 2020] – приветствие, представление гостя, завершение программы и ритуальная формула «Будьте здоровы!». Так, уже рассмотренный выпуск об ответственном отношении к здоровью начинается с приветственных слов ведущей: «Здравствуйте, уважаемые телезрители! Тема нашей сегодняшней программы – ответственное отношение к своему здоровью». И завершается ее словами: «На этом все. Спасибо, что были с нами. Мы надеемся, что эта программа была для вас полезной. До новых встреч и будьте здоровы!». Этот комплекс высказываний повторяется из выпуска в выпуск, что позволяет признать его этикетным элементом рассматриваемой дискурсивной практики.

О ее единстве при множестве выпусков говорят ссылки на предыдущие выпуски (Мы уже говорили об антибиотиках...), неоднократное использование глагола «напоминать», маркирующего информацию, уже известную зрителю, но в связи с ее важностью требующую возвращения к ней, как информации о необходимости двигаться, ходить пешком, что составляет один из элементов здорового образа жизни; или в той же программе об ответственном отношении к здоровью фраза ведущей «Тут очень важно проходить и профосмотры, и диспансеризацию. Хорошо, что вы напомнили об этом. Мы еще раз хотим подчеркнуть, что диспансеризация – это не обычный визит к врачу, поэтому требовать какого-то детального, глубокого исследования не нужно. Но необходимые какие-то параметры будут обследованы» — далее врач перечисляет такие параметры.

Надо отметить, что при смене фактуры, при перевоплощении телетекста в графический текст, меняются и дискурсивные практики: фатический момент исчезает, а для ориентации в содержании текста используются абзацы, внутренние подзаголовки, шрифтовые выделения.

Что касается собственно языковой составляющей дискурсивной практики, представленной в изучаемой программе, то следует сказать, что в плане отбора языковых средств речь гостя-медика балансирует между повседневной и профессиональной медицинской речью, насыщенной медицинской терминологией. Так, не покидая выпуска об ответственном отношении к здоровью, отмечаем такие реплики в речи гостя программы: молодая женщина, терапевт в поликлинике, говоря о тех, кому надо ответственно относиться к своему здоровью, называет их исключительно «лица», «такая категория лиц», «лица с перенесенным заболеванием», «заболевание» (никогда – «болезнь»)... Использует термины «резистентность», «летальный исход», «лекарственные препараты», «осенне-зимний период»; рекомендации подтверждает таким образом: «пешие прогулки профилактируют и удлиняют жизнь на десять лет».

Конечно, нельзя не принимать во внимание индивидуальных особенностей речевого поведения медиков. Например, хирург детской областной больницы, приглашенный в выпуск о болях в животе у детей¹⁵, первую часть разговора вообще обходится без терминологии, а во второй – использует буквально несколько терминов, при этом каждый раз дает пояснения, прибегая к пояснительному союзу «то есть» или метапоказателям типа «если объяснить простыми словами»: «когда воспаляется плевра, **то есть** та ткань, которая покрывает грудную клетку изнутри...»; «аппендикс – это, **если объяснить простыми словами**, недлинная трубочка...». Обращает на себя внимание и тот факт, что, упоминая разных «лиц», оказавшихся в обсуждаемых ситуациях, он не использует лексику «лица», а говорит о ребенке, подростке, человеке, родителях.

В целом можно сказать, что в разной степени речь специалистов отличается профессиональными чертами, хотя и включает моменты адаптации для непрофессиональных зрителей, как в приведенных случаях, это и есть признаки популяризирующих дискурсивных практик.

¹⁵ <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/boli-v-zhivote-u-detej-skazhite-doktor>

Что касается языковой практики ведущей, она ближе к повседневной речи, хотя в ней органичны и научные медицинские термины типа «резистентность», «дебют диабета второго типа», что обеспечивает полноту контакта со специалистом. Характерно для ее речи соединение некоторой возвышенности, можно сказать – публицистичности, и утилитарности, ср. фразы из выпуска об ответственном отношении к здоровью: «Современность бросает множество вызовов организму человека» и «Как правильно хранить лекарства?». Ведущей удается выдерживать в своей речи баланс между повседневностью в интересах зрителей, научностью в интересах собеседников-специалистов, отдавая дань традициям журналистской речи.

Дискурсивная практика в графической фактуре текста меняется прежде всего в языковом плане: диалогическая природа текста преобразуется в монологическую, но в его структуре неизменно присутствуют конструкции «чужой речи» – изъяснительные предложения в широком толковании этого синтаксического явления [Стексова, Шмелева, 2022], вводные конструкции, автономные предложения метатекста. Так, в тексте О. Лавровой «В буквах слова “мозг” зашифрованы признаки инсульта» (28.11.2024)¹⁶, который представляет собой графическую версию выпуска программы «Скажите, доктор» от 30.10.2024 «Профилактика инсульта»¹⁷, находим классические предложения с прямой речью и такие проявления «чужой речи»: (1) «Невролог Сосудистого центра Новгородской областной клинической больницы Ольга Терентьева рассказала о мнемоническом тесте, который разработали для эффективного и легкого запоминания симптомов инсульта»; (2) «В программе “Скажите, доктор” специалист пояснила, что буква “М” в данном случае означает **мимику**»; (3) «Эксперт напомнила, какие причины приводят к инсульту»; (4) «“С каждым годом инсульт молодеет”, — ответила невролог». Здесь мы видим изъяснительные конструкции в виде простого предложения (1), и сложного с использованием разных техник – союзной (2), бессоюзной (4) и местоименной (3).

Кроме того, в тексте находим и показатели авторского отношения к излагаемой информации, от чего автор не может отказаться, «присвоив» чужие знания на правах автора текста: «Хорошо, если дома есть родственники, которые быстро смогут помочь»; «Но, к сожалению, бывает так, что у человека полостью не двигаются рука и нога, сам он ослабел и не может встать, позвонить».

Обратившись к другим текстам рубрики «Здоровья», можно увидеть больше показателей чужой речи, однако важным оказывается отметить их наличие как знак вторичности текста, его связи с телетекстом, принадлежности дискурсу популяризации медицинских знаний.

Таким образом, дискурсивные практики медиатекстов рассматриваемого субдискурса отвечают его назначению – сообщать специальные медицинские знания неспециалистам с помощью медиа.

¹⁶ <https://53news.ru/novosti/v-bukvah-slova-mozg-zashifrovany-priznaki-insulta.html>

¹⁷ <https://novgorod-tv.ru/teleproekty/skazhite-doktor/profilaktika-insulta-skazhite-doktor-2/>

Выводы

Итак, популяризация медицинских знаний – культурная и социальная задача, поскольку от качества ее решения зависит не только осведомленность новгородцев в области медицины, но и здоровье жителей области, а значит и оценки системы областного здравоохранения. О том, что эти задачи рассматриваются как важнейшие, говорит тот факт, что в их реализацию включены особая телепрограмма «Скажите, доктор» и рубрика «Здоровье» сетевого издания «53 новости», что делает их важной частью субдискурса популяризации медицинских знаний. Как показал анализ, он связан с научным медицинским дискурсом, дискурсом повседневности, в рамках которого тема здоровья занимает большое место, и медиадискурсом, который предлагает форматы и жанры для реализации стоящих перед субдискурсом задач в рамках регионального медиаполя с его возможностями.

Разумеется, субдискурс рассмотренными программой, рубрикой и инофактурными презентациями некоторых их текстов не исчерпывается, он представлен в новгородских изданиях – областной газете «Новгородские ведомости» и городской интернет-газете «Новгород». Но проанализированные каналы отличаются наиболее массовой аудиторией, они, безусловно, задают тон в субдискурсе, привлекая большое количество специалистов-медиков.

Естественно, возникающий вопрос о представлении рассмотренного дискурса в медиаполе других регионов требует специального изучения и сопоставления, что в результате позволит сделать заключения об общих тенденциях цифровой популяризации медицинских знаний в регионах и специфике новгородского медиаполя в этом отношении.

Литература и источники

- Загидуллина, М. В. (2020). О границах фатического в коммуникации (медиаэстетический аспект). *Медиасреда*, 2, 171–185.
- Иссерс, О. С. (2012). *Люди говорят...: дискурсивные практики нашего времени*. Омск: Изд-во Омского университета.
- Корнилова, Н. А. (2015). Текстоброющая роль фатических средств в медиаречи. *Медиалингвистика*, 1(6), 101–108.
- Линник, Л. А. (2020). Медицинский дискурс в отечественном и зарубежном языкознании. *Доклады Башкирского университета*, 5(3), 194–199.
- Майборода, С. В. (2017.) Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования. *Коммуникативные исследования*, 1(11), 63–74. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2017.1.75-90>
- Радбиль, Т. Б. (2024). Языковое воплощение концепта ЗДОРОВЬЕ в современных отечественных дискурсивных практиках (на материале газетных корпусов). *Научный диалог*, 13(7), 128–153. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-128-153>
- Стексова, Т. И., & Шмелева, Т. В. (2022). *Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Шмелева, Т. В. (Ред.). (2015). *Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований: коллективная монография*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.
- Шмелева, Т. В. (2024). Лингвистическое исследование сферы 'здоровье/болезни': методологические основания. *Ученые записки НовГУ*, 4(55), 590–598. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.4\(55\).590-598](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.4(55).590-598)

Шмелева, Т. В. (2024а). Фактура медиатекста как его ключевой параметр. *Неофилология*, 10(4), 967–976. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-967-976>

Шмелева, Т. В. (2025). Медиатексты о здоровье/болезнях в региональном медиаполе. *Мир русского слова*, 1. В печати.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 01.02.2025
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Шмелева Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.
ORCID: 0000-0002-3360-0518; e-mail: szmiel@mail.ru

MEDICAL DISCOURSE OF REGIONAL MEDIA FIELD: POPULARIZATION OF KNOWLEDGE ABOUT HEALTH

Tatyana V. Shmeleva

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Abstract. The paper, based on the idea of a polydiscursive organization of the regional media field, examines one of the discourses of the Novgorod media field — medical, or more precisely, the subdiscourse of medical knowledge popularization, implemented in the television program “Skazhite, Doctor” (“Tell Me, Doctor”) and the “Zdorov'ye” (“Health”) section of the online publication “53 Novosti” (“53 Items of News”). The media texts that make up the subdiscourse are analyzed in three aspects, including texture, content, discursive practices. It is shown that the polytextual nature of the texts — from television texts to video texts in social networks and graphic ones in publication sections — ensures a mass audience for their perception; the content includes information on health and diseases, including children's, especially highlighting seasonal diseases; discursive practices are diverse, demonstrating the connection between the subdiscourse under study, science, everyday life and media discourse. The obtained results can be used in comparative regional media studies, as well as in discourse studies of the media sphere at the regional and federal scale.

Keywords: media studies, discourse, medicine, knowledge popularization, regional media field, media text texture, content, discursive practices

Acknowledgments: the research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Novgorod Region, project No. 24-28-20290, <https://rscf.ru/project/24-28-20290>.

For citation: Shmeleva, T. V. (2025). Medical discourse of regional media field: popularization of knowledge about health. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 225–235. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).225-235](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).225-235)

References

- Issers, O. S. (2012). *People talk...: discursive practices of our time*. Omsk: Omsk University Press. (In Russian).
- Kornilova, N. A. (2015). Phatic speech as a text-creating factor at mass media. *Media Linguistics*, 1(6), 101–108. (In Russian).
- Linnik, L. A. (2020). Medical discourse in Russian and foreign linguistics. *Doklady Bashkirskogo Universiteta*, 5(3), 194–199. (In Russian).
- Maiboroda, S. V. (2017). Medical discourse: modern theoretical and methodological approaches and research perspectives. *Communication Studies*, 1(11), 63–74. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2017.1.75-90> (In Russian).
- Radbil, T. B. (2024). Linguistic Manifestation of concept of health in contemporary domestic discursive practices (newspaper corpora). *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 13(7), 128–153. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-128-153> (In Russian).

- Shmeleva, T. V. (Ed.). (2015). *Novgorod media field: experiences in linguistic research: collective monograph*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (2024). Linguistic research in the sphere of 'health/illness': methodological foundations *Memoirs of NovSU*, 4(55), 590–598. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.4\(55\).590-598](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.4(55).590-598) (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (2024a). The texture of a media text as its key parameter. *Neophilology*, 10(4), 967–976. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-967-976> (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (2025). Media texts about health/illness in the regional media field. *The World of Russian Word Journal*, 1. In press. (In Russian).
- Steksova, T. I., & Shmeleva, T. V. (2022). *Russian explanatory sentence in discursive space*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russian).
- Zagidullina, M. V. (2020). On the boundaries of the phatic in communication (media aesthetic aspect). *Mediasreda*, 2, 171–185. (In Russian).

First Published
Received 01.02.2025
Accepted 15.03.2025

About the author

Shmeleva Tatyana Viktorovna – Dr. Sci. in Philology, Professor, Professor of the Journalism Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
ORCID: 0000-0002-3360-0518; e-mail: szmiel@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ В ИНТЕРНЕТЕ

А. В. Муха

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В соответствии с требованиями времени современная журналистика и средства массовой информации находятся в процессе трансформации. Этот процесс является естественным для СМИ, которые оказались в состоянии постоянного развития. В первую очередь трансформация коснулась печатных изданий, так как новые средства информации и коммуникации являются огромным потенциалом для их развития. Не остались в стороне от данного процесса и литературные журналы, которые, наряду с другими видами изданий, стали размещать свой контент в Интернете. В статье проводится анализ функционирования 26 региональных литературных журналов, которые представлены на порталах «Журнальный зал» и «Журнальный мир». Была рассмотрена частота обновления контента журналов на литературных порталах, наличие отдельного сайта и обратной связи на нем, а также представление контента журналов в социальных сетях и мессенджерах. Установлено, что 16 журналов регулярно обновляют контент на порталах в соответствии со своей периодичностью, при этом 18 изданий имеют отдельный сайт. Однако, несмотря на наличие сайта, только семь журналов представляют возможность обратной связи. Также была проанализирована работа региональных литературных журналов в социальных сетях и мессенджерах. 14 из 26 изданий имеют сообщества в социальных сетях и мессенджерах, а некоторые ведут свои каналы на видеохостинге YouTube и записывают подкасты. Но, несмотря на это, у журналов возникают трудности с работой в Интернете, связанные с отсутствием обратной связи и управлением контентом.

Ключевые слова: литературный журнал, социальная сеть, мессенджер, аудитория, сайт.

Для цитирования: Муха, А. В. (2025). Особенности современных литературных журналов в интернете. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 236–246. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).236-246](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).236-246)

В современном мире журнальная периодика является важным источником, способным удовлетворить информационные потребности сформировавшихся читательских групп и общества в целом. Но, несмотря на это, интерес к чтению печатного слова постепенно снижается из-за высокой стоимости подписки и розничной продажи журналов. В подобной ситуации оказались и современные региональные литературные журналы, которые вынуждены сокращать тиражи. Так, литературно-художественный журнал «Дон» сократил тираж с 107 тыс. экземпляров в 1988 году до 500 в 2024 году, тираж литературно-художественного и публицистического журнала «Урал» в 1958 году составлял 15 тыс. экземпляров, в 2021 – 1500 и т. д. Выход очевиден – развивать и сетевую версию издания.

В 2022 году ВЦИОМ провел опрос, который показал, что люди все чаще читают любые доступные тексты в Интернете¹. В связи со сложившейся ситуацией все большую роль в обществе играют электронные журналы, в том числе и литературные.

В эпоху цифровых технологий формат потребления литературы претерпевает значительные изменения. Появление электронных литературных журналов стало закономерным ответом на запрос общества о доступности и удобстве чтения как

¹ Что читают Россияне? *Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)*. 18.09.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-chitayut-rossiyane> (дата обращения: 15.03.2025).

современной, так и классической литературы. «Формат электронного литературного журнала появился в ответ на запрос общества в чтении современной и классической литературы. Литературные журналы в Интернете также способствуют знакомству с творчеством молодых авторов, для которых Интернет является доступной средой для публикации своих произведений» [Демина, 2023, с. 27].

Отечественных ученых всегда интересовал вопрос развития литературных журналов. В частности, изучению феномена литературного журнала посвящены работы Б. И. Есина [Есин, 2003], В. А. Капустиной [Капустина, 2007], Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова [Снигирева, Подчиненов, 1999], С. Л. Страшнова [Страшнов, 2020], О. Г. Шильниковой и Г. С. Белолипской [Шильникова, Белолипская, 2019]. Функционирование литературно-художественных журналов на современном этапе развития описывали Ю. А. Головин [Головин, 2014], Е. Н. Клеменова [Клеменова и др., 2022], Е. В. Тесля [Тесля, 2022] и другие.

В частности, А. С. Метельков рассматривает новые форматы существования литературно-художественных журналов, которые стали доступны с развитием современных информационных технологий [Метельков, 2019]. Он также систематизирует всю имеющуюся информацию о них и выделяет три этапа развития этих изданий: «становление» (1995–1999), «оформление» (1999–2006) и «индивидуализация» (с 2006).

Согласно периодизации А. С. Метелькова, современные литературные журналы находятся на этапе «индивидуализации», когда прежние консервативные методы передачи информации утрачивают свою актуальность. Если раньше сетевые издания дожидались своего читателя, то сейчас им нужно постоянно присутствовать в лентах новостей аудитории. В связи с этим в 2010-е годы появляется большое количество журналов, которые отвечали запросам аудитории. В том числе и литературные: «Литература», «Прочтение», «Пампамбук» и др. [Метельков, 2019].

Проблемам работы отечественных СМИ в социальных сетях посвящены работы Д. А. Кушербаевой и С. Н. Машковой [Кушербаева, Машкова, 2021], К. Р. Нигматулиной [Нигматулина, 2021], А. Ю. Образцовой и Ф. А. Сердотецкого [Образцова, Сердотецкий, 2022], Е. Д. Першиной [Першина, 2022] и других.

Так, К. Р. Нигматулина отмечала, что современные газеты и журналы освещают официальную повестку дня. В этой связи основными функциями социальных сетей становится трансляция альтернативной политической или социальной повестки, роль досуговых медиа и главной рекламной площадкой локального пространства [Нигматулина, 2021, с. 31].

Д. А. Кушербаева и С. Н. Машкова утверждали, что социальные сети стали ключевым фактором вовлечения и лояльности аудитории [Кушербаева, Машкова, 2021, с. 75].

Рассматривая взаимодействие аудитории с контентом российских СМИ в социальных сетях, Е. Д. Першина замечала, что подписчики в социальных сетях больше «лайкают» и комментируют публикации с элементами мультимедиа [Першина, 2022, с. 83]. Причем больше реакций приходится на посты с видеоконтентом, а использование эмодзи и эмодиконов влияет только на количество лайков.

Анализируя работу литературно-художественных журналов в Интернете, А. С. Метельков не оставляет без внимания их функционирование в социальных сетях. Он отмечает, что современные литературные порталы приобретают большую узкую направленность, встраиваясь в глобальную коммуникационную среду, которая поддерживается распространением социальных сетей.

Однако большинство упомянутых исследователей рассматривают или отдельные литературные журналы, или их историю в целом, или деятельность центральных журналов. В связи с чем нам представляется необходимым более подробно проанализировать ситуацию в сегменте литературных региональных журналов в Интернете. Актуальным для исследователей в области журналистики становится вопрос о том, какую роль играет Интернет в развитии литературных региональных журналов в России.

Объектом исследования в данной работе выступают современные региональные литературные журналы, а предметом – особенности функционирования данных изданий в Интернете.

Цель научной статьи состоит в выявлении специфики деятельности литературных региональных журналов в Интернете. В связи с данной целью были определены задачи настоящего исследования: охарактеризовать тенденции развития региональных литературных журналов, что позволит понять и оценить контекст развития данного вида СМИ в современной отечественной журналистской практике; выделить особенности функционирования современных региональных литературных журналов в Интернете.

Материалом исследования послужил контент 26 региональных литературных журналов на порталах «Журнальный зал» и «Журнальный мир», а также 18 сайтов и 14 сообществ литературных изданий в социальной сети «ВКонтакте» и девять каналов в мессенджере Telegram. Рассмотрено также семь выпусков литературного подкаста «В русском жанре» на сайте журнала «Сибирские огни».

При помощи сплошной выборки материалов на литературных порталах с применением метода анализа контента и сравнительного метода были систематизированы данные о всех региональных журналах, представленных на порталах «Журнальный зал» и «Журнальный мир».

В выборку попали издания: «Алтай» (Барнаул), «Арт» (Сыктывкар), «Бельские просторы» (Уфа), «Бийский вестник» (Бийск), «Берега» (Калининград), «Великороссъ» (Лобня), «Вертикаль. XXI век» (Нижний Новгород), «Вещь» (Пермь), «Волга» (Саратов), «Гостиный дворъ» (Оренбург), «Дальний Восток» (Хабаровск), «День и ночь» (Красноярск), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Культура Алтайского края» (Барнаул), «Нижний Новгород» (Нижний Новгород), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Перископ» (Волгоград), «Подъем» (Воронеж), «Просодия» (Ростов-на-Дону), «Родная Кубань» (Краснодар), «Российский колокол» (Севастополь), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сибирский Парнас» (Новосибирск), «Север» (Петрозаводск), «Традиции и Авангард» (Екатеринбург), «Урал» (Екатеринбург) и «Фантастическая среда» (Барнаул).

В ходе анализа работы литературных журналов в Интернете были использованы такие методы исследования, как описание, систематизация, сравнение, а также исторический анализ, которые помогли детально изучить объект и предмет

представленной научной статьи. На первом этапе исследования были систематизированы имеющиеся исследования, посвященные развитию современных литературных журналов. Далее была описана специфика работы литературных журналов в Интернете.

Первым этапом анализа эмпирической базы стало размещение их на специальных порталах. Литературные порталы «Журнальный зал» и «Журнальный мир» отражают общую информацию об отдельном литературном журнале, дают доступ к архивным номерам, представляют контактную информацию редакции. Также порталы помогают читателю, не тратя дополнительное время, одновременно работать с контентом нескольких изданий.

«Журнальный мир» – это проект литературно-художественного и публицистического журнала «Сибирские огни», который является площадкой для размещения литературных альманахов, журналов и газет. Там представлен архив изданий, которые выходят в печатном варианте на русском языке по всему миру².

Важно подчеркнуть, что на едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов «Журнальный мир» есть краткий обзор содержания номеров или полные номера 26 региональных литературных журналов, основные сведения о редакции и дайджесты. Было определено, что 14 из 26 литературных изданий (54 %) обновляют контент регулярно в соответствии со своей периодичностью («День и ночь», «Дон», «Нижний Новгород», «Алтай» и др.); 7 журналов (27 %) не обновляли контент в течение двух-трех лет («Перископ», «Огни Кузбасса», «Гостиный двор» и др.); 8 журналов (31 %) – не размещали на портале о себе информацию от пяти до восьми лет («Родная Кубань», «Вещь», «Дальний Восток» и др.). Также на портале представлена информация о региональных литературных изданиях, которые перестали выпускаться, например, «Новосибирск», «Азъ-Арт», «Союз писателей».

Еще один портал, на котором есть доступ к материалам литературных журналов, – «Журнальный зал». Он является уникальным проектом, отслеживающим литературный процесс в реальном времени [Тесля, 2009, с. 111]. На сайте проекта «Журнальный зал» присутствует информация только о трех региональных литературных журналах – «Волга», «Урал» и «Просодия»³. Номера «Урала» и «Волги» на портале выкладываются регулярно, «Просодии» – с опозданием, так, за 2024 год еще не было размещено ни одного выпуска. Некоторые журналы перемещены в раздел «Архив» из-за того, что больше не выпускаются, среди них «Волга – XXI век», «Уральская новь» и «Новый ЛИК».

Следующим этапом исследования стало определение того, есть ли у рассматриваемых 26 журналов отдельный сайт, так как наличие официального сайта имеет важное значение для успешного функционирования изданий. Во-первых, сайт способствует расширению аудитории, привлекая новых читателей из разных регионов и стран, так как он доступен без ограничений во времени и географии.

² «Журнальный мир» – новый проект «Сибирских огней». Сибирские огни. 21.12.2016. URL: <https://сибирскиеогни.рф/news/zhurnalnyy-mir-novyy-proekt-sibirskih-ogney#:~:text=> (дата обращения: 15.01.2025).

³ О проекте «Журнальный зал». URL: <https://magazines.gorky.media/page/about-us> (дата обращения: 15.01.2025).

Во-вторых, официальный сайт производит на аудиторию впечатление надежности и профессионализма, что повышает уровень доверия читателей. В-третьих, любой сайт является эффективным инструментом продвижения бренда издания. В-четвертых, на сайте можно размещать рекламу на товары и услуги, что может увеличить доход редакции. И, наконец, в-пятых, при помощи сайта можно собирать информацию о поведении пользователей, с помощью которой возможна оптимизация контента под запросы аудитории.

Так, официальные сайты есть у 18 изданий (69 %), среди них: «Волга», «Просодия», «Урал», «Нижний Новгород», «Огни Кузбасса», «Арт», «Бельские просторы», «Подъем», «Великороссь», «Родная Кубань», «Дальний Восток», «День и ночь», «Российский колокол», «Север», «Сибирские огни», «Традиции и Авангард».

Отдельное внимание хочется уделить журналу «Урал». На сайте этого издания присутствует архив издания с 1958 года в формате pdf, анонсы новых номеров, контактная информация, материалы специальных проектов, правила публикации и т. п.⁴. Также сайт отличает удобная навигация с возможностью осуществления поиска по материалам «Урала». Сайт журнала «Урал» представляет собой полноценный цифровой ресурс, поддерживающий печатное издание и предоставляющий дополнительные возможности для взаимодействия с аудиторией. Он сочетает информативность, функциональность и удобство использования, что делает его эффективным инструментом для продвижения журнала в цифровом пространстве.

У журналов «Перископ», «Берега», «Вертикаль. XXI век», «Вещь» нет отдельных сайтов, однако есть разделы на сайтах местных Союзов писателей, издательств и Домов литераторов. Например, сайт журнала «Берега» представляет собой портфолио творческих работ Лилии Довыденко, которая является публицистом, поэтом, литературным критиком и главным редактором журнала. Несмотря на это, на сайте есть раздел, посвященный журналу «Берега», в котором размещен архив издания с 2013 года⁵. Данный ресурс представляет собой медиаплатформу, направленную на популяризацию литературы и развитие литературного творчества. Он сочетает в себе функции информационного портала и площадки для публикации творческих работ, что делает его важным инструментом для взаимодействия авторов и читателей в цифровом пространстве. Однако на сайте отсутствует возможность обратной связи.

Отсутствует официальный сайт у журналов «Огни над Бией», «Бийский вестник», «Гостиный дворъ», «Дон», «Сибирский Парнас» и «Фантастическая среда». Информация об этих изданиях представлена на портале «Журнальный мир».

Итак, у большей части исследуемых литературных изданий имеется собственный сайт, но чаще всего сайты неудачны по дизайну и имеют плохую навигацию.

Третий этап исследования связан с анализом степени разработанности обратной связи с аудиторией журнала. Ведь обратная связь позволяет журналистам получать информацию от читателей, узнавать их мнение о публикациях и на основе этих знаний улучшать качество контента. Обратная связь может выражаться через комментарии к

⁴ О журнале «Урал». URL: <http://uraljournal.ru/about> (дата обращения: 15.01.2025).

⁵ Журнал «Берега». URL: <https://www.dovydenko.ru/> (дата обращения: 15.01.2025).

публикациям, опросы, голосования, отзывы и др. Кроме того, обратная связь на сайте может помочь улучшить работу самого сайта. Например, читатели могут жаловаться на сложность навигации или проблемы с загрузкой страниц, что может стать сигналом для разработчиков сайта о необходимости корректировки его работы. Таким образом, обратная связь на сайте является важным инструментом для улучшения качества работы любого СМИ, и литературного журнала, в том числе, а также для удовлетворения информационных потребностей аудитории.

В связи с этим мы обратились к официальным сайтам 18 литературных журналов, которые были перечислены выше. Проанализировав их, мы определили, что 7 из 18 изданий (39 %) предоставляют обратную связь на сайте («Нижний Новгород», «Великороссь», «Подъем» и др.). Однако, несмотря на отсутствие комментирования материалов, семь журналов (39 %) дают возможность аудитории поделиться материалом в социальных сетях или мессенджерах («Урал», «Арт», «Бельские просторы» и др.).

Также хочется отметить, что журнал «Сибирские огни» на своем сайте ведет литературный подкаст «В русском жанре», где проходят дискуссии о русской литературе с акцентом на русский язык. Ведущим подкаста выступает литературовед и критик Михаил Хлебников, а также Михаил Косарев. В седьмом выпуске Михаила Косарева заменил Александр Фокин. Подкаст «Русский жанр» представляет собой качественный образовательный продукт, сочетающий информативность и развлекательный характер. Он успешно реализует свои функции благодаря грамотной структуре, профессиональному звуковому оформлению и актуальному контенту. Особое внимание уделяется взаимодействию с аудиторией и поддержанию интереса слушателей через различные форматы подачи материала. На сайте журнала представлено семь выпусков⁶.

Четвертым этапом исследования стало изучение контента литературных журналов в социальных сетях. Социальные сети открыли новые возможности для медиаиндустрии. Так, с 2010-х годов социальные сети входят в перечень основных источников трафика сайтов СМИ и основных источников информации для аудитории⁷. Также по данным сервиса Mediascope, социальными сетями ежедневно пользуются 30,9 млн русскоязычных пользователей, в среднем уделяя на просмотр контента 22 % времени [Васильев, 2021, с. 33]. Такая популярность сайтов для общения позволяет найти СМИ новых потребителей инфопродукта.

В связи с этим мы поставили перед собой цель рассмотреть представленность региональных литературных журналов в социальных сетях и мессенджерах. Из 26 региональных литературных журналов 14 (53 %) имеют сообщества в социальных сетях или каналы в Telegram («Арт», «Бельские просторы», «Подъем», «Родная Кубань», «Дальний Восток», «Российский колокол» и др.). Например, канал журнала «Родная Кубань» в Telegram имеет 323 подписчика и публикует материалы из журнала, стихи и прозу кубанских авторов, а также новости литературной и культурной жизни

⁶ Литературный подкаст «В русском жанре». URL: <https://www.sibogni.ru/content/literaturnyy-podkast-v-russkom-zhanre> (дата обращения: 15.01.2025).

⁷ Deloitte. Медиапотребление в России 2020. URL: <https://oohmag.ru/wp-content/uploads/2020/11/mediapotreblenie-v-rossii-2020.pdf> (дата обращения 15.01.2025).

Краснодарского края⁸. Он предназначен для распространения оригинальных работ (аналитических материалов, поэтических и прозаических произведений и др.), популяризации талантливых трудов опытных авторов и начинающих журналистов, прозаиков, поэтов и критиков, а также для культурного просвещения читателей.

Сообщество журнала «Сибирские огни» в социальной сети «ВКонтакте», которое было создано в 2015 году, является одним из основных каналов коммуникации с аудиторией. На март 2025 года в нем насчитывается 8390 подписчиков⁹. Как правило, половина из них – неактивные пользователи. Если рассматривать реальные показатели вовлеченности на примере видеоконтента, то можно сделать вывод, что журнал читают / смотрят 500–600 человек. Ежедневно в сообществе публикуются новости из мира литературы и Новосибирска, анонсы и результаты литературных премий и конкурсов, материалы из печатной версии журнала, статьи о современном литературном процессе, анонсы новых номеров. Можно утверждать, что журнал «Сибирские огни» успешно использует социальную сеть «ВКонтакте» как инструмент для привлечения новой аудитории, поддержки молодых авторов, продвижения традиционных ценностей литературы и создания сообщества любителей качественной литературы и публицистики. Работа редакции журнала в социальной сети характеризуется системным подходом, разнообразием форматов и активным взаимодействием с аудиторией, что позволяет эффективно решать задачи по популяризации литературы и поддержке творческого сообщества.

Такие журналы, как «Берега», «Урал» и «Подъем», имеют свой канал на YouTube. Канал журнала «Подъем» на YouTube был создан в 2021 году. На нем публикуются интервью с писателями, авторами из России и других стран, а также материалы, посвященные современной литературе. Несмотря на то, что на канале «Подъем» 123 подписчика и 111 видео, публикации набирают немного просмотров. Есть видео, которые набрали всего один просмотр.

Анализ литературных журналов в социальных сетях показал, что в социальных сетях часто публикуется тот же контент, что и на полосе издания. Мало какие журналы используют интерактивные опросы, подкасты, интернет-радио, что могло бы помочь в привлечении читательской аудитории и подписчиков. Такие примеры есть, но их крайне мало.

Одной из заметных проблем является настолько низкое качество иллюстраций в социальных сетях, что снимки теряются в ленте социальных сетей избалованной аудитории. Очевидно, необходимо вложение дополнительных средств в создание качественного визуала для социальных сетей, иначе невозможно будет привлечь новую аудиторию.

Также контент литературных журналов в социальных сетях не всегда адаптирован под визуальные законы SMM (единый стиль, фирменный логотип, цветовая гамма и читабельные заголовки).

Таким образом, в своей работе с социальными сетями литературные журналы сталкиваются с определенными проблемами, которые ухудшают их конкурентное положение на рынке. Эти проблемы связаны с недостаточностью финансирования,

⁸ Родная Кубань. *Telegram*. URL: <https://web.telegram.org/k/#@rkuban> (дата обращения: 02.02.2025).

⁹ Журнал «Сибирские огни». *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/sibogni> (дата обращения: 06.01.2025).

низким качеством визуального контента, недостатком квалифицированных кадров, незнанием целевой аудитории, неумением работать с интернетом, в том числе с алгоритмами социальных сетей.

В данной статье было проанализировано функционирование современных региональных литературных журналов в Интернете. Были рассмотрены такие критерии, как присутствие издания на литературных порталах «Журнальный зал» или «Журнальный мир», наличие официального сайта и обратной связи на нем, а также регистрация журналов в социальных сетях или мессенджерах. По итогам данного исследования были получены результаты, которые отображены на Рисунке 1.

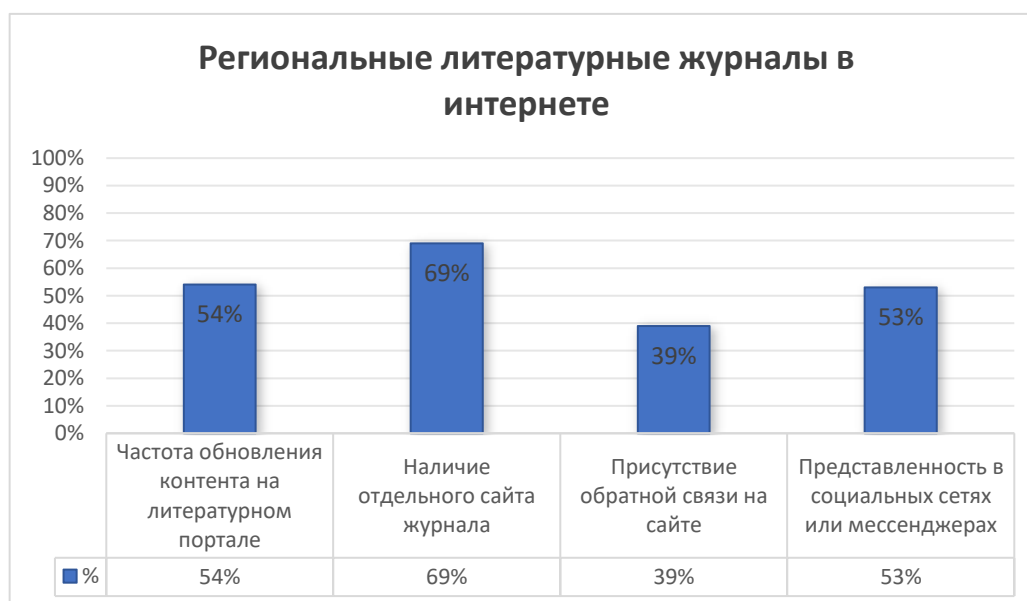

Рис. 1. Основные критерии функционирования региональных литературных журналов в Интернете

Данные, отраженные на Рисунке 1, свидетельствуют о том, что все рассматриваемые в данной работе литературные журналы представлены в Интернете. Однако одни издания функционируют в Интернете успешно, предоставляя аудитории доступ к своему контенту, обратную связь, а другие обновляют информацию на порталах «Журнальный зал» и «Журнальный мир» нерегулярно, не создают свои сайты, не ведут сообщества в социальных сетях и не предоставляют никакой обратной связи. К числу таких изданий можно отнести журнал «Сибирь», «Аргамак. Татарстан», «Вещь» и др.

Проанализировав функционирование региональных литературных журналов в Интернете, можно выявить и общие проблемы в их работе:

1) отсутствие обратной связи: современные литературные журналы не всегда предоставляют такую возможность, что затрудняет оценку качества контента и установления коммуникации с читателями и авторами;

2) управление контентом: редакциям журналов необходимо следить за сроками публикаций и регулярно обновлять контент на собственном сайте или литературном портале в соответствии с периодичностью издания, а также научиться использовать основные законы SMM, способствующие вовлеченности и лояльности аудитории.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что Интернет играет важную роль в распространении контента СМИ и узнаваемости бренда. Для современной аудитории это наиболее удобная форма журналов. Для продвижения литературных журналов 40 % размещают информацию о себе на литературных порталах и регистрируют собственные сайты и сообщества в социальных сетях.

В перспективе будет проведен не только количественный, но и качественный анализ функционирования каждого из 26 литературных региональных журналов в Интернете по следующим критериям: условия доступа, периодичность обновления контента на сайте, основные рубрики и жанр материалов на сайте, наличие поисковых систем, хронологические рамки архива, обратная связь с пользователями, дизайн сайта и удобство навигации на нем. В том числе будут проанализированы способы продвижения данных изданий в социальных сетях и мессенджерах. А также будут описаны и другие региональные литературные журналы, информация о которых представлена не только на сайтах «Журнальный мир» и «Журнальный зал», но и на таких порталах, как «Литафиша.ру» и «Русское поле».

Литература и источники

- Васильев, Н. А. (2021). Новый социальный мир: описание основных социальных сетей. *Гуманитарий Юга России*, 11(5), 31–53. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.5.2>
- Головин, Ю. А. (2014). Региональный литературно-художественный журнал в российской медиасистеме. *Вопросы теории и практики журналистики*, 4, 98–114.
- Демина, Л. И. (2023). «Журнальный зал» как инструмент продвижения «толстых» литературных журналов. *Творчество В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 29 сентября 2023 года* (с. 26–28). Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Есин, Б. И. (2003). История русской журналистики XIX века: учебник. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, Изд-во Московского государственного университета.
- Капустина, В. А. (2007). «Толстые» журналы: прошлое, настоящее и будущее. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*, 13(3), 105–107.
- Клеменова, Е. Н., Муха, А. В., & Федосеева, Н. И. (2022). Жанровая специфика публикаций урбанистического характера в «толстом» журнале. *Казанская наука*, 6, 36–38.
- Кушербаева, Д. А., & Машкова, С. Н. (2021). Особенности продвижения казахстанских СМИ в социальных сетях. *Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия. Журналистика*, 136(3), 75–83. <https://doi.org/10.32523/2616-7174-2021-136-3-75-83>
- Лейнвебер, Е. С., & Удлер, И. М. (2020). Функции портала «Журнальный зал» в литературном Интернете. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 2(36), 111–116.
- Метельков, А. С. (2019). Литературно-художественные журналы: комплексный взгляд на природу явления. *Текст. Книга. Книгоиздание*, 21, 129–142.
- Нигматуллина, К. Р. (2021). Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 1, 30–50. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051>
- Образцова, А. Ю., & Сердотецкий, Ф. А. (2022). Механизмы продвижения и монетизации российских и зарубежных СМИ в социальных сетях. *Меди@льманах*, 3, 75–84. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2022.7584>
- Першина, Е. Д. (2022). Взаимодействие аудитории с контентом СМИ в социальных сетях: опыт российских массмедиа. *Меди@льманах*, 1, 77–87. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.1.2022.7787>

- Снигирева, Т. А., & Подчиненов, А. В. (1999). «Толстый» журнал в России как текст и сверттекст. *Известия Уральского государственного университета*, 13, 5–13.
- Страшнов, С. Л. (2020). *Система СМИ: просветительство и журналистика*. Москва: Юрайт.
- Тесля, Е. В. (2009). Электронные литературно-художественные и филологические журналы: преимущества и перспективы. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства*, 3(19), 15–16.
- Тесля, Е. В. (2022). *Отраслевые информационные ресурсы*. 2-е изд., доп. Москва: Директ-Медиа.
- Шильникова, О. Г., & Белолипская, Г. С. (2019). Литературно-художественный журнал: социокультурная миссия и функции в литературно-художественной коммуникации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, 18(3), 262–275. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.22>

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 01.02.2025
Принята к публикации 25.03.2025

Об авторе

Муха Анжела Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия.
ORCID: 0000-0002-4477-4046; e-mail: angela95@gmail.com

FEATURES OF MODERN LITERARY MAGAZINES ON WEB

Angela V. Mukha

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. In accordance with the requirements of the times, modern journalism and the media are in the process of transformation. This process is natural for the media, which find themselves in a state of constant development. First of all, the transformation has affected print media, as new media and communications have a huge potential for their development. Literary magazines did not stay away from this process either, which, along with other types of publications, began to post their content on the Internet. The paper analyzes the functioning of 26 regional literary magazines, which are represented on the portals *Zhurnal'nyy zal* (Magazine Hall) and *Zhurnal'nyy mir* (Magazine World). The frequency of magazine content updates on the literary portals, the availability of a separate website and feedback on it, as well as the presentation of magazine content on social media and messengers have been considered. It has been found that 16 magazines regularly update the content on the portals in accordance with their schedule, while 18 magazines have their separate websites. However, despite the presence of a website, only seven magazines provide the opportunity for feedback. The work of regional literary magazines in social networks and instant messengers has also been analyzed. 14 out of 26 magazines have their pages in social media and instant messengers, some maintain their pages on YouTube and record podcasts. But, despite this, the magazines have difficulties working on the Internet due to the lack of feedback and content management.

Keywords: literary magazine, social network, messenger, audience, website.

For citation: Mukha, A. V. (2025). Features of modern literary magazines on web. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 236–246. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).236-246](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).236-246)

References

- Demina, L. I. (2023). “Magazine Hall” as a tool for promoting “thick” literary magazines. *Creativity of V. I. Likhonosov and actual problems of the development of language, literature, journalism, and history: proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, September 29, 2023* (pp. 26–28). Krasnodar: Kuban State University Publ. (In Russian).
- Esin, B. I. (2003). *The history of Russian journalism of the XIX century*. Moscow: Aspect Press, Publishing House of Moscow State University. (In Russian).

- Golovin, Yu. A. (2014). Regional literary and artistic log in Russian mediasystem. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 4, 98–114. (In Russian).
- Kapustina, V. A. (2007). «Thick» magazines: past, present and future. *Vestnik of Kostroma State University*, 13(3), 105–107. (In Russian).
- Klemenova, E. N., Mukha, A. V., & Fedoseeva, N. I. (2022). Genre specifics of publications of an urban nature in a literary and artistic magazine. *Kazan Science*, 6, 36–38. (In Russian).
- Kusherbayeva, D. A., & Mashkova, S. N. (2021). SMM: peculiarities of Kazakhstan's media promotion in social networks. *Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Journalism Series*, 136(3), 75–83. <https://doi.org/10.32523/2616-7174-2021-136-3-75-83> (In Russian).
- Laneweber, E. S., & Udler, I. M. (2020). Functions of the portal “Journal Hall” on literary internet. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2(36), 111–115. (In Russian).
- Metelkov, A. S. (2019). Literary and art magazines: a holistic view on the nature of the phenomenon. *Text. Book. Publishing*, 21, 129–142. (In Russian).
- Nigmatullina, K. R. (2021). The role of social networks in the development of regional journalism in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 1, 30–50. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051> (In Russian).
- Obraztsova, A. Yu., & Serdotetski, F. A. (2022). Mechanisms for promoting and monetizing Russian and foreign media accounts on social networks. *Medi@almanah*, 3, 75–84. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2022.7584> (In Russian).
- Pershina, E. D. (2022). Audience interaction with mass media content on social networks: experience of Russian mass media. *Medi@almanah*, 1, 77–87. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.1.2022.7787> (In Russian).
- Shilnikova, O. G., & Belolipskaya, G. S. (2019). Literary and artistic journal: socio-cultural mission and functions in literary and artistic communication. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 18(3), 262–275. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.22> (In Russian).
- Snigireva, T. A., & Podchinenov, A. V. (1999). «Thick» magazine in Russia as a text and a supertext. *Izvestia of the Ural State University*, 13, 5–13. (In Russian).
- Strashnov, S. L. (2020). *The media system: enlightenment and journalism*. Moscow: Urite Publ. (In Russian).
- Teslya, E. V. (2009). Literary fiction and philological electronic editions: advantages and prospects. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 3(19), 15–16. (In Russian).
- Teslya, E. V. (2022). *Industry information resources*. Moscow: Direct-Media Publ. (In Russian).
- Vasiliev, N. A. (2021). New social world: description of the main social networks. *Humanities of the South of Russia*, 11(5), 31–53. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.5.2> (In Russian).

First Published
Received 01.02.2025
Accepted 25.03.2025

About the author

Mukha Angela Viktorovna – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.
ORCID: 0000-0002-4477-4046; e-mail: angelaaaaa95@gmail.com

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РОССИИ» В ПЕТЕРБУРГСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Д. Ю. Асташкин

*Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия*

С. А. Козлов

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия

Аннотация. Исследование посвящено анализу освещения открытия памятника «Тысячелетие России» (1862 г.) в российской прессе 1860-х гг. На материале столичных («Санкт-Петербургские ведомости») и новгородских («Новгородские губернские ведомости») изданий раскрывается роль медиа в формировании официального нарратива о единстве народа и власти, а также отражения скрытых общественных настроений. Ключевой аспект – политическая инструментализация памятника как символа легитимации монархии. Одни издания, подчеркивая «всемирный» характер торжеств, создавали мифы, тогда как другие издания показывали (вольно или невольно) их искусственность. Анализ выявляет различия между столичной и провинциальной журналистикой. Петербургские издания вовлекались в эстетические дискуссии (полемика Стасова и Микешина о проекте памятника) и реагировали на иностранные мнения. Новгородская пресса фокусировалась на локальном патриотизме, сочетая шаблонную хронику с нечастыми критическими замечаниями. Редактор И. М. Вишневский, выступая как «летописец», акцентировал историческую роль Новгорода, но избегал острых тем, что привело к перепечатке столичных материалов вместо оригинального репортажа об открытии памятника. Исследование подчеркивает ограниченность влияния прессы из-за малограмотности населения (5 млн читателей), а также роль цензуры в формировании двойственного медиадискурса. Несмотря на контроль, петербургские журналисты использовали иронию, аллюзии и косвенные отсылки, создавая пространство для дискуссий о национальной идентичности. Статья актуальна для понимания роли СМИ в транзитивные исторические периоды, где официальная пропаганда пересекается с общественной рефлексией.

Ключевые слова: памятник «Тысячелетие России», Александр II, пресса, национальная идентичность, цензура, Новгород.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Правительства Новгородской области, проект № 24-18-20074 «Новгородская журналистика (1838–1900): становление, развитие, традиции и новации», <https://rscf.ru/project/24-18-20074/>.

Для цитирования: Асташкин, Д. Ю., & Козлов, С. А. (2025). Открытие памятника «Тысячелетие России» в петербургской и новгородской журналистике. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 247–257. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).247-257](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).247-257)

Открытие памятника «Тысячелетие России» в Новгороде 8 сентября 1862 года стало ключевым событием эпохи великих реформ Александра II. Памятник был приурочен к 1000-летию призвания варягов, которое трактовалось как начало русской государственности. В условиях отмены крепостного права (1861 год) и роста национального самосознания власти стремились укрепить легитимность монархии. Российская журналистика 1860-х гг., вопреки цензуре, постепенно становилась площадкой для дискуссий о национальной идентичности. Российская пресса, находившаяся под влиянием государственной цензуры, активно освещала открытие памятника «Тысячелетие России», отражая как официальную точку зрения, так и намеки на скрытые общественные настроения. Петербургская журналистика

доминировала над новгородской в силу масштабов, но и в новгородской печати можно найти уникальные материалы об открытии Памятника «Тысячелетие России», поэтому важно их сравнивать.

Первую попытку систематизировать журналистские материалы (петербургские, новгородские и др.) об открытии памятника Тысячелетие России предпринял еще В. И. Межов в 1866 году [Межов, 1866, с. 60–63]. С тех пор они использовались как источник фактов для исторических исследований, но сами статьи редко рассматривались с журналистской точки зрения. На этом фоне мы выделим три ключевых исследования XXI века по теме. 1) Ольга Майорова написала статью, в которой анализировала сакрализацию открытия памятника «Тысячелетие России» [Майорова, 2000]. В исследовании она использовала петербургские и новгородские газеты; они помогли в «выявлении мифологических представлений, предопределивших поэтику праздника, сформировавших его ритуальное пространство и в конечном итоге призванных утвердить в массовом сознании образ нового царствования» [Майорова, 2000]. 2) А. И. Буслаев включил анализ газет в свою диссертацию «Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом» [Буслаев, 2010]. Он отмечает, что «всевозможные газетные и журнальные сообщения позволяют судить не только о реальном ходе подготовки к праздничным мероприятиям и их проведении, но и о том, как событийная канва рассматриваемых юбилейных торжеств представлялась в периодических изданиях – а следовательно, преподносилась для общественного восприятия» [Буслаев, 2010]. 3) Статья А. В. Кошелева «Торжество тысячелетия России и “памятник нации”», где он сравнивает сообщения о памятнике «Тысячелетие России» в изданиях разной политической направленности: «Либеральный корреспондент не принял праздника: торжество не пробудило ни в нем, ни в сердцах россиян гражданских чувств» [Кошелев, 2019, с. 9]. На основе методов указанных авторов мы попытаемся заполнить оставленные ими лакуны, сравнивая петербургскую (то есть национальную и столичную) с новгородской (региональной) прессой.

Для понимания реакции общества на газетные материалы (и наоборот) важно помнить о небольшом числе грамотных жителей Российской империи. Писатель Н. Г. Чернышевский в 1859 г. попытался оценить их численность: «По самым щедрым расчетам предполагается, что из 65 или 70 миллионов жителей Русской империи людей, умеющих читать, набирается до 5 миллионов» [Чернышевский, 1886, с. 745]. Этим грамотных цензор Ф. Ф. Веселаго, сотрудник Петербургского цензурного комитета, в 1862 году пытался определить тремя группами: «Первую составляют люди современно, серьезно образованные, по развитию своему стоящие в уровень с общим европейским развитием и владеющие знанием иностранных языков. Во второй находятся люди, имеющие некоторые, более или менее совершенные научные сведения, но о многих современных идеях рассуждающие со слов других и по отрывочному собственному чтению. Третья группа требует от чтения одного приятного и полезного препровождения времени; сюда относится менее развитый слой так называемых благородных классов, с малыми изъятиями купечество и все грамотное простонародье» [Рейтблат, 2009, с. 19]. Отметим, что почти все материалы об открытии

памятника «Тысячелетие России» создавали журналисты из первой и второй группы (по классификации Веселаго) для своих же групп. Попытки ориентироваться на наиболее многочисленную (по оценкам А. И. Рейтблата, это до 500 000 человек [Рейтблат, 2009, с. 20]) группу «грамотного простонародья» порой были искусственными. Так, петербургские и новгородские журналисты включили в свои произведения эпизод с мещанином Бархоткиным, который трижды бросался в ноги императору. «Санкт-Петербургские ведомости» упоминали только первый случай как пример верноподданства сословий: «Несмотря на цепь часовых, не допускавших народ тесниться к столам, каким-то образом прорвался один парень в синем кафтане и упал на колени перед Государем. Государь остановился. Парень упал ниц и поцеловал ноги Императору, потом также поцеловал ноги Государыне Императрице. <...> Это небольшое происшествие, однако, не нарушило порядка, а напротив, придало празднику особый оттенок: оно только подтвердило слова, сказанные Государем дворянству, что знаменательный день этот будет новым залогом неразрывной связи всех сословий земли русской с правительством...» [Эвальд, 1862]. Новгородский публицист Василий Колохматов (псевдоним неизвестного автора) подробно описывал в своей репортажной книге все три случая коленопреклонения Бархоткина в разных местах и отметил нарастание скепсиса императора. Это подводит нас к выводу о театральности действий «парня в синем кафтане» [Кошелев, 2015]. Так детали в новгородской журналистике показывают нам пафосную недалёковидность петербургского материала.

Порой официозные сообщения о всенародном восторге давали пищу для иронии петербургских журналистов. Так, газета «Гудок» саркастично пересказывала сообщение официальной ярославской газеты: «“Ярославские губернские ведомости” говорят, что они получили письмо из Мышкина, в котором сообщают, что мышкинцы, празднуя день тысячелетия России, в пылу благородного чувства пили... *за здоровье тысячелетия*. Какой-нибудь завзятый метафизик увидит в этом нелепость на том основании, что “тысячелетие” есть только идея, а не какое-нибудь существо, или насекомое, за здравие которого можно предлагать тосты, что такой тост так же возможен, как возможно предположение, что у тысячелетия расстроился желудок или сделался припадок лунатизма. Но кто ж станет делать такие риторические придирки, кто будет винить бессравненных мышкинцев (а такими мышкинцами наполнена вся Россия) за проявление их высокого лиризма?» [Цит. по: Кошелев, 2019, с. 10]. В этом материале можно увидеть многочисленные объекты иронии: тысячелетие России, провинциальная газета, жители провинции (и самой России).

Хотя официальная пресса усиленно подчеркивала народный характер памятника (включая сбор средств на его создание), в России велись споры о целесообразности памятника «Тысячелетие России». В художественно-карикатурной форме такие мнения выразил Ф. М. Достоевский в романе «Бесы»: «Торжественно воздвигнут бронзовый колоссальный шар на память тысячелетию уже минувшего беспорядка и бестолковщины». Сомневались в памятнике даже антиподы оппозиционеров – высокопоставленные сановники. Так, министр внутренних дел П. А. Валуев был настроен скептически к самой идее поставить России памятник: «На меня он наводит тоску и беспокойство. Какое-то предчувствие говорит мне, что

лития и панихида, входящие в церемониал, в него войдут недаром. Вообще несчастная мысль ставить памятник живым. Россия еще жива. Будет ли жить после тысячелетия та же самая Россия, которую мы ныне чтим своею матерью?» [Дневник, 1862]. П. А. Валуев регулярно писал отчеты о памятнике для ежедневной газеты Министерства внутренних дел «Северная почта», но в них, конечно же, не найти его опасений, только заверения в всенародной поддержке празднования. Несмотря на бравурные материалы прессы, правительство беспокоилось о возможных террористических актах. Так, в июле 1862 года юнкер Новгородского батальона внутренней стражи Степан Кудрявый был арестован по подозрению в преступлениях «против правительства, государя и престолонаследия»¹. Атмосфера тревожного ожидания лишь усиливала пафос официальной прессы о необходимости сплочения за счет единой истории, символом которой изображая памятник.

Особняком среди петербургских изданий стоял «Journal de St. Pétersbourg», неофициальная газета Министерства иностранных дел России, издававшаяся на французском языке. Эта газета сочетала европейский взгляд и российскую цензуру. Так, именно в ней была в 1859 году опубликована статья Теофиля Готье-младшего, где анализировались итоги конкурса на проект памятника «Тысячелетие России». Эта статья вызвала большую журналистскую полемику. «Русский вестник» опубликовал фельетон В. В. Стасова с критикой проекта М. О. Микешина [Стасов, 1859, с. 156–163]. Микешин ответил статьей в «Санкт-Петербургских ведомостях» с подозрением о предвзятости русского критика к французскому автору: «Уж не потому ли, что первый печатный и благосклонный отзыв о проекте памятника был высказан в петербургской газете французом, г. Готье» [Микешин, 1860]. Стасов на это написал статью с иронией в адрес мнения Готье и талантов Микешина [Стасов, 1860, с. 157–162]. А в 1860 году в «Санкт-Петербургских ведомостях» в дискуссию о статье Готье включился Е. П. Карнович с критикой Готье и Микешина: «Любезная предупредительность французского писателя избавила наше родное слово от труда сообщить впервые России о таком предмете, который должен бы быть русским, если не сказать даже чистонародным делом. Русские же газеты и русские журналы не удостоились получить никакого известия об исходе бывшего конкурса. Они, так сказать, узнали об этом стороной из французской газеты благодаря г. Готье» [Карнович, 1860]. Этот упрек в нехватке информации о памятнике адресован, конечно, не Готье (знал ли вообще Готье об этой реакции?), а имперскому правительству. Его принципы работы с иностранными авторами нам еще предстоит исследовать.

Иностранные корреспонденты в Санкт-Петербурге охотно передавали в свои газеты ключевые тезисы российской прессы о памятнике. За рубежом эти корреспонденции эмоционально обсуждались. Например, тему тысячелетия России язвительно интерпретировала британская газета «Leeds Times» в заметке о «московитах»: «От петербургского корреспондента “Таймс” мы узнали, что в августе следующего года Россия намерена отпраздновать в Новгороде свой тысячелетний день рождения. Надо сказать, что для империи, которая живет так долго, она сделала очень мало» [Local & District, 1861, p. 5]. Отслеживали ли российские журналисты

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. 1 Эксп. Д. 230. Ч. 49. Л. 7.

подобные зарубежные публикации о памятнике? Это еще предстоит выяснить, но нам пока не встречались петербургские ответы иностранным коллегам.

Новгородская журналистика в силу ее малого масштаба не содержала публичных дискуссий. Однако подготовка к праздничным торжествам была последовательно представлена в местной периодике. «Новгородские губернские ведомости», издававшиеся с 1838 года, были единственным печатным органом. Официальный статус накладывал определенные ограничения на стилистику и жанровое разнообразие публикаций. Кроме основной функции – ознакомление административной и деловой читающей аудитории с документами законодательной и исполнительной власти – «Новгородские губернские ведомости» собирали и публиковали краеведческую информацию о губернии и нерегулярно вели местную хронику наиболее значимых, по мнению редактора, событий.

Работы по подготовке начались в 1860 году, а в течение 1861–1862 годов в «Новгородских губернских ведомостях» вышли три публикации, рассказывающих о приготовлениях к празднику. Первая посвящена закладке в новгородском кремле фундамента монумента, открытие которого стало центром торжеств: «В будущем 1862 году, праотец городов Русских, наш Господин Великий Новгород вступит в тысячелетний период своего исторического существования. Время и события унесли его величие, но истории и предания сохранили в памяти народной его прошедшее. <..> Всякий, мало мальски знакомый с нею знает что этот, в настоящее время столь незначительный во всех отношениях городок, дал начало жизни Русской – той жизни, которая в последствии заняла собою более полуевропы, которая пустила свои корни от берегов Балтики, до Восточного океана и от Ледовитого моря, до берегов понта Эвксинского, образовав в целом своем одну обширную державу Русскую, под скипетром Монарха»².

В приведенном фрагменте прослеживается риторика, характерная для газетного дискурса 1840-х годов. В это время публиковались объемные историографические очерки, сопровождающиеся публицистическими размышлениями авторов об утрате Новгородом прежнего величия. Осознавая историческую, государственную значимость города, они писали о разрушающихся памятниках архитектуры, замедленной общественной жизни, намекали на отсутствие городского благоустройства.

Автор цитируемой выше публикации – учитель Новгородской классической мужской гимназии Иван Матвеевич Вишневский, занимавший должность редактора неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» с 1858 по 1863 год. Стоит отметить, что непосредственно указ императора Александра II о проведении юбилейных торжеств в Новгороде и начале раскопок на месте будущего памятника не попали на страницы издания. Это можно связать с недостаточной информированностью редактора, который являлся практически единственным автором публикаций об общественной жизни города. В этой же статье Вишневский ретроспективно восстанавливает последовательность событий, выполняя роль, которую можно сравнить со средневековым летописцем. Он фиксирует событие не только в той временной точке, в которой находится сам, но и связывает наблюдаемое

² Новгородские губернские ведомости, 3 июня 1861.

с более широким хронотопом. При этом риторически занимая позицию стороннего наблюдателя, чья оценочность облачается в общезначимые формулы, скрывающие личность автора.

В центре публикации Вишневский с доступной ему подробностью описывает церемонию закладки с перечислением присутствующих представителей светской и духовной власти. Хроника исполнена по шаблону, характерному для официальной периодики³.

С точки зрения жанрового своеобразия публикации необходимо обратить внимание на то, что завершает статью Вишневский перечислением новгородских владык с пометкой, что во всех значительных событиях истории Новгорода обнаруживается их участие. Автор демонстрирует эрудицию и приверженность просветительским задачам, которые ставились перед губернскими ведомостями законодательно⁴.

Жанровая неоднородность является характерной для публикаций этого времени. Не обладая профессиональными журналистскими навыками, Вишневский следует за доступными ему образцами, компилируя наиболее распространенные приемы и стилистику. Публикация вышла в рубрике «Местные известия», которая в исполнении Вишневского отличалась не просто хроникальностью, а дневниковостью. Вишневский на страницах «Новгородских губернских ведомостей» вел своеобразный публичный дневник. И поточность мысли, не связанная стройной композицией, также могла быть продиктована этой авторской позицией.

Следующая публикация о памятнике вышла через год: «Наш Новгород в настоящее время действительно делается новым городом: везде идут починки, поправки переделки, молоток и кирка стучат с зари до зари. Каждый домохозяин, по мере сил и средств своих, старается привести в лучший вид и украсить свой дом; богатый и бедный одинаково одушевлены одним общим желанием, как бы приличнее явиться к такому торжеству, в котором будет принимать участие сам обожаемый Монарх наш»⁵. Несмотря на то, что редактор поэтизирует процесс подготовки, превращая заметку в подобие гимна, вполне четко обозначается стремление зафиксировать действительность.

Подтверждение этому находим в следующем фрагменте, где выстраивается контраст «народного» и «местного»: «В скором времени Россия готовится праздновать тысячелетний юбилей свой на месте своего рождения. Мы не сомневаемся, что не только жители соседних с Новгородом губерний захотят принять участие в этом торжестве, но явится много желающих из отдаленных местностей обширного Царства Русского. Ведь это торжество не местное какое-нибудь; нет, оно имеет значение для целого народа, а потому и должно быть народным»⁶. Подчеркивая участие в торжествах императора, делая акцент на участие духовенства и, наконец, объявляя событие народным, Вишневским отражает формулу, заложенную в идее самого памятника Тысячелетию России – Теорию официальной народности С. С. Уварова.

³ Новгородские губернские ведомости, 3 июня 1861.

⁴ Там же.

⁵ Новгородские губернские ведомости, 23 июня 1862.

⁶ Там же.

Под «народным» редактор подразумевает национальную значимость события. И это обращение содержит явную обеспокоенность тем, что национальное значение будет по достоинству оценено в стране. Однако, если судить по заметке в журнале «Отечественные записки», то праздник не стал всенародным, ограничившись Новгородом, Петербургом и пресловутым Мышкиным: «В Москве ничего не было. Но не одна только Москва холодно отнеслась к празднику; не менее холодно он был встречен и литературою. Кроме статей г. Гильфердинга в “Дне”, говорящих, впрочем, о других славянских государствах, не достигших тысячелетия, я могу указать только на официальные описания новгородских празднеств, помещавшихся в ежедневных газетах, из коих некоторые посылали в Новгород нарочитых корреспондентов» [Эфиров, 1862].

С расширением масштаба подготовительных работ меняется и отношение к роли города в современной повестке. Новгороду представлялся шанс заявить себя в обновляющейся России. Редактор через «Местные известия» торжественно призывал сограждан, а также сообщает всем читателям об ответственности новгородцев: «Наш Новгород в настоящее время действительно делается новым городом: везде идут починки, поправки переделки, молоток и кирка стучат с зари до зари. Каждый домохозяин, по мере сил и средств своих, старается привести в лучший вид и украсить свой дом; богатый и бедный одинаково одушевлены одним общим желанием, как бы приличнее явиться к такому торжеству, в котором будет принимать участие сам обожаемый Монарх наш. <...> Таким образом можно надеяться, что в скором времени весь Новгород будет в полном смысле новым городом»⁷.

Другим сотрудником редакции «Новгородских губернских ведомостей» был Н. Соколов, занимавший более критическую позицию: «Нельзя не пожалеть только о дурном состоянии летнего сада, в котором представителями флоры служат крапива, репейник и бурьян, а дорожки, за исключением одной средней, таковы, что на них можно разве только производить опыты крепости ног и обуви. С тех пор как существует летний сад, много ли сделано улучшений в нем, посажено десятка два три дерев, да переменен несколько раз палисадник, вот и все, а эта котловина, между среднею и боковою от площади аллеями, к чему служит? К поддержанию сырости? А между тем у нас постоянно вывозят куда-то из города мусор. Отчего бы кажись не завалить эти мусором котловины?»⁸.

Для губернского издания за два года подготовки к юбилейным торжествам такое количество публикаций не выглядит недостаточным. В них сосредоточились все основные элементы медиадискурса, формировавшего пространственный миф Новгородской губернии и Новгорода как исторически значимого места, со временем пришедшего в упадок, но начинавшего обновляться при непосредственном участии властей.

Сам же праздник открытия был отражен на страницах «Новгородских губернских ведомостей» перепечаткой из столичной прессы. В № 39 от 29 сентября 1862 года помещен официальный дневник за 8–10 сентября, опубликованный ранее в «Северной Почте» (напомним о журналистском участии министра П. А. Валуева).

⁷ Новгородские губернские ведомости, 23 июня 1862.

⁸ Новгородские губернские ведомости, 28 июля, 1862.

Таким образом, новгородская журналистика подчинилась петербургской, а событие, к которому готовились горожане под присмотром губернских ведомостей, этим же изданием оказалось пропущенным. Возможно, в отношении редакторской деятельности Ивана Вишневского уже назревало недоверие со стороны властей, приведшее к его отстранению от должности в апреле 1863 года. Возможно, этот шаг был своеобразной страховкой губернатора В. И. Филипповича от публикаций, могущих вызвать нарекания со стороны цензуры. В условиях двухступенчатого визирования публикаций в официальной прессе и наличия неоднократных запретов на статьи в «Новгородских губернских ведомостях», это позволило ускорить процесс знакомства читательской аудитории по губернии непосредственно с событиями.

Отметим и тот парадокс, что сам Новгород в период «народного торжества» был лишен газет, о чем иронично писали петербургские журналисты: «В гостиницах Новгорода не достает двух вещей: прислуги и газет. В лучшей гостинице Б., во дворе которой дом Марфы Борецкой обращен в сарайчик, я принужден был довольствоваться туземными афишками за прошлый месяц, газет не имелось ни одной»⁹. Газет не имелось даже на пароходе до Санкт-Петербурга, этот факт журналисту объяснили так: «Потребителей мало»¹⁰. Выходит, что Новгород, о котором столько писали газеты как о символе российской истории, даже не мог прочитать эти материалы.

Реакция петербургской и новгородской прессы на открытие памятника «Тысячелетие России» демонстрирует сложное переплетение официального патриотизма, эстетических дискуссий и зарождающегося общественного критицизма. Журналисты, действуя в рамках цензуры, тем не менее смогли отразить разнообразие мнений эпохи, что делает их материалы как источником для изучения национального самосознания XIX века, так и источником о российской прессе в эпоху реформ.

Литература и источники

- Буслаев, А. И. (2010). *Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02. Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Дневник П. А. Валуева, 22 апреля (10 апреля) 1862 года. *Прожито. Корпус дневников: сайт*. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/420206> (дата обращения: 21.01.2025).
- Карнович, Е. П. (1860, 25 февраля). О памятнике тысячелетию Государства Российского. *Санкт-Петербургские ведомости*.
- Кошелев, А. В. (2015). Сибиряк Василий Колохматов. *Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 7(90), 75–79.
- Кошелев, А. В. (сост.). (2019). *Тысячелетие России в записках, мемуарах, воспоминаниях*. Великий Новгород.
- Майорова, О. (2000). Бессмертный Рюрик: празднование Тысячелетия России в 1862 г. *Новое литературное обозрение*, 43(3), 137–165. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/3/bessmertnyj-ryurik.html>
- Межов, В. И. (сост.). (1866). *Литература русской истории за 1859–1864 г. вкл. Т. 1*. Санкт-Петербург: тип. Ф. С. Сущинского.

⁹ Сын Отечества (1862, 12 сентября): ежедневная общественная, политическая и литературная газета. 1-е издание, 219.

¹⁰ Там же.

- Микешин, М. О. (1860, 5 февраля). Письмо в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей». *Санкт-Петербургские ведомости*.
- Рейтблат, А. И. (2009). *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Стасов, В. В. (1859). Один из проектов для памятника Тысячелетию России. *Русский вестник: общественно-политический журнал издаваемый М. Катковым*, 24(1-2): Современная летопись, ноябрь–декабрь, 156–163.
- Стасов, В. В. (1860). Еще два слова о проекте памятника Тысячелетию России. *Русский вестник: общественно-политический журнал издаваемый М. Катковым*, 25(1-2): Современная летопись, январь–февраль, 157–162.
- Эвальд, А. В. (1862, 29 сентября). Праздник тысячелетия России (от нашего корреспондента). *Санкт-Петербургские ведомости*, 212.
- Эфиоров, А. (1862). Литература новгородского тысячелетия. Книга барона Вячеслава Штенгеля, составленная по официальным источникам. *Отечественные записки: учено-литературный журнал*, 145(12), 195–201.
- Чернышевский, Н. Г. (1986). Суеверие и правила логики. *Чернышевский Н. Г. Сочинения: в 2 т. Т. 1* (с. 734–763). Москва: Мысль.
- Local & District (1861). *Leeds Times*, 5, December 7.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 10.03.2025
Принята к публикации 01.04.2025

Об авторах

Асташкин Дмитрий Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; Новгородский государственный университет, Великий Новгород, Россия.
ORCID: 0000-0001-7840-4708; e-mail: strider-da@ya.ru

Козлов Сергей Александрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Новгородский государственный университет, Великий Новгород, Россия.
ORCID: 0000-0001-8827-5727; e-mail: blackgrifon@bk.ru

MILLENNIUM-OF-RUSSIA MONUMENT OPENING IN NEWSMAKING OF ST. PETERSBURG AND NOVGOROD

Dmitry Yu. Astashkin

*St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia*

Sergey A. Kozlov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Abstract. The paper analyzes the coverage of the opening of the *Millennium of Russia* monument (1862) in the Russian press of the 1860s. Using materials from the capital-city *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* newspaper and the provincial *Novgorodskie Gubernskie Vedomosti* newspaper, the authors explore the role of the media in shaping the official narrative of unity between the people and the authorities, as well as reflecting hidden public sentiments. The key aspect is the political instrumentalization of the monument as a symbol of monarchy legitimization. While some publications emphasized the *nationwide* nature of the celebrations to create myths, others (intentionally or unintentionally) exposed their artificiality. The analysis reveals differences between capital and provincial newsmaking. St. Petersburg publications engaged in aesthetic debates (e.g., the polemic between Stasov and Mikheshin over the monument's design) and responded to foreign opinions. The Novgorod press focused on local patriotism, combining formulaic chronicles with rare critical remarks. Editor I. M. Vishnevsky, acting as a *chronicler*, emphasized Novgorod's historical role but avoided controversial topics, leading to the reprinting of capital-city materials instead of original reporting on the monument's opening. The study highlights the limited influence of the press due to low literacy rates

(5 million readers) and the role of censorship in shaping a dual media discourse. Despite state control, St. Petersburg journalists employed irony, allusions and indirect references to carve out space for discussions on national identity. The paper is relevant for understanding the role of media in transitional historical periods, where official propaganda intersects with public reflection.

Keywords: Millennium of Russia monument, Alexander II, press, national identity, censorship, Novgorod

Acknowledgments: the research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Novgorod Region, project No. 24-18-20074 “Novgorod Journalism (1838–1900): Formation, Development, Traditions, and Innovations”, <https://rscf.ru/project/24-18-20074/>.

For citation: Astashkin, D. Yu., & Kozlov, S. A. (2025). Millennium-of-Russia monument opening in newsmaking of St. Petersburg and Novgorod. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 247–257. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).247-257](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).247-257)

References

- Buslaev, A. I. (2010). *Imperial anniversaries – the millennium of Russia (1862) and the nine hundredth anniversary of the baptism of Rus' (1888): organization, symbolism, public perception: abstract of the dissertation for the degree of Cand. Sci. in History*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Chernyshevsky, N. G. (1986). Superstition and the rules of logic. *Chernyshevsky N. G. Works: in 2 vols. Vol. 1* (pp. 734–763). Moscow: Mysl Publ. (In Russian).
- Diary of P. A. Valuev, April 22 (April 10), 1862. *Prozhito. The corpus of diaries: a website*. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/420206> (accessed: 21.01.2025). (In Russian).
- Efirov, A. (1862). Literature of the Novgorod millennium. The book by Baron Vyacheslav Stengel, compiled according to official sources. *Otechestvennyye Zapiski: Scientific and Literary Journal*, 145(12), 195–201. (In Russian).
- Evald, A. V. (1862, September 29). Celebration of the millennium of Russia (from our correspondent). *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, 212. (In Russian).
- Karnovich, E. P. (1860, February 25). On the monument to the millennium of the Russian state. *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. (In Russian).
- Koshelev, A. V. (2015). Vassily Kolokhmatorov from Siberia. *Vestnik NovSU. Series: Humanities*, 7(90), 75–79. (In Russian).
- Koshelev, A. V. (Comp.). (2019). The millennium of Russia in notes, memoirs, and recollections. Veliky Novgorod. (In Russian).
- Local & District (1861). *Leeds Times*, 5, December 7.
- Mayorova, O. (2000). Immortal Rurik: celebration of the millennium of Russia in 1862. *New Literary Review*, 43(3), 137–165. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/3/bessmertnyj-ryurik.html> (In Russian).
- Mezhov, V. I. (Comp.). (1866). *Literature of Russian history for 1859–1866 incl. Vol. I*. St. Petersburg: typography of F. S. Sushchinsky. (In Russian).
- Mikeshin, M. O. (1860, February 5). Letter to the editor of “Sankt-Peterburgskie Vedomosti”. *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. (In Russian).
- Reitblat, A. I. (2009). *From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature*. Moscow: New Literary Review Publ. (In Russian).
- Stasov, V. V. (1859). One of the projects for the monument to the Millennium of Russia. *Russian Bulletin: a socio-political journal published by M. Katkov*, 24(1-2): Modern Chronicle, November–December, 156–163. (In Russian).
- Stasov, V. V. (1860). Two more words about the project of the monument to the millennium of Russia. *Russian Bulletin: a socio-political journal published by M. Katkov*, 25(1-2): Modern Chronicle, January–February, 157–162. (In Russian).

First Published
Received 10.03.2025
Accepted 01.04.2025

About the authors

Astashkin Dmitry Yuryevich – Cand. Sci. in History, Associate Professor, Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
ORCID: 0000-0001-7840-4708; e-mail: strider-da@ya.ru

Kozlov Sergey Aleksandrovich – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
ORCID: 0000-0001-8827-5727; e-mail: blackgrifon@bk.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Шашкова Е. В.

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

Аннотация. Социальная функция журналистики является на сегодняшний день одной из важнейших в современном мире. Журналистика чрезвычайных ситуаций занимает особое место в освещении природных и техногенных катастроф, аварий и ситуаций, связанных с угрозой безопасности жизнедеятельности населения. Данным фактором обусловлена актуальность представленного исследования. Объект исследования – отечественная дореволюционная журналистика чрезвычайных ситуаций. Предмет исследования – содержательное, жанровое и функциональное своеобразие отечественной дореволюционной журналистики происшествий. Цель исследования: выявить тематическую, жанровую и функциональную специфику отечественной дореволюционной журналистики чрезвычайных ситуаций (на примере первых изданий пожарного ведомства). Исследовательские задачи: выяснить исторические и социально–политические предпосылки становления отечественной журналистики чрезвычайных ситуаций, обозначить тематическое, жанровое и функциональное своеобразие медиатекстов, посвященных природным и техногенным катастрофам. Эмпирический материал – журнал «Пожарный. Вестник пожарного дела в России». Дополнительным эмпирическим материалом послужили дореволюционные центральные («Северная пчела») и региональные («Акмолинские областные ведомости») издания. Хронологический период исследования – 1892–1893 гг. Методы исследования, использованные в работе: описания и наблюдения, исторический метод, контент–анализ.

Ключевые слова: журналистика чрезвычайных ситуаций, социальная ответственность журналиста, эпидемия, техногенная катастрофа, природная катастрофа, пожарное дело.

Для цитирования: Шашкова, Е. В. (2025). Отечественная дореволюционная журналистика чрезвычайных ситуаций. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 258–271. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).258-271](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).258-271)

Современный мир постоянно сталкивается с чрезвычайными ситуациями и их последствиями: эпидемия Covid–19, техногенные (разлив мазута в Керченском проливе) и природные катастрофы (землетрясения в Турции, Китае) и пр. Чаще всего это ситуации «повышенной социальной напряженности, крайне необычные по трудности, сложности» [Пронина, 2015].

О произошедших событиях люди узнают, прежде всего, из СМИ, основными функциями которых в данных обстоятельствах становятся информирование, опровержение слухов, профилактическая и разъяснительная работа, организация населения. «СМИ нужны государству и обществу для реализации вопросов безопасности» [Емельянов, 2017]. Журналисты привлекают внимание аудитории к критическим ситуациям и тем самым обеспечивают выполнение необходимых мероприятий по гражданской обороне, транслируя механизмы противодействия чрезвычайным ситуациям [Фокина, 2011].

К чрезвычайным ситуациям относятся происшествия, имеющие техногенный или природный характер (пожары, наводнения, землетрясения, стихийные бедствия, эпидемии, эпизоотии и пр.). Их освещение всегда занимало особое место в СМИ.

Уже в самых первых отечественных периодических изданиях (как центральных, так и региональных) сообщения о природных катастрофах, пожарах, наводнениях, эпидемиях занимали особое место. Так, в исследовании Е. К. Лозовской представлены

примеры освещения ЧС в первых газетах петровской эпохи (в рукописных «Курантах», в «Ведомостях»), например, о распространении «морowego поветрия» и предпринятых превентивных мерах по защите российских границ от европейских эпидемий, о крупнейших московских пожарах начала XVIII столетия и пр. [Лозовская, 2015]. Однако в данный период информация о подобных ситуациях часто сводилась лишь к фиксации происшествия и статистическим отчетам. Например, в «Ведомостях» от 11 марта 1703 года опубликована заметка о наводнении в Риме: «В Риме река Тивер необычно разлилась и тем разливием множество людей и животины на дворах потопила и римлянам великий убыток учинила и понеколиком времени паки во свои бреги вступила»¹.

Кроме того, о последствиях эпидемий и ЧС сообщали в публикациях, посвященных благотворительной деятельности. «Никто из Вас не должен оставаться безучастным в деле помощи погорельцам города Барнаула. Не стесняясь размерами помощи, напрягайте все материальные возможности и несите пожертвования деньгами, вещами, непортящимися продуктами. Граждане! Немедленно исполните Ваш долг»².

Одна из основных трудностей, с которой сталкивалась журналистика чрезвычайных ситуаций в своем становлении, связана с некоторым конфликтом интересов: властей, профессионалов отрасли и журналистов, стремящихся удовлетворить информационные запросы массовой аудитории. Об этом в своем исследовании пишет К. К. Пронина [Пронина, 2015].

Сложностям взаимодействия государства, массмедиа и общественности в чрезвычайных ситуациях (определение инфоповодов, доступность информации для населения и пр.) посвящена статья Г. С. Мельник и С. А. Михайлова [Мельник, Михайлов, 2013].

Труд Г. И. Емельянова посвящен основным направлениям функционирования медиа и их роли в обеспечении безопасности общества [Емельянов, 2017].

А. В. Мельникова в своей работе активное развитие отечественной журналистики чрезвычайных ситуаций относит к концу 1980-х годов, когда СМИ впервые в своей практике начали массово информировать о случившихся масштабных техногенных и природных катастрофах (например, авария на Чернобыльской АС). В этот период создано и специальное ведомство – МЧС. «В сферу деятельности новой службы входило информирование населения о прогнозируемых чрезвычайных ситуациях и мерах по их ликвидации. С первых дней существования ведомства его руководство уделяло особое внимание работе со средствами массовой информации» [Сорока, 2010].

В данном исследовании выдвинуто предположение о том, что в России журналистика чрезвычайных ситуаций формируется, начиная с середины XIX столетия, когда появляются первые периодические издания, специализирующиеся на освещении катастроф техногенного и природного характеров, их последствий и выработке превентивных мер.

«Эпидемии, моровые поветрия, издавна посещали Русскую землю. Унося огромное количество жертв, поражая всех своей беспощадностью, эпидемии невольно приковывали к себе внимание современников, невольно заставляли

¹ Ведомости, 1703, 11 марта.

² Акмолинские областные ведомости, 1900, № 23.

задумываться о происхождении поветрий и изыскивать меры к прекращению их и к предотвращению возможности дальнейшего их распространения» [Лахтин, 1909].

Так, в 1830–1831-е годы в столичных городах и других регионах страны произошла вспышка холеры. Информацию об эпидемии распространяли центральные издания. «Правительственный вестник» регулярно публиковал схему санитарного донесения о ходе холерной эпидемии, размещал информацию об организации санитарных мероприятий и карантинных мер.

Но также появились и специальные «Ведомости» («Ведомость о состоянии столичного города Санкт-Петербурга», «Ведомость о состоянии города Москвы (во время холеры 1830–1831 гг.)»), которые ежедневно рассказывали о мерах, предпринимаемых в борьбе с эпидемией, о числе заболевших, выздоровевших, умерших, находящихся в домах и больницах, о благотворительной деятельности в пользу больных, транслировали государственные распоряжения и пр.

В 1892 году жители Поволжья и Черноземья стали жертвами сразу двух катастроф – продовольственного кризиса, разразившегося в результате неурожая голода, и эпидемии холеры. О случившемся писали как центральные, так и региональные издания: прежде всего, размещали информацию от Медицинского Департамента, содержащую рекомендации для населения и инструкции для врачей.

Информацию о ходе эпидемий можно было найти и в медицинской периодике того периода [Шашкова, 2023]. Подобные публикации можно рассматривать в качестве эксперимента в области социального сотрудничества: активизация усилий местного сообщества и снятие социальной напряженности [Грамотчикова, 2018].

К стихийным бедствиям, от которых нередко страдали столичные города и регионы, относятся и наводнения.

Одно из таких наводнений произошло в Санкт-Петербурге в 1824 году. Освещение этой природной катастрофы в тогдашних СМИ – очень показательный пример того, в каких условиях формировалась журналистика ЧС.

Несколько дней газеты вообще не упоминали о разгуле стихии и причиненном ей ущербе, хотя в появившемся официальном сообщении (от 7 ноября 1824 г.) было указано число жертв – 480 человек. «По сути, посредством формирования и актуализации «образа жертвы» идет процесс конструирования новой социально-политической реальности» [Пронина, 2015]. Официальная пресса всячески старалась сократить число жертв, потерь (имущества, домов и пр.), в то же время акцент делался на размерах оказываемой правительством помощи, историях гражданского мужества и взаимной помощи среди населения, случаях чудесного спасения. Например, в «Северной пчеле» обнаруживаем информационную заметку «Петербургские записки. Чувствования санкт-петербургского жителя в день 7 ноября», завершающуюся словами: «Столица цветет по-прежнему, слезы несчастных осушены, участь их обеспечена»³.

По неофициальной же версии жертв было несколько тысяч. После появления официальной информации в некоторых журнальных изданиях лишь через неделю появились подробности случившейся трагедии, но практически сразу последовал запрет на освещение этой темы, чтобы не усиливать среди населения недовольства действиями властей, не сеять панику.

³ Северная пчела, 1825, № 34.

Спустя некоторое время в «Литературных листках» появилась статья Ф. Булгарина «Письмо к приятелю о наводнении, бывшем в Санкт-Петербурге 7 ноября 1824 года». Он воссоздал подробный сценарий разыгравшегося стихийного бедствия: «К вечеру ветер усилился, и вода значительно возвысилась в Неве. В 7 часов я уже видел на Адмиралтейской башне сигнальные фонари, для предостережения жителей от наводнения». Далее следует описание поведения жителей города, которые еще не осознали в своем любопытстве всей катастрофичности происходящего: «Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидели несчастья, и с любопытством смотрели на сие грозное явление природы, уже низменные места, лежащие по берегам Финского залива и при устье Невы, были затоплены, и жители Галерной гавани, Канонирского острова, Гушуевского, деревень (Емельяновки, Тентелевой) и казенного чугунного завода, близ Екатерингофа, терпели бедствие». Ущерб от наводнения был огромен: «Нева, встретив препятствие в своем течении и не могши излиться в море, возросла в берегах своих, наполнила каналы и чрез подземные трубы хлынула в виде фонтанов на улицы» [Берх, 1826]. А еще через год эконо́м Смольного монастыря С. И. Аллер выпустил брошюру с описанием подробностей случившейся природной катастрофы [Аллер, 1826].

Пожары в дореволюционной России также были делом привычным: выгорали целые поселки, деревни и города, так как повсюду преобладали деревянные сооружения (захолустные города и села строились из бревен и соломы), а техническое оснащение добровольных пожарных дружин оставляло желать лучшего, служба пожарной охраны была слабо организована. «Большая часть нашего отечества горит и выгорает практически без всякого сопротивления человека, считая пожар Божьим попущением»⁴.

Газеты то и дело информировали о трагических происшествиях. Так, «Северная пчела» в феврале 1836 года сообщала о пожаре в балагане Лемана и жертвах, появившихся в результате наступившей паники: «Таким образом дверь вскоре загромодилась, и нельзя было найти выхода. Упавшие задыхались от напора других... Крыша обрушилась и покрыла толпу горящими головнями»⁵.

Российские регионы не были исключением. Так, например, в XIX веке и начале XX века пожары в «деревянном» Омске были в такой степени частыми, что делались существенным происшествием в жизни города. В связи с подобной ситуацией вполне закономерным стало появление в «Акмолинских областных ведомостях» рубрики «Уничтожение пожаром документов» (официальная часть) и хроники пожаров в ведомости о происшествиях по Акмолинской области (неофициальная часть). Кроме того, информацию о пожарах и прочих происшествиях размещали в части с криминальной хроникой. В исследуемый период в Западной Европе и в Америке уже существовали издания, посвященные пожарному делу, что свидетельствовало об осознанной необходимости общества в данном типе периодики, сообщавшей о новейших успехах в пожарном деле, случаях борьбы с огнем, предлагавшей аудитории рекомендации, инструкции и советы. Например, в Германии практически каждое вольное пожарное общество имело свой печатный орган.

В нашей стране еще во времена правления царя Алексея Михайловича была организована первая отечественная противопожарная служба (30 апреля 1649 года).

⁴ Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1892, № 1.

⁵ Северная пчела, 1836, 2 февраля.

Однако в 19 столетии развитие пожарного дела все еще было в младенческом состоянии (малое количество пожарных команд и вольных пожарных обществ). Хотя к тому времени уже были разработаны эффективные огнегасительные средства, сообщить об их существовании ни городскому начальству, ни населению было некому.

1 марта 1892 в России появилось первое издание, посвященное пожарному делу. «Пожарный. Вестник пожарного дела в России» – еженедельный иллюстрированный журнал (издавался до 1896 года, на сегодняшний день восстановлен и выходит в виде сетевого издания).

Идея создания подобного журнала принадлежала графу А. Д. Шереметьеву. «Приступая к изданию настоящего журнала, мы делаем первую попытку ввести в России орган, всецело посвященный интересам пожарного дела...», – отмечал он в редакционной статье самого первого номера⁶. Актуальность и востребованность издания объяснялась понятными причинами: «Пожарный вопрос – вопрос общественный, захватывающий всех и вся. Он одинаково важен и для Казани, и для Саратова, и для Астрахани, и для Тобольска или Омска в Сибири»⁷.

Благодаря своей обширной программе «Пожарный» поставил себе задачу – удовлетворять запросам и требованиям, предъявляемым как со стороны городских самоуправлений и земств, так и городских, частных и вольных пожарных команд, со стороны населения, терпящего бедствия от пожаров. Журнал группировал и суммировал разрозненные факты, знакомил с общим ходом пожарного дела в России и в различных частях света, служил руководством для команд и вольных обществ.

В ходе проведенного исследования было проанализировано 18 выпусков журнала. Хронологический период исследования – 1892–1893 годы. Методы исследования, использованные в работе: наблюдения и описания, исторический метод, контент-анализ.

Редакционные статьи позволяют составить четкое представление о функциях издания.

Одна из первостепенных задач журнала – предоставлять отчеты о нововведениях и достижениях техники и науки в области пожарной безопасности; сообщать о деятельности отечественных и зарубежных огнеборцев. «До последнего времени почти все московские пожары тушились при помощи ручных пожарных труб; имевшиеся три на всю Москву паровые машины вследствие неудовлетворительности их системы в редких случаях приносили пользу. Теперь приобретено пять новых паровых машин, которые выписаны из Бельгии, с фабрики Бедуже в Лиеже. Машины эти, по сравнению с имевшимися прежде, отличаются многими весьма важными достоинствами»⁸.

Среди практических задач – предоставить конкретные руководства («что нужно большому губернскому городу, его маленькому соседу, заштатному городку, торговому селу или маленькому соломенному поселку») в борьбе с огненной стихией, в частности, помочь в ежегодной борьбе с лесными пожарами (вопрос, остающийся остро актуальным и сегодня). «Министерство государственных имуществ, озабочиваясь изысканием способов для наиболее успешной борьбы с лесными

⁶ Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1892, № 1.

⁷ Два слова о пожарном деле. *Пожарный. Вестник пожарного дела в России*, 1892, № 2.

⁸ Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1893, № 4.

пожарами, наносящими ежегодно громадные убытки, предпринимает ряд решительных мер. Предполагается, в случаях возникновения пожара в лесу, обязать окрестное население являться своевременно для тушения, бросая все работы. Лица, которые будут замечены в разведении костров в лесах без видимой надобности, будут в случае лесного пожара привлекаться к ответственности. Точно также будет преследуемо неосторожное обращение с огнем в лесах во время производства в нем работ и пастьбы скота»⁹.

Среди организационных целей – способствовать возникновению вольных пожарных обществ. Журнал регулярно публикует материалы уже о существующих обществах (например, об Орловском вольном пожарном обществе).

Программа журнала включала в себя следующие разделы:

- официальные постановления и распоряжения (Приказы Санкт-Петербургского градоначальника, например, на период дачного сезона);
- сведения о состоянии пожарного дела в России и за границей (хронология американских пожарных команд; опыт пожарной географии);
- важнейшие открытия и усовершенствования в пожарном деле (например, применение электричества к огнетушению, о химических способах тушения, о появлении железнодорожных пожарных поездов и пр.);
- корреспонденции (от собственных корреспондентов со всего мира) (например, «о странном «взрывчатом периоде» в Париже);
- технический отдел, сообщающий о различных нововведениях и усовершенствованиях для тушения пожаров (складной дом для пожарных маневров, автоматическое приспособление для рукавов, громоотводы при фабричных трубах, электрическая система насосов и др.);
- биографии деятелей по пожарному делу (биография начальника Лондонской пожарной службы Саймондса);
- библиографический раздел содержал подробную информацию о новинках книжного рынка в области специализированной литературы (книги о пожарном деле)¹⁰;
- статистический раздел фиксировал время и количество выездов за определенный период (например, статистика выездов с 11 по 24 августа 1893 года),
- раздел «Вопросы и ответы» помогал разобраться в спорных или трудных случаях пожаротушения («Полезны ли широкие пожарные пояса, снабженные карабинами, тормозами и другими приспособлениями?»);
- раздел с объявлениями чаще всего включал рекламные предложения от страховых обществ («Страховое общество «Россия» предлагает страхование от несчастных случаев, в том числе, от огня»);
- хроника: здесь размещалась информация о происшествиях («Случай с г. Леталэ, живущим по улице Вано. В ночь с 1 на 2 января он был разбужен стоном своей 5-летней дочери. Чтобы узнать их причину, г. Леталэ встал с постели, но едва

⁹ Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1892, №1.

¹⁰ Пожары и страхование от огня в России в наблюдениях и заметках А.А. Шахт // Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1893, №1.

сделал несколько шагов, как упал без чувств. С его супругой повторилось тоже самое. К счастью, прежде чем потерять сознание, она успела доползти до звонка и позвать на помощь. Когда открыли двери, то всю семью нашли в глубоком обмороке. Причиной происшествия оказался светильный газ, течь которого произошла вследствие неисправности в уличной газопроводной трубе – неисправности, предотвратить которую было очень легко, ибо она продолжалась уже несколько дней»¹¹.

Материалы журнала предлагали расследования причин пожаров (пожары от молнии, морозы как причины пожаров, человеческая халатность и пр.). «В летописи пожаров, истреблявших и истребляющих лучшие части и строения городов как Европы, так и Америки, не малый интерес представляют случаи пожарных несчастий от специальных причин вроде, например, ударов молнии или падения метеоров»¹². В № 1 за 1892 год опубликована статья «По поводу одесских пожаров», в которой рассказывается о делах поджигателей, орудующих в городе с целью получить страховую премию.

Кроме того, публиковались подробные описания проведенных спасательных операций: «Петербургской губернии и уезда. 9 января, в 5 часов 55 минут пополудни, в Ульяновскую пожарную команду дано было знать по телеграфу о пожаре в деревне Лигово. В виду того, что одновременно с этим известием появилось в небе довольно значительное зарево, тотчас же был подан № 3, по которому к месту пожара отправились 1-е и 2-е отделения означенной команды. Оказалось, что в деревне Лигово горел одноэтажный деревянный дом местной крестьянки Загарской». Публикация содержит данные о действиях пожарной команды («С горевшего дома была снята крыша и разобран потолок»); о пострадавших («Старший топорник Трушкин при снятии крыши сильно обжег лицо и шею») и оказании им помощи («Пострадавшие в лазаретной линейке были немедленно отправлены в команду»); о причинах пожара («Пожар возник от оставленной без присмотра лампы в отсутствие хозяйки дома»); о наличии страховки («Дом был застрахован в земстве»); об ущербе («Убытку заявлено на 400 рублей»)¹³.

Особый аспект данной темы – производственные аварии. «В Шпандау, в самый день нового года, взрывом уничтожено большое количество химических веществ, заготовленных для фабрикации бездымного пороха, а несколько раньше на том же химическом заводе, во время приготовления необходимых химических материалов для казенного порохового завода, часть их взорвало вместе с котлом, причем несколько рабочих более или менее значительно изувечены»¹⁴.

На страницах анализируемого издания большое внимание уделялось реформам страхового дела, так как страховые общества выступали в качестве особо заинтересованных лиц. «Страховые учреждения в своих собственных материальных интересах обязаны заботиться о возможном улучшении и усовершенствовании противопожарной охраны во всех тех пунктах, где они имеют на своем страхе то или другое количество рисков»¹⁵.

¹¹ Там же.

¹² Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1893, № 3.

¹³ Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1893, № 2.

¹⁴ Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1893, № 4.

¹⁵ Новая пожарная труба. Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1893, № 2.

Здесь же можно было встретить и сведения правового, законодательного характера (например, «Реформа законов о поджигателях»).

Одна из ключевых тем журнала – подготовка пожарных. Для качественной и профессиональной подготовки спасателей необходимы постоянные тренировки, знакомство и работа с усовершенствованной техникой под руководством начальника команды, наличие необходимых и качественных инструментов, а также расширение умений и навыков пожарных (например, в обязанности пожарного служителя должны были входить и обязанности трубника, топорника и пр.). Важное место в связи с необходимостью подготовки кадров занимали в издании подробные рисунки и схемы техники и инструментов для пожаротушения («На прилагаемом рисунке изображена построенная заводом Г. И. Лист пожарная труба на четырехколесном ходу с дышлом и вальками»)¹⁶. «Для того, чтобы пожарная команда правильно и успешно работала на пожаре, необходимо, чтобы люди были заблаговременно, однообразно и правильно обучены тому, что они должны делать, так как от этого главным образом зависит успех огнетушения»¹⁷.

Журнал регулярно давал оценку жилым и административным зданиям с точки зрения пожарной безопасности («К вопросу о глиняных постройках», 1892, № 17), а также устройству и организации пожарного дела в различных регионах России (например, в Архангельской губернии).

В дореволюционный период данные издания еще не носили исключительно корпоративного характера, а были предназначены для широкой аудитории, нуждающейся в специализированных знаниях. Хроника журнала представляла широкую панораму событий, так или иначе связанных с пожарным делом: благотворительность (утверждение уставов обществ взаимного вспоможения при пожарных случаях); регистрация новых изобретений (выдача привилегий на сделанные изобретения) и пр.

Однако публикации, посвященные людям профессии, были уже обязательным элементом. Например, в первом номере был опубликован биографический очерк, посвященный А. П. Паскину, Санкт-Петербургскому брандмайору, входившему в состав блестящей пожарной команды города. В публикуемых на страницах журнала биографических очерках и репортажах с места ЧС формируется представление об особенностях работы пожарного ведомства.

Специализированные издания отличаются не только уникальным контентом, но и особенностями жанровой структуры, во многом обусловленной их функциональной спецификой. В периодике пожарного ведомства можно встретить широкий спектр жанров. Предпочтение отдано тем жанровым формам, которые позволяют наилучшим образом учесть особенности контента и запросы целевой аудитории. Поскольку аудитория издания была достаточно широкой: от специалистов до обычных граждан, от властных структур до страховых обществ жанровое наполнение журнала вполне отвечало такой установке.

В ходе проведенного анализа выпусков журнала «Пожарный. Вестник пожарного дела в России» нами были выделены самые частотные жанры,

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

встречающиеся на страницах издания. Их можно разделить на несколько групп по функциональному назначению.

Первую группу представляют жанры, благодаря которым аудитория издания получала своеобразный информационный дайджест, посвященный устройству пожарного дела и событиям, связанным с пожарами, охватывающий разные уголки Российской Империи и зарубежные страны. К этой группе можно отнести информационную заметку, информационную корреспонденцию.

Информационная заметка – краткое информационное сообщение, несущее в себе один факт действительности и информацию, нацеленную на удовлетворение минимальных потребностей аудитории [Тертычный, 2000]. Она отвечает на главные вопросы: «Что произошло?», «Где?», «Когда?», «Почему?», «Как?» и позволяет отражать спектр многочисленных событий отрасли, представляет своего рода мозаику событий, помогая читателю получить полное представление об изучаемом вопросе.

Информационные заметки представлены в рубриках «Хроника», «По России», «Заграничные известия»: «К предстоящему съезду пожарных деятелей херсонский брандмейстер К. И. Бессонов разрабатывает проект учреждения вспомогательного фонда для служащих в пожарных командах. В основе этого проекта будут положены статистические данные об убитых, увечных и раненых брандмейстерах и пожарных служителях городских пожарных команд»¹⁸.

Информационная корреспонденция – жанр, традиционно охватывающий конкретную социально значимую информацию, основанную на всестороннем изучении фактов и явлений, ограниченных временем и местом действия. Подчеркнем, что в своей работе редакция журнала заручилась сотрудничеством специальных корреспондентов как во внутренних губерниях России, так и за границей, что позволяло предоставлять аудитории широкую панораму событий. «В среду, 11 марта, в 10 часов вечера, по направлению к Марьиной слободке показалось с каждой минутой все увеличивающееся сильное зарево пожара, который, как оказалось, произошел за чертою города, в районе 2 стана Московского уезда, близ Камер-Коллежского вала, в начале Марьиной рощи. Горела пуговичная фабрика купцов Нового и Тверковкина»¹⁹.

Вторую группу составляют жанры, позволяющие журналу осуществлять просветительскую функцию. Отнесем к ней следующие: «вопрос – ответ», рекомендация.

Материалы в жанре «вопрос – ответ» возникали в результате соединения вопроса интересующегося лица и ответа на него компетентного лица. И это не просто заметка, признаком жанра «вопрос – ответ» в данном случае оказывается неразрывное единство вопроса и ответа [Тертычный, 2000]. «В ответ на запрос из Усмани Тамбовской губернии от Н. П. о способах устранения замерзания пожарных труб. Можно предложить: 1) При наступлении зимы обматывать механизм (то есть куб и цилиндр) пожарной трубы паклей, хлопком, войлоком или сукном» и пр.²⁰.

Рекомендация – жанр, представляющий в анализируемом издании чаще всего совет по выполнению определенных процессов и операций практической

¹⁸ Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1892 № 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же

деятельности, обеспечению процесса практической деятельности конкретными указаниями относительно выполнения определенных производственных процессов и операций. О востребованности и актуальности подобных материалов говорится в передовой статье первого выпуска журнала: «Каждое лето со всех сторон несутся вести о том, что горят леса, что огонь жадно доедает остатки того, что еще пощадил топор, и в этих жалобах слышится даже подчас нотка отчаяния и сознания своего бессилия в борьбе с огнем. Если нашему нарождающемуся на свет журналу удастся помочь хотя немного советом или указанием – будет исполнена третья задача нашего издания»²¹.

Приведем фрагмент подобной публикации: «При возведении крыши какого-либо здания или постройки, обыкновенно задаются целью выполнить, по возможности, условия прочности ее в отношении устойчивости против механических усилий снега, ветра и собственной ее тяжести, а также относительно сопротивления вредным влияниям атмосферы и дождевой воды; при этом в большинстве случаев, дешевизна материала и работы играют не последнюю роль»²².

Как уже было отмечено, материалы журнала представляли широкую панораму событий, в том числе и исторических, так или иначе связанных с пожарным делом. К жанрам, позволяющим реализовать данную функцию, можно отнести очерк, представленный в разных вариантах (исторический, биографический, путевой), обзор, обозрение, репортаж.

Очерк соединяет репортажное (наглядно-образное) и исследовательское (аналитическое) начало. Причем «развернутость» репортажного начала воспринимается как преобладание художественного метода, в то время как упор автора на анализ предмета изображения, выявление его взаимосвязей выступает как доминирование исследовательского, теоретического метода. Соответственно в ходе их применения создается или преимущественно–художественная, или преимущественно–теоретическая концепция отображаемого предмета [Тертычный, 2000]. Например, очерк «Пожарное дело в провинции», посвященный страшной картине последствий пожаров в различных уголках Российской империи. «Что прежде всего поражает в этом отношении, – это необыкновенная бедность огнегасительных средств в русских городах, даже обширных многолюдных и торговых»²².

Обзор (чаще всего подобные публикации представлены в рубрике «Технический отдел»). Материалы в данном жанре могут быть посвящены обзору каких-либо технических приспособлений для тушения пожара (например, «Топоскоп») или общему обзору работ по устройству пожарной выставки и пр. «В виду предстоящего в половине мая месяца открытия всероссийской пожарной выставки, в Михайловском манеже идет кипучая работа по ее устройству. В общих чертах манеж уже распланирован и витрины строятся одна за другою»²³.

Обозрение – жанр, предоставляющий многообразную картину действительности через явления или факты с общей тематикой, происходящие в одних временных рамках, раскрывающий связи между явлениями, тенденции развития. Подобные материалы чаще всего встречаются в рубрике «Заграничные известия»: «Все описанные несчастья,

²¹ Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1892, № 1.

²² О несгораемых крышах. Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1892, № 6.

²³ Там же.

как и другие с ними однородные, объясняются, однако, сами собой: везде причиной катастрофы является или стечение роковых обстоятельств, или злая воля»²⁴.

Репортаж. С помощью материалов этого жанра у аудитории создается ощущение присутствия на месте событий, словно читатель видит все описанное своими глазами. Этому способствует передача атмосферы: звуков, запахов, эмоций участников [Тертычный, 2000]: «В шесть часов утра собравшиеся на работу штукатуры заметили густой дым, валивший из второго этажа амбара. Тотчас же дали знать пожарным, а до их прибытия рабочие употребили все усилия, чтобы потушить разгоревшееся здание, но ничего не могли поделать. Через четверть часа весь амбар был охвачен пламенем; рабочие едва сами успели спастись из окружающего их чада и дыма, но один из них сильно пострадал: упавшие стропила нанесли ему значительные ушибы»²⁵.

Функцию мониторинга отрасли, определение проблем, существующей в ней, выполняют материалы, созданные в жанрах следующей группы: передовая статья, проблемно-аналитическая статья.

Передовая статья – редакционное или авторское выступление на злобу дня, по самому существенному вопросу текущего момента. Ее специфика заключается в особой актуальности темы, осмыслении выдвигаемых задач, конкретности обобщений и выводов. Поэтому для нее важно место публикации – самое ударное на первой странице номера. Передовая статья всегда сиюминутна, динамична по мысли и имеет конкретную привязанность к региону распространения. Передовая статья выражает точку зрения редакции по самому актуальному вопросу в данный момент. Она помогает правильно ориентироваться в проблемах общественной жизни, реагирует на самые актуальные вопросы. Основные требования: актуальность темы, глубокое раскрытие и обоснование выдвигаемых задач, конкретность и лаконичность обобщений, выводов, аргументов. Практически каждый номер «Пожарного» открывался передовицей. Например, в № 18 за 1892 год представлена статья «Желательное отношение акционерного страхования к пожарному делу», посвященная определению истинной цели огневого страхования («обеспечить население от пожарного разорения»). В передовице акцентируется вопрос: «Но дают ли теперешние страховые учреждения это обеспечение в возможно полной мере?». Ответ оказывается неутешительным: «Нет, они полагают всю свою миссию в том, чтобы дать страхователю денежные средства для постройки нового здания взамен сгоревшего»²⁶.

Проблемно-аналитическая статья – журналистский жанр, представляющий скрупулезное исследование какого-либо актуального («больного») вопроса, целью которого становится обоснование мнения по поводу того или иного вопроса через анализ обстановки, действительности, обобщение, вывод и рекомендацию. В качестве примера приведем публикацию «От чего зависят размеры пожарных бедствий». «Чем же, однако, объяснить такое заключение французского журнала? Да разве торопливостью, воспрепятствовавшей ему углубиться в предмет, о котором он взялся

²⁴ Там же.

²⁵ Пожарный. Вестник пожарного дела в России, 1892, № 6.

²⁶ Желательное отношение акционерного страхования к пожарному делу. *Пожарный. Вестник пожарного дела в России*, 1892, № 18.

говорить: если бы не это, он, без сомнения, догадался бы о массе других причин, обуславливающих в Америке частые и разрушительные пожарные бедствия. Америка – как мы уже не раз указывали – страна по преимуществу эксцентричностей, свободомыслия и своеволия. Эти качества национального характера кладут свой густой отпечаток и на все без исключения стороны ее быта. Не этим ли объясняются, например, неслыханные даже в переполненной жителями западной Европе 20-этажные здания, до крыш которых не достанет никакая лестница и никакой пожарный рукав?»²⁷.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что отечественная дореволюционная журналистика чрезвычайных ситуаций уже на данном этапе развития являла собой единство профилактического, превентивного и оперативного информирования о чрезвычайных происшествиях как для специалистов отрасли, так и для широкой аудитории.

Публикации должны были формировать чувство социальной ответственности, как у специалистов отрасли, так и у населения, давать необходимые нормы и рекомендации по правилам безопасности при пожарах.

Первые образцы медиа текстов о чрезвычайных ситуациях уже демонстрируют формирование определенных стратегий информационного воздействия на аудиторию (рекомендации для выбора верных и действенных решений в кризисной ситуации, инструкции и руководства к действию, установка правовых аспектов происшествия и контроль соблюдения действующих постановлений, организация помощи пострадавшим и пр.).

Журнал «Пожарный. Вестник пожарного дела в России» заложил основы периодики соответствующей тематики. Его материалы формировали определенную систему для роста квалификации профессионалов чрезвычайного ведомства. Уже в 1894 году его начинание было подхвачено новым изданием «Пожарное дело».

В современном отечественном медиапространстве журналистика чрезвычайных ситуаций представлена, прежде всего, ведомственной печатью МЧС Российской Федерации. К ней относятся журнальные издания («Полезные советы спасателей», «Гражданская защита», «Пожарное дело», «Пожарная безопасность», «ОБЖ») и газета («Спасатель МЧС России»), освещающие различные аспекты работы спасателей. Продолжая тенденции дореволюционных изданий, они информируют о важнейших вопросах в области гражданской обороны, о комплексных (в том числе, профилактических) мерах, предпринимаемых для защиты людей и территорий, на которых они проживают, от катастроф, имеющих природный или техногенный характер.

Литература и источники

- Аллер, С. И. (1826). *Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа ноября 1824 года*. Санкт-Петербург: Типография Департамента Народного Просвещения.
- Берх, В. Н. (1826). *Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге*. Санкт-Петербург: Морская типография.
- Грамотчикова, Н. Б. (2018). Эпидемии, болезни и противодействие им как ресурс развития СМИ («Оренбургские губернские ведомости». 1840–1850). *Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 мая 2018 г.)* (с. 124–127). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

²⁷ От чего зависят размеры пожарных бедствий // Там же.

- Емельянов, Г. И. (2017). Деятельность СМИ в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций различного характера. *Таврический научный обозреватель*, 2(29), 41–46.
- Лахтин, М. Ю. (1909). *Борьба с эпидемиями в допетровской Руси*. Москва: типография торгового дома Мошкина и Ге.
- Лозовская, Е. К. (2015). Предпосылки появления жанра журналистики происшествий в прессе России в XVIII веке. *Заметки ученого*, 3, 51–56.
- Мельник, Г. С., & Михайлов, С. А. (2013). Соккрытие информации как отсутствие культуры безопасности. *Гуманитарный вектор. Серия. История, политология*, 3(35), 145–153.
- Пронина, К. К. (2015). Освещение экстремальных событий в Российской прессе (на материале изданий «Российская газета» и «Русский репортер»). *Огарев-Online*, 19(60), 2.
- Сорока, Д. В. (2010). Формирование имиджа ведомства информационными потоками (на примере МЧС России). *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение*, 4, 59–64.
- Тертычный, А. А. (2000). *Жанры периодической печати: учебное пособие*. Москва: Аспект Пресс.
- Фокина, О. А. (2011). Освещение чрезвычайных ситуаций как индикатор качества региональной повестки дня в общероссийских СМИ. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 6, 97–114.
- Шашкова, Е. В. (2023). Медицинская периодика дореволюционного Омска: тематическое и жанровое своеобразие. *Медиа как фактор адаптации человека к социальным, экономическим и политическим изменениям: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 г.)* (с. 119–124). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 01.02.2025
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Шашкова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского», Россия.
ORCID: 0000-0002-8063-7671; e-mail: shashkova-lenochka@list.ru

RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY EMERGENCY JOURNALISM

Elena V. Shashkova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Abstract. The social function of journalism is one of the most important in the modern world. Emergency journalism occupies a special place in covering natural and man-made disasters, accidents and situations associated with a threat to the safety of life of the population. This factor determines the relevance of this presented study. The subject of the study is the content, genre and functional uniqueness of Russian pre-revolutionary emergency journalism. The purpose of the study is to identify the thematic, genre and functional specifics of Russian pre-revolutionary emergency journalism (using the first fire department publications as an example). To achieve this goal, it is necessary to solve the following research tasks: to find out the historical and socio-political prerequisites for the formation of domestic emergency journalism, to outline the thematic and functional originality of media texts devoted to natural and man-made disasters. The empirical material is the *Pozharnyy. Vestnik pozharnogo dela v Rossii (Firefighter. Bulletin of Firefighting in Russia)* publication. The chronological period of the study is 1892–1896. Research methods used in the work include descriptions and observations, historical method and content analysis.

Keywords: emergency journalism, social responsibility of journalists, epidemic, man-made disaster, natural disaster, firefighting.

For citation: Shashkova, E. V. (2025). Russian pre-revolutionary emergency journalism. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 258–271. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).258-271](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).258-271)

References

- Aller, S. I. (1826). *Description of the flood that occurred in St. Petersburg on November 7, 1824*. St. Petersburg: Departament Narodnogo Prosveshcheniya Publ. (In Russian).
- Berkh, V. N. (1826). Detailed historical information about all the floods that have occurred in St. Petersburg. St. Petersburg: Morskaya tipografiya Publ. (In Russian).
- Fokina, O. A. (2011). Emergencies coverage as an indicator of the quality of regional agenda in federal media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 6, 97–114. (In Russian).
- Gramatchikova, N. B. (2018). Epidemics, diseases and counteraction to them as a resource for media development (Orenburg Gubernskie Vedomosti. 1840–1850). *Priorities of mass media and values of the journalistic profession: materials of the International scientific and practical conference (Ekaterinburg, May 17–18, 2018)* (pp. 124–127). Ekaterinburg: Ural University Publ. (In Russian).
- Lakhtin, M. Yu. (1909). The fight against epidemics in pre-Peter Russia. Moscow: Moshkin and Ge Publ. (In Russian).
- Lozovskaya, Ye. K. (2015). Prerequisites for the emergence of the genre of incident journalism in the Russian press in the 18th century. *Scientist's Notes*, 3, 51–56. (In Russian).
- Melnik, G. S., & Mikhaylov, S. A. (2013). Concealment of information as a lack of safety culture. *Humanitarian vector. Series: History, Political Science*, 3(35), 145–153.
- Pronina, K. K. (2015). Coverage of emergency events in the Russian press (based on the publications «Rossiyskaya Gazeta» and «Russkiy Reporter»). *Ogarev-Online*, 19(60), 2. (In Russian).
- Shashkova, E. V. (2023). Medical periodicals of pre-revolutionary Omsk: thematic and genre originality. *Media as a factor in human adaptation to social, economic and political changes: collection of materials of the International scientific and practical conference (Ekaterinburg, April 20–22, 2023)* (pp. 119–124). Ekaterinburg: Ural University Publ. (In Russian).
- Soroka, D. V. (2010). Formation of the department image by information streams (as in the case of the Ministry of Emergency Situations of Russia). *Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism*, 4, 59–64. (In Russian).
- Tertychny, A. A. (2000). *Genres of periodicals*. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
- Yemelyanov, G. I. (2017). Mass media activities under the conditions of various extreme situations emergency. *Tavrishesky Scientific Observer*, 2(29), 41–46. (In Russian).

First Published

Received 01.02.2025

Accepted 15.03.2025

About the author

Shashkova Elena Viktorovna – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

ORCID: 0000-0002-8063-7671; e-mail: shashkova-lenochka@list.ru

РОЛЬ НОВГОРОДСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (1838–1916)

А. Л. Семенова

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия*

Аннотация. В статье анализируется вклад местной интеллигенции в развитие новгородской журналистики. В работе подчеркивается внесловный характер понятия интеллигенция, который используется в статье о дореволюционной новгородской журналистике. Большую роль в становлении периодики сыграли редакторы неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей», деятельность этого издания была ценным опытом для местных авторов. Освещается вопрос об истории изданий, которые не были разрешены Главным управлением по делам печати и причины отказов просителям. Издание частных газет и журналов в Новгороде демонстрирует высокую заинтересованность местной интеллигенции в самопрезентации в губернском и даже общеимперском масштабе. Наличие местных газет и журналов – важный показатель культурного и интеллектуального уровня новгородской интеллигенции, хотя близость к столицам существенно осложняла развитие журналистики в губернии.

Ключевые слова: интеллигенция, Новгород, Новгородская губерния, газеты, журналы.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Правительства Новгородской области, проект № 24-18-20074 «Новгородская журналистика (1838–1900): становление, развитие, традиции и новации», <https://rscf.ru/project/24-18-20074/>.

Для цитирования: Семенова, А. Л. (2025). Роль новгородской интеллигенции в развитии печати Новгородской губернии (1838–1916). *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 272–283. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).272-283](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).272-283)

В России интеллигенция традиционно играет большую роль в развитии отечественной журналистики. Понятие «интеллигенция» имеет множество толкований в современной науке, но для данного исследования более точным будет суждение Д. Н. Овсяннико-Куликовского, писавшего в 1911 году: «В культурных странах <...> интеллигенция, то есть образованная и мыслящая часть общества, созидая и распространяющая общечеловеческие духовные ценности (курсив автора – А. С.), представляет собою, если можно так выразиться, величину бесспорную, ясно определившуюся, сознающую свое назначение, свое призвание». В России, по мысли автора, «интеллигенция является чем-то новым и необычным, величиною не “бесспорною”, не определившеюся: она созидается и стремится к самоопределению» [Овсяннико-Куликовский, 1989, с. 4]. При этом автор уклоняется от сословного подхода к определению понятия, так как в дореволюционной России образование было доступно различным слоям: реальные училища и гимназии, семинарии и институты, университеты. Важным фактором было самообразование, ярким примером чему может служить биография А. М. Горького. Поэтому «образованная и мыслящая часть общества», несомненно, включала в себя представителей различных сословий.

Периодическая печать исторически была мощным ресурсом для самоопределения русской интеллигенции, ее саморефлексии по поводу общественной роли и влияния на общество. Эта тенденция была характерна и для столичных изданий, и для провинциальных.

История новгородской журналистики находится в центре внимания современных исследований, важным свидетельством этого стал выход коллективной монографии С. А. Козлов, И. В. Василенко, О. С. Кавецкая, А. Л. Семенова, Д. Н. Васильева «Официальные издания Новгородской губернии: “Новгородские губернские ведомости” (1838–1918), “Новгородские епархиальные ведомости” (1875–1920)» [Козлов и др., 2024]. Новгород – губернский центр на северо-западе России. Он исторически находился между двух столиц, но в стороне от Николаевской железной дороги. Эти обстоятельства серьезно мешали развитию местной периодики: с одной стороны, мало было информационных поводов, например, о гастролях артистов, с другой – в город приходили довольно быстро Санкт-Петербургские и московские издания.

В 1886 году, по свидетельству А. В. Круглова, новгородцы подписывались на 17 ежедневных изданий и общее количество составляло 602 экземпляра; на 21 еженедельное издание – 561 экземпляр; иных изданий было 21 и они составляли 215 экземпляров. К этой статистике автор дает комментарий, подчеркивая, что население города составляло 20 000 жителей: «несмотря на то, что в городе несколько женских учебных заведений, специальный орган “Женское образование” выписывается только в одном экземпляре; из юмористических журналов новгородцы тяготеют к самому скабрёзному – “Шуту”, “Колосьям” предпочтение перед “Русской Мыслью” и “Северным Вестником”, “Свету” преферанс, вероятно, за дешевизну, “Сын Отечества” выписывается, конечно, по привычке, ну, а о “Ниве” нечего и говорить, – где ее нет! Дети почти совсем забыты» [Круглов, 2016, с. 110–112].

Новгородским редакторам-издателям сложно было составлять конкуренцию столичным издателям, однако потребность в местной информации у новгородцев, несомненно, была, и первым изданием, которое реализовало этот запрос, стали «Новгородские губернские ведомости», созданные по указу Николая I в 1838 году как часть региональной системы печати в Российской империи. Неофициальная часть газеты отражала жизнь губернии в различных аспектах: экономическом, сельскохозяйственном, краеведческом, культурном. обстоятельный обзор персоналий тех, кто сотрудничал с местными ведомостями, показывает, что широкий круг местной интеллигенции выступал в качестве редакторов неофициальной части:

преподаватели гимназии:

Игнатий Викторович Лесневский,
Иван Матвеевич Вишневский,

чиновники:

Александр Антонович Воинов, титулярный советник,
Федор Николаевич Павлинский, директор народных училищ,
Михаил Андреевич Селигерский, коллежский секретарь при губернском правлении,
князь Петр Волконский, исправляющий должность сверхштатного младшего чиновника особых поручений при Губернаторе,

Сергей Иванович Градов, председатель ссудосберегательной кассы служащих в правительственных установлениях Министерства Внутренних Дел (также в 1916 г. занимал должность редактора газеты «Северный беженец»).

священники:

Иоанн (Илья) Алексеевич Подобедов, протоирей,
Александр Павлович Семеновский, священник Никольского собора,
Сергий Васильев, священник.

В 1917 году и до февраля 1918 – редактором Новгородских губернских ведомостей был врач Абрам Моисеевич Марголин [Козлов, 2014, с. 38–39].

Сроки, которые предполагали исполнение обязанностей редактора неофициальной части, были различными – от нескольких лет до нескольких месяцев, и даже недель. Как отмечает С. А. Козлов, «...редакторами неофициальной части становились представители интеллигенции – учителя, врачи, духовные лица, земские деятели, которым образование позволяло выполнять эту деятельность. Гонорары в официальных изданиях не предполагались, все публикации рассматривались как выполнение общественного долга: «Печатное слово есть неоспоримо самое лучшее и верное средство соединить общество, развить мену мыслей и сообщить полезные сведения. Для этого может служить посредником Неофициальная часть Губернских Ведомостей» (НГВ. 1863. № 49)» [Козлов, 2022, с. 380].

Заметный вклад в редакционную политику «Новгородских губернских ведомостей» и развитие местной журналистики внесли лишь немногие из тех, кто занимал должность редактора. Например, Иван Матвеевич Вишневский, который был редактором неофициальной части местных ведомостей с 1857 по 1863 год, оставил яркие и содержательные публикации очеркового характера. Как человек образованный и начитанный, хорошо знающий современную ему литературу, он писал развернутые, стилистически выразительные материалы, зачастую используя эзопов язык: «Скоро конец 1857 году, и Слава Богу! Хорошего про него, правду сказать нечего, худого же много; даже и у нас в провинции, все, или почти все, им не довольны, так за что же сказать ему доброе слово. <...> С первых дней все пошло наизнанку. Весной он не дал воды; летом оказался недостаток тепла; осень явилась без своих атрибутов – дождей и грязи, хоть это и не беда, но мы привыкли, по примеру прежних лет, иметь осень с дождями, слякотью и грязью, а привычка говорят вторая натура, так подавай же нам настоящую, подробную осень; а теперь зима без снега, с несметным количеством грязи, довершила все. Мудрено ль в таком году получать отовсюду известия о банкротствах, когда она сам так страшно обанкротился. Под военный суд его! как злостного банкрота, и, чем скорее, тем лучше. Улики на лицо. Всякий знает, что ему на каждое время отпущено было в надлежащей пропорции и тепла и холоду и снегу и грязи, а у него, на беду нам, сначала до конца, оказался во всем, кроме грязи, недостаток. Нет, любезный! понимаем, в казнокрадство пустился? не то теперь время, выведем на свежую воду. В очерках Щедрина будет места и на твою долю» [Козлов и др., 2024, с. 74]. Этот текст показывает, как авторские размышления о местной погоде вписываются в общероссийский контекст «банкротства» и «казнокрадства». Закономерно обращение Вишневского к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Среди авторов новгородского официального органа можно выделить Поликарпа Ивановича Пузино. Он был врачом, участвовал в походах в Пруссию в 1809 и 1812–1813 годах. Имел чин действительного статского советника. Как новгородский помещик, он посвящал свои материалы проблемам сельского хозяйства в Новгородской губернии. Сотрудничал с изданием с 1840 по 1856 год. Это был убедительный пример того, как образованный новгородский помещик сообщал на страницах местного издания об особенностях ведения сельского хозяйства и делился опытом с публикой. Безусловно, что оригинальные авторские материалы, а не перепечатки из столичных газет привлекали внимание новгородских читателей, и это могло содействовать росту числа подписчиков.

Яркий след среди авторов «Новгородских губернских ведомостей» оставил Руф Игнатьев, член-сотрудник Императорского Российского археологического общества. Он написал большие по объему материалы исторического характера о городищах и курганах Новгородской губернии. Эти публикации подчеркивали значимость Новгорода и его окрестностей, как тех мест, где «сконцентрировано большое количество источников и экспонатов для занятия благородным археологическим и историко-описательным трудом» [Козлов и др., 2024, с. 18].

Николай Гаврилович Богословский был выдающимся человеком: священник, историк, краевед, писатель, секретарь Новгородского статистического комитета, основатель музея древностей, руководитель археологических раскопок. Он в 1863 году был редактором неофициальной части НГВ, а в 1865–1866 годах при его содействии были изданы пять номеров «Новгородского сборника». Это уникальное издание состояло из двух отделов. Первый посвящался описанию одного из уездов Новгородской губернии, а во втором публиковались редкие исторические документы. Белозерск, Валдай, Демянск, Крестцы, Череповец – эти уездные города и одноименные уезды стали объектом пристального внимания издателя. Ценность издания в том, что номера содержали статистическую информацию, раскрывающую особенности жизни и экономики каждого из уездов, при этом помещались тексты фольклорного и этнографического содержания, дававшие историко-культурную панораму новгородского края. Издание было уникальным и потому, что читающей публике предлагались опубликованные «Белозерские писцовые книги», а также документы об истории военных поселений, переписка графа Аракчеева. Финансовые обстоятельства не позволили реализовать замысел до завершения. Это издание имеет несомненную ценность для современных исследователей истории, культуры, экономики Новгородчины.

История новгородской журналистики сохранила память о восьми «неизданных» газетах: прошения на издание не получили поддержки в Главном управлении по делам печати и были отклонены министром внутренних дел.

В XIX веке в Новгороде частная издательская инициатива встречала непреодолимые препятствия, которые создавало Главное управление по делам печати. Новгородцы, желающие издавать местную универсальную газету, подавали прошение в Главное управление, где описывали программу издания, периодичность, стоимость, место печатания. Как правило, сам проситель готов был взять на себя обязанности редактора-издателя. К прошению прикладывался формулярный список, в котором

содержалась исчерпывающая информация о просителе. Подобных прошений в XIX веке – начале XX века было восемь. Два прошения подавал Н. И. Шухвостов, четыре прошения – Н. И. Богдановский, по одному – В. М. Левшинский и А. С. Федоров. Все они были отклонены Главным управлением по причине недостаточного образования у просителей, которое не позволяло с точки зрения чиновников, выполнять функции редакторов-издателей универсальных местных газет [Семенова, 2024].

Учитель гимназии Яков Елиашевич был единственным новгородцем, который в XIX веке получил разрешение в Главном управлении по делам печати на издание в Новгороде частной универсальной газеты. «Новгородский листок» выходил всего год: с осени 1881 по осень 1882 года. Архив редакции не сохранился, но по публикациям можно судить о роде занятий и статусе тех, кто сотрудничал с изданием.

Это были представители новгородской губернской интеллигенции, как из Новгорода, так и из уездов: Тихвина, Валдая, Кириллова. Среди них были представители различных сословий: как князья (Н. Н. Еникеев), дворяне/помещики (А. А. Булатов-старший, А. М. Тютрюмов), так и мещане (Г. Г. Лихачев). По роду занятий это были земские деятели: С. Г. Бердников, П. Ф. Бровцын, Н. П. Бруханский, А. А. Булатов-старший, Н. Н. Еникеев, Н. Н. Нечаев, А. М. Тютрюмов; педагоги: С. З. Бураковский, П. С. Гурьев, Я. С. Елиашевич, И. П. Можайский; врачи: Г. Л. Леви, И. А. Михайлов, Б. А. Шпаковский, А. В. Ягмин; юристы: В. С. Передольский, Н. И. Унковский.

Этим во многом определялась тематика публикаций издания. В нем писалось о земских проблемах, экономике, образовании, медицине, ветеринарии. Большое место занимали публикации, в которых раскрывались проблемы новгородского крестьянства, так как губерния была сельскохозяйственной и промыслы в ней развивались при поддержке местной земской интеллигенции. Промышленность в Новгородской губернии XIX века была развита слабо [Семенова, 2023].

Особенностью газетных изданий века XIX было то, что их издавала новгородская интеллигенция для новгородской интеллигенции, при этом одной из ключевых была тема жизни народа. Но в силу малограмотности населения губернии массового читателя у этих изданий быть не могло.

В Новгороде XIX века было три журнальных издания: специализированный журнал «Криминалист» – теоретико-практический журнал уголовного права, который издавал судебный следователь 3 участка Новгородского уезда, округа Новгородского окружного суда Антон Юлианович Напиорковский в 1882 году. Редактор-издатель – выпускник юридического факультета Императорского варшавского университета, получивший степень кандидата права и служивший в Новгороде.

Текст прошения Напиорковского в Главное управление по делам печати показывает, что он видел свой журнал общероссийским солидным изданием по проблемам криминалистики, рассчитывал привлечь к сотрудничеству известных ученых-юристов. Подавая прошение в Главное управление по делам печати, Напиорковский сделал обширное введение, в котором раскрыл цели и задачи своего специализированного издания, подчеркнул благонадежность идейного содержания журнала, обозначил перспективы своей редакционной политики, а также

продемонстрировал свои литературные способности, чтобы убедить Главное управление в обоснованности своего желания стать редактором-издателем.

Однако на деле это получился небольшой провинциальный журнал, наполненный перепечатками из других специализированных изданий юридической направленности и отдельными текстами самого редактора-издателя. Доходов, вероятно, это не принесло, а скорее обеспечило убытки, поэтому через год редактор-издатель прекратил выпуск журнала.

Два новгородских журнала издавались на средства обществ. Это «Записки новгородского общества пчеловодства» (1880–1887) и «Протоколы общества врачей Новгородской губернии» (1887–1916). Пчеловодство на Новгородчине развивалось издревле. И. И. Корвин-Круковский – «лесничий 2-го Новгородского лесничества, коллежский асессор, уездный гласный от управления государственным имуществом Уездного земского собрания» [Василенко и др., 2023, с. 43]. Он основал первое в России Новгородское общество пчеловодства и стал вице-председателем и казначеем правления. По его инициативе издавались «Записки Новгородского общества пчеловодства», которые выходили три раза в год. В номерах журнала публиковались протоколы заседаний общества, списки членов и научно-популярная информация для пчеловодов. В общество входило немало крестьян, уровень образования которых был низким, но редакция активно обращалась к читателям с просьбой присылать материалы, написанные в меру сил и способностей, так как редакция брала на себя труд придать текстам литературную форму. Смерть издателя положила конец этому специализированному журналу.

Второе издание – новгородского общества врачей – интересно тем, что оно раскрывает активную общественную позицию новгородских медиков, которые были инициаторами создания различных проектов, служивших здоровью новгородцев: лаборатория при аптеке Гинтова, где неимущие могли бесплатно сделать анализы по направлению врача, родильный приют, который стал чрезвычайно уважаемым в губернии и был популярен у женщин из ближайших губерний, рентгеновский кабинет и т. д. Финансировались эти проекты из средств общества, которое пополнялись за счет взносов членов и состоятельных благотворителей, и, как правило, общество получало поддержку от городских властей.

Журнал выходил, как правило, ежегодно с 1887 по 1916 годы, и содержал тексты протоколов заседаний, где поднимались важные проблемы медицины: обсуждение состояния пациентов и постановка диагнозов, темы санитарно-эпидемиологического состояния в городе и губернии, а также в журнале помещались научно-популярные тексты, подготовленные членами общества. Например, М. Ф. Рабинович «Случай обширного повреждения мягких тканей плеча»¹, А. Н. Бриллиантов «О некоторых наблюдениях над холерой»², В. М. Михайлов «О вреде телесных наказаний в общественно-медицинском отношении»³.

Этот специализированный журнал рассылался по другим обществам врачей империи, формируя позитивный имидж общества новгородских врачей, которые

¹ Протоколы и сообщения общества врачей Новгородской губернии за 1891/92 год. Новгород, 1893. С. 37–39.

² Там же. С. 58–70.

³ Протоколы и сообщения общества врачей Новгородской губернии за 1895 год. Новгород, 1896. С. 95.

отличались активной общественной позицией, так как для членов общества важен «путь практического служения интересам местного населения», поэтому «в заседаниях поднимаются вопросы, касающиеся оздоровления города и губернии»⁴.

В 1899 году стал выходить «Вестник Новгородского земства», издававшийся при непосредственном участии земских деятелей. Издание выполняло административную функцию и в своей деятельности ориентировалось на губернское официальное издание [Козлов, 2015, с. 84–88.]. Журнал был содержательным, помещал большие аналитические статьи, посвященные образованию, медицине, сельскому хозяйству, кустарным промыслам, а также выполнял научно-просветительскую миссию, стремясь выявить проблему и предложить возможные пути решения. По наблюдениям С. А. Козлова, «обзором печати, вопросами устройства библиотек и распространения литературы занимался на страницах журнала Н. М. Как и другие авторы А. Тютрюмов, А. Храповицкий, А. Люст, он, вероятно, был членом земской управы. Имена Н. Еникеева или Z. можно встретить на страницах «Новгородских губернских ведомостей». В журнале они продолжили писать не только о земских вопросах, но и о благотворительных спектаклях, вечерах и проч. Многие авторы к фамилии добавляли свою принадлежность к сословию или профессии – князь, крестьянин, учитель, врач. Сотрудничать с «Вестником» корреспонденты могли не только бесплатно, как это было с другими официальными изданиями. На обложках некоторых номеров можно увидеть обращение редакции к «местным деятелям, корреспондентам и сотрудникам», в котором указывается, что по желанию статьи могут быть оплачены от 3,5 до 5 копеек за строку, то есть от 20 до 30 рублей за печатный лист» [Козлов, 2015, с. 86]. Важно подчеркнуть, что при отборе материалов редакция исходила не из сословного принципа: автором издания мог стать любой житель губернии, если его материал был интересен редакции, а следовательно, и читающей публике.

Уездные издания в XIX веке были только в Старой Руссе, что связано со знаменитым курортом Минеральных вод. Доктор Вебер, живущий в Петербурге, но летом имевший практику на курорте, решил издавать «Справочный листок старорусских минеральных вод», на что легко получил разрешение. Газета выходила с весны по август, в курортный сезон в 1881–1885 годах. Издание интересно тем, что на основе уездного листка редактор-издатель задумал сделать специализированное бальнеологическое издание общероссийского и даже мирового масштаба. Там была информация не только о российских курортах, но и европейских. Однако в таком виде издание оказалось невостребованным у читателей, и оно вынуждено было закрыться.

Более успешным был «Сезонный листок Старорусских минеральных вод», который издавал директор курорта доктор Тиличеев с 1897 года по 1904. Издание было востребованным, так как четко соответствовало своему назначению: информировать посетителей курорта с условиями, с услугами, с персоналом курорта, давать небольшие научно-популярные тексты на медицинские темы, сообщать о концертах и театральных постановках в курортном театре.

Начало XX века стало более плодотворным для редакторско-издательских и писательских амбиций новгородской интеллигенции. После нескольких неудачных попыток получить разрешение на издание частной универсальной газеты

⁴ Протоколы и сообщения общества врачей Новгородской губернии за 1894 год. Новгород, 1896. С. 100.

Нил Иванович Богдановский получил в 1902 году право издавать «Волховский листок». Богдановский – фигура сложная и неоднозначная, «актер и режиссер, издатель газеты и журналист, деловой человек и любящий отец семейства» [Секретарь, 1999, с. 103], имел в Новгороде собственный дом и собственную типографию, а также театр. Он любил эпатаж и скандальность, за что не пользовался уважением у местного образованного общества и вызывал неудовольствие местных властей, потому часто отбывал наказание в местной тюрьме: «Когда в 1910 г. Богдановского посадили на две недели в городскую тюрьму за очередной обличительный материал, то и там он время свое не тратил понапрасну, сочинив цикл статей “Из тюремной камеры № 21”» [Секретарь, 1999, с. 107]. Газета «Волховский листок» оказалась долгожителем на информационном поле губернии, просуществовав до 1917 года, так как ориентирована была на широкую публику, в том числе местного обывателя с невысоким уровнем образования и невзыскательным вкусом.

Интеллигентские газеты начала XX века «Новгородская неделя» (1906), редакторами-издателями которой были врач Е. И. Лебедев и председатель Губернской управы А. П. Шумейко; «Ильмень» (1906–1907) который вначале издавал нотариус С. Василевский, а затем старший фабричный инспектор Новгородской губернии М. А. Рубакин, и он же издавал с 1909 по 1911 год газету «Новгородская жизнь».

Это были качественные провинциальные газеты. Их судьба неотделима от социально-исторического контекста, в котором они существовали: отмена в 1905 году предварительной цензуры для провинциальных изданий, Манифест 17 октября 1905 года, даровавший гражданские свободы населению Российской империи, выборы в I и II Государственную думу, постреволюционный период под управлением П. Столыпина.

В дизайне и содержании частные новгородские газеты ориентировались на популярный в столицах и хорошо известный в провинции тип универсальных газет. Газеты читали, в редакцию приходили многочисленные корреспонденции из уездов и письма читателей. Но «Новгородская неделя» (редакторы-издатели Лебедев и Шумейко) и «Ильмень» (редакторы-издатели Василевский, затем Рубакин) закрылись под давлением местных властей, а «Новгородская жизнь» (редактор-издатель М. Рубакин) закрылась сама в связи с убытками. Уровень доходов в губернии был невысок, потому тиражи издания не окупали ее выпуск. Сотрудниками этих газет были новгородские врачи, учителя, юристы, земские деятели.

Журналы «Страж», «Гусельки яровчаты» стали яркими примерами российской региональной журналистики начала XX века. Еженедельный литературно-сатирический юмористический журнал «Страж» (1906–1907) отличался очень качественным художественным оформлением: картинки, карикатуры. В нем можно встретить различные жанры: рассказы, сценки, анекдоты шутки, каламбуры, остроты, на местную и общую злобу дня. Девиз журнала: «Иду вперед!!!».

Никого «Страж» не забудет,
Видит зло и обличит.
Также другом тому будет,
Кто за правду с ним стоит.
Наконец всем объявляю
Мой девиз: «Иду вперед!!!»

И с собою приглашаю
Новгородский весь народ.
Пигалица (№ 1, 1906).

Редактором-издателем журнала была Зинаида Аркадьевна Слезкинская – жена известного новгородского краеведа, публициста, члена Новгородского общества любителей древности Александра Григорьевича Слезкинского [Василенко и др., 2023, с. 59]. В текстах журнала высмеивались новгородские обыватели, темные дельцы деревни, бюрократы, чиновники, купцы, общественные деятели. Критика была зачастую весьма острой, поэтому журнал вынужден был прекратить свой выход.

Журнал «Гусельки яровчаты» с 1910 по 1914 год издавал преподаватель Новгородской духовной семинарии Аркадий Михайлович Покровский, преподававший церковное пение, теорию и историю музыки [Василенко и др., 2023, с. 54–55]. Обложку для журнала, где главной фигурой был Садко с гуслями на фоне новгородского кремля, нарисовал известный русский художник Иван Билибин. Это было качественное специализированное музыкальное издание, пользовавшееся популярностью за пределами Новгорода. Научно-популярные тексты, информация о музыкальной жизни губернии, приложения с нотами. Издание вынуждено было закрыться в связи с событиями Первой мировой войны, так как возникли трудности материально-технического характера.

Не только в губернском центре представители образованного общества проявляли свой интерес к журналистике. Уездная интеллигенция активно сотрудничала с новгородскими изданиями, начиная с Новгородских губернских ведомостей, где на волне реформ было опубликовано немало корреспонденций о проблемах уездной жизни. Этот опыт был потом активно использован «Новгородским листком», а позднее – в начале XX века – как губернскими, так и уездными изданиями.

В начале XX века можно отметить уездные газеты Старой Руссы, Боровичей, Холма, Череповца, журналы Тихвина. Уездная интеллигенция в начале XX века в новых цензурных условиях получила возможность реализовать свои редакторско-издательские амбиции и с энтузиазмом воспользовалась этим. Как писал редактор-издатель «Холмיתянина» (1910–1911) Н. Н. Павлов в первом номере газеты: «Приступая среди возможных трудностей и лишений к выпуску в свет нового повременного издания «Холмיתянин», редакция высказывает надежду, что холмичи пойдут навстречу иметь в своем родном захолустном городе живое слово печати. Ведь печатное слово есть самый лучший друг современного человека. Цель выпуска – дать возможность молодежи испробовать силы на литературном поприще. Редакция с удовольствием будет принимать всякий литературный труд, будь то рассказы, фельетоны, научные статьи и стихотворения. Цель газеты – ознакомить население с общественной жизнью России и уезда». Подобные устремления были характерны для всех уездных издателей. Для уездного города факт выхода местной газеты в начале XX века был свидетельством интеллектуального и творческого потенциала местной интеллигенции. Уездное издание предоставляло информационное пространство для одаренных местных авторов, имеющих активную общественную позицию.

По мнению В. Ф. Блохина, уже в конце XIX века «реализовалась главная задача, выдвигаемая самой провинциальной печатью: она “во всех губернских центрах

постепенно завоевала себе права гражданства и зачастую являлась действительной руководительницей местного сообщества”» [Блохин, 2009, с. 319].

История новгородской журналистики показывает, что она развивалась по инициативе местного образованного общества, которое не имело четких сословных ограничений, и выполняла важную информационную (в рамках существующих цензурных правил) функцию, предлагая читательской аудитории тексты на злободневные темы общественной жизни: экономики, сельского хозяйства, образования, медицины. Политическая направленность местных изданий смогла проявиться лишь в условиях революций: 1906–1907 годы и 1917. При этом палитра политических направлений в Новгороде была весьма разнообразна: от либеральных до радикально-демократических идей.

Газеты и журналы Новгородской губернии служили площадкой для реализации общественных устремлений редакторов-издателей и сотрудников, авторов изданий. Приглашая к участию в газетах и журналах новгородцев, редакции содействовали тому, что круг образованных и мыслящих людей, ориентированных на общечеловеческие ценности, расширялся за счет корреспондентов, авторов писем и статей. А это, в свою очередь, способствовало росту интеллектуального и культурного потенциала Новгородчины.

Литература и источники

- Блохин В. Ф. (2009). *Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление печатного дела в российской провинции 1830-е – 1870-е гг.* Брянск: Курсив.
- Василенко, И. В., Васильева, Д. Н., Козлов, С. А., & Пустная, Л. А. (сост.). (2023). *Словарь издателей, редакторов, авторов статей в новгородских периодических изданиях (1838–1927)*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.
- Козлов, С. А. (2014). *Образ региона в официальной печати российской провинции (на примере «Новгородских губернских ведомостей» 1838–1918): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.
- Козлов, С. А. (2015). Периодическая печать Новгородского земства (1899–1917). *Журналистский ежегодник*, 4, 84–88.
- Козлов, С. А. (2022). Авторы официальных изданий Новгородской губернии (1838–1920). *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 4(43), 380–383. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.4\(43\).380-383](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.4(43).380-383)
- Козлов, С. А., Василенко, И. В., Кавецкая, О. С., Семенова, А. Л., & Васильева, Д. Н. (2024). *Официальные издания Новгородской губернии: «Новгородские губернские ведомости» (1838–1918), «Новгородские епархиальные ведомости» (1875–1920)*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.
- Круглов, А. В. (2016). *На исторической реке (Путевые негативы)*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.
- Овсяннико-Куликовский, Д. Н. (1989). *Литературно-критические работы: в 2 т. Т. 2: Из «Истории русской интеллигенции». Воспоминания*. Москва: Художественная литература.
- Секретарь, Л. А. (1999). *Дома, события, люди (Новгород. XVIII – начало XX вв.)*. Великий Новгород, Санкт-Петербург: Кириллица.
- Семенова, А. Л. (2023). «Новгородский листок» (1881–1882): в поисках актуальной региональной идентичности. *Филологические науки: научные доклады высшей школы*, 1, 116–124.
- Семенова, А. Л. (2024). Провинциальная газета как культурный феномен (на материале новгородских изданий 1838–1916 гг.). *Вопросы журналистики*, 16, 178–195.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 01.03.2025
Принята к публикации 02.04.2025

Об авторе

Семенова Александра Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.
ORCID: 0000-0002-8963-3888; e-mail: alsemenova@mail.ru

NOVGOROD INTELLIGENTSIA'S ROLE IN NOVGOROD-PROVINCE PERIODICAL-PRESS DEVELOPMENT (1838–1916)

Aleksandra L. Semenova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Abstract. The article analyzes the contribution of the local intelligentsia to the development of Novgorod press. The work emphasizes the extra-subjective nature of the *intelligentsia* concept used in the article about pre-revolutionary Novgorod press. The editors of the unofficial part of the *Novgorodskie Gubernskie Vedomosti* newspaper (Novgorod Provincial Gazette) played a major role in the development of periodicals; the activities of this newspaper were a valuable experience for local authors. The issue of the history of publications that were not authorized by the Main Directorate for Press Affairs and the reasons for refusals to applicants is covered. The publication of private newspapers and magazines in Novgorod demonstrates the high interest of the local intelligentsia in self-presentation on a provincial and even imperial scale. The presence of local newspapers and magazines is an important indicator of the cultural and intellectual level of the Novgorod intelligentsia, although the proximity to the capitals significantly complicated the development of press in the province.

Keywords: intelligentsia, Novgorod, Novgorod province, newspapers, magazines.

Acknowledgments: the research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Novgorod Region, project No. 24-18-20074 “Novgorod Journalism (1838–1900): Formation, Development, Traditions, and Innovations”, <https://rscf.ru/project/24-18-20074/>.

For citation: Semenova, A. L. (2025). Novgorod intelligentsia's role in Novgorod-province periodical-press development (1838–1916). *Memoirs of NovSU*, 2(57), 272–283. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).272-283](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).272-283)

References

- Blokhin, V. F. (2009). *Newspaper province: State management of periodicals and the formation of printing in the Russian province in the 1830s – 1870s*. Bryansk: Kursiv Publ. (In Russian).
- Kozlov, S. A. (2014). *The image of the region in the official press of the Russian province (on the example of the Novgorod Provincial Gazette 1838–1918)*: dissertation for the degree of Cand. Sci. in Philology. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russian).
- Kozlov, S. A. (2015). The periodical press of the Novgorod Zemstvo (1899–1917). *Journalistic Yearbook*, 4, 84–88. (In Russian).
- Kozlov, S. A. (2022). Authors of official publications of the Novgorod province (1838–1920). *Memoirs of NovSU*, 4(43), 380–383. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.4\(43\).380-383](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.4(43).380-383) (In Russian).
- Kozlov, S. A., Vasilenko, I. V., Kavetskaya, O. S., Semenova, A. L., & Vasilyeva, D. N. (2024). *Official publications of the Novgorod province: “Novgorodskiye Gubernskiye Vedomosti” (1838–1918), “Novgorodskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti” (1875–1920)*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).
- Kruglov, A. V. (2016). *On the historical river (travel negatives)*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. (1989). *Literary and critical works: in 2 vols. Vol. 2: From the history of the Russian intelligentsia. Memories*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russian).

- Secretar', L. A. (1999). *Houses, events, people (Novgorod. XVIII – early XX centuries)*. Veliky Novgorod, St. Petersburg: Kirillitsa Publ. (In Russian).
- Semenova, A. L. (2023). "Novgorod Leaflet" (1881–1882): In search of relevant regional identity. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 1, 116–124. (In Russian).
- Semenova, A. L. (2024). Provincial newspaper as a cultural phenomenon (based on the material of the Novgorod periodicals of 1838–1916). *Russian Journal of Media Studies*, 16, 178–195. (In Russian).
- Vasilenko, I. V., Vasilyeva, D. N., Kozlov, S. A., & Postnaya, L. A. (Comp.). (2023). Dictionary of publishers, editors, and authors of articles in Novgorod periodicals (1838–1927). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).

First Published
Received 01.03.2025
Accepted 02.04.2025

About the author

Semenova Aleksandra Leonidovna – Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
ORCID: 0000-0002-8963-3888; e-mail: alsemenova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ ИНТЕРВЬЮЕРА В СЕТЕВОЙ СРЕДЕ

Д. К. Лаптиева

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Аннотация. В настоящее время видеointервью в медиапространстве является наиболее популярной вариацией жанра. Наполнение интервью зависит как от тематической направленности разговора и канала-транслятора, так и от личности ведущего. Именно от него, как от «хозяина» диалога, во многом зависят обсуждаемые вопросы, настроение и лояльность гостя и, соответственно, ход всей беседы. Современные интервьюеры сетевого пространства находятся в срединном положении между блогерами и телевизионными ведущими, поэтому изучение их коммуникативного набора представляется наиболее интересным. Для полноты анализа в данной работе рассмотрены несколько форматов интервью: неформальное, публикуемое независимым автором; проправительственное, выходящее на каналах официальных органов власти; информационно-развлекательное, публикуемое пресс-службой университета. В каждом из них проанализирована личность интервьюера с персональным поведенческим набором и навыками, а также сделаны выводы о критериях успешной коммуникации.

Ключевые слова: интервью, коммуникация, новые медиа, видеоконтент, интервьюер, интервьюируемый.

Для цитирования: Лаптиева, Д. К. (2025). Особенности коммуникативной личности интервьюера в сетевой среде. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 284–293. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).284-293](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).284-293)

Жанр интервью стал свидетелем того, как развивались журналистика, медиасфера и человечество в целом. На протяжении практически двух веков, первым интервью в истории принято считать американскую криминальную статью, опубликованную в 1836 году [Broersma, 2008, p. 145], жанр невероятно востребован. Изначально являясь мономодальным, но с развитием общества и технологий, он становится мультимодальным [Блинова, 2020, с. 88] – появляется на радио, телевидении и в сетевом пространстве. Распространенность интервью, как и любого другого «продукта», обусловлена законом: спрос рождает предложение. Очевидно, что жанр интервью популярен много лет, потому что аудитория благоприятно его воспринимает, а это, в свою очередь, означает, что авторы умеют выстраивать разговор в правильном ключе.

Интернет дал творцам свободу, которая была недоступна прочим средствам массовой информации. Сейчас стать автором может каждый – достаточно использовать гаджет с доступом в интернет. Безусловно, жанр интервью не так прост в своем исполнении, но, тем не менее, в современном мире примерить на себя роль интервьюера может каждый желающий. Такое переосмысление представлений и изменение опыта приводит к формированию новых оснований и способов коммуникации [Зубок, 2019, с. 141]. Благодаря технической облегченности процесса и простоте распространения контента в настоящее время публика регулярно узнает имена новых интервьюеров. Наибольшее количество авторов занимается созданием именно видеоконтента. Исследования 2023 года показали, что интернетом в России пользуется 83 % населения старше 12 лет, а 81 % делает это ежедневно. Доля потребления

видеокартента растёт: в 2022 году она составила 16 %, а в 2023 – 18 %¹. Предполагаем, что в 2024 она также стабильно идёт в верх и составит порядка 20 %. Кроме того, 40 % из 200 тысяч россиян предпочитают смотреть новости, интервью и объясняющие ролики².

Статистические данные позволяют нам говорить о популярности жанра интервью в сетевом пространстве, что означает его развитие и адаптацию к новым условиям трансляции и потребления. В силу новизны явления важно не просто наблюдать за происходящими трансформациями, но и фиксировать их в научном аспекте. Для своевременного освоения медианауки представляется ценным глубинное и разностороннее изучение эмпирического материала с последующим его осмыслением в теоретические труды. Именно это подтверждает актуальность данного исследования – в работе проанализированы особенности коммуникации современных сетевых интервьюеров и описаны выводы.

Для начала важно отметить, что сетевые и телевизионные интервью довольно похожи – в целом их можно объединить и назвать «экранными интервью», тем более что сетевой видеоконтент развивался в определенном взаимодействии с телевидением [Шестерина, 2021, с. 90]. Именно поэтому, а также в силу степени изученности, анализируя сетевые интервью, можно частично опираться на научные труды, описывающие телевизионный контент.

Т. А. Киселева, например, раскрывает понятие «телеинтервью» как реализованную в аудиовизуальном формате коммуникацию, «предполагающую диалогическое общение коммуниканта А (журналиста) с коммуникантом Б (респондентом) либо коммуникантами Б1, Б2 (двумя респондентами) в пределах первого коммуникационного круга, т. е. в ситуации последовательного использования вопросно-ответных единств, проецируемого на массового реципиента-телезрителя – коммуниканта Р второго коммуникационного круга. <...> Неизменными критериями остаются диалогичность и устность, которые трансформируются в соответствии с условиями коммуникативной ситуации телеинтервью и приобретают асинхронный, технизированный характер. В роли коммуникантов здесь выступают интервьюер, интервьюируемый и реципиент-телезритель» [Киселева, 2009, с. 102]. Исследуемые сетевые интервью в полной мере соответствуют данному определению.

Чтобы рассмотреть разнообразие коммуникативных наборов интервьюеров, мы выбрали несколько видов программ, отличающихся друг от друга, во-первых, каналом распространения и, во-вторых, целями и задачами публикации. Исследованы материалы в количестве пяти выпусков из каждой категории и опубликованные в период с 2021 по 2024 год: интервью на RuTube-канале «Алена, блин!», записи прямых эфиров на странице Правительства Воронежской области в социальной сети ВКонтакте и выпусков интервью в группе Воронежского государственного университета инженерных технологий во ВКонтакте.

Термины «коммуникация», «коммуниканты», «коммуникабельность» уже вышли из лексикона специальных наук и осваиваются в массовом сознании. По характеру

¹ Медиапотребление 2023. *Mediascope*. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/226/e7lwh96qizxpwhf1rj2ttfzkwlle8vr8/медиапотребление%202023.pdf> (дата обращения: 30.09.2024).

² Исследование Rambler & Co. Россияне привыкли смотреть видеоконтент по вечерам и не любят ни с кем его обсуждать. *Rambler & Co*. URL: <https://rambler-co.ru/news/577> (дата обращения: 30.09.2024).

отношений коммуникация имеет наиболее выраженный практическо-информационный характер, а общение отличается преимущественно духовным, чем информационным характером [Стриганкова, 2012, с. 147]. Предметом анализа стала коммуникативная личность интервьюера. Под этим понятием подразумевается «человек, который существует в языковом пространстве, коммуникации, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке и текстах» [Афанасьева, 2016, с. 15]. Более того, в медиасреде любое социальное действие, подобно драматургическому, ориентировано на стремление произвести впечатление на публику или собеседника [Вербилович, 2013, с. 45].

В интервью, которое проходит в форме диалога, одним из главных достижений является взаимопонимание. В первую очередь его свершение реализуется посредством речи. Юрген Хабермас отмечает, что «языковое сообщение достигает своей цели, если принимается другими членами языкового общества. <...> Понимание будет достигнуто, если слушатель воспринимает сообщение и может ответить “да” или “нет”. Однако понимание неверно ограничивать чисто речевым актом, так как цель общения лежит вне языка. В таком случае его можно определить, как часть социального действия» [Хабермас, 2000, с. 319].

Действительно, речь является лишь частью коммуникации, однако самой весомой, поэтому языковая личность выступает важнейшим элементом процесса межличностного взаимодействия. При этом немаловажным элементом достижения необходимого уровня общения является толерантность. Коммуникативная толерантность отражает уровень приемлемых или неприемлемых норм поведения во взаимоотношениях партнеров по общению, что в конечном итоге влияет на результат беседы [Донскова, 2017, с. 77].

Существующие на данный момент теоретические материалы о телеведущих позволяют нам провести анализ на своей базе и провести аналогию с телевизионными интервьюерами. Так, в трудах А. М. Шестериной «Имидж телеведущего» описано понятие «коммуникативной личности телеведущего», полностью соотносящееся с коммуникативной личностью сетевого интервьюера – «это определенные компоненты личности человека, которые актуализируются им в целях повышения эффективности экранной коммуникации» [Шестерина, 2019, с. 124]. Также в работе описаны факторы, из которых состоит коммуникативная личность – возьмем эту классификацию за основу анализа.

К факторам содержательности речевого общения относится тематический диапазон и познавательная ценность сообщения; к текстоформирующим – кульминация сообщения, доказательность тезисов, акцентирование смысла, компактность подачи информации; факторы, отражающие нормированность индивидуального стиля, – словарный запас, функционально-стилистическая доминанта, стиль речи, подготовленность речи, орфоэпическая нормативность, наличие речевых ошибок; модально-апеллятивные факторы – экспрессивность, подтекст, адресность, эмоциональное воздействие [Шестерина, 2019, с. 76].

Для начала рассмотрим пример классического интервью в сети. Алена Жигалова, журналист и блогер, ведущая RuTube-канала «Алена, блин!». В кадре интервьюер ведет себя раскованно и непринужденно, тематический диапазон ее лексикона довольно обширен – с гостями обсуждается и личная жизнь, и работа,

и творчество, и моменты из прошлого, и слухи. Тематическая раздробленность ярко прослеживается в описании к видео: «08:50 – Нужно ли Насте полностью отказаться от алкоголя?»; «11:36 – Что заставило Настю запустить собственное шоу»; «14:17 – Главная фишка «Одержимости» Волочковой»; «17:58 – Будущий муж Насти известен?»; «19:46 – Кто слил скандальное видео Волочковой и Джигурды» (интервью с Анастасией Волочковой от 1 апреля 2024 года). Подобные биографические интервью, как правило, нацелены на удовлетворение рекреационной потребности человека или простого любопытства, они не имеют обучающий или просветительский характер. Но в то же время познавательную ценность контента можно оценить как высокую, потому что из него так или иначе усваивается новая информация.

По структуре беседы, которые проводит Алена, являются антикульминационными – в них все вопросы логично следуют друг за другом либо же осуществляется переход от темы к теме, нет какого-то одного вопроса, который служил бы доминантным элементом. При этом речь интервьюера всегда логична и аргументирована. Вопросы, которые задает интервьюер, могут быть и компактными («тебя приглашали?»; «это табу?»; «что ты для этого сделала?»; «например?»), как правило это уточняющие вопросы, и довольно развернутыми («а как ты понимаешь и определяешь, какие у тебя есть критерии, что вот этот человек тебя обманул, предал, и появляется на его месте другой, а ты также доверяешь с головой, не делая никаких выводов или ты все-таки делаешь выводы и где-то ведешь себя по-другому, проверяешь, например»; «после истории с Сергеем все потеряли счет, когда уже читали новости о каких-то твоих новых кавалерах, среди них очень много было сотрульников бань почему-то, почему тебе нравятся банщики?»).

Словарный запас ведущей довольно обширен, она использует и профессиональную лексику, которой оперируют ее гости (в разговоре с Юлией Хадарцевой – «расстановка», «разбор», «сеанс», «ассистент»), и общественно-политические («публика»; «заявление»; «полиция»; «администратор») и разговорные слова («шарлатан»; «башка»; «подляна»; «кайфуешь»; «мужик»; «подружка») – в речи ведущей комбинируются публицистический и разговорный стили. В эфире женщина может употреблять даже обсценную лексику.

Грамматических ошибок же в речи интервьюера практически не было замечено, можно отметить лишь редкие орфоэпические неточности: «обмАнул»; «близкО».

Отметим, что интервьюер держится в кадре очень уверенно, при этом не использует вспомогательные элементы в виде перечня вопросов, из-за чего кажется, что беседа строится здесь и сейчас. Но, чтобы добиться такого свободного использования биографических фактов о гостях, нужна колоссальная подготовка. При этом на раскрепощенность женщины указывает ее позитивный настрой – интервьюер позволяет себе смеяться в кадре и делает это практически во всех выпусках. Наверняка смех – это больше, чем просто выражение эмоции, одновременно это способ разрядить обстановку и показать гостю доброжелательный настрой.

Несмотря на демонстрируемую доброжелательность, изредка Алена позволяет себе задавать «неудобные» вопросы, которые не отвечают нормам этики: «а деньги как ты зарабатываешь?»; «а Паше когда-нибудь ты изменяла?»; «сколько вам заплатили за участие в клипе?»; «у тебя есть проблемы со здоровьем?»; «были у

вас психологические проблемы?»; «он тебя бьет?». Ответы на такие вопросы, как правило, носят эксклюзивный характер и могут значительно улучшить статистику канала-транслятора, что в конечном итоге отражается на финансовой составляющей автора. Поэтому ведущая, расположив к себе гостя и уловив подходящий момент, может их задавать. Однако гости не всегда отвечают на них или, по крайней мере, не всегда делают это сходу и охотно.

Через вербальные и невербальные средства общения видно, что Алена искренне интересуется биографией своего героя, пытается узнать детали и полностью раскрыть обсуждаемую тему, поэтому постоянно уточняет информацию: «ну, я правильно тебя поняла»; «кстати»; «и смотри»; «то есть ты считаешь»; «так».

Несмотря на то, что в интервью наиболее интересны ответы интервьюируемого, чем высказывания интервьюера, женщина не боится выражать свою позицию и делиться своим мнением, это прослеживается через фразы: «меня заинтересовал момент»; «мне нравится»; «мне очень интересно»; «я так понимаю»; «мне кажется»; «лично мне было интересно смотреть». Один из феноменов современных экранных интервью заключается в том, что их ведущий – не «серая», безликая личность, которая лишь задает вопросы, это полноценный участник диалога, который даже в интервью может акцентировать внимание и на своей персоне. На персонализацию контента указывают и названия каналов трансляторов, в данном случае личность ведущей отражена в названии RuTube-канала «Алена, блин!» и визуальной заставке всех публикуемых выпусков.

Если анализировать речь Алены Жигаловой по паралингвистическим параметрам, то ее голос довольно низкий, громкий, темпоритм средний, речь отчетливая и энергичная, а паузация зависит от ситуации в диалоге – ведущая может вставлять реплику за репликой, а может выдерживать паузу, используя это как коммуникативный прием, побуждающий гостя продолжить свой ответ.

Рассмотрим особенности коммуникации следующего интервьюера – ведущего прямых эфиров в официальных пабликах Воронежской области Никиты Кочергова. Интервью проходят в режиме онлайн, после чего записи трансляций сохраняются в социальной сети ВКонтакте. Гостями выпусков являются представители органов исполнительной власти региона.

Особенностью исследуемых интервью является то, что интервьюируемый задает гостю вопросы, опираясь не на личный интерес, а выражая интерес народа, жителей Воронежской области. Интервьюер дословно цитирует вопросы, которые задавали жители Черноземья в комментариях в социальных сетях под анонсом интервью – таков формат программы. Поэтому все вопросы, звучащие в эфире, четко сформулированы и продуманы, а не заданы импульсивно. Более того, над анализом, сбором и сортировкой всех вопросов работает целая команда – интервьюер озвучивает заранее отобранные вопросы, не теряя на модерацию эфирное время. Читая тот или иной вопрос, интервьюер слегка придает ему интонационную окраску, предполагая, как бы он звучал из уст автора.

Журналист выдерживает нейтральную позицию, он не демонстрирует личную оценку на ответы интервьюируемого, не дает личную оценку сказанному, так как в данном формате интервьюер в большей степени является транслятором и

проводником голоса народа – его роль задать вопрос и в случае необходимости развить его для получения наиболее полного и исчерпывающего ответа. В речи фигурируют уточняющие реплики: *«а разница большая?»*; *«вот вы сказали»*; *«давайте сравним»*; *«а кстати»*. Однако периодически интервьюер может высказывать свои предположения по какой-то теме, это отражается в его фразах: *«скорее всего»*; *«допустим»*; *«так скажем»*; *«насколько я помню»*. Это позволяет сделать вывод, что интервьюер эрудирован, осведомлен о многих общественно-политических и социальных явлениях, протекающих в регионе.

Тематическое разнообразие диалога выстраивается вокруг должностных обязанностей и зоны ответственности того или иного интервьюируемого. Так, в интервью с министром тарифного регулирования разговор шел о тарифах на газ, воду, свет, о работе ресурсоснабжающих организаций, стоимости проезда в общественном транспорте – в интервью обсуждаются сугубо рабочие вопросы, без ориентации на личность гостя, он здесь «слуга народа».

Освещая тот или иной тематический блок, ведущий может соединять вопросы подводкой или же непосредственно зачитывать новый вопрос. В первом случае, как правило, его реплики звучат гораздо дольше, например: *«теперь проследим, как мощно рванут в сельскую местность жители столицы Черноземья. Кстати, от них есть вопросы, сейчас перейдем к следующему: почему в Воронеже проезд в общественном транспорте наличкой стоит дороже, чем по карте?»*. Также в роли соединительных элементов выступают фразы: *«в продолжение темы»*; *«вернемся к вопросам от наших зрителей»*; *«есть еще вопрос»*. Они позволяют плавно повернуть тему в нужное русло. Но это требуется не всегда, ведущий может и сразу задать конкретный вопрос, представив человека, который написал комментарий, и зачитав вопрос: *«Рабина Расулова пишет нам: какие тарифы будут на мусор?»*.

В данных интервью отсутствует кульминационный вопрос, так как каждый из задаваемых по-своему важен для зрителей.

Образ ведущего, начиная с внешнего вида, заканчивая подачей информации, выглядит серьезно и строго. Его речь соответствует нормам русского литературного языка, а все внимание сосредоточено на собеседнике. В лексиконе часто фигурируют общественно-политические слова (*«социальная защита»*, *«система»*, *«министерство»*), не используется разговорная лексика, поэтому стиль речи можно отнести к официально-деловому. При всем вышеперечисленном, эмоции все же появляются на лице ведущего, чаще всего это улыбка – она всегда уместна и дублирует настроение диалога. Речь Никиты Кочергова размеренная и неспешная, средней интенсивности, а тональность – официальная.

Ведущему необходимо соблюдать многие формальности в общении, транслировать сдержанность и серьезность, так как эфиры выходят на официальных страничках регионального правительства и любой другой вид коммуникации выглядел бы неуместно.

Далее, в качестве эмпирического материала, проанализирован собственный практический опыт, что позволило точнее интерпретировать мотивацию выбора определенной стратегии интервьюирования. Мною в роли ведущего было принято участие в выпусках интервью «Прямая речь», опубликованных на официальной странице Воронежского государственного университета инженерных технологий в социальной

сети ВКонтакте. Данный цикл видео является первым профессиональным эфирным опытом, что так или иначе отразилось на коммуникации в кадре: заметна некая скованность в действиях и речи, что проявляется через статичную позу на протяжении каждого выпуска, порою бегающий взгляд, неразговорчивость. Однако отметим, что даже несмотря на перечисленные недостатки, каждое из интервью можно считать удачным, так были достигнуты все поставленные цели: заданы запланированные вопросы, на которые гости дали развернутые и детальные ответы, а зрители получили актуальную и эксклюзивную информацию. Более того, рассмотренные выпуски полностью соответствуют классическому интервью, в котором большая часть высказываний, порядка 80 %, принадлежит гостю программы, а ведущий не перебивает, выслушивает ответы с вниманием и не приковывает к себе лишнего внимания.

Для облегчения процесса и структурности разговора к каждому интервью был составлен план с вопросами и вспомогательными фактами, что позволяло оперативнее и маневреннее управлять ходом разговора. О подготовленности к беседе говорят и подводки к вопросам, выступающие связующими элементами: *«Аня, я как человек, который в школьные годы полон траву на элеваторном заводе, тоже хочу вот такую целину – как мне туда попасть?»*; *«по этому году еще, наверное, нельзя судить, а есть по прошлому – какой процент выпускников был трудоустроен?»*; *«и такой небольшой мастер-класс проведите, пожалуйста, Лариса Валериевна, какие Вы дадите рекомендации бывшим студентам, которые ищут работу?»*. Но часть вопросов начинается с междометия «а», которое позволяет на несколько мгновений дольше сформулировать фразу и задать ее, что может указывать на элемент импровизации: *«а вот в чем отличие»*; *«а как ее найти»*; *«а почему»*.

Ответы гостей программы преимущественно развернутые, интервьюируемые всегда заканчивают свои мысли. Перебивать гостей, чтобы закончить тему, вставить свое мнение или же задать внезапный, возможно выбивающий из колеи, вопрос, не входило в цели коммуникации – получить целостное экспертное развернутое мнение было одной из главных задач интервью. Поэтому проявлялась заинтересованность в словах гостей, на это указывают звучащие в речи, утоняющие информацию конструкции: *«то есть»*; *«правильно понимаю»*; *«Вы сказали»*; *«уточните, пожалуйста»*. Отметим, что ни в одном из выпусков мы не вступили с гостями в спор, на это есть ряд причин: во-первых, не затрагиваются полемические темы; во-вторых, ведущий не имеет цели избыточно демонстрировать свое мнение; в-третьих, канал-транслятор (государственная образовательная организация) ограничивает вариативность коммуникации, обязывает в разговоре придерживаться формального формата. Легкая улыбка, кивки головой в качестве согласия с речью интервьюируемых демонстрируют доброжелательность и позитивное отношение, что благоприятно влияет на настрой гостей – они понимают, что дают удовлетворяющий запрос ответ и не боятся говорить дальше. Темы, поднимаемые в выпусках, с одной стороны, затрагивают сугубо деятельность университета (выпуск с Кириллом Чекудаевым), а с другой стороны, рассказывают о жизни людей, обучающихся или работающих в вузе (выпуск с Анной и Павлом Саввиными). Так как интервьюерами являются преимущественно преподаватели и сотрудники вуза, с ними велась коммуникация на «вы», только в одном выпуске со студенткой-ровесницей разговор проходил на «ты». В каждом

выпуске в личном лексиконе присутствует специализированная лексика, обусловленная тематикой разговора и деятельностью интервьюируемого: в интервью со руководителем штаба – «бойцовка», «целина», «студотряд», «значок»; с начальником центра образования и качества трудоустройства выпускников – «работа», «вакансии», «трудоустройство»; с ответственным секретарем приемной комиссии – «вышка», «выпускники», «абитуриенты», «приемная кампания». Их употребление позволяло быть с гостем «на одной волне» и глубже погрузиться в тематику беседы.

Исследуемые сетевые интервьюеры во многом имеют качества, максимально уподобляющие их с телевизионными ведущими, однако они имеют и черты, заимствованные у блогеров, а точнее у влогеров – авторов видеоконтента. Особенно ярко это заметно в выпусках «Алена, блин!», так как они являются авторскими и неформальными. Признаки, которые отличают имидж влогера от имиджа телеведущего описала А. М. Шестерина [Шестерина, 2019, с. 88], и эти характеристики практически полностью нашли отражение в интервьюере Алене Жигаловой. Ведущая использует персонифицированную форму подачи информации, часто используя местоимения «я», «меня», «мне», более активно работает со зрителями – это проявляется в прямых взглядах в объектив, упоминании своей аудитории словами «зрители», «аудитория», активную мимику и жестикуляцию, а также организацию нетипичного съемочного пространства – студия, в которой проходят съемки интервью, оснащена большими экранами с непрерывно транслирующейся яркой, динамичной картинкой, привлекающей на себя внимание, что абсолютно нетипично для классической эфирной студии.

Интервью Никиты Кочергова, а также с моим участием – «заложники» формата передачи и канала-транслятора: они не являются авторской программой или криэйтором, поэтому в них поведенческий набор ограничен. Интервьюеры являются представителями университета и Правительства области, что обязывает соблюдать общепринятые нормы в том числе в коммуникации: поведении, жестах, речи.

Коммуникативная личность интервьюера в сетевой среде является многогранным понятием, которое обуславливается рядом факторов, связанных с особенностями цифровой коммуникации, а также спецификой взаимодействия в контексте той или иной программы и ее тематики. В целом на восприятие интервьюера влияют его персональные качества – уверенность, эмоциональность, разговорчивость, умение слушать. Также в проведении интервью, как и в любой другой деятельности, одним из факторов успеха является опытность и профессиональная компетентность.

Таким образом, коммуникация ведущего интервью со своим собеседником будет наиболее успешной при соответствии следующим характеристикам: уверенное самопредъявление во время эфира; поддержание контакта с собеседником; наличие эмоциональной составляющей; профессиональная компетентность.

Литература и источники

Афанасьева, О. Ю., & Федотова, М. Г. (2016). Понятие коммуникативной личности и его сущность в контексте коммуникативного образования. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 5, 14–19.

- Блинова, О. А. (2020). Эволюция жанра интервью: от моно к мультимодальности (на примере использования инфографики). *Филологический аспект: международный научно-практический журнал*, 11(67), 87–95.
- Вербилович, О. (2013). Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал. *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади* (с. 35–52). Москва: Вариант, ЦСПГИ.
- Донскова, Л. А. (2017). Характеристика уровней коммуникативной толерантности языковой личности. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8-1(74), 76–79.
- Зубок, Ю. А. (2019). Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности. *Научный результат. Социология и управление*, 5(4), 139–150. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12>
- Киселева, Т. А. (2009). О феномене адресата в коммуникативной ситуации телевизионного интервью. *Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*, 1(11), 101–108.
- Стриганкова, Е. Ю. (2012). Феномен общения в коммуникативной ситуации информационного социума. *Вестник Поволжской академии государственной службы*, 3(32), 147–153.
- Хабермас, Ю. (2001). *Моральное сознание и коммуникативное действие* (Д. В. Складнев, пер.). Санкт-Петербург: Наука.
- Шестерина, А. М. (2021). Ключевые направления влияния видеоблогинга на традиционный телевизионный контент. *Пользовательский контент в современной коммуникации: сборник материалов* (с. 89–92). Челябинск: Челябинский государственный университет.
- Broersma, M. (2008). The discursive strategy of a subversive genre. The introduction of the interview in US and European journalism. *Vision in Text and Image. The Cultural Turn in the Study of Arts* (pp. 143–158). Leuven, Paris, Dudley (MA): Peeters.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 21.01.2025
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Лаптиева Дарья Константиновна – аспирант, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия.
ORCID: 0009-0003-3509-449X; e-mail: sdcfj@yandex.ru

INTERVIEWER'S COMMUNICATIVE PERSONALITY FEATURES IN WEB ENVIRONMENT

Daria K. Laptieva

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract. Currently, video interviews in the media space are the most popular variation of the genre. The content of the interview depends on both the thematic focus of the conversation and the translator channel, as well as on the personality of the interviewer. It is on them, as the host of the dialogue, that the issues discussed, the mood and loyalty of the guest and, accordingly, the course of the entire conversation largely depend. Modern interviewers of the web space are in the middle position between bloggers and television presenters, therefore, the study of their communicative set seems to be the most interesting. For completeness of the analysis, several interview formats are considered in this work: informal, published by an independent author; pro-government, published on the channels of official authorities; information and entertainment, published by the university press service. In each of them, the personality of the interviewer with their personal behavioral set and skills is analyzed, and conclusions are drawn about the criteria for successful communication.

Keywords: interview, communication, web environment, video content, interviewer, interviewee.

For citation: Laptieva, D. K. (2025). Interviewer's communicative personality features in web environment. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 284–293. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).284-293](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).284-293)

References

- Afanasyeva, O. Yu., & Fedotova, M. G. (2016). The concept of the communicative personality and its essence in the context of communicative education. *The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*, 5, 14–19. (In Russian).
- Blinova, O. A. (2020). Evolution of interview as a genre: from mono to multimodality (The case of infographics use). *Philological Aspect*, 11(67), 87–95. (In Russian).
- Broersma, M. (2008). The discursive strategy of a subversive genre. The introduction of the interview in US and European journalism. *Vision in Text and Image. The Cultural Turn in the Study of Arts* (pp. 143–158). Leuven, Paris, Dudley (MA): Peeters.
- Donskova, L. A. (2017). The levels of linguistic personality's communicative tolerance. *Philology. Theory & Practice*, 8-1(74), 76–79. (In Russian).
- Habermas, J. (2001). *Moral consciousness and communicative action* (D. V. Sklyadnev, Trans.). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
- Kiseleva, T. A. (2009). On the phenomenon of the addressee in the communicative situation of a television interview. Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. *Modern Linguistic and Methodological-and-Didactic Researches*, 1(11), 101–108. (In Russian).
- Shesterina, A. M. (2021). Key directions of influence of video blogging on traditional television content. *User-generated content in modern communication: collection of materials of the conference* (pp. 89–92). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ. (In Russian).
- Strigankova, E. Yu. (2012). The phenomenon of communicative relations in the communicative situation of the information society. *Bulletin of the Volga Region Academy of Administration*, 3(32), 147–153. (In Russian).
- Verbilovich, O. (2013). Theory of communicative action: key categories and cognitive potential. *Public Sphere: Theory, Methodology, Case Study* (pp. 35–52). Moscow: Variant Publ., CSPGR Publ. (In Russian).
- Zubok, Yu. A. (2019). Communicative competence of the personality in the space of virtual reality. *Research Result. Sociology and Management*, 4, 139–150. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12> (In Russian).

First Published
Received 21.01.2025
Accepted 15.03.2025

About the author

Laptieva Daria Konstantinovna – PhD Student, Voronezh State University, Voronezh, Russia.
ORCID: 0009-0003-3509-449X; e-mail: sdcfj@yandex.ru

РУСОФОБИЯ В УКРАИНСКОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (2022–2024)

Е. А. Куянцева

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

Аннотация. В статье сделана попытка осмыслить роль русофобии в информационном противостоянии Украины и России, а также в изучении украинской журналистики в украинском научном дискурсе. Обращено внимание, что украинская журналистика изучается в контексте противопоставления к российской (советской в прошлом и «кремлевской пропаганды» в современности). Обозначены основные процессы, происходящие в украинской журналистике в связи с началом СВО. Рассмотрены конкретные проявления русофобии в медийном поле Украины, определены основные тенденции в работе журналистов, освещающих военные действия на фронте. Очерчен кризис журналистских стандартов, ранее казавшихся незыблемыми и актуальными. Показаны попытки украинских и западных ученых переосмыслить появление ограничений и нарушений баланса мнений в украинской журналистике. Акцент делается на видении Украиной возникшего военного конфликта с Россией, изучении его влияния на работу украинских журналистов.

Ключевые слова: СВО, украинская журналистика, русофобия, пропаганда, цензура.

Для цитирования: Куянцева, Е. А. (2025). Русофобия в украинском медийном пространстве (2022–2024). *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 294–303. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).294-303](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).294-303)

Русофобские проявления в украинской журналистике – тема актуальная, особенно после начала СВО, но исследована недостаточно, преимущественно внимание ученых сосредоточено на самих проявлениях неприязни к России в медиасфере. Но важно знать также и причины ее усиления, влияние, которое она оказывает на журналистику Украины, стандарты журналистской работы в условиях противостояния на фронте информационном и реальном.

Русофобия наблюдалась в украинском информационном пространстве и до 2022 года, но с началом СВО медийная сфера Украины пережила взрыв ярости по отношению к России, одновременно проявляя очевидные признаки пропаганды и цензуры в вопросах освещения причин военного конфликта и собственно событий на линии боевого соприкосновения.

Целью данного исследования является попытка проследить основные тенденции в медийном поле Украины в период с начала СВО (24 февраля 2022 года) до настоящего времени.

Практически все 1990–2010-е годы исследователи украинской медийной сферы настаивали на том, что журналисты Украины уважают свободу слова как высшую ценность в своей работе. Много говорилось о СМИ как «четвертой власти», способной повлиять на власть в государстве, решить наболевшие вопросы и проблемы в обществе.

Изучая специфику украинской журналистики, ученые Украины полагали, что медийная сфера государства, получившего свой суверенитет в 1991 году, выбрала европейский путь развития, преодолевая последствия тоталитарного прошлого. «Развитие массовых коммуникаций современной Украины следует рассматривать в контексте решения проблемы преодоления тоталитаризма (перевод наш. – Е.К.)» [Квіт, 2008]. И. Михайлин указывал на недостаточность исторических традиций публичной и

политической жизни на Украине, опыта существования свободных, независимых от государственных органов прессы [Михайлин, 2011].

Такие ученые, как Ю. Бидзиля, Л. Городенко, А. Цимбаленко, Е. Цимбаленко и др., также рассматривали модель украинской журналистики как отличающуюся от российской (советской в прошлом и «кремлевской пропаганды» в современности). Образцом для новой украинской журналистики предлагалась британская журналистика, представленная в научных трудах как честная, непредвзятая, объективная, сбалансированная, социально ответственная [Яковець, 2009; Иванов, Сердюк, 2007]. В целом, в украинском научном дискурсе провозглашалось ориентирование на лучшие образцы европейской журналистики и настойчиво обращалось внимание на деструктивное влияние российских СМИ на украинскую информационную политику. С последним фактором предлагалось бороться, осознав всю его серьезность [Інформаційна політика України, 2007].

Развитие украинской журналистики в «демократически-европейском русле» сопровождалось последовательным и ощутимым усилением русофобии в медийном поле Украины. Особенно ощутимой русофобия стала после событий 2014 года, с 24 февраля 2022 г. стала массовым национализмом.

Для понимания специфики русофобии в информационной сфере Украины важно знать ее истоки, что требует отдельного исследования, и такие попытки автором предпринимались [Куянцева, Серостанова, 2024]. В данной работе упомянем лишь, что национализм, охвативший территорию современной Украины, уходит корнями в середину XIX века и является важной составляющей информационного противостояния Запада и России (в то время Польши, Австро-Венгрии и России).

В. Ю. Даренский в своем исследовании обращает внимание, что современный украинский национализм сознательно декларирует свою преемственность по отношению к украинским нацистам 1930–1940-х годов, которые участвовали в войне с СССР на стороне гитлеровской Германии [Даренский, 2016].

О важности русофобии как движущей силы информационного противостояния с Россией писали В. С. Бабенко [Бабенко, 2014], А. С. Братчик и К. П. Курылев [Братчик, Курылев, 2022], А. А. Гуляев [Гуляев, 2023].

Таким образом, противостояние украинской и российской культур в научных исследованиях, а значит и специфика медийной сферы как принадлежащие к разным цивилизациям, имеющим разные ценности и идентификацию, это не новый феномен, ставший актуальным в связи с вмешательством США и ЕС в украинскую политику и внутренние дела государства.

С началом специальной военной операции украинская журналистика перешла на «военные рельсы»: усилилось государственное регулирование деятельности украинских СМИ, с чем ранее решительно призывали бороться многие украинские журналисты, политики и общественные деятели. После 24 февраля 2022 года украинские ученые заговорили об определенном ограничении свободы слова, но посчитали, что этот процесс является объективно необходимым в условиях военного положения и отвечает украинскому законодательству [Приступенко, 2022]. Более того, исследователи нашли в многочисленных законах Украины о деятельности СМИ точки

соприкосновения стандартов европейских «свобод» и реалий украинских медиа в условиях военного конфликта и пришли к выводу, что журналисты должны соблюдать этические стандарты, которые приняты международным сообществом, но должны помнить и о саморегулировании – добровольной ответственности за следование профессиональным и этическим стандартам [Приступенко, 2022].

Украина при всесторонней поддержке Запада объявила действия России полномасштабным вторжением и вызовом для всего «цивилизованного мира», войной, направленной против независимой Украины. Некоторые исследователи даже попытались обвинить Россию в попытке уничтожить всех украинцев «как самобытный народ». Известный американский историк Тимоти Снайдер указал, что якобы у России есть геноцидные намерения¹.

В медийном поле Украины активно нагнетались ярость, обида и ненависть к «врагу». В журналистских текстах настойчиво продвигались следующие нарративы: Россия – страна-агрессор, страна-оккупант; российское медийное пространство – это территория «геббельсовской» пропаганды. Название государства-«агрессора» и фамилия Президента в украинских медийных и даже научных текстах зачастую пишется со строчной буквы, чтобы подчеркнуть негативное отношение.

В украинской медиакритической оценке СВО главный враг Украины – Россия, ее идеология – «рашизм», объявленный таким же злом, как «фашизм» и «сталинизм», против которого весь «цивилизованный мир» [Клименко, Кучер, 2022].

В день начала СВО 24 февраля 2022 года на Украине начался телевизионный марафон «Единые новости», цель которого – противодействие российской дезинформации и пропаганде [Єрохін, 2024]. Украинский государственный канал «Рада», Общественное вещание и известные коммерческие каналы – ICTV/СТБ, 1+1, «Інтер» и «Україна 24» (позже этот канал заменил новичок «Мы-Украина») составили меморандум о бесперебойности эфира для трансляции «правды» о войне и поддержания боевого духа.

Медиаэксперты вскоре заговорили о явных нарушениях журналистских стандартов в деятельности телемарафона: власть решает, какой телеканал будет допущен к участию в «Единых новостях» и представители каких политических партий будут гостями в студии телемарафона, допускается умалчивание о настоящих событиях на фронте и т. д. Искажение информации о военных действиях, демонстрация противника глупым, а победы – скорой, – все это заставило заговорить о «байрактарщине» («развесистой клюкве») в СМИ.

Ожидаемо, что в поисках альтернативных каналов информации общественность активно обратилась к разнообразным telegram-каналам: это «быстро и недорого», в них происходит воздействие на определенную группу пользователей с отсечением журнализма, аналитики, профессионалов, экспертов².

Украинские исследователи медиа нашли свое объяснение популярности telegram-каналов – увидели в этом новые возможности для российской пропаганды.

¹ Snyder, T. (2022, February 22). «Genocide» and Genocide. How Putin's atrocity talk leads to atrocities. URL: https://snyder.substack.com/p/genocide-and-genocide?utm_source=%2Fsearch%2FGenocide&utm_medium=reader2 (дата обращения: 23.06.2024).

² МакКью, М. (2020, 28 августа). Колос дезінформації. *Українська літературна газета*.

«Часто авторы контента, публикуемого там, анонимны, что делает Telegram идеальным местом для разгона российских психологических операций (перевод наш. – Е.К.)» [Єрохін, 2024]. Почти три десятилетия в украинской журналистике говорилось о стремлении соблюдать журналистские стандарты, объективно, взвешенно и сбалансированно подавать информацию. Например, Президент Академии украинской прессы, известный на Украине исследователь медиа Валерий Иванов, утверждал, что «мировые стандарты журналистики не должны меняться, даже в условиях войны и кризиса», достоверность и беспристрастность – главные стандарты журналистики в любых условиях³. Но в условиях ведения военных действий быть непредвзятыми, сдержанными и подавать исключительно проверенную информацию оказалось невыполнимой задачей.

В качестве решения этой проблемы звучали призывы к бдительности и осознанию того, что в мессенджерах активно работает российская пропаганда, проводятся психологические операции для того, чтобы посеять хаос и недоверие среди украинского общества [Єрохін, 2024]. Также было предложено на законодательном уровне урегулировать отбор информации, которая поступает в мессенджеры, регулярно знакомиться со списками достоверных медиа, которые имеют хорошую репутацию (стоит обратить внимание, что этот список формируют различные центры, функционирующие на Украине под протекцией США и Великобритании). Также читателям предлагалось быть требовательными при потреблении контента, самим проверять информацию, которую дают СМИ, что заставит журналистов более ответственно относиться к своей деятельности.

Поддача новостей в украинских СМИ становилась слишком эмоциональной: в эфире зафиксирована нецензурная и бранная лексика, в прессе и в лентах новостей – манипулятивные заголовки, искажающие реальность (*Ярема посоветовал Януковичу «в конвульсиях» стреляться, Золотовалютные резервы Нацбанка стремительно «испаряются»*), нагнетающие панику (*Генеральная репетиция начала Третьей мировой, Курс рубля продолжает стремительно «лететь» вниз*).

Усиление языка вражды в СМИ способствует распространению дезинформации, необоснованной ненависти и искаженных представлений о той или иной ситуации – к такому выводу пришли даже авторы известного на Украине львовского издания «МедиаКритика».

Обратили внимание исследователи и на перегибы с некоторыми атрибутами украинской пропаганды – Пес Патрон, джавелины, байрактары – для высмеивания россиян и российских военнослужащих. Созданные мифы о супергероях и супероружии стали вредными, что признали украинские медиакритики: вместе с заверениями в скорой победе замалчивались настоящие факты потерь, не освещались кадры разрушенных городов, не говорилось о потребностях армии⁴.

Один из участников боевых действий, Мартин Брест, в интервью сказал следующее: «В принципе, единый телемарафон, я считаю, убил мобилизацию в нашей

³ Світові стандарти журналістики в умовах війни та кризи. URL: <http://sdcrisis.org/uk/node/1441>

⁴ Проказюк, А. (2024, 26 января). Пес Патрон і Телемарафон: коли від пропаганди більше шкоди, ніж користі. *MediaKrytyka*. URL: <http://mediakrytyka.lnu.edu.ua/za-scho-krytykuyut-media/pes-patron-i-telemarafon-koly-vid-propahandy-bilshe-shkody-nizh-korysti.html> (дата обращения: 26.01.2024).

стране. И действительно, зачем ехать на фронт и рисковать своей жизнью, если у нас все хорошо? Зачем приближать победу, когда она и так близко?»⁵.

В украинском обществе состоялось создание культа пса Патрона, джавелинов, байрактаров: с их изображениями делают одежду, конфеты, украшения, создаются шоу байрактаров, песни и тому подобное. Вследствие этого возникает стереотипизация войны, это порождает всем известную «байрактарщину» и умаляет заслуги военных⁶. Один из украинских солдат заявил, что мечтает, чтобы пес Патрон «сдох и вместе с ним вся байрактарщина»⁷.

Перечисляя последствия неумелой работы с информацией во время боевых действий, украинские исследователи указывают на все более ярко проступающие последствия: снижается доверие к украинским медиа. «Когда мы слышим о героической “крепости Бахмут” и боях, которые там были, но не видим ни одной статьи о нашем отступлении из него, возникает вопрос о правдивости информирования (перевод наш. – Е. К.)»⁸.

Согласно данным опроса Киевского международного института социологии, с мая 2022 года до октября 2023 года доверие граждан к телемарафону значительно упало. Ранее «Единые новости» смотрели 69 % опрошенных, теперь их смотрят 48 %; ранее не доверяли этим новостям 12 % респондентов, а теперь эта цифра возросла и составляет 39 %⁹.

Украинские медиакритики признали, что мифы про «чмонь», «чмоби́ков», бедную армию России только создают видимость легкой победы. «Именно из-за этой ошибки наших медиа у общества возник диссонанс, когда все казалось непринужденно и просто, но почему-то война “затянулась” и над кладбищами развешаются десятки флагов. И с большого подъема народ Украины впадает в моральный упадок, ведь только сейчас он понимает всю катастрофичность войны, все ее последствия и потери, которые он несет (перевод наш. – Е. К.)»¹⁰.

Все проблемы в украинской журналистике украинская исследовательница П. Дворянин объяснила ожидаемо – обвинила Россию: «Российская война на Украине обесценила стандарты и правила, которыми мировые медиа пользовались годами <...>. Война показала, что медиа, и не только украинские, не готовы к работе в ее условиях (перевод наш. – Е. К.)» [Дворянин, 2024].

Журналисты обращали внимание на невозможность работать во время военных действий, исходя из признанных стандартов работы журналиста в мирных условиях. «Когда берутся за основу для работы журналистов стандарты страны без войны, то это совсем не те стандарты, которые действуют в стране, где есть война. Также отличаются

⁵ Проказюк, А. (2024, 26 января). Пес Патрон і Телемарафон: коли від пропаганди більше шкоди, ніж користі. *MediaKrytyka*. URL: <http://mediakrytyka.lnu.edu.ua/za-scho-krytykuyut-media/pes-patron-i-telemarafon-koly-vid-propahandy-bilshe-shkody-nizh-korysti.html> (дата обращения: 26.01.2024).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

стандарты, если страна воюет на чужой территории, и если война идет на собственной территории (перевод наш. – Е.К.)»¹¹.

Впрочем, сложно поспорить со словами американской журналистки Мэри Мицо (на которую, как на авторитет, ссылаются украинские исследователи), сказавшей, что почти все стандарты защиты свободы слова были выработаны после Второй мировой войны, когда уже не было угрозы национальной безопасности. Логично, что украинский автор продолжает ее мысль вопросом, насколько эти стандарты в самом деле применимы для страны, которая находится в состоянии войны¹².

Львовский профессор Борис Потятиник в эфире телепроекта «Школа журналистики» (от 6 января 2022 г.), анализируя опыт мировой журналистики во время различных войн XIX–XXI столетий, указал на то, что в условиях войны мировая журналистика тоже вынуждена будет измениться, если еще не сделала это до сих пор за два года войны¹³.

Когда в одном лице журналист (с отстраненным, объективным, сбалансированным взглядом на событие и его участников) и гражданин Украины (с эмоциональной, ангажированной, ответственной и принципиальной реакцией на эти же события и на тех же участников), то не может быть однозначной трактовки. Поэтому стандарты, которые в мирное время являются важной основой и необходимым инструментом для работы журналистов, во время военного противостояния требуют коррекции или хотя бы нового толкования [Дворянин, 2024].

Из имеющихся шести стандартов качественной журналистики: достоверность, точность, полнота, баланс мнений, оперативность и не подмененные комментариями факты, – наибольшую дискуссию в украинской журналистике еще с 2014 года вызвал стандарт «баланса мнений» или «другой точки зрения». Во время боевых действий соблюсти этот стандарт практически невозможно.

Американский историк Тимоти Снайдер, на которого охотно ссылаются украинские исследователи, рассматривал альтернативную точку зрения как некорректную, в особенности если она российская [Дворянин, 2024].

Украинские исследователи приходят к выводу, что мировые медиа и аналитики до сих пор не пересмотрели влияние современных войн на правила и стандарты, а это ограничивает деятельность украинских журналистов.

В украинском научном дискурсе появилась мысль о ненужности соблюдать стандарты журналистики мирного времени и необходимости скорректировать их для эффективного функционирования в условиях ведения боевых действий. В новых реалиях мировые стандарты журналистики о честности, объективности, сбалансированности и оперативности при подаче информации перестали работать.

Известный украинский журналист Виталий Портников указал, что «журналистика военных времен – это симбиоз усилий государства и общества. Главная задача государства – обеспечить доступ к информации и военную цензуру

¹¹ Іщенко, Н. (2017, 10 ноября). Свобода слова під час війни. *День*, 202–203. URL: <https://day.kyiv.ua/article/media/svoboda-slova-pid-chas-viyny> (дата обращения: 06.01.2024).

¹² Там же.

¹³ Як змінюється журналістика у час війни | SJTeacherSeries2022 (2022). *Школа журналістики та комунікацій УКУ: YouTube-канал*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YhZQ5bFveZI> (дата обращения: 06.01.2024).

(перевод и выделение наши. – Е. К.)¹⁴. Украинские медиаисследователи выразили мнение, что военная цензура не может сосуществовать с некоторыми этическими и профессиональными стандартами журналистики. Цензура подразумевает фильтрацию информационного поля Украины. Информация, которая не требует проверки, – это официальные данные Генштаба, Минобороны и других правительственных учреждений. Во всех остальных случаях нужно выяснять, не навредит ли материал определенным группам лиц, не повлечет ли негативных последствий. В мирное время это было бы предвзятостью, теперь в украинском дискурсе это объявлено необходимостью.

Есть журналисты, которые во время кризисных ситуаций полагают, что их миссию нельзя ограничивать правилами, но последствия могут быть трагическими. Поэтому медиаисследователи напоминают о самоцензуре в работе журналиста. Редактор издания «Зеркало недели» Юлия Мостовая, как и многие другие украинские журналисты, попыталась примирить устоявшиеся мифы о «европейских» стандартах и новые веяния украинской журналистики с явными цензурными ограничениями: «наличие ответственной свободной журналистики с этическим кодексом и является лакмусом отличия Украины от России (перевод наш. – Е. К.)»¹⁵. Нашлись и европейские обоснования «новым» правилам журналистики – мысли Клауса Майера, немецкого профессора: «Критерии качества журнализма не являются абсолютными и статичными, а подлежат историческим изменениям, могут гибко использоваться, обсуждаться с разной перспективы и поэтому рискуют быть субъективными и произвольными: каждый определяет свое собственное качество» [Маер, 2022].

Шеф-редактор портала «Детектор медиа», который давно считается «вочдогом» украинской журналистики, Наталья Лигачева, признала, что отследить современный объем информации и проконтролировать качество всех новостей невозможно. Контроль за информационными потоками, даже за теми, которые генерирует сама редакция, распыляется. Этот вызов Наталья Лигачева называет технологичным и подрывающим доверие к качественным медиа¹⁶. Правила соцсетей вытесняют правила профессиональной журналистики: с одной стороны, усиливаются государственные медиа, а с другой – многие блогеры становятся медиа и вокруг одной личности можно создать телевизионный канал.

Таким образом, буквальное следование журналистским стандартам в условиях войны стало невозможным, и украинские, и российские журналисты испытывают эмоции и эмпатию, поэтому на Украине журналисты и медиаэксперты приходят к выводу, что гражданское и человеческое должно преобладать даже для медиапрофессионалов.

¹⁴ Панельна дискусія «Стандарти журналістики в умовах війни». *Espresso.TV: YouTube-канал*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vEOrg_IQWd0 (дата обращения: 06.01.2024).

¹⁵ Головна редакторка «Дзеркала Тижня» Юлія Мостова про журналістику під час війни (2023, 14 сентября). *Комісія з журналістської етики (КЖЕ): YouTube-канал*. URL: https://youtu.be/5OBTvdlEyzk?si=cxeAHYJmTV_9rH9 (дата обращения: 09.08.2024).

¹⁶ Шеф-редакторка «Детектор Медіа» Наталія Лигачова про якісні медіа (2023, 21 декабря). *Комісія з журналістської етики (КЖЕ): YouTube-канал*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ErbZUfpElRc> (дата обращения: 08.07.2024).

Для украинской журналистики долгое время декларируемыми ориентирами были свобода и независимость, защита от политического давления, акцент на точность и качество материала – именно такие преимущества в саморегулировании СМИ определили в ОБСЕ еще в 2008 году. Несмотря на очевидный кризис с реализацией этих постулатов в украинской журналистике, часть украинских теоретиков продолжают настаивать на сохранении ориентира на европейский «идеал», а часть признали эволюцию стандартов, сделав акцент на важности саморегулирования журналиста в собственной деятельности.

Изменения журналистских стандартов неизбежны, поскольку Украина является непосредственным участником военных действий – такая мысль настойчиво звучит в медийных украинских кругах. На наш взгляд, с этим сложно не согласиться, поскольку эмоциональная вовлеченность в освещение военных действий, непосредственными участниками которых являются граждане Украины и России, мешает делать это с позиции «международных» стандартов, стороннего наблюдателя. Но каждая из сторон решила эту проблему по-своему.

Итак, в освещении СВО украинская журналистика перешла на новые стандарты функционирования в военных условиях – ужесточился контроль за подаваемой информацией, усилилась пропаганда, что привело к противоречию между прежними декларируемыми европейскими стандартами журналистики и новыми реалиями. Произошло ощутимое усиление государственного регулирования деятельности украинских СМИ, что заметно ограничило свободу слова. Большинство украинских и зарубежных медиакритиков сошлись во мнении, что этот процесс является объективно необходимым в воюющем государстве. Указанные медиаисследователями перегибы с пропагандой и неправдивым освещением военного конфликта были обозначены как мешающие в эффективной борьбе с Россией и «кремлевской пропагандой».

В целом, в медийном контенте Украины антироссийская риторика усилилась многократно. Ненависть ко всему русскому была поддержана теоретиками и практиками медиа Украины и западных стран, оправдана условиями работы журналистов в реалиях военного времени, таким образом, русофобия оказалась вписана в «европейский цивилизационный» выбор Украины.

Литература и источники

- Бабенко, В. С. (2014). Украина в паутине национализма: политические и правовые последствия. *Россия и современный мир*, 2(83), 211–221.
- Братчик, А. С., & Курылев, К. П. (2022). Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность. *Постсоветские исследования*, 5(5), 450–463. <https://doi.org/10.24412/2618-7426-2022-5-450-463>
- Гуляев, А. А. (2023). Истоки украинской русофобии. *Власть*, 31(4), 104–107. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9697>
- Даренский, В. Ю. (2016). Массовый национализм в современной Украине: необходимость осмысления. *Россия и современный мир*, 3(92), 129–140.
- Дворянин, П. (2024). Розуміння стандарту: пошуки нових правил у журналістиці війни. *Вісник Львівського університету. Серія Журналістика*, 54–55, 43–57.

- Ерохін, Б. (2024, 18 апреля). У гонитві за трендом: як українські медіа ковтають російське ІПСО з телеграму. *Медіакритика*. URL: <http://mediakrytyka.lnu.edu.ua/ohlyady-analityka/u-honytvi-za-trendom-yak-ukrayinski-media-kovtayut-rosiyske-ipso-z-telehramu.html> (дата обращения: 10.04.2024).
- Іванов, В. Ф., & Сердюк, В. Є. (2007). *Журналістська етика: підручник*. Київ: Вища школа.
- Інформаційна політика України* (2007): європейський контекст. Київ: Либідь.
- Квіт, С. (2018). *Масові комунікації*. Київ: Києво-Могилянська академія.
- Клименко, А., & Кучер, М. (2022). Нова мова російсько-української війни. *Медіакритика*, 29, 37–39.
- Куянцева, Е. А., & Серостанова, О. Б. (2024). *Россия как суверенная цивилизация: культурно-информационный аспект*. Луганск: Издательство ЛГПУ, ИП Орехов Д. А.
- Маєр, К. (2022). *Журналістика* (В. Олійник, В. Климченко, пер.). Київ: Академія української преси, Центр вільної преси.
- Михайлин, І. (2011). *Основи журналістики: підручник*. 5-те вид. перероб. та доп. Харків: Центр учбової літератури.
- Приступенко, Т. О. (2022). Медіарегулювання в системі інформаційного права: правовий контекст створення механізмів регулювання медій. *Наукові записки Інституту журналістики*, 2(81), 23–33.
- Яковець, А. В. (2009). *Тележурналістика: теорія і практика*. Київ: Києво-Могилянська академія.

Стаття публікується вперше
Поступила в редакцію 01.02.2025
Прийнята к публікації 15.03.2025

Об авторе

Куянцева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия.
ORCID: 0009-0006-8707-0264; e-mail: elenakul@list.ru

RUSSOPHOBIA IN UKRAINIAN MEDIA SPACE (2022–2024)

Elena A. Kuyantseva

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia.

Abstract. The paper attempts to reflect on the role of Russophobia in the information confrontation between Ukraine and Russia, as well as in the study of Ukrainian journalism within the Ukrainian academic discourse. It is noted that Ukrainian journalism is studied in the context of its opposition to Russian journalism (historically Soviet and currently Kremlin propaganda). The main processes occurring in Ukrainian media since the beginning of the Special Military Operation (SMO) are outlined. Specific manifestations of Russophobia in Ukraine's media landscape are examined, and key trends in the work of journalists covering military actions at the front are identified. The crisis of journalistic standards, which previously seemed inviolable and relevant, is delineated. Efforts by Ukrainian and Western scholars to rethink the emergence of restrictions and violations of the balance of opinions in Ukrainian media are highlighted. The focus is on Ukraine's perspective on the ongoing military conflict with Russia and its impact on the work of Ukrainian journalists.

Keywords: Special Military Operation, Ukrainian media, Russophobia, propaganda, censorship.

For citation: Kuyantseva, E. A. (2025). Russophobia in Ukrainian media space (2022–2024). *Memoirs of NovSU*, 2(57), 294–303. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).294-303](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).294-303)

References

- Babenko, V. S. (2014). Ukraine in the web of nationalism: political and legal consequences. *Russia and the Contemporary World*, 2(83), 211–221. (In Russian).

- Bratchik, A. S., & Kurylev, K. P. (2022). The process of forming an anti-Russian policy in Ukraine: history and modernity. *Post-Soviet Studies*, 5(5), 450–463. <https://doi.org/10.24412/2618-7426-2022-5-450-463> (In Russian).
- Darenskiy, V. Yu. (2016). Mass Nationalism in the present-day Ukraine: The need of understanding. *Russia and the Contemporary World*, 3(92), 129–140. (In Russian).
- Dvorianyn, P. (2024). Understanding the standard: searching for new rules in war journalism. *Bulletin of Lviv University. Journalism Series*, 54–55, 43–57. (In Ukrainian).
- Erokhin, B. (2024, April 18). Chasing the trend: how Ukrainian media swallow Russian IPSO from Telegram. *MediaKrytyka*. URL: <http://mediakrytyka.lnu.edu.ua/ohlyady-analytyka/u-honytvi-za-trendom-yak-ukrayinski-media-kovtayut-rosiyske-ipso-z-telehramu.html> (accessed: 10.04.2024). (In Ukrainian).
- Gulyaev, A. A. (2023). The origins of Ukrainian Russophobia. *Vlast' = The Authority*, 31(4), 104–107. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9697> (In Russian).
- Information Policy of Ukraine* (2007): European context. Kiev: Lybid' Publ. (In Ukrainian).
- Ivanov, V. F., & Serdyuk, V. E. (2007). *Journalistic ethics*: textbook. Kiev: Vysshaya Shkola Publ. (In Ukrainian).
- Klymenko, A., & Kucher, M. (2022). The new language of the Russian-Ukrainian war. *MediaKrytyka*, 29, 37–39. (In Ukrainian).
- Kuyantseva, E. A., & Serostanova, O. B. (2024). *Russia as a sovereign civilization: Cultural and informational aspect*. Lugansk: LSPU Publishing House, IP Orekhov D. A. Publ. (In Russian).
- Kvit, S. (2018). *Mass communications*. Kyiv: Kyiv-Mohyla Academy Publ. (In Ukrainian).
- Meier, K. (2022). *Journalism* (V. Oliynyk, V. Klymchenko, Trans.). Kyiv: Academy of Ukrainian Press, Free Press Center. (In Ukrainian).
- Mikhailin, I. (2011). *Fundamentals of journalism*: textbook. 5th ed. Kharkiv: Center for educational literature Publ. (In Ukrainian).
- Prystupenko, T. O. (2022). Mediaregulation in the system of information law: A legal context of creating media regulation mechanisms. *Scientific Notes of the Institute of Journalism*, 2(81), 23–33. (In Ukrainian).
- Yakovets, A. V. (2009) *TV journalism: theory and practice*. Kyiv: Kyiv-Mohyla Academy Publ. (In Ukrainian).

First Published
Received 01.02.2025
Accepted 15.03.2025

About the author

Kuyantseva Elena Aleksandrovna – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia.
ORCID: 0009-0006-8707-0264; e-mail: elenakul@list.ru

МЕДИАДИЗАЙН В ИГРОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Н. Давыдов

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Аннотация. В статье формулируется проблематика исследований медиадизайна в контексте игровой журналистики. Осуществляется анализ имеющихся научных работ, посвященных этим понятиям. Рассматриваются определения игровой журналистики; дифференцируется понятие медиадизайна относительно схожих с ним терминов; указывается на его синтетический и обобщающий характер; определяются выразительные средства: композиция, стилизация, типографика и визуализация. Подчеркивается необходимость углубленного теоретического осмысления диалектичности игровой журналистики, которая одновременно выступает в роли обособленного вида журналистской деятельности, а также является частью глобальной медиасреды, развивающейся под влиянием общих для нее технологических и социальных тенденций. Предлагаются основные направления дальнейших научных исследований, направленных на разработку концепций медиадизайна, в частности, изучение влияния его фактурного и кодового аспектов на реализацию медиатекстов игровой журналистики с целью лучшего понимания их воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: игровая журналистика, медиатекст, медиадизайн, коммуникационный дизайн, медиасреда, визуализация, коммуникация.

Для цитирования: Давыдов, А. Н. (2025). Медиадизайн в игровой журналистике: к постановке проблемы. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 304–317. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).304-317](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).304-317)

Игровая журналистика сегодня – одно из самых интересных, востребованных и перспективных направлений журналистской деятельности, при этом, в силу своей относительной «молодости», сферной и тематической принадлежности, она все еще является малоизученной и требует глубокого теоретического осмысления. И если работы по институциональным, жанровым, стилистическим, лексическим и историческим аспектам «*игрожура*» (сокращение от «игровая журналистика») носят достаточно распространенный характер, то такой важный параметр, как медиадизайн, незаслуженно обделен вниманием.

Данная статья представляет собой первый шаг на пути к осмыслению применимости понятия медиадизайна и его практической реализации в медиатекстах игровой журналистики. Цель работы – обозначить дисциплинарные и методологические координаты дальнейших научных изысканий по данной теме, выявить потенциальную проблематику, а также сформировать основополагающее понимание феномена медиадизайна в контексте игровой журналистики

Актуальность исследования обусловлена отсутствием на сегодняшний день сколь бы то ни было оформленного дискурса, описывающего игровую журналистику в контексте медиадизайна. При этом формирование такого контекста будет способствовать осмыслению накопленного практического опыта и может повлиять на методы реализации медиатекстов в рамках игровой журналистики, и, в том числе, может быть экстраполировано на другие виды журналистской деятельности. Поэтому на текущем этапе приоритетными задачами является проведение *дискурс-анализа* существующего корпуса научных текстов, посвященных игровой

журналистике и медиадизайну как обособленным понятиям, и их соотнесение в рамках данной статьи.

На основании представленных научных источников становится возможным разработать концепцию медиадизайна в рамках игровой журналистики, используя метод индукции как наиболее релевантный для данного исследования, определив два центральных для работы понятия – медиадизайн и игровую журналистику как самостоятельные феномены. В первую очередь целесообразно сфокусироваться на объекте дальнейших научных исследований в этой области – игровой журналистике и ее текстах.

Игровая журналистика

Являясь частью глобальной медиасреды, игровая журналистика, как и другие виды журналисткой деятельности, сформировавшиеся на основе своей тематической дифференциации (киножурналистика, литературная критика, спортивная журналистика и т. д.), оформилась довольно стихийно с ходом развития как медиапространства в целом, так и «предмета» своего внимания. В данном случае таким «предметом» выступают результаты работы индустрии видеоигр (собственно видеоигры) и процессы, связанные с игровым сообществом и «геймдевом» (сокращение от англ. “game development” – «разработка игр»), так называют отрасль экономики, «занимающуюся созданием программного кода, визуализацией и концепцией игр, а также выбором средств для реализации поставленных задач» [Валиева, 2021, с. 25].

Подобной концепции придерживаются исследователи особенностей игровой журналистики, которые указывают: «появление игровой журналистики в современном медиапространстве стало результатом развития игровой индустрии» [Баканов, Сабирова, 2018, с. 167], и видят целью и причиной ее становления необходимость «с информационной точки зрения поддерживать разработчиков компьютерных игр, игровых издателей и аудиторию игровой индустрии» [Леонов, 2024, с. 79].

Если говорить о том, что же, собственно, принято понимать под игровой журналистикой, в целом, можно констатировать наличие среди исследователей весьма схожих подходов. Одни видят «игрожур» как направление журналисткой деятельности, «предметной областью которой является сбор, обработка, хранение и передача информации об игровых проектах, темах, событиях, происходящих в игровой индустрии» [Коданина, Стурова, 2020, с. 1]. Другие рассматривают игровую журналистику в виде «сегмента журналистики, целью которого являются описание и обсуждение видеоигр и событий в игровой индустрии при участии двух активных сторон: журналиста и аудитории» [Губанова, 2022, с. 78]. Третьи считают, что игровая журналистика – «направление журналистики, нацеленное на описание и характеристику игровой индустрии в целом и компьютерных игр в частности» [Якубин, 2022, с. 147].

Предложенные определения достаточно точно характеризуют игровую журналистику и позволяют сделать первые умозаключения об объекте исследования. В частности, можно ли назвать игровую журналистику полноценным, самостоятельным видом журналисткой деятельности. Такие сомнения кажутся весьма обоснованными, поскольку в момент ее становления родовые признаки

журналистики – принадлежность институции, профессионализация, специализированное образование, следствие канонам – уже переставали определять медиадеятельность и играть ключевые роли с точки зрения критериев оценки ее функционирования. Понимать подобный момент важно не только в контексте корректности применения терминологии, но и по причине поиска наиболее полного подхода к изучению особенностей рассматриваемой разновидности журналисткой деятельности. Ответ на этот вопрос, вероятно, удастся найти в практике журналистики и схожих симптоматических проявлениях других сфер деятельности. Для этого, безусловно, стоит, не вдаваясь в излишние подробности, обратиться к «пройденному пути» игропрома и игрожура и сопоставить их этапы развития.

«Эпоха видеоигр» стартует в 1960-ых с началом распространения первых полноценных игровых автоматов. Периодика тех лет в лучшем случае содержала колонку или рубрику, посвященную «новым технологиям», куда включались и видеоигры [Никитина, 2020]. В 1980-ые, вместе со стационарными и портативными игровыми консолями, ставшими главным «инструментом потребления» видеоигр, в западных СМИ стали появляться и полноценные журналы, первыми из которых стали «Computer and Video Games» и «Electronic Games», рассказывающие о новинках видеоигровой отрасли [Леонов, 2024]. Они выходили ежемесячно, а объем составлял в среднем около 100 страниц.

Именно в то время жанровое разнообразие материалов существенно возросло, и, например, в выбранном случайно номере «Computer and Video Games» от августа 1982 года можно наблюдать новостные сообщения, репортажи, отчеты, релизы, обзоры, рейтинги, рецензии и интервью.

Следующим значимым этапом можно назвать распространение персональных компьютеров и игр уже для них в 1990-ые. Список изданий продолжал расширяться, но в основной массе они оставались в бумажном, «аналоговом» формате. Появились и первые отечественные журналы, такие как «Видео-Асс Dendy» (1993), «Страна игр» (1995) или «Игромания» (1997), обозначились специализированные шоу по телевидению, то есть расширилось и *фактурное разнообразие текстов*. Под фактурным разнообразием в данном случае понимается увеличение способов и инструментов коммуникации, которые создают при этом определенные, характерные для каждой из фактур свойства текста.

В конце 1990-ых – начале 2000-ых появление интернета придало дополнительный импульс как игровой отрасли, так и игровой журналистике. В арсенале последней возникли «новые медиа»: сначала сайты и форумы, а позднее, с развитием видеохостингов и стриминговых сервисов – новые каналы распространения информации и, соответственно, новые жанры: видеообзоры и летсплеи, трансляции, подкасты, стримы и др.

Что касается дня сегодняшнего, уже не первый год проводятся международные киберспортивные соревнования, а недавно в МОК было объявлено, что в 2025 году пройдут первые олимпийские игры по киберспортивным дисциплинам¹; пристальное внимание государств, признающих возросшее влияние видеоигр на подрастающее

¹ <https://www.forbes.ru/sport/516775-pervye-olimpijskie-kibersportivnye-igry-projdu-v-saudovskoj-aravii-v-2025-godu> (дата обращения: 10.12.2024).

поколение², регулирующие внутренние рынки и выделяющие немалые средства на развитие определенных игровых проектов³; объем самой отрасли, составивший по итогам 2023 года 184 млрд \$⁴ (для сравнения: мировой рынок всего кинотеатрального проката оценивался в том же году в 69.7 млрд \$⁵); статистика, говорящая о том, что почти половина населения планеты так или иначе «геймеры»⁶ (от англ. “gamers” – «игроки», люди, увлекающиеся видеоиграми) – все эти факты не оставляют шанса «скептикам», доказывающим отсутствие необходимости говорить о видеоиграх как о важном явлении действительности, а, соответственно, и о существовании игровой журналистики как таковой.

Кроме того, сегодняшняя журналистика и глобальное медиапространство, как уже отмечалось ранее, в целом «играют по другим правилам», нежели это было несколько десятилетий назад. Наличие узкопрофильного образования, четко выстроенного понятийного аппарата, явная принадлежность к конкретной институции, следование строгим принципам и предписаниям на текущий момент не являются определяющими журналистскую деятельность критериями. Как показывает практика последних лет, теоретическое осмысление действительности и подстройка регламентов, норм и инструментария к современным реалиям довольно часто происходит как реакция на уже произошедшие процессы. Применение подобного подхода полностью справедливо и по отношению к игровой журналистике, которая доказывает возможность на практике считаться особым и специфичным видом журналистики со своим жанровым и родовым разнообразием, использованием различных фактур, характерной лексикой, аудиторией, наличием многочисленных изданий с уже сложившейся историей и отдельных признанных специалистов этой области. Более того, сегодня «игрожур» имеет и смежную «подкатегорию» – *киберспортивную журналистику*, которая также находится в сфере особо интереса как аудитории, специализированных СМИ, так и исследователей. Перечисленные характеристики «игрожура» не только подтверждают фактическое наличие этого вида деятельности, но и описываются, осмысляются в исследовательских работах многих авторов [Архипов, 2023; Парфенова, 2022; Викулов, 2018; Кукшинова, 2022; Никитина, 2020], показывающих их признание научным и профессиональным сообществом.

Указанные сведения позволяют обозначить *координаты* игровой журналистики по отношению к другим разновидностям журналистской деятельности (рис. 1).

Предложенная схема достаточно условна, не отображает всех видов журналистики и их соразмерность, а призвана лишь более наглядно показать место «игрожура» среди ее «коллег».

² <https://www.forbes.ru/tekhnologii/512013-putin-predlozil-kontrolirovat-rynok-komp-uternyh-igr-radi-istoriceskogo-prosveshenia> (дата обращения: 08.12.2024).

³ <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/12/19/955894-kommersant-videlit-50-mlrd-rublei-industrii-videoigr> (дата обращения: 11.12.2024).

⁴ <https://app2top.ru/industry/igrovaya-industriya-2023-v-tsifrah-infografika-ot-gamesindustry-213589.html> (дата обращения: 14.12.2024).

⁵ <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/movie-theater-market> (дата обращения: 14.12.2024).

⁶ <https://inclient.ru/video-games-stats/> (дата обращения: 16.12.2024).

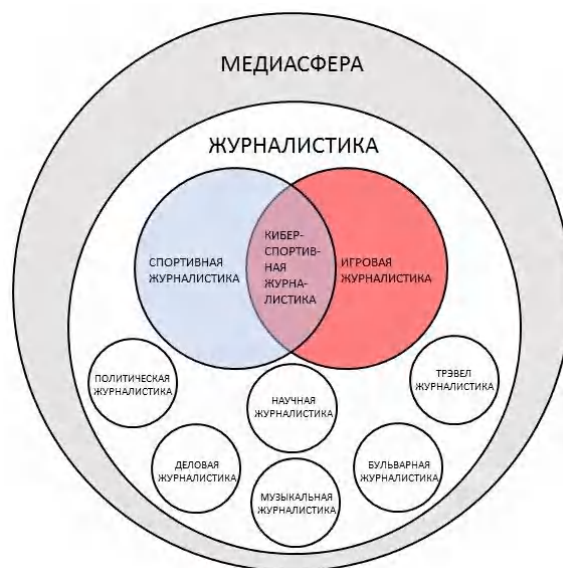

Рис. 1. Место игровой журналистики в медиасфере.

Отсюда, в контексте данного исследования, можно сделать заключение о *диалектическом* характере игровой журналистики. С одной стороны, являясь специфичной сферой и тематической разновидностью журналистики, имеющей свои вышеописанные особенности, игровая журналистика обладает определенным своеобразием и индивидуальными качествами. С другой – определенно можно сказать, что, поскольку игровая журналистика реализуется в глобальном медиапространстве и является частью медиасреды, для нее также характерны общие принципы функционирования этой медиасреды и соответствие ее требованиям, из множества которых наиболее значимым для данной работы является применение элементов медиадизайна. К нему и перейдем.

Медиадизайн

Термин «*медиадизайн*», как и многие другие термины, составной частью которых является «медиа», не имеет однозначной трактовки в силу своей относительной новизны и широты применения. При этом, работая с корпусом текстов по данной теме, удалось обнаружить, что многими авторами используются крайне схожие подходы к определению медиадизайна и таких понятий, как «*информационный дизайн*», «*графический дизайн*», «*web-дизайн*», «*дизайн электронной среды*», «*интерактивный дизайн*» и «*коммуникационный дизайн*».

Например, последнее описывается как «дисциплина, возникшая на грани между распространением информации и ее оформительством», вместе с тем указывается, что понятие *коммуникационный дизайн* «несколько шире синонимичных, на первый взгляд, терминов: “визуальной коммуникации” и “графического дизайна”, поскольку объединяет визуальный дизайн, рекламу, иллюстрирование, шрифтовую культуру, печатные процессы, информационную архитектуру, анимацию, перформанс, копирайтинг и редактирование» [Романовский, 2012, с. 41–44].

Схожим понятием можно назвать *информационный дизайн*, который охватывает «прежде всего графический дизайн, визуальные коммуникации, реклама,

упаковка, дизайн изданий, дизайн электронных информационных средств и т. д.» [Стратонова, Биатова, 2022, с. 15].

Что касается *графического дизайна*, исследователи определяют его следующим образом: «графический дизайн является специфической областью художественно-проектной деятельности, направленной на создание визуальных сообщений, которые распространяются с помощью средств массовой коммуникации» [Шевченко, 2013, с. 176]. Однако в данном случае графический дизайн рассматривается скорее как одна из составных частей современного дизайна медиа, бывшим особенно актуальным в период преобладания традиционных, бумажных изданий, но «с возникновением технологий, которые дают возможность совмещать плоскостную композицию графического дизайна с динамикой спецэффектов», ставшим элементом дизайна коммуникационного [Шевченко, 2013, с. 178].

Еще одно на первый взгляд синонимичное определение – *web-дизайн*, который описывается как «вид графического дизайна, направленный на разработку и оформление объектов информационной среды интернета, призванный обеспечить им высокие потребительские свойства и эстетические качества» [Бородаев, 2006, с. 22]. Другие исследователи дополняют: «web-дизайн ориентирован на создание гармоничной среды для человеко-технического взаимодействия с целью помочь потребителю ориентироваться посетителя в потоке информационных данных» [Виноградова, 2017, с. 83].

В работе «Развитие коммуникативного дизайна» фигурирует упоминание «компьютерного дизайна, информационного дизайна, дизайна программных интерфейсов, медиадизайна, интерактивного дизайна, дизайна электронной среды», которые считаются «условно тождественными» [Полеухин, 2009, с. 290]. При этом особенно выделяется коммуникативный дизайн как «часть функциональной сферы дизайна, где проектируются объекты, предназначенные главным образом для передачи сообщений», и утверждается, что понятие медиадизайна «является синонимом коммуникативного дизайна», поскольку явления медиа и коммуникации понимаются с точки зрения их отношения ко «всей коммуникативной среде» [Полеухин, 2009, с. 290].

Непосредственно медиадизайн описывается в исследованиях других авторов «как функциональная сфера дизайна, где проектируются объекты, предназначенные для коммуникации с пользователями, передачи ему информации: текстовой, графической или любой другой <...> через электронные, печатные или иные материальные и нематериальные носители» [Соловьева, 2020, с. 66].

Также существует мнение, что, в то время как «медiateкст создает информационную картину мира», медиадизайн – «визуальную картину медiateкста в рамках одного канала, портала, издательского дома, издания со всем многообразием его версий – печатной, онлайн- и мобильной» [Волкова, 2014, с. 11]. При этом уточняется, что медиадизайн «представляет собой визуальный формат контента СМИ, который аутентичен запросам информационного общества и обеспечивает наиболее быстрое и комфортное восприятие информации» [Волкова, 2016, с. 28].

Дополняет подобные точки зрения мнение исследователей о необходимости применении медиадизайна прежде всего для «максимально эффективного и

качественного соединения текста и визуальной составляющей в материале» и высказывается мысль о том, что «медиадизайном можно считать графическое искусство как часть инфосреды» [Симонова, 2024, с. 140].

Также медиадизайн видят способом реализации полидисциплинарных задач, обозначая его «как знаковую систему, выполняющую не столько иллюстративную, сколько когнитивную и коммуникативную функции. Это проектирование цифрового контента для публикации на различных площадках и в различных контекстах, существующее как единое целое» [Родионова, Барсукова, 2020, с. 70].

Исходя из указанных трактовок и интерпретаций, важно зафиксировать дисперсность дискурса медиадизайна. Поскольку в работах многих авторов, как можно заметить, отмечалось мнение о взаимном проникновении разных видов дизайна медиа и СМИ, сведения о протекающих процессах в медиасреде и причинах произошедших в ней изменений, вероятно, могут способствовать пониманию более конкретных и специфичных для явления медиадизайна характеристик.

Так, выделяется три основных фактора изменений медиасреды, повлиявших на становление и развитие медиадизайна: «тенденции в развитии изобразительного искусства, техника и технологии создания медиатекста, информационные потребности общества, определяющие типологическую систему СМИ» [Волкова, 2014, с. 12]. Схожим образом высказываются и другие исследователи, рассуждая на тему визуализации контента и его связи «с развитием цифровых технологий, с “визуальным поворотом”, с клиповым мышлением современного общества, которое по-новому потребляет информацию, чаще используя способ сканирования» [Комкова, 2023, с. 201]. Другие делают акцент на том, что «влияние прогресса медиатехнологий на аудиторию закономерно сопровождается изменениями в механизмах восприятия массовой аудитории, которые существенным образом изменяют наше представление о ее реакциях и способностях» [Якунин, 2015].

Таким образом, в медиасреде постепенно увеличивалось влияние дизайна и визуализации, которые в условиях стремительно возрастающего объема информационного потока, смены парадигмы потребления контента, развития технологических возможностей и общих тенденций изобразительного и визуального искусства становились, фактически, обязательным требованием сегодняшнего «рынка информации», меняющегося по негласному запросу аудитории. Создатели же контента должны неуклонно следовать ему в погоне за переходом на сайт, спонсорским контрактом, подписке, лайку, донату. Тот, кто будет ярче, интереснее, динамичнее и в то же время более понятно, доступно и просто представлять результаты своей работы, сможет занять нишу на медиарынке.

Сложившаяся ситуация не нова, и в предыдущие десятилетия многие исследователи активно обсуждали и подвергали анализу процессы, происходящие в медиасреде, которые фактически были связаны с медиадизайном и влияли на его развитие. Прежде всего это явления *креолизации* [Ворошилова, 2007; Максименко, 2012] и *поликодовости* медиатекстов [Васильева, 2018; Рацибурская, 2019]; усиления процесса *визуализации* [Шмелева, 2011; Симакова, 2015]; *мультимедийности* и *конвергенции* [Симакова, 2012; Мухина, 2020]; а также *геймификации* [Федотова, 2018;

Титова, 2015] медиапространства; *медиатизации* [Шмелева, 2015; Каминская, 2015] и *цифровизации* [Лисенкова, 2018; Анциферова, 2020] жизни общества.

Важно обозначить, что «понимание процессов визуализации в массмедиа и, как следствие, природы медиадизайна невозможно без более детального определения его инструментария» [Жаркевич, Манецкая, 2020, с. 378]. Поэтому необходимо тезисно обозначить общие принципы и выразительные средства медиадизайна. К таковым можно отнести: композицию, стилизацию, типографику и визуализацию.

Композиция помогает гармонично расположить в пространстве (страницы или экрана) все элементы, как визуальные, так и вербальные, для максимально понятного и привлекательного раскрытия их содержания.

Стилизация выступает в качестве метода изобразительного искусства, посредством которого происходит творческое осмысление и отображение содержательных элементов, часто отличного от реалистического способа.

Типографика отвечает в большей степени за реализацию вербальной составляющей медиадизайна – печатное или компьютерное оформление текста, которое основано на определенных правилах и верстке.

Визуализация же выступает в качестве реализации графической передачи сути информации, то есть как средство трансляции смыслов невербальным способом.

Тем не менее конкретные способы формирования медиадизайна современных медиатекстов, безусловно, будут зависеть от выбранного канала его распространения, фактуры, жанра, темы или даже автора. Для примера следует взять наиболее актуальный вариант распространения сообщения в игровой журналистике – новостной сайт. В таком случае к способам реализации медиадизайна в «игрожуре» можно отнести следующие категории:

- *особенность текста*: его интенции, объем, стилистика и структура;
- *паратекстуальность*: расположение текста (медиатекста) и его окружения, сноски, верстка страницы;
- *визуальность*: от «игры» используемых шрифтов, цветов и других приемов графодеривации до пиктограмм, логотипов, картинок, схем, фотографий и анимаций, а также общей цветовой гаммы;
- *мультимедийность*: использование различных средств и каналов восприятия, добавление к материалу видео, аудио, смешанного и других видов контента;
- *интерфейс и навигация*: качественное оформление страницы или сайта, предсказуемая структура и общая эргономичность, удобство и понятность перехода между разными частями медиатекста и мультимедийных «вставок», сюда же можно отнести и гипертекстуальность;
- *интерактивность*: мини-игры или активности, включенные в контекст материала, бегунки, кнопки, переключатели и другие элементы «настройки» материала.

Следовательно, исходя из указанных данных, видится наиболее перспективным шагом синонимизировать понятие коммуникационного дизайна и медиадизайна, а также обозначить их синтетический, обобщающий характер, интегрирующий другие виды дизайна, к которым можно отнести: веб-дизайн, саунд-дизайн, моушн-дизайн,

дизайн интерфейса, графический дизайн, интерактивный дизайн, информационный дизайн, текстографику и др. Достаточно очевидным оказывается факт того, что, являясь своего рода следствием развития медиасреды и применением к ней общих принципов дизайна, медиадизайн выступает результатом их взаимного влияния, результат которого можно видеть в выполнении трех основных функций – организационной, развлекательной и познавательной. Таким образом, медиадизайн сегодня «становится средством проектирования и конструирования новой реальности» – медиареальности, к которой, бесспорно, относится и сфера игровой журналистики, поскольку последняя, как уже было описано, представляет собой часть глобальной медиасреды [Жаркевич, Манецкая, 2020, с. 377].

Заключение

Кажется важным подчеркнуть, что обобщенные в ходе данной работы сведения, безусловно, требуют последующего всестороннего анализа. Так, обращает на себя внимание, что среди исследователей медиадизайна нет согласия по поводу применимости этого понятия к медиатекстам различных фактур. Одни утверждают, употреблять термин *медиадизайн* допустимо только по отношению к «новым медиа»: сайтам, блогам, каналам в мессенджерах, группам в соцсетях, другие не видят противоречия в использовании термина *медиадизайн* в материалах традиционных СМИ: газетах, журналах, телевизионных передачах. Однако на текущем этапе удалось четко определить объект изучения – медиатексты игровой журналистики. Становится понятно, что ключевыми параметрами рассматриваемых в будущем медиатекстов «игрожура» будут их языковые особенности и жанровое разнообразие в аспекте медиадизайна, а конкретно – визуализации и сочетания вербального и невербальных кодов различных фактур. При этом уже сейчас обращают на себя внимание выявленные «белые пятна», прежде всего связанные с понятием медиадизайна, порождающие довольно широкий круг проблематизирующих тезисов, которые, в том числе, можно использовать в виде «*дорожной карты*» для дальнейших исследований:

- поскольку на сегодняшний день не существует трактовки, принятой всеми участниками научного сообщества и отвечающей актуальным требованиям медиасреды, необходимо однозначно сформулировать само понятие медиадизайна, учитывая при этом его релевантность по отношению к различным каналам потребления и распространения медиатекстов игровой журналистики;

- игровая журналистика является специфичным видом журналистики, имеющим особую аудиторию и свои жанровые, форматные, фактурные, кодовые, лингвистические и иные особенности, дальнейшее осмысление и понимание которых необходимо как для формирования научного дискурса медиадизайна в игровой журналистике, так и для создания практических инструментов и рекомендаций относительно применения медиадизайна в медиатекстах игрожура;

- необходимо понять, существует ли в современном медиадизайне общие принципы, применимые для любого или большинства видов журналистики, при всех имеющихся в них отличиях, или же проявления медиадизайна игровой журналистики могут носить исключительно специфичный характер, не сопоставимый с иными видами журналисткой деятельности;

– обращают на себя особое внимание фактурный и кодовый аспекты медиадизайна, изучение которых может способствовать осмыслению актуальных медиадизайнерских приемов, используемых для формирования медиатекстов характерных для каждого из жанров: отличия заголовочных комплексов, паратекста, наличие мультимедийного наполнения, вербальной стороны, стороны визуальной и их взаимовлияния.

В заключение важно однозначно констатировать возможность и необходимость дальнейшего изучения открывшейся широкой и актуальной области знаний – медиадизайна игровой журналистики. В данной статье были обозначены общие дисциплинарные параметры и базисные концепции, а также сформирован корпус основополагающих работ, без которых невозможны дальнейшие исследования этой проблемы. Разумеется, необходимо подчеркнуть потребность в расширении и одновременно конкретизации объектов исследования, распространив описанные теоретические наработки на жанровое, кодовое и фактурное разнообразие медиатекстов для последующего поиска закономерностей реализации принципов медиадизайна и тенденций их дальнейшего развития.

Литература и источники

- Анциферова, Т. Н. (2020). Цифровизация как фактор трансформации современного общества. *Цифровая наука*, 5(5), 160–165.
- Архипов, П. Е. (2023). Роль журналистики в формировании видеоигровой культуры в России. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 29(1), 60–69. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.006>
- Баканов, Р. П., & Сабирова, Р. И. (2018). Игровая журналистика в современном российском медиaprостранстве: проблематика и функциональное разнообразие. *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*, 2(2), 166–176.
- Бородаев, Д. В. (2006). *Веб-сайт как объект графического дизайна*. Харьков: Септима ЛТД.
- Валиева, В. Р. (2021). GameDev как область цифрового искусства. *Цифровые технологии в культуре и искусстве: материалы студенческой научно-практической конференции* (с. 25–33). Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства (институт).
- Васильева, В. В. (2018). Поликодовость медиатекста. *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* (с. 88–91). Москва: ФЛИНТА.
- Викулов, В. В. (2018). Компьютерные технологии в киберспортивной журналистике. *Mass-media. Действительность. Литература*. Вып. 17 (с. 112–114). Тверь: Тверской государственный университет.
- Виноградова, А. И. (2017). Использование анимации в современном web-дизайне. *Материалы Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной Году российского кино, Санкт-Петербург, 31 октября – 02 ноября 2016 года*. Ч. 3 (с. 83–85). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения.
- Волкова, В. В. (2014). Специфика медиадизайна. *Вестник Московского университета. Серия. 10. Журналистика*, 4, 5–21.
- Волкова, В. В. (2016). Поликодовость СМИ как условие развития медиадизайна. *Дизайн СМИ: тренды XXI века*, 2, 28–32.
- Ворошилова, М. Б. (2007). Креолизованный текст: аспекты изучения. *Политическая лингвистика*, 1(21), 75–80.
- Губанова, М. И. (2022). Игровая журналистика в современном медиaprостранстве: проблематика и функциональное разнообразие. *Идеи и новации*, 10(3), 76–84.
- Жаркевич, В. С., & Манецкая, К. А. (2020). Медиадизайн как новая форма дизайна. *Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы VII Международной научно-*

- практической конференции, Минск, 22–23 октября 2020 года (с. 376–384). Минск: Белорусский государственный университет.
- Каминская, Т. Л. (2015). Медиатизация личности: коммуникативный аспект. *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*, 41, 1–4. http://tverlingua.ru/archive/041/01_41.pdf
- Коданина, А. Л., & Стурова, А. О. (2020). «Игровая» журналистика как массово-коммуникационный феномен. *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*, 6(31), 1–5. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6\(31\).4](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6(31).4)
- Комкова, Ю. А. (2023). Принципы медиадизайна и их применение в журналистском сторителлинге. *Государство и гражданское общество: уровень доверия, направления и эффекты коммуникаций в новых условиях* (с. 200–206). Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет.
- Кукшинова, Е. Д. (2022). Жанры игровой журналистики: ретроспективный взгляд. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(4), 75–91. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2022-2\(4\)-75-91](https://doi.org/10.34680/VERBA-2022-2(4)-75-91)
- Леонов, В. И. (2024). Игровая журналистика: история развития и современное состояние. *Журналистика и медиакommunikации в цифровой среде – 2024: сборник научных трудов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 22 марта 2024 года* (с. 78–81). Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Лисенкова, А. А. (2018). Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект. *Российский гуманитарный журнал*, 7(3), 217–222. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2018.3.4>
- Максименко, О. И. (2012). Поликодовый vs. креолизированный текст: проблема терминологии. *Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия. Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2, 93–102.
- Мухина, О. С. (2020). Возможности для мультимедийной трансформации классических жанров периодики в сетевых изданиях. *Студенческая наука, искусство, творчество: от идеи к результату: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, Краснодар, 15 мая 2020 года* (с. 56–59). Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры.
- Никитина, А. С. (2020). История игровой журналистики. *Дни науки и инноваций НовГУ: материалы XXVII научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ, Великий Новгород, 06–11 апреля 2020 года*. Ч. 1 (с. 123–128). Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.
- Парфенова, Д. И. (2022). Киберспортивная журналистика как новый формат спортивной журналистики. *Журналистика в цифровую эпоху: антропологический поворот: сборник материалов Студенческих научных чтений, Екатеринбург, 14 апреля 2022 года* (с. 126–129). Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
- Полеухин, А. А. (2009). Развитие коммуникативного дизайна. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 115, 289–299.
- Рацибурская, Л. В. (2019). Поликодовость в медийном словотворчестве как средство речевого воздействия. *Труды института русского языка им. В.В. Виноградова*, 19(1), 215–221.
- Родионова, Н. В., & Барсукова, Н. И. (2020). Роль медиадизайна в развитии цифровой культуры. *Концепции в современном дизайне: сборник материалов II Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием, Москва, 03–12 декабря 2020 года*. Вып. 2 (с. 67–70). Москва: Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина.
- Романовский, В. Г. (2012). Проблемы коммуникативности в современном дизайне. *Региональные архитектурно-художественные школы*, 1, 41–44.
- Симакова, С. И. (2012). Инфографика: визуализация цифрового контента. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*, 3(10), 219–226.
- Симакова, С. И. (2015). Тенденции визуализации журналистского контента в современных СМИ. *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*, 3, 213–218.
- Симонова, А. В. (2024). Медиадизайн в современной интернет-журналистике. *Вестник студенческого научного общества ГО ВПО «Донецкий Национальный Университет»*, 2(16–2), 139–143.

- Соловьева, А. А. (2020). Понятие медиадизайна. *Colloquium-journal*, 7–1(59), 65–66.
- Стратонова, Л. М., & Биатова, Е. А. (2022). Визуальные коммуникации и графический дизайн. Общее и особенное. *Наукосфера*, 1–2, 13–17.
- Титова, В. Н. (2015). Геймификация в медиа: признаки геймифицированного продукта. *Журналистский ежегодник*, 4, 170–173.
- Федотова, Н. А. (2018). Возможности и риски геймификации в медийной практике. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 4(30), 54–59.
- Шевченко, В. Э. (2013). Теоретические основы визуальной коммуникации. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия. Гуманитарные науки*, 20(163), 174–180.
- Шмелева, Т. В. (2011). Русский язык и вызовы визуализации культуры. *Филологический дискурс: вестник Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета*, 9: Современные контексты языка и литературы, 36–46.
- Шмелева, Т. В. (2015). Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования. *Вестник Новгородского государственного университета. Серия. Гуманитарные науки*, 7(90), 145–148.
- Якубин, Е. А. (2022). Сущность игровой журналистики и специфика ее становления в России. *Актуальные проблемы журналистики и медиа: молодые ученые: антология исследований* (с. 147–153). Белгород: ПОЛИТЕРРА.
- Якунин, А. В. (2015). Междисциплинарный подход к анализу визуальных коммуникаций: от частных задач к единой методологии исследования. *Медиаскоп: электронный научный журнал*, 2. URL: <http://www.mediascope.ru/1703> (дата обращения: 30.01.2025).

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 01.03.2025
Принята к публикации 20.03.2025

Об авторе

Давыдов Артем Николаевич – аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.
ORCID: 0009-0005-6316-9297; e-mail: dancooler@mail.ru

MEDIA DESIGN IN GAME JOURNALISM: PROBLEM FORMULATION

Artem N. Davydov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Abstract. The paper formulates the problems of applying media design principles in the context of game journalism. An analysis of existing scientific works dedicated to these concepts is conducted. The definitions of game journalism are examined; the concept of media design is differentiated from similar terms; its synthetic and generalizing nature is indicated; and expressive means such as composition, stylization, typography, and visualization are defined. The necessity for an in-depth theoretical understanding of the dialectical nature of game journalism is emphasized, which simultaneously acts as a distinct type of journalistic activity while also being part of the global media environment, developing under the influence of technological and social trends common to it. Key directions for further scientific research aimed at developing media design concepts are proposed, particularly studying the impact of its textural and code aspects on the implementation of game journalism media texts to better understand their effect on the audience.

Keywords: game Journalism, media text, media design, communication design, media environment, visualization, communication.

For citation: Davydov, A. N. (2025). Media design in game journalism: problem formulation. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 304–317. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).304-317](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).304-317)

References

- Antsiferova, T. N. (2020). Digitalization as a factor of transformation of modern society. *Digital Science*, 5(5), 160–165. (In Russian).
- Arkhipov, P. E. (2023). The role of journalism in the formation of video game culture in Russia. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 29(1), 60–69. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.006> (In Russian).
- Bakanov, R. P., & Sabirova, R. I. (2018). Video game journalism in modern Russian media space: Issues and functional diversity. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*, 2(2), 166–176. (In Russian).
- Borodaev, D. V. (2006). *Website as a graphic design object*. Kharkov: Septima LTD Publ. (In Russian).
- Fedotova, N. A. (2018). Opportunities and risks of gamification in media practice. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 4(30), 54–59. (In Russian).
- Gubanova, M. I. (2022). Game journalism in contemporary media space: key issues and functional diversity. *Ideas and Innovations*, 10(3), 76–84. (In Russian).
- Kaminskaya, T. L. (2015). The mediatization of personality: communicative aspect. *World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, 41, 1–4. (In Russian).
- Kodanina, A. L., & Sturova, A. O. (2020). Gaming journalism as a mass communication phenomenon. *Memoirs of NovSU*, 6(31), 1–5. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6\(31\).4](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6(31).4) (In Russian).
- Komkova, Yu. A. (2023). Principles of media design and their application to journalistic storytelling. *State and civil society: The level of trust, directions and effects of communication in new conditions* (pp. 200–206). Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University Publ. (In Russian).
- Kukshinova, E. D. (2022). Genres of game journalism. *VERBA. North-West Linguistic Journal*, 2(4), 75–91. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2022-2\(4\)-75-91](https://doi.org/10.34680/VERBA-2022-2(4)-75-91) (In Russian).
- Leonov, V. I. (2024). Game journalism: history of development and current state. *Journalism and media communications in the digital environment – 2024: Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation* (pp. 78–81). Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russian).
- Lisenkova, A. A. (2018). Challenges and opportunities of the digital age: the sociocultural aspect. *Liberal Arts in Russia*, 7(3), 217–222. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2018.3.4> (In Russian).
- Maksimenko, O. I. (2012). Polycode vs. creolized text: terminology problems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 93–102. (In Russian).
- Mukhina, O. S. (2020). Opportunities for multimedia transformation of classic genres of periodicals in network publications. *Student science, art, creativity: from idea to result: Collection of materials of the VII All-Russian scientific and practical conference of students* (pp. 56–59). Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture Publ. (In Russian).
- Nikitina, A. S. (2020). History of game journalism. *NovSU days of science and innovation: Proceedings of the XXVII scientific conference of teachers, postgraduates and students of NovSU. Part 1* (pp. 123–128). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).
- Parfenova, D. I. (2022). Cybersports journalism as a new sports journalism format. *Journalism in the digital age: The anthropological turn* (pp. 126–129). Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. (In Russian).
- Poleukhin, A. A. (2009). Development of communication design. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 115, 289–299. (In Russian).
- Ratsiburskaya, L. V. (2019). Policode character in the media creation of words as a means of speech influence. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 19(1), 215–221. (In Russian).
- Rodionova, N. V., & Barsukova, N. I. (2020). The role of media design in the development of digital culture. *Concepts in modern design: Proceedings of the II All-Russian scientific online conference with international participation. Is. 2* (pp. 67–70). Moscow: The Kosygin State University of Russia Publ. (In Russian).
- Romanovsky, V. G. (2012). Problems of communication in modern design. *Regional Architectural and Art Schools*, 1, 41–44. (In Russian).

- Shevchenko, V. E. (2013). Theoretical bases of visual communication. *Scientific Reports of Belgorod State University. Series: Humanities*, 20(163), 174–180. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (2011). The Russian language and the challenges of cultural visualization. *Philological Discourse: Bulletin of the Institute of Humanities of Tyumen State University*, 9: Contemporary Contexts of Language and Literature, 36–46. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (2015). Mediatization as the phenomenon of modern culture and object of research. *Vestnik NovSU*, 7(90), 145–148. (In Russian).
- Simakova, S. I. (2012). Infographics: visualization of digital content. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*, 3(10), 219–226. (In Russian).
- Simakova, S. I. (2015). Trends of the visualization in journalistic content of modern media. *Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 3, 213–218. (In Russian).
- Simonova, A. V. (2024). Media design in modern online journalism. *Bulletin of Donetsk National University Student Scientific Society*, 2(16–2), 139–143. (In Russian).
- Soloveva, A. A. (2020). The concept of mediadesign. *Colloquium-journal*, 7–1(59), 65–66. (In Russian).
- Stratonova, L. M., & Biatova, E. A. (2022). Visual communications and graphic design. Common and differences. *Naukosfera*, 1–2, 13–17. (In Russian).
- Titova, V. N. (2015). Gamification in media: signs gamification product. *Journalist yearbook*, 4, 170–173. (In Russian).
- Valieva, V. R. (2021). GameDev as an area of digital art. *Digital technologies in culture and art* (pp. 25–33). Yekaterinburg: Yekaterinburg Academy of Contemporary Art (Institute). (In Russian).
- Vasilyeva, V. V. (2018). Polycode of media text. *Media linguistics in terms and concepts: dictionary-reference book* (pp. 88–91). Moscow: FLINTA Publ. (In Russian).
- Vikulov, V. V. (2018). Computer technology in esports journalism. *Mass-media. Reality. References*. Is. 17. (pp. 112–114). Tver: Tver State University Publ. (In Russian).
- Vinogradova, A. I. (2017). Using animation in modern web design. *Proceedings of the All-Russian conference of students, postgraduate students and young scientists dedicated to the Year of Russian cinema*. Part 3 (pp. 83–85). St. Petersburg: St. Petersburg State University of Film and Television Publ. (In Russian).
- Volkova, V. V. (2014). Media design specifics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 4, 5–21. (In Russian).
- Volkova, V. V. (2016). Polycode media as a condition for medical design development. *Design media: XXI century trends*, 2, 28–32. (In Russian).
- Voroshilova, M. B. (2007). Creolized text: aspects of study. *Political Linguistics*, 1(21), 75–80. (In Russian).
- Yakubin, E. A. (2022). The essence of gaming journalism and the specifics of its formation in Russia. *Current issues in journalism and media: young scientists. Anthology of research* (pp. 147–153). Belgorod: POLITERA Publ. (In Russian).
- Yakunin, A. V. (2015). Interdisciplinary approach to the analysis of visual communication: from specific tasks to consistent research methodology. *Mediascope*, 2. URL: <http://www.mediascope.ru/1703> (accessed: 30.01.2025). (In Russian).
- Zharkevich, V. S., & Maneckaja, K. A. (2020). Media design as a new form of design. *Actual Problems of Humanitarian Education* (pp. 376–384). Minsk: Belarusian State University Publ. (In Russian).

First Published
Received 01.03.2025
Accepted 20.03.2025

About the author

Davydov Artem Nikolaevich – PhD Student, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
ORCID: 0009-0005-6316-9297; e-mail: dancooler@mail.ru

СИМВОЛИКА И МЕТАФИЗИКА ОБРАЗА ВЕСНЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

О. П. Евчук

Независимый исследователь, Омск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме символики и метафизики образа Весны в русской поэзии 19 века в контексте национальной духовной традиции, обращенной к святоотеческой мысли и аксиологическим основаниям отечественной культуры. Проясняется значение Пасхального архетипа в национальном культурном сознании, а также в идейно-стилевой и эстетической содержательности русской литературы в целом. В связи с этим обращено внимание на религиозно-философский контекст образа Весны, воплощающей идею духовного пробуждения, обновления и преображения. Одновременно актуализируется символическое содержание таких лейтмотивных образов, как сияющее солнце, синь небес, пение птиц, жужжание пчел, зелень и цветение садов. Детский восторг и трепет влюбленного сердца, тихая благодарная молитва задают многозначный интонационный рисунок лирического переживания стихотворений о Весне. Русская поэзия 19 века, обращаясь к образу Весны, во всей своей символической содержательности и художественной выразительности утверждает тему Божьего присутствия в мире, онтологическим основанием которого является единство одухотворенной красоты, жертвенной любви и созидательного добра.

Ключевые слова: Пасхальный архетип, святоотеческое наследие, аксиологические основания национальной духовной традиции, образ весны, символизм, метафизика, лирический герой, лирическое переживание.

Для цитирования: Евчук, О. П. (2025). Символика и метафизика образа Весны в русской поэзии XIX века. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 318–327. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).318-327](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).318-327)

Прежде всего следует заметить, что на Весну, получившую столь яркое образное воплощение в русской поэзии, классической в том числе, приходится и главный из «праздников праздник» православия – Светлое Христово Воскресение, или Пасха. Иван Андреевич Есаулов говорит о Пасхальном культурном архетипе всех православных, в том числе в России, отмечая, что «пасхальная проповедь» является «источком русской словесности как таковой» [Есаулов, 2004, с. 8]. Закономерно появление исследований, посвященных прояснению аксиологических оснований русской литературы, в особенности литературы XIX века, подвергшейся в советское время идеологической цензуре и искажению контекстов понимания ее духовно-нравственной содержательности [Аношкина-Касаткина, 2011; Есаулов, 2017; Кошемчук, 2006; Моторин, 2012]. Нельзя не согласиться в связи со всем вышесказанным, что «духовное сознание, основанное на вере, обретает яркое выражение в художественном слове» [Моторин, 2012, с. 7], утверждая духовно-нравственную содержательность отечественной словесности. В заявленном методологическом ракурсе, закономерно обращение к святоотеческой традиции, трудам Отцов церкви, проясняющим притчево-символический контекст понимания Священного Писания и открывающим путь к изучению новых аспектов религиозно-философской содержательности русской литературы. Очевиден в связи с этим тот факт, что Пасхальная Весна, по Григорию Нисскому, символизирует «духовную весну», «весну душ наших», выражающую себя в «цветах добродетелей» [Бычков, 1999, с. 352].

Необходимо отметить настойчивое обращение еще древнерусской литературы к духовно-нравственным смыслам, укорененным в притчевых контекстах Священного Писания, что получило свое последовательное осуществление на всех этапах развития отечественной словесности. Так определяли себя аксиологические основания отечественной культуры в целом.

«Метафизический символизм словесности поощрял многомерное пространство идей и образов» [Евчук, 2005, с. 182], поскольку в символе «действительность не дана, а задана» [Лосев, 1995, с. 130], т. е. задана модель ее понимания через множество отражений. Не случайно Дионисий Ареопагит утверждал, что символ может «реально являть мир сверхбытия на уровне бытия» [Бычков, 1977, с. 129]. Именно поэтому древнерусская литература, вдохновляемая традициями византийской книжности, все смысловое пространство художественных текстов ориентировала к Священному Писанию, придавая повествованию притчево-символический духовно-нравственный подтекст.

Так, пронизанное покаянными и учительными интонациями «Поручение Владимира Мономаха» акцентирует образ спасительного Божественного света в судьбе человека: «На заутрене, воздавши Богу хвалу потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи *мои*, Христе Боже, *иже* дал ми еси свет твой красный!» [Памятники, 1978, с. 400]. В соответствии с учительной традицией древнерусской литературы художественное *слово* призвано было содействовать бесконечному развитию, обновлению, внутреннему духовному преображению человека, вдохновляемому Фаворским светом.

Именно поэтому закономерно, что заключительным эмоциональным аккордом звучит в «Поучении» цитата из «Постной и цветной триоди XII–XIII вв.»: «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной» [Памятники, 1978, с. 413]. Все эти изречения в их символическом смысле обращают нас к Свету, т. е. Богу: «Я свет миру: кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8: 12). Весна же в этом символическом контексте актуализирует власть Света в судьбе человека, устремленного к Богу и духовному бессмертию. Создавая свое «Поучение» во время Великого поста, Владимир Мономах в образе «весны покаяния» видит залог духовного возрождения человека, устремленного к грядущей светлой радости Воскресения Христова, чаемому бессмертию, обретаемому на трудных путях духовных испытаний и преодолений.

Вторит Владимиру Мономаху и Кирилл Туровский, знаменитый проповедник XII века, автор многих поучений, торжественных Слов и молитвенных текстов. В «Слове на Антипасху или в новую неделю по Пасхе» он восхваляет Воскресение Христово, уподобляя ликование верующих в этот светлый Праздник весеннему пробуждению природы: «Ныне Христос, Солнце праведное, возсиял от гроба и спасает всех верующих в Него. Ныне зима греховная удалена покаянием и лед греховный растаял от благомыслия» [Кирилл Туровский, 1880, с. 14]. Кирилл Туровский убежден, что вера Христова оживляет, возрождает не только земную природу, но и человеческую. При этом буйные ветры становятся символом греховных помыслов человека, превращающихся в акте покаяния в добрые и дающих душеспасительные плоды. В пробудившейся от зимнего сна природе расцветающие деревья и благоухающие цветы уподобляются человеку, вдохновленному Божьим словом, неистово поющие

сладкоголосые птицы, приветствующие приход Весны, уподобляются людям, «немолчными гласами» прославляющим Господа нашего, Иисуса Христа, Его воскресение и победу над смертью. Трудолюбивые пчелы, неустанно собирающие нектар, уподобляются усердно молящимся монахам, приобщающимся к Божественной истине и мудрости.

Так, Весна знаменует всеобщее обновление и ликование в человеческом мире и мире природы. Особым смыслом наполняется при этом образ семени, брошенном в землю весной. Оно становится не только прообразом земных плодов, но и символом хлеба духовного, чаемого и обретаемого человеком на пути к Богу и бессмертию. Ведь не случайно Господь говорит о себе: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Ин. 6: 35). Спаситель говорит о хлебе жизни «не простой, обыкновенной, но особенной и не пресекаемой смертью» [Феофилакт Болгарский, 2000b, с. 115]. Вкушая «хлеб жизни», даруемый Богом, человек утоляет свой духовный голод, при этом призван в ответ приносить Богу духовные плоды истинной веры и покаяния, неустанного славословия и благодарения, смиренномудрия и жертвенной любви к ближнему. Как пробуждение природы весной есть залог грядущей осеней жатвы, так Пасха Христова знаменует духовную весну человека, устремленного к единению с Богом и спасению.

Следует признать, что вся последующая литература, особенно поэзия XIX века, следовала в понимании образа весны концепции древнерусской литературы, актуализирующей духовно-символические контексты толкования художественного образа.

Великий русский поэт А. С. Пушкин эстетически ярко и выразительно развивает заявленную тему. Весна у него не самый частотный образ, любимым временем года у поэта была, как известно, осень. Однако примечательно, что уже в стихотворении «Птичка» 1823 года, мы находим упоминание о «светлом празднике весны» [Пушкин, 1977, с. 134]. Лирический герой выпускает на волю птичку, что приносит ему утешение: «За что на Бога мне роптать». Очевидно, что поэт говорит о празднике Благовещенья, на который принято было выпускать в небо белых голубей. Это означало, что помыслы человека чисты, душа освобождена от грехов и готова к вечному христианскому служению. Как известно, смиренную готовность к этому являет Богородица: на возглас Ангела: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою», Она кротко отвечает: «Се, раба Господня, да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1: 38). Так, уже в одном из ранних своих стихотворений поэт ассоциирует весну со светом, чистотой, духовным обновлением, преображением и смиренномудрием.

В первых строках 7 главы романа «Евгений Онегин» Пушкин дополняет ассоциативный смысловой ряд образа весны, ее он называет «утром года», в котором торжествуют свет и буйство красок, среди них доминируют синий и зеленый цвет: «Синея, блещут небеса. / Еще прозрачные леса / как будто пухом зеленеют» [Пушкин, 1978, с. 121]. В национальной духовной традиции синий цвет символизировал «непостижимость тайны», вечность, Бога, зеленый же цвет манифестировал обновление, «юность и цветение» [Бычков, 1977, с. 105]. Так, образ Весны обращает нас к Богу, непостижимой тайне Боговоплощения, в котором человеку открывается замысел Бога о судьбах мира на пути к духовному обновлению и преображению.

Непременным спутником весны у Пушкина становится не только соловей, что «пел в безмолвии ночей». Знаковым становится упоминание пчелы, которая «за данью полевой / Летит из кельи восковой». Так, образ весны соединяет в себе «горнее» и «дольнее» в их гармоническом единстве и взаимодействии, сопровождаемом божественной музыкой сфер, что являет себя в пении птиц, среди которых соловей – признанный виртуоз. Жужжание пчел, неустанно собирающих нектар благоухающих цветов, становится знаком необходимой устремленности человека к благодати Святого Духа, Царствию Небесному, которое, по словам Спасителя, обращенным к ученикам, «...внутри вас есть» (Лк. 17: 21). Действительно, Царствие Божие не только «составляет жизнь и устроение себя по образу Ангелов», это и такое состояние души, когда в ней «царствует Бог» [Феофилакт Болгарский, 2000а, с. 565].

Пчела в христианском сознании означает не только трудолюбие, но и мудрость. Мы читаем в притчах Соломона, что она «мудростию почтена» (Притч. 6: 8). Именно поэтому пчела в контексте Пасхального архетипа утверждает идею неустанного духовного трудничества, дарующего сладость божественной мудрости и открывающего путь к спасению.

Примечателен тот факт, что в поэзии, обращенной к теме Весны, часто возникают смысловые коннотации, связанные с темой детства, его способностью к искренней безудержной радости и восторгу в созерцании красоты природы, ее весеннего пробуждения и обновления. В знаменитом стихотворении Алексея Плещеева «Уж тает снег, бегут ручьи» поэт прямо заявляет в финале: «Но резвых деток звонкий смех / И беззаботных птичек пенье / Мне говорят — кто больше всех / Природы любит обновленье!» [Плещеев, 1964, с. 211].

Спаситель не случайно считал детей «алчущими правды». Он призывал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3). Детям свойственна поразительная цельность ума и сердца, простота, непосредственность, наивность. Сердце их открыто для слова Божиего, добра и света. Христос, видя, что дети внимают Ему духом любви и чистотой сердца, в Своей молитве к Отцу Небесному говорит: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11: 25).

Таким образом, Господь призывает нас на путь возвращения к смиренному детскому духу: духу веры, любви, скромности, чистоты и безграничного упования на Бога. Именно поэтому Господь провозглашает в 6 заповеди блаженства: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5: 8).

Перекликается с А. Н. Плещеевым и И. С. Тургенев, сопрягающий в своем стихотворении «Весенний вечер» образ Весны с темой Любви. Описывая весну, Тургенев создает нежный и трепетный интонационный рисунок лирического переживания, в котором все наполнено негой, тишиной и покоем: «Гуляют тучи золотые / Над отдыхающей землей; / Поля просторные, немые / Блестят. Облитые росой; / Ручей журчит во мгле долины, / Вдали гремит весенний гром, / Ленивый ветер в листьях осины / Трепещет пойманным крылом» [Тургенев, 1978, с. 32].

Слышна тихая мелодия благоговейного сердечного трепета сердца, утешаемого этой нежной красотой весеннего вечера. Эта мелодия сердца напоминает нам древнейшую христианскую молитву «Свете Тихий», творимую на вечернем

богослужении и названную в греческом Часослове вместе с Великим славословием и молитвой «Сподоби, Господи» «Святительным благодарением»: «Свете Тихий святых Славы Безсмертного Отца Небесного, Святого Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот давая; темже мир Тя славит» [Православный богослужебный сборник, 2017, с. 12]. Песнопение «Свете тихий» выражает благодарность верующих за прожитый день, за возможность обратиться к Богу на закате солнца. День текущий подходит к завершению, но вместе с заходящим солнцем молитва не угасает, потому что Христос остается среди людей, им Он истинный Свет. Названная мелодия сердца соединяется с «умным молчанием» души, ассоциативно сопрягаемым у Тургенева с образом «молчащего леса» и звезды, которая «дрожит в огнях заката, / Любви прекрасная звезда» [Тургенев, 1978, с. 32].

Трепет сердца, обращенного к красоте природы, становится выражением тихой радости единения с Богом и миром. Вектор лирического переживания обращен к горным сферам, где красота и любовь соединяются в образе прекрасной «звезды любви», неугасимый свет которой освещает жизнь человека тихим светом нежности и сердечного тепла. Именно поэтому завершающим аккордом стихотворения Тургенева становится утверждение: «А на душе легко и свято, / Легко, как в детские года». Так, детство становится камертоном святой и искренней веры в торжество красоты, добра и любви!

Дополнительные смысловые контексты в понимание образа весны вносит Ф. И. Тютчев, перу которого принадлежит несколько ставших широко известными и хрестоматийными стихотворений: «Весенняя гроза» 1828 года, «Весенние воды» 1829 года, «Зима не даром злится» 1830 года. «Еще земли печален вид» 1836 года и «Весна» 1838 года. В первых трех стихотворениях заявлен мотив стремительного движения, радостного и веселого, шумного многоголосия и яркой цветовой палитры: «Гремят раскаты молодые», «Повисли перлы дождевые, / И солнце нити золотит», «В лесу не молкнет птичий гам» [Тютчев, 2002, с. 60]. Воды у поэта «весной шумят – / Бегут и будят сонный брег, / Бегут, и блещут, и гласят». Стремительное приближение Весны сопровождает «румяный, светлый хоровод» теплых майских дней [Тютчев, 2002, с. 134].

Природа весной предстает у Тютчева во всей своей блистающей, лучезарной красоте, ее многоголосье превращается в торжественный гимн Творцу, все утверждает победу добра и любви, творческого дерзания. Не случайно в стихотворении «Весна» («Как ни гнетет руки судьбина») появляется тема бессмертия. «Для Тютчева вера в бессмертие человеческой души становится гносеологической основой для понимания смысла и сверхсмысла земной жизни» [Косяков, 2005, с. 111–112]. Поэт прямо говорит о Весне: «Бессмертьем взор ее сияет» [Тютчев, 2002, с. 183]. Эта идея духовного бессмертия, утверждающая несокрушимую победу добра над злом, по мысли поэта, помогает человеку выстоять в «строгих испытаньях» земного бытия. Высокий одический слог Тютчева становится одновременно знаком провозглашаемого духовного стоицизма, определяющего тональность лирического переживания и содержание философской мысли. Идея бессмертия как стратегическая идея Пасхального архетипа обретает у Тютчева вид нравственной максимы, дарующей человеку «сверх надежды надежду» на спасение и в то же время напоминающей нам о том, что «Царствие

Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11: 12), потому что «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7: 14).

Поскольку «важнейшая составляющая тютчевской концепции слова – вера в его сакральную силу и вещественность» [Вересов, 1998, с. 255], закономерным становится тот факт, что Весна предстает у поэта как амбивалентный образ – символ возрождения в природе и одновременно символ духовного воскресения человека. Она погружает нас в «животворный океан» высоких дум и чувств, омывает «страдальческую грудь» слезами покаяния и одухотворяющей радости в осознании сопричастности Богу: «И жизни божеско-всемирной / Хотя нам миг причастен будь!» – провозглашает в финале поэт [Тютчев, 2002, с. 184].

Заявлена у Тютчева в осмыслении образа Весны не только тема обновления, радости и восторга. Пишет он и о сне души, который предшествует весеннему пробуждению, являясь препятствием на пути человека к Богу. Этот сон поэт уподобляет печальному зимнего сна природы. В стихотворении «Еще земли печален вид» поэт прямо говорит: «Душа, душа, спала и ты» [Тютчев. 2002, с. 171].

Этот сон души пробуждается верой, надеждой и покаянием. В покаянном каноне Андрея Критского, читаемом на первой и пятой неделе Великого поста, эта тема заявлена особенно пронзительно: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши? Конец приближается, и имаши смутитися; воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняй» [Андрей Критский, 2007, с. 25].

Так, Пасхальный архетип в художественном осмыслении Тютчева привносит в образ Весны идею всевластия «умной красоты», света, животворной веры, любви и добра, стойкости и духовного преодоления в их неизбежной победе над злом и смертью.

Дополнительные смысловые обертоны вносит в осмысление образа Весны великий русский поэт, певец красоты и любви, пронзительный лирик, Афанасий Афанасьевич Фет. Уже в одном из ранних своих стихотворений 1843 года «Я пришел к тебе с приветом...» поэт актуализирует тему трепетного восторга природы, проснувшейся от зимнего сна. Все пронизано «горячим светом», переполнено жаждой любви и счастья! Состояние природы созвучно внутренним переживаниям влюбленного сердца, в котором душа ликует и поет. Этот гимн любви знаменует победу жизни над смертью, победу любви над злом и ненавистью. Не случайно в другом стихотворении 1844 года «Уж верба вся пушистая» Фет прямо указывает нам на символические приметы Пасхального архетипа в образе «душистой весны». «Пушистая верба», которая «раскинулась кругом», актуализирует не только пробуждение природы, но знаменует в литургическом контексте преддверие грядущей Пасхальной радости. Возглас «Осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне» провозглашает чаемое «спасение», грядущее всеобщее Воскресение человека, чудесным образом явленного уже в Лазареву субботу. Именно поэтому Фет, описывая весну, не случайно замечает: «И в душу снова просятся / Пленительные сны» [Фет, 1986, с. 115]. Здесь сны не просто мечты о любви и счастье, они становятся и знаками чаемого бессмертия в вечности. Известно, что смерть Лазаря Господь Иисус Христос называет сном, из которого Бог призывает пробудиться каждого из нас. Именно поэтому последняя строфа стихотворения Фета обретает многозначные смысловые коннотации: «Какой-то тайной жаждою / мечта распалена – / И над душою

каждою / Проносится весна» [Фет, 1986, с. 115] Тема духовной жажды, так мощно заявленная еще А. С. Пушкиным в знаменитом стихотворении «Пророк», получает свое безусловное разрешение в Пасхальной символике образа весны, утверждающей идею утоления жажды истины и бессмертия, спасения в Боге и вечности.

В связи со всем вышесказанным хотелось бы остановиться и на стихотворении «Еще майская ночь» 1857 года. Будучи чистым лириком и истинным романтиком, Фет прежде всего актуализирует в образе Весны тему любви как пронзительной тревожной тайны мироздания и одновременно глубоко интимного чувства, пробуждающего в человеке искренний восторг и священный трепет. Для поэта Весна – это утро года и утро жизни человека, влюбленное сердце которого переполнено благодарностью и нежностью. Фетовский «май-чародей» полон чистоты и свежести, он несет героя на крыльях любви в пространство чистого эфира: «Из царства льдов, из царства вьюг и снега / Как свеж и чист твой вылетает май!» [Фет, 1986, с. 119].

Закономерно и то, что любовь обращает лирического героя Фета к небу и звездам, которые «тепло и кротко в душу смотрят». Кротость и трепет сердца становятся для Фета выражением истинной любви, явленной для русского человека в образе Богородицы, «теплой Заступницы мира холодного», в определении М. Ю. Лермонтова. Смирение и кротость, жертвенность и сострадание подлинной любви обретают в национальном сознании вид безусловного нравственного императива.

Примечательно в связи с означенным пониманием любви и то, что Весна обретает у Фета черты невесты, «девы новобрачной», запечатленной в образе русской березы: «Березы ждут. Их лист полупрозрачный / Застенчиво манит и тешит взор. / Они дрожат. Так деве новобрачной / И радостен и чужд ее убор» [Фет, 1986, с. 119].

Так, образ Весны соединяет в себе единство красоты в природе и области интимных человеческих переживаний, прежде всего в любви. Все в мире природы весной одухотворяется, «обоживается». Образ Девы новобрачной отсылает нас к мысли Григория Нисского о том, что «само Слово Божие имеет в виду под девой душу в расцвете ее сил, способную воспринять Божественную красоту и любовь» [Бычков, 1999, с. 355]. Весна, как Невеста, посвящает свою красоту Богу, Спасителю, называемому Женихом мира, венчающемуся не только с со всем земным творением, но и с душой каждого из нас: «Он носит имя и нашего Жениха, потому что душа наша обручена Ему как невеста жениху, на всегдашнее и совершенное соединение с Ним верой, любовью и блаженством» [Святой Иннокентий Херсонский, 2011, слово 46]. Именно поэтому в другом своем стихотворении «Майская ночь» 1870 года поэт категорично заявляет: «Царит весны таинственная сила / С звездами на челе» [Фет, 1986, с. 124]. Фет манифестирует безусловную власть над нами Царя Небесного, влекущего человека к горнему миру, добру и любви. Итоговая строфа стихотворения: «А счастье где? Не здесь, в среде убогой, / А вон оно – как дым. / За ним! За ним! Воздушною дорогой – / И в вечность улетим!» [Фет, 1986, с. 124] – утверждает мысль Фета о том, что подлинное счастье открывается человеку лишь в вечности, где противоречия все разрешатся и где властвует Бог, а значит – истинная Любовь, которая, по словам апостола Павла, «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не

мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13: 4–7).

Таким образом, великая русская литература, особенно поэзия в лице А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, И. С. Тургенева, А. А. Фета во всей своей художественной образности и символической содержательности манифестирует тему Божьего присутствия в мире, онтологическим основанием которого является единство одухотворенной красоты, жертвенной любви и созидательного добра. Пасхальный архетип национальной духовной традиции актуализирует в образе Весны идею духовного обновления и преображения, чаемого бессмертия, обретаемого на путях духовных браней, испытаний и преодолений.

Литература и источники

- Андрей Критский (архиеп.). (2007). *Великий канон преподобного Андрея Критского с переводом на русский язык*. Москва: Ковчег.
- Аношкина-Касаткина, В. Н. (2011). *Православные основы русской литературы XIX века*. Москва: Пашков дом.
- Библия (1991): книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические): в русском переводе с параллельными местами и приложением. Москва: Крон-Пресс.
- Бычков, В. В. (1977). *Византийская эстетика: теоретические проблемы*. Москва: Искусство.
- Бычков, В. В. (1999). *2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica: в 2 т. Т. 1: Раннее христианство. Византия*. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга.
- Вересов, Д. А. (1998). Концепция евангельского слова в поэтике Ф.И. Тютчева (постановка темы). *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов*. Вып. 2 (с. 254–268). Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет.
- Евчук, О. П. (2005). Метафизика поэтического слова М. Ю. Лермонтова в контексте евангельских архетипов и символов. *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов*. Вып. 7 (с. 181–189). Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет.
- Есаулов, И. А. (2004). *Пасхальность русской словесности*. Москва: Кругъ.
- Есаулов, И. А. (2017). *Русская классика: новое понимание*. 3-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА.
- Кирилл Туровский (1880). *Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского, с предварительным очерком истории Турова и Туровской иерархии до XIII века*. Издание Преосвященного Евгения, епископа Минского и Туровского (ныне Астраханского и Енотаевского). Киев: В Типографии Киево-Печерской Лавры.
- Косяков, Г. В. (2005). Метафизика ночи и бессмертной души в лирике Ф. И. Тютчева. *Тютчевский сборник: материалы научной конференции* (с. 101–113). Омск: Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина.
- Кошемчук, Т. А. (2006). *Русская поэзия в контексте православной культуры*. Санкт-Петербург: Наука.
- Лосев, А. Ф. (1995). *Проблема символа и реалистическое искусство*. 2-е изд. Москва: Искусство.
- Моторин, А. В. (2012). *Духовные направления в русской словесности XIX века*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет.
- Памятники литературы Древней Руси* (1978): сборник. Вып. 1: *Начало русской литературы. XI – начало XII века*. Москва: Художественная литература.
- Православный богослужебный сборник* (2017). Москва: Данилов мужской монастырь, Даниловский благовестник.
- Плещеев, А. Н. (1964). *Полное собрание стихотворений*. Москва, Ленинград: Советский писатель.
- Пушкин, А. С. (1977). *Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2: Стихотворения, 1820–1826*. 4-е изд. Ленинград: Наука.
- Пушкин, А. С. (1978). *Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения*. 4-е изд. Ленинград: Наука.

- Святой Иннокентий Херсонский (2011). *Великий пост. Молитва святого Ефрема Сирина*. Москва: Отчий дом.
- Тургенев, И. С. (1978). *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. 2-е изд. Т. 1: Сочинения: 1834–1849*. Москва: Наука.
- Тютчев, Ф. И. (2002). *Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. Т. 1: Стихотворения, 1813–1849*. Москва: Классика.
- Феофилакт (Болгарский; архиепископ Охридский, блаженный) (2000a). *Благовестник или толкование блаженного Феофилакта Архиепископа Болгарского на Святое Евангелие: в 2 кн. Кн. 1: Евангелие от Матфея*. Москва: Издательство Сретенского монастыря.
- Феофилакт (Болгарский; архиепископ Охридский, блаженный) (2000b). *Благовестник или толкование блаженного Феофилакта Архиепископа Болгарского на Святое Евангелие: в 2 кн. Кн. 2: Евангелие от Марка*. Москва: Издательство Сретенского монастыря.
- Фет, А. А. (1986). *Стихотворения и поэмы*. Ленинград: Советский писатель.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 13.11.2024
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Евчук Ольга Петровна – кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь, Омск, Россия.
ORCID: 0009-0004-2902-1988; evchuk@mail.ru

SYMBOLISM AND METAPHYSICS OF SPRING IMAGE IN RUSSIAN POETRY OF 19TH CENTURY

Olga P. Evchuk

Independent Researcher, Omsk, Russia

Abstract. The paper is devoted to the problem of symbolism and metaphysics of the image of Spring in Russian poetry of the 19th century in the context of the national spiritual traditional dressed to patristic thought and the axiological foundations of Russian culture. The significance of the Easter archetype in the national cultural consciousness, as well as in the ideological, stylistic and aesthetic content of Russian literature in general, is clarified. In this regard, attention is drawn to the religious and philosophical context of the image of Spring, which embodies the idea of spiritual awakening, renewal and transformation. At the same time, the symbolic content of such leitmotif images as the shining sun, blue skies, birdsong, buzzing bees, greenery and flowering gardens is updated. Childish delight and trembling of a loving heart, a quiet grateful prayer set the multi-valued intonation pattern of the lyrical experience of poems about Spring. Russian poetry of the 19th century, turning to the image of Spring, in all its symbolic content and artistic expressiveness, affirms the theme of God's presence in the world, the ontological basis of which is the unity of spiritualized beauty, sacrificial love and creative goodness.

Keywords: Easter archetype, patristic heritage, axiological foundations of national spiritual tradition, image of spring, symbolism, metaphysics, lyrical hero, lyrical experience.

For citation: Evchuk, O. P. (2025). Symbolism and metaphysics of spring image in Russian poetry of 19th century. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 318–327. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).318-327](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).318-327)

References

- Andrew of Crete (Archbishop). (2007). *The Great Canon of St. Andrew of Crete with translation into Russian*. Moscow: Kovcheg Publ.
- Anoshkina-Kasatkina, V. N. (2011). *Orthodox foundations of Russian literature of the 19th century*. Moscow: Pashkov Dom Publ. (In Russian).
- Bible (1991): *books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments (canonical): in Russian translation with parallel passages and an appendix*. Moscow: Kron-Press.

- Blessed Theophylact of Bulgaria. (2000a). *The Annunciator. Book 1*. Moscow: Sretensky Monastery Publ. (In Russian).
- Blessed Theophylact of Bulgaria. (2000b). *The Annunciator. Book 2*. Moscow: Sretensky Monastery Publ. (In Russian).
- Bychkov, V. V. (1977). *Byzantine aesthetics: theoretical problems*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
- Bychkov, V. V. (1999). *2000 years of Christian culture sub specie aesthetica: in 2 vols. Vol. 1: Early Christianity. Byzantium*. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ. (In Russian).
- Esaulov, I. A. (2004). The Easter character of Russian literature. Moscow: Krug Publ. (In Russian).
- Esaulov, I. A. (2017). *Russian Classics: A new understanding*. 3rd ed. St. Petersburg: Russian Art State Academy Publ. (In Russian).
- Evchuk, O. P. (2005). Metaphysics of M. Yu. Lermontov's poetic word in the context of Gospel archetypes and symbols. *Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre: collection of scientific papers. Is. 7* (pp. 181–189). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ. (In Russian).
- Fet, A. A. (1986). *Poems and Poetry*. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. (In Russian).
- Kirill of Turov (1880). *The works of our Holy Father Cyril, Bishop of Turov with a preliminary outline of the history of Turov and the Turov diocese until the 13th century*. Published by His Grace Eugene, Bishop of Minsk and Turov (now Astrakhan and Enotaevsky). Kyiv: Kiev-Pechersk Lavra Publ. (In Russian).
- Koshemchuk, T. A. (2006). *Russian poetry in the context of Orthodox culture*. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
- Kosyakov, G. V. (2005). Metaphysics of night and the immortal soul in F. I. Tyutchev's lyrics. *Tyutchev collection: Proceedings of the scientific conference* (pp. 101–113). Omsk: Omsk State Regional Research Library named after A. S. Pushkin Publ. (In Russian).
- Losev, A. F. (1995). *The problem of symbol and realistic art*. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
- Monuments of literature of Old Rus* (1978): collection. Is. 1: *The beginning of Russian literature. XI – early XII century*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).
- Motorin, A. V. (2012). *Spiritual trends in Russian literature of the 19th century*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).
- Orthodox liturgical collection* (2017). Moscow: Danilov Monastery, Danilov Blagovestnik Publ. (In Russian).
- Pleshcheyev, A. N. (1964). *Complete collection of poems*. Moscow, Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. (In Russian).
- Pushkin, A. S. (1977). *Complete Works: in 10 vols. Vol. 2: Poetry, 1820–1826. 4th ed.* Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- Pushkin, A. S. (1978). *Complete Works: in 10 vols. Vol. 5: Eugene Onegin. Dramatic Works. 4th ed.* Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- St. Innocent of Kherson (2011). *Great lent. Prayer of St. Ephraim the Syrian*. Moscow: Otchiy Dom Publ. (In Russian).
- Turgenev, I. S. (1978). *Complete works and letters: in 30 vols. Vol. 1: Works: 1834–1849*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Tyutchev, F. I. (2002). *Complete works and letters: in 6 vols. Vol. 1: Poems, 1813–1849*. Moscow: Klassika Publ. (In Russian).
- Veresov, D. A. (1998). The concept of the Gospel word in the poetics of F. I. Tyutchev (statement of the topic). *Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre: collection of scientific papers. Is. 2* (pp. 254–268). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ. (In Russian).

First Published
Received 13.11.2024
Accepted 15.03.2025

About the author

Evchuk Olga Petrovna – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Independent Researcher, Omsk, Russia.
ORCID: 0009-0004-2902-1988, evchuk@mail.ru

ТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ПОВЕСТИ ОЛЕГА БУНДУРА «В ГОСТЯХ У БЕЛОГО МЕДВЕДЯ» И В ЕЕ ПЕРЕВОДЕ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Д. Б. Терешкина, Ц. Чэнь

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия*

Аннотация. В статье предложен кросс-культурный анализ детской повести современного писателя Олега Бундура «В гостях у белого медведя». Созданная как путешествие по Арктике к Северному полюсу на российском атомном ледоколе в составе международной группы путешественников, повесть становится рассказом о «диалоге» человека с первозданной природой Крайнего Севера, о проблемах и вопросах, встающих перед человеком в неестественном для него и не обжитом им мире, принадлежащем дикой природе. Свойственный детской литературе дидактизм отражен в повести постоянной для русской словесности темой уважительного отношения к природе, невмешательства в экосистему природного пространства. Повесть «В гостях у белого медведя» в 2020 году была переведена на китайский язык переводчицей, хорошо знающей автора и русское Заполярье. В китайском переводе повесть приобрела оттенки, свойственные национальному менталитету китайских граждан, именно в области взаимоотношений человека с природой. Русский человек в течение многих веков был первопроходцем в диких землях, часто с суровой природой, и вынужден был выживать, имея навыки использования природы для этой цели. В Китае, согласно ныне действующей политике КНР, экологической культуре отведена одна из ключевых ролей, а уважительное отношение к природе выражено, в том числе, в уважительном отношении к людям. Так экологическая культура переходит в экологическое сознание, что позволило переводчику трансформировать важнейшие фрагменты повести для детей, формируя у них еще более трепетное отношение к природе, окружающему миру и его обитателям.

Ключевые слова: детская литература, природа и человек, экологическая культура, национальный менталитет, экологическое сознание.

Для цитирования: Терешкина, Д. Б., & Чэнь, Ц. Тема взаимодействия человека и природы в повести Олега Бундура «В гостях у белого медведя» и в ее переводе на китайский язык. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 328–337. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).328-337](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).328-337)

Детская литература отличается высокой степенью дидактизма, это ее отличительный признак. Одной из важнейших тем произведений для детей является тема взаимоотношения человека и природы, вопросы экологии и формирование экологического сознания человека. Чем больше природных зон и территорий осваивается человечеством, чем более агрессивным становится антропогенное воздействие на биосферу Земли, тем более острым становится экологическая тема в воспитании подрастающего поколения.

Современный детский писатель Олег Бундур (род. 1947)¹ – автор десятков произведений для детей, лауреат премий в области детской литературы, в том числе об освоении человеком Крайнего Севера. В 2020 г. современной китайской переводчицей и ученым-филологом Ли Цзяньхуа был осуществлен перевод книги для детей Олега Бундура «В гостях у белого медведя». Автора и переводчика связывают давние дружеские отношения, а тематика книг Олега Бундура стала очень актуальной

¹ Авторы Мурмана. Бундур Олег Семенович. *Кольский Север: Электронная библиотека*. URL: <http://kolanord.ru/index.php/authors/b/bundur-o-s> (дата обращения: 27.01.2025).

в воспитании и образовании китайских детей. Всего в 2020 г. в Китайской Народной Республике на китайском языке в издательстве «Эстафета» вышли три книги писателя: «У нас на Крайнем Севере», «В гостях у белого медведя» и «Царское море».

Русская литература давно и прочно вошла в круг чтения жителей Китайской народной республики – как взрослых, так и несовершеннолетних читателей [Шнейдер, 1977; Го, 1987; Родионов, 2010; Родионова, 2014]. Более ста лет насчитывает история вхождения русской литературы в культурное пространство Китая. Неравномерный по интенсивности процесс перевода произведений русской литературы в Китае во многом зависел от политической ситуации взаимодействия России и СССР с Китаем, однако интерес к русской культуре и литературе никогда не ослабевал в Поднебесной [Лю, 2004]. В настоящее время круг русских авторов, переведенных на русский язык, многократно увеличился. К традиционно популярным в Китае М. Горькому, А. Чехову, Ф. Достоевскому, Л. Толстому добавились поэты Серебряного века, Б. Пастернак, М. Булгаков, Т. Толстая, Л. Улицкая, В. Маканин, В. Ерофеев, З. Прилепин и др. [Горковенко, Петухов, 2011]. Широкий круг русских писателей для детей, ставших, в переводе на китайский язык, частью литературной культуры Китая.

В книге «В гостях у Белого медведя» О. С. Бундур, совершивший поход к Северному полюсу на российском атомном ледоколе, описывает суровую природу Арктики, ее фауну, прежде всего белых медведей, их поведение, привычки и взаимодействие с окружающей средой. Природа в книге представлена как живой организм, в котором все элементы взаимосвязаны. В соответствии с китайским культурным фоном Ли Цзяньхуа осуществила перевод, задача которого, кроме максимально точной передачи авторского текста, заключалась в адекватной подаче тех реалий и эмоций, которые в восприятии китайских детей должны были отвечать всем задачам воспитания современного гражданина Китая. Книга О. Бундура в этом смысле оказалась не только прекрасным примером передачи информации, которая является для жителей КНР новой (атмосфера и реалии Севера, путешествие на ледоколе, сведения о навигации в северных морях, об окружающей среде, метеорологии и др.), но и способом трансляции важнейшей для современного Китая идеи: внимательного и крайне бережного отношения к природе, невмешательства в ее первозданный мир, сохранение экосистемы, в которую так или иначе вторгается человек.

Тема экологии становится одной из важнейших в современной идеологии КНР [Фу, Чжоу, 2019]. Чрезвычайно остро встают вопросы максимально бережного отношения человека к окружающей среде. В мировоззрении современного гражданина КНР отношение человека к природе вписано в отношения людей друг к другу. Это поменяло саму парадигму экологического мышления китайцев. «Безнравственность в отношении к природе заключается в том, что, разрушая природную среду, человек наносит вред не только природе, но и другим людям, так как подрывает природную основу общественной жизни. Таким образом, этическое отношение людей друг к другу опосредовано отношением к природе. В центре эколого-этической системы конфуцианства – общественный человек, приверженец экологически морального поведения» [Варакина, 2012, с. 183]. Идея единства природы и человека в даосизме, проблема гармонизации отношений человека с

обществом и природой в конфуцианстве, экология мышления как основа экологического отношения к миру – таковы главные принципы экологической культуры в Китае. Примечательно, что эти принципы касаются не только произведений собственно китайской культуры, но и переводов на китайский язык иноязычных текстов, и прежде всего произведений для детей, так как именно на подрастающее поколение сделаны основные ставки в деле формирования человека с экологически моральным поведением в обществе и мире в целом. Поэтому в литературе «идеология, политика, социология отходят на второй план. На первый план выдвигаются эстетические, этические и духовные ценности» [Горковенко, Петухов, 2011, с. 187]. Вненациональные установки мировой детской литературы на формирование моральных ценностей человека в китайской литературе дополняются национальными представлениями о должном и, таким образом, подвергаются корректировке. Покажем это на примере повести О. Бундура «В гостях у белого медведя».

Книга О. Бундура «В гостях у белого медведя» построена как дневник путешественника, описывающего поход к Северному полюсу на российском ледоколе «50 лет Победы» международной команды путешественников и российского экипажа во главе с капитаном Дмитрием Лобусовым. В отличие от дневника, книга не имеет точных дат, однако хронологический и топографический принципы соблюдены: представляющее собой серию заметок автора о наиболее примечательных событиях похода, повествование сюжетно повторяет путь по Арктике к Северному полюсу и обратно. К описываемым реалиям, ставшим предметом внимания автора, добавляются размышления писателя о красоте окружающего мира, роли человека как естествоиспытателя, открывающего все новые земли и воздействующего на природу. В свою очередь, природа меняет человека, если, конечно, он готов к осмыслению своего места в ней, назначения человечества как главной силы, меняющей облик Земли. Приметой времени является описанный в повести новый «тренд» в организации арктических походов: на борту ледокола находятся не только ученые и техническая команда экипажа, но и туристы, в том числе многочисленная группа китайцев, для которых Арктика является своего рода воплощением холода и бескрайних снежных просторов (глава «Как я Китаю помог»). Писатель среди разношерстной компании путешественников становится особой фигурой «наблюдателя», в поле зрения и осмысления которого попадает весь окружающий мир – живая и неживая природа, люди, сами по себе и во взаимодействии с первозданным миром Арктики, мощная техника, созданная человеком и управляемая им, многомерные и разнонаправленные коммуникации людей, природы и мира в его единстве био-, техно- и ноосферы.

Тема воздействия человека на природу становится главной в идейном содержании повести Олега Бундура. И воздействие это становится все более глобальным. «Главное, что покорило, – неповторимая, необъятная, бесконечная Арктика, ее ледовые просторы, ее безмолвие и сияние в разгар полярного дня. А белый медведь – хозяин Арктики, ее хранитель и охранник. Но увы, уже не может он охранять и хранить ее – уже человек хозяйничает» [Бундур, 2019, с. 7]. Если человек, до сих пор считающий себя «царем природы», приходит в первозданный мир «добрым хозяином», он смотрит на обитателей и реалии этого мира как на братьев

своих меньших, как на сообщество, земную семью, которая нуждается в отеческой заботе. Именно таким чувством пронизаны сюжеты книги о встрече с моржом, подплывшим к путешественникам на предельно близкое расстояние и внимательно рассматривавшим их («Это был здоровенный, наверное, в тонну весом, моржище с мощными клыками, с усами. Я смотрел на моржа, морж смотрел на меня; потом два раза подмигнул и ушел под воду» [Бундур, 2019, с. 46]), о паре чаек-поморников, высиживающих яйца на каменистом берегу одного из арктических островов, о птичьем базаре на скале Рубини на Земле Франца Иосифа, об отсутствии насекомых на арктических просторах («попробуй пролети такое расстояние над морем! Сесть отдохнуть некуда. Не на кита же, в самом деле, садиться! Он то и дело ныряет, да и кожа у него – не прокусишь» [Бундур, 2019, с. 65]), наконец, о главном герое книги – белом медведе, настоящем хозяине Арктики: «Он стоит на льдине, метрах в пятидесяти от ледокола. Я смотрю на него, он смотрит на меня, с любопытством и вроде дружелюбно» [Бундур, 2019, с. 67]. Все это подается писателем, создающим книгу для детей, с доброй улыбкой, с чувством большой любви, почтения и теплоты по отношению ко всему живому, соседствующему с человеком на одной планете.

Согласно дидактическим установкам детской литературы, Олег Бундур включает в свое повествование большое количество познавательной информации: об устройстве ледокола, работе экипажа, топографических характеристиках арктических объектов и Арктики в целом, точных координатах Северного полюса, флоре и фауне Арктики, полярном дне и полярной ночи, течении Гольфстрим, создающем особый климат на огромной территории Северной Европы, айсбергах, бухтах, архипелагах, метеорологических станциях, расположенных на территории Арктики, и многом другом. Попутно автор повествует о наиболее значимых исторических событиях, связанных с освоением Арктики. Повесть становится для читателя-ребенка своего рода энциклопедией о Крайнем Севере.

Нашлось место в повести и поэтическому слову. Некоторые фрагменты в книге Олега Бундура приближаются к поэтическим по степени образности и эмоциональности. Такова, например, глава «Медведица», в которой описывается встретившаяся путешественникам самка белого медведя с детенышем: «записки натуралиста» совмещены здесь по принципу параллелизма с описанием созвездий Большой и Малой медведицы, как будто «запечатлевшим» реальную картину на карте Звездного неба (художественная деталь, изображающая момент, когда Медведица (в созвездии или наяву – неважно) подает автору лапу, отправляет русскоязычного читателя к широко известному мультипликационному фильму «Умка» о жизни и приключениях белого медвежонка, завершающемуся картиной «восхождения» белой медведицы со своим детенышем на небо и «превращении» в созвездия Большого и Малого Ковша). В главе «Начало жизни» первозданные арктические пейзажи сопоставляются со временем возникновения биосферы на Земле, а шарообразные камни на арктических островах представляются яйцами доисторических ящеров, из которых того и гляди вылупятся динозавры. Так «горизонтальный» срез экосистемы планеты дополняется диахронической осью прошлого и настоящего Земли, формируя идею глобальной взаимосвязи всего живого на земном шаре.

В процессе перевода повести на китайский язык Ли Цзяньхуа постаралась максимально полно передать читателю идеи, выраженные автором, однако даже минимальные расхождения оригинала и перевода становятся в совокупности показательной иллюстрацией системного формирования экологического мышления детей в КНР.

Таков, например, перевод с китайского: «就这样，我想象着那些最初的勇士们在绝望中臣服于北极。」 [Бундур 2020, с. 11]. (*Так я представил этих первых храбрецов, в отчаянии покорившихся Северному полюсу*). Оригинальный текст: «Так покоряли полюс первые отчаянные храбрецы» [Бундур, 2019, с. 6]. В оригинале используется глагол «покоряли», который переводится как «征服». В переводе же Ли Цзяньхуа используется глагол «臣服 (покорившихся)», которые в китайской лексической интерпретации являются антонимами. Активный залог в тексте оригинала (храбрецы покорили Северный полюс) заменяется пассивом. Контекстуально это верно, ведь тяжелые условия для покорителей стали испытанием для них, и лишь приспособление к суровым реалиям Арктики позволило им достичь желаемого. Однако именно в переводе меняется позиция человека по отношению к Арктике как месту первозданной природы: он становится в положении подчинения мирозданию. «Завоевание» Арктики изменяется на поклонение ей. Меняется, таким образом, и эмоциональная окраска повествования.

Приведем еще один пример: «我——一个乘坐动力强大的破冰船、坐在舒适的客舱软沙发上抵达北极点的人，怎么能认为自己是北极的征服者呢？此刻的豪情万丈岂不多余？」 [Бундур, 2020, с. 12]. (*Буквальный перевод: «Я – человек, прибывший на Северный полюс на мощном ледоколе и сидящий на мягком диване в каюте, - как могу считать себя покорителем Северного полюса? Не будет ли излишним думать, что в данный момент можно покорить все?»*). Оригинальный текст: «Я не считаю себя покорителем полюса – много ли геройства надо, чтоб на мягоньком диване, в уютной каюте, на мощном ледоколе дойти до него?» [Бундур, 2019, с. 7].

В оригинальном тексте автор выражает свое отношение к собственным достижениям с помощью риторических вопросов, подразумевая, что достижение определенной цели в комфортных условиях на самом деле не является героическим поступком. Переводчик использует двойные риторические вопросы не только для того, чтобы сохранить отношение автора к собственным достижениям, но и для того, чтобы усилить авторский тон и эмоциональную окраску, сделав высказывание более ярким. Наложение риторических вопросов побуждает аудиторию глубоко задуматься, поразмышлять над собственными взглядами на ту или иную проблему, а затем подводит ее к определенному выводу.

В сценах встречи с белым медведем – главным героем повести – важными оказываются мотивы вторжения человека в мир дикого зверя со своими привычками и желаниями, которые лишь на первый взгляд оказываются благими. Таково желание путешественников угостить белого медведя сгущенным молоком: «我没有给北极熊喂炼乳，不吃炼乳它也好好地活了千百年，再说破裂的罐头铁皮真的会把它的舌头和嘴唇划烂，我都看见了。」 [Бундур, 2020, с. 66]. (*Буквальный перевод: «Я не давал белому медведю сгущенного молока, он прекрасно жил без него тысячу лет, и к тому же треснувшая жесть банки могла порезать ему язык и губы, я все это*

видел»). Оригинальный текст: «Я не брал белому медведю сгущенку. Он без моей сгущенки тысячу лет обходился и обойдется еще. А язык и губы о рванные края банки порежет точно. Я видел....» [Бундур, 2019, с. 66]. В переводе используется более прямой способ выражения, с указанием того, что белые медведи могут хорошо жить без вмешательства человека, а фигура умолчания в тексте оригинала заменена безапелляционным «я все это видел».

В главе «Указатели» автор выражает мысль о том, что желание человека, дошедшего до Северного полюса, поставить символические указатели (например, до какого-то города) оказывается абсурдным: «况且，北极熊也会把这些路标拔掉的，因为我们以及我们乘坐的破冰船对于它们来说都是毫无意义的的不速之客。」 [Бундур 2020, с. 85]. (Буквальный перевод: «К тому же белые медведи могут убрать эти шесты, потому что мы и наш ледокол для них — совершенно бессмысленные непрошеные гости»). Оригинальный текст: «К тому же, я думаю, белые медведи шесты эти повыдергивают. Зачем им такие незваные гости, как мы с ледоколом вместе?» [Бундур, 2019, с. 84].

В оригинале использованы более разговорные выражения «я думаю», а также риторические вопросы, что придает тексту диалогичность и создает ощущение размышления автора о ситуации. В переводе отсутствуют такие приемы, он более уверенный и прямой, без личной рефлексии, что делает утверждение более универсальным. Это подчеркивает, что человеческая деятельность не важна для животных и нарушает их покой. Кроме того, в перевод добавлено слово «бессмысленные», что ставит под сомнение разумность вторжения человека в мир Арктики в целом.

На таких же нюансах, меняющих картину взаимодействия человека с природой, построен следующий фрагмент: «肉就留给北极熊自己吃吧，它才更需要海豹肉。」 [Бундур, 2020, с. 67]. («Оставьте мясо самому белому медведю, ему больше нужна нерпа»). Оригинальный текст: «А нерпу мишка пускай сам ест. Ему нужнее» [Бундур, 2019, с. 68].

Исходный текст и перевод подчеркивают, что белым медведям необходимо есть тюленей, так как они нуждаются в них для выживания. Это передает мысль о том, что медведи должны есть мясо. Использование слова «оставьте» в переводе создает более настойчивый тон, призывающий к тому, чтобы дать мясо медведям. В оригинале использовано слово «мишка», что придает тексту более дружелюбный оттенок и эмоциональную окраску. В переводе, учитывая культурные различия, используется термин «北极熊 (белый медведь)», что делает текст более научным, а перевод – более точным. Это также передает читателю важность соблюдения природного баланса и прав животных на существование.

Наиболее показательными являются примеры полного исключения в переводе тех реалий, упоминаемых в оригинале текста, который немислимы в культуре современного Китая. Таков фрагмент, описывающий сборы автора в поход к Арктике: «还有碗、盆、帐篷、睡袋、换洗的皮毛衣服、鞋子、煤油炉、煤油和“卡雅克”（一种大小适中的帆布船），以及其他十几样长途跋涉的必需品。」 [Бундур 2020, с. 10]. («Здесь были посуда, котелки, палатка, спальный мешок, смена меховой одежды, обуви, керосинка, керосин и «каяк» (складная брезентовая лодка), а также

десяток-другой предметов первой необходимости для долгого путешествия»). Оригинальный текст: «А еще каяк – складная брезентовая лодка, палатка, спальный мешок, смена меховой одежды и обуви, керосинка и керосин, *топорик*, посуда и еще десяток вещей, необходимых в таком походе» [Бундур, 2019, с. 5].

В переводе полностью исключено слово «топорик», т.к. по строжайшим китайским законам об охране окружающей среды китайцам не разрешается рубить деревья по своему усмотрению. Как известно, для русского человека топор и его аналоги в походе «на природу» является одним из главных орудий, а умение быстро разжечь костер считается важнейшим навыком туриста. Ли Цзяньхуа предпочла пожертвовать точностью перевода и даже скрупулезностью в передаче реалий языка оригинала, но свято сохранить требование закона КНР и естественное желание китайского гражданина не делать того, что может навредить природе своей родины.

Интересен фрагмент, описывающий возможное противостояние человека и дикого животного: «可是，假如我真的站到它的身边去，会怎样呢？它会立刻把我吃掉吗？它只要熊掌轻轻摸一下我，我就完蛋了，从此世上就再也没有我这个旅行家了。」 [Бундур, 2020, с. 66]. (*Но что случится, если я действительно буду рядом с ним? Съест ли он меня сразу? Ему достаточно было легонько прикоснуться ко мне лапой, и со мной будет покончено, и в мире больше не будет путешественника.*). Оригинальный текст: «А что, если бы и вправду я оказался на льдине рядом с мишкой? Да он бы сразу расправился со мной. Провел лапой – и все! И нету путешественника» [Бундур, 2019, с. 67].

В оригинале автор использует прием самовопроса и самоуточнения, подчеркивая силу и хищническую натуру белых медведей. Следующее предложение описывает уязвимость человека перед дикой природой. В переводе переводчик применяет двойное риторическое вопросительное предложение, выражая уверенность в том, что белые медведи будут атаковать путешественников, что привлекает внимание читателя и побуждает его к размышлениям. Переводчик добавляет слово «легонько», используя гиперболу, чтобы подчеркнуть угрозу, исходящую от белых медведей, и хрупкость путешественников, усиливая чувство незащитности человека перед могучими животными. Сочетание этих риторических приемов не только передает страх человека перед дикой природой, но и отражает ничтожность человека перед лицом природы, усиливая эмоциональную нагрузку и напряженность текста.

Мелкие детали перевода становятся очень показательными в контексте эпизода произведения. «试想一下！比方说，你们住在自己家，有自己的院子，院子里种满了香菜、芹菜，你们坐在家门前，欣赏着这一切。突然院子里闯进一艘破冰船，船上的人疯狂地叫喊着：“万岁！我们来了！”然后他们沿着舷梯从船上跑下来，朝着你们扔鳕鱼，扔炼乳罐头，他们不光跑，还跳起舞来，把整个院子里的东西都踩坏了。你们会喜欢吗？这其实是一回事。」 [Бундур, 2020, с. 84]. (Буквальный перевод: «*Представьте себе! Допустим, вы живете в своем доме, у вас есть собственный двор, заполненный петрушкой и сельдереем, и вы сидите перед домом, наслаждаясь всем этим. Внезапно в ваш двор врывается ледокол, и люди на борту безумно кричат: “Ура! Мы пришли!” Затем они бегут по трапу с корабля, бросая вам треску*

и банки сгущенного молока, они не только бегут, но и начинают танцевать, топчя все на вашем дворе. Вам это понравилось бы? На самом деле, это одно и то же»). Оригинальный текст таков: «Ну, подумайте сами. Вот живете в своем доме, огород у вас, петрушки-зеленушки, еще что-то растет. А вы на крылечке сидите, любуетесь на все это.

Вдруг на ваш огород заезжает ледокол. С бортов орут сумасшедше:

– Ура! Добрались!

Потом по трапу сбегает, вам треску замороженную кидают, сгущенку в банках, бегает, танцуют... Весь огород повытоптали... Понравится вам это? То-то же» [Бундур, 2019, с. 84–85].

Читающееся в оригинале слово «Добрались!» переводчик перевел как «我们来了! (Мы пришли!)», и можно заметить разницу в эмоциональной окраске и глубине этих двух выражений. Фраза «我们来了 (Мы пришли!)» звучит более радостно и торжественно. Она означает завершение определенного пути и достижение цели, вызывая позитивные ассоциации. Люди на ледоколе не только прибыли, но и шумно нарушили спокойствие главного героя – белого медведя. В то время как «Добрались!» звучит более обыденно и несет в себе оттенок усталости или облегчения после путешествия. Это подчеркивает трудности процесса и фокусирует внимание читателя на самом факте достижения цели. Таким образом, оба выражения передают смысл вторжения путешественников в чужое пространство, но эмоциональная окраска и стилистические особенности различаются. Русское «то-то же», здесь означающее «ну вот, видите» или «так-то», в переводе на китайский язык трансформируется из ни к чему не обязывающего междометия в целое умозаключение, смысл которого – в апелляции к сердцу и уму читателя, донесение мысли о том, что непрошенные гости, осуществляющие вакханалию на чужом пространстве, и человек, ведущий себя неуважительно к природе в ее пределах, – суть явления одного порядка, одинаково неприемлемые. Так, суммой приемов, формируется в сознании маленького китайского читателя экологическое сознание, которое отражает прежде всего национальную картину мира жителя современного Китая.

Перевод художественных текстов представляет собой сложную и ответственную задачу. Этот процесс выходит за рамки дословного перевода и включает в себя глубокое понимание и воспроизведение сочетания различных культур, эмоций, стилей и традиций. Наше исследование показывает, что художественные тексты не только отражают авторскую картину мира, но и служат мостом между двумя культурами.

Литература и источники

- Бундур, О. С. (2019). *В гостях у белого медведя*. 2-е изд. Санкт-Петербург: Детское время.
- Бундур, О. С. (2020). 李江华 2020 《我在北极熊家做客》(俄罗斯) 奥列格·彭杜尔著, 李江华译, (俄罗斯) 嘉琳娜·萨拉维耶娃绘[M]. 南宁: 接力出版社.
- Варакина, М. И. (2012). Формирование национальной идеи экологической культуры Китая. *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия. Философия, социология, культурология, социальная работа*, 4(45), 182–188.
- Го, Э. (1987). *Перевод, издание и исследование русской и советской литературы в Китае*. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках.

- Горковенко, А. Е., & Петухов, С. В. (2011). Русская литература в культурном пространстве Китая: история и современность. *Вестник Бурятского государственного университета*, 10, 184–188.
- Лю, В. (2004). Перевод и изучение русской литературы в Китае. *Новое литературное обозрение: Теория и история литературы, критика и библиография*, 69(5), 322–328. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/5/perevod-i-izuchenie-russkoj-literatury-v-kitae.html> (дата обращения: 27.01.2025).
- Родионов, А. А. (2010). О переводах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия. 13: Востоковедение и африканистика*, 2, 137–149.
- Родионова, О. П. (2014). Издание русской и советской детской литературы в Китае в новейшее время. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия. 13: Востоковедение и африканистика*, 1, 82–93.
- Фу, С., & Чжоу, Х. (2019). Традиции китайской экологической культуры и воспитание экогражданства. *Век глобализации*, 3(31), 123–129. <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.03.11>
- Шнейдер, М. Е. (1977). *Русская классика в Китае: переводы. Оценки. Творческое освоение*. Москва: Наука.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 01.02.2025
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторах

Терешкина Дарья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.
ORCID: 0000-0002-2079-1116; e-mail: terdb@mail.ru

Чэнь Цяньюй – аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.
ORCID: 0009-0005-0404-2114; e-mail: m13250500144@163.com

HUMAN-NATURE INTERACTION THEME IN *VISITING THE POLAR BEAR* BY OLEG BUNDUR AND IN ITS TRANSLATION INTO CHINESE

Daria B. Tereshkina, Qianyu Chen

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Abstract. The paper offers a cross-cultural analysis of the children's novel *Visiting the Polar Bear* by the modern writer Oleg Bundur. Created as a journey through the Arctic to the North Pole on a Russian nuclear icebreaker in an international group of travelers, the novel becomes a story about a man's *dialogue* with the pristine nature of the Far North, about the problems and questions facing the man in an unnatural and uninhabited world belonging to the wild. The didacticism characteristic of children's literature is reflected in the story by the constant theme for Russian literature, that is respect for nature, non-interference in the ecosystem of natural space. The novel was translated into Chinese in 2020 by a translator who knows the author and the Russian Arctic well. In the Chinese translation, the story has acquired shades characteristic of the national mentality of Chinese citizens, specifically in the field of human relations with nature. For many centuries, Russian people have been pioneers in wild lands, often with harsh nature, and had to survive by having the skills to use nature for this purpose. In China, according to the current policy of the People's Republic of China, ecological culture is assigned one of the key roles, and respect for nature is expressed, among other things, in respect for people. This is how ecological culture becomes an ecological consciousness, which has allowed the translator to transform the most important fragments of the story for children, forming in them an even more reverent attitude towards nature, the surrounding world and its inhabitants.

Keywords: children's literature, nature and man, ecological culture, national mentality, ecological consciousness.

For citation: Tereshkina, D. B., & Chen, C. (2025). Human-nature interaction theme in *Visiting the Polar Bear* by Oleg Bundur and in its translation into Chinese. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 328–337. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).328-337](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).328-337)

References

- Bundur, O. S. (2019). *Visiting the Polar Bear*. 2nd ed. St. Petersburg: Detskoe vremya Publ. (In Russian).
- Bundur, O. S. (2020). *Visiting the Polar Bear*: translated by Li Jianhua. Nanning: Goal Publishing House. (In Chinese).
- Fu, X., & Zhou, H. (2019). The traditions of Chinese ecological culture and the education of eco-citizenship. *The Age of Globalization*, 3(31), 123–129. <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.03.11> (In Russian).
- Gorkovenko, A. E., & Petukhov, S. V. (2011). Russian literature in the cultural space of China: history and modernity. *Bulletin of the Buryat State University*, 10, 184–188. (In Russian).
- Guo, E. (1987). *Translation, publication and research of Russian and Soviet literature in China*. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian).
- Liu, W. (2004). Translation and study of Russian literature in China. *New Literary Review: Theory and History of Literature, Criticism and Bibliography*, 69(5), 322–328. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/5/perevod-i-izuchenie-russkoj-literatury-v-kitae.html> (accessed: 21.01.2025). (In Russian).
- Rodionov, A. A. (2010). About the translations of the latest Chinese prose into Russian after the collapse of the USSR. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 13: Oriental and African Studies*, 2, 137–149. (In Russian).
- Rodionova, O. P. (2014). Publishing of Russian and Soviet children's literature in China in modern times. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 13: Oriental and African Studies*, 1, 82–93. (In Russian).
- Schneider, M. E. (1977). *Russian classics in China: Translations. Evaluations. Creative development*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Varakina, M. I. (2012). Formation of the national idea of China's ecological culture. *Scientific notes of the Trans-Baikal State University. Series: Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Social Work*, 4(45), 182–188. (In Russian).

First Published
Received 01.02.2025
Accepted 15.03.2025

About the authors

Tereshkina Daria Borisovna – Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

ORCID 0000-0002-2079-1116; e-mail: terdb@mail.ru

Chen Qianyu – PhD Student, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

ORCID 0009-0005-0404-2114; e-mail: m13250500144@163.com

РАЗВИТИЕ НОВОГО ПРОТЕСТАНТИЗМА В ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАНАХ

Н. А. Мязин

Калужский государственный университет, Калуга, Россия

Аннотация. В результате Реформации население Эстонии и большей части Латвии приняли лютеранство, при этом оно не получило в полной мере характера национальной религии – духовенство состояло преимущественно из прибалтийских немцев. В начале XX в. влияние лютеранства стало уменьшаться, к настоящему времени Эстония стала одной из самых нерелигиозных стран мира, в которой более половины верующих составляют православные. В то же время определенное развитие получили церкви фундаменталистского направления. Среди коренного населения более популярен баптизм, среди русских – пятидесятничество. Таллинское пробуждение 1977–1980 годов оказало влияние на развитие харизматического движения в пятидесятническом сообществе позднего СССР. При участии латвийских пятидесятников в 1990-е годы было создано более 500 общин в России, Украине, Белоруссии и Казахстане.

Ключевые слова: Прибалтика, протестантизм, лютеранство, баптизм, пятидесятничество, атеизм.

Для цитирования: Мязин, Н. А. (2025). Развитие нового протестантизма в Прибалтийских странах. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 338–347. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).338-347](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).338-347)

Население Прибалтики приняло христианство в XII–XIV вв. В результате Реформации жители Эстонии и большей часть Латвии перешли в лютеранство, католическая церковь сохранила позиции в Литве и в восточной Латвии в Латгалии. В XVIII в. в Прибалтике среди лютеран начало распространяться движение гернгутеров, появившиеся в результате влияния пиетизма на движение моравских братьев, ведущих свое происхождение от гуситов. Гернгутеры выступали за изучение Писания, духовное пробуждение каждого христианина и непротивление злу насилием. Гернгутеры не отделяли себя полностью от лютеранства, однако создавали общины с собственным духовенством. Наибольшее распространение гернгутеры получили на территории современной Латвии, где к середине XIX в. число общинников выросло до 26 тыс. (2,5 % населения). Популярность движения у сельского населения была вызвана в т. ч. тем, что большинство лютеранских пасторов происходили из прибалтийских немцев. Лютеранство ассоциировалось с немецкими помещиками, что способствовало культурному разрыву латышей и эстонцев с лютеранством.

В 1845–1848 годах в сельской местности Лифляндской губернии около 100 тыс. лютеран как латышей, так и эстонцев перешли в православие. Переход во многом был выражением протеста против положения крестьян, которые в 1819 году получили свободу без земли и находилось на положении батраков у немецких помещиков. Епархиальное начальство поощряло переход в православие, были открыты приходы, в которых проходили службы на национальных языках (в лютеранских кирках преобладал немецкий). В отдельных случаях переход в православие сопровождался попытками переселения в малонаселенные регионы России с целью приобретения своей земли. Обращение в православие было значительно меньше в уездах с сильными позициями гернгутерских общин, это, а также отказ от военной службы, способствовало требованию Синода о воссоединении гернгутеров с лютеранством.

Во второй половине XIX в. большинство общин исчезли, оставшиеся замкнулись в себе и обрели «сектантский» характер и, хотя и полностью не исчезли, более не оказывали влияния на общество [Рыжакова, 2010, с. 12–15]. Во второй половине XIX в. на религиозную жизнь оказало влияние появление новой для Российской империи протестантской деноминации – баптизма. Баптизм отличается от исторических протестантских церквей отказом от крещения младенцев, а также активным участием членов общины в жизни церкви. В южных губерниях получил распространение переход общин русского духовного христианства в баптизм как близкую по духу, но более организованную деноминацию [Матушанская и др., 2020, с. 142–145], впоследствии первые пятидесятнические общины будут создаваться путем прозелитизма в баптистских общинах.

По данным переписи 1897 года больше всего баптистов – 0,8 % проживало в западной Латвии в Курляндии, в Лифляндии они насчитывали лишь 0,1 %¹. То, что братские общины преимущественно исчезли (вместо того чтобы быть замещены других протестантским движением), может свидетельствовать о том, что движения гернгаутеров у сельского населения имело в значительной степени социальные причины. На рубеже XIX–XX вв. основаны первые адвентистские и методистские церкви в Прибалтике.

Рост этнического самосознания населения Латвии и Эстонии во второй половине XIX в. имел секулярный характер и предопределялся языком и принадлежностью к преимущественно крестьянской культуре [Рыжикова, 2010, с. 3–5]. После издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» в 1905 году в Российской империи 309 тыс. человек, обращенных в православие, перешли в иные вероисповедания. При этом активность возвращения значительно отличалась по деноминациям: в католичество вернулось 233 тыс., в лютеранство – 15 тыс., хотя доля лютеран была лишь в три раза меньше [Лисовская, 2022, с. 59].

В межвоенный период многие лютеране прекратили посещать церковь и платить церковные сборы. Баптистские общины это затрагивало в меньшей степени, но проблемой являлась эмиграция. Организованным общинам единоверцев было проще принять решение искать лучшей жизни за океаном. Самым масштабным было переселение в начале 1920-х годов в Бразилию более 2 тыс. членов баптистских церквей под руководством пастора рижской церкви Яниса Инкиса. Они основали сельскохозяйственную религиозную общину Варпа в штате Сан-Паоло, состоящую из хуторов, расположенных недалеко друг от друга [Хисамутдинов, 2005].

В эти годы на территориях бывшей Российской империи начало распространяться пятидесятничество. Молодую протестантскую деноминацию, основанную в Лос-Анджелесе в 1906 году, отличало наличие особого мистического переживания – крещения Святым Духом, проявляющееся в говорении на «иных языках» (глоссолалии) и вера в возможность совершения чудес в обычной жизни.

«Латвийско-американское миссионерское общество» основано миссионером американского союза «Ассамблеи Бога» местным уроженцем Джеймсом Гревиншем,

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам. *Демоскоп Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php?reg=42 (дата обращения: 27.02.2025).

который вырос в баптистской семье и перешел в пятидесятничество, переехав в США. Латвийские пятидесятники получали помощь «Русской и восточноевропейской миссии» Густава Шмидта, открывшийся в Данциге в 1928 году. В 1930-е годы деятельность миссионерского общества была запрещена, Гревиншу пришлось покинуть страну, но пятидесятники продолжили работу, изменив название [Teraudkalns, 1999].

Первая пятидесятническая церковь в Эстонии основана шведским миссионером Вальдемаром Эллингсоном в Ригульди в 1924 году, спустя два года открыта церковь «Элим» в Таллине. Большинство пятидесятнических общин присоединились к «Союзу свободных церквей евангельских христиан Эстонии», так как у пятидесятников не имелось достаточного числа общин для самостоятельной регистрации [Ringvee, 2015, p. 59].

Первая литовская пятидесятническая община основана в 1912 году, в 1930 году зарегистрировано «Общество евангельских христиан Литвы», издавалась газета «Свет Евангелия»². В Польской Республике, в состав которой входила значительная часть литовских земель, включая Вильнюс, отношение к пятидесятникам было достаточно терпимым [Дьяченко, 2003, с. 28]. Вероятно, это вызвано тем, что деятельность пятидесятников была направлена преимущественно на православных и, отчасти, протестантов, миссия среди католиков оказалась мало эффективной. Первоначально пятидесятники рассматривались властями в качестве более опасного религиозного меньшинства в сравнении с баптистами, но опасения не нашли подтверждений. В конце 1930-х годов польские власти стали обязывать общины переводить богослужение с русского на польский, это не встретило противодействия, так как соответствовало запросам значительной части верующих. Заслуживает внимания тот факт, что польские власти при регистрации религиозных организаций на «новых территориях» использовали законодательство исчезнувшей Российской империи [Русецкий, 2015, с. 121, 126–129].

В послевоенные годы значительная часть прибалтийских пятидесятников вошли в состав Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, так как советская власть проводила политику объединения новых протестантов в одну организацию³. Знаковым событием советской эпохи стало таллинское харизматическое пробуждение 1977–1980 годов в баптистской церкви Оливисте. В огромном здании средневековой церкви были объединены семь общин: три баптистских, три евангелистских и одна пятидесятническая. Благодаря открытию в 1965 году паромной переправы в Хельсинки, протестанты поддерживали связи с финскими единоверцами и получали контрабандную литературу, в т. ч. переведенные на эстонский книги американских харизматов Томми Осборна и Кеннета Хейгина [Ringvee, 2015, p. 59–61]. В 1977 году в церкви Оливисте домашняя группа во главе с сотрудником министерства промышленности Эстонии баптистом Рейном Ууэмыйсом начала использовать харизматические молитвенные практики (молитвы об исцелении и более

² LR Evangelinio tikėjimo krikščionių sąjungai suteikė: Union of Pentecostal Churches of Lithuania: Istorija. URL: <https://www.pentecost.lt/apie-mus/history/> (accessed: 27.02.2025).

³ Vasarsvētku kustības vesture. Jelgavas Vasarsvētku draudzes. URL: https://www.jvd.lv/?page_id=86 (accessed: 27.02.2025).

эмоциональный характер богослужения), под влиянием знакомства с финским туристом-пятидесятником. Харизматические служения проводились в церкви Оливесте три дня в месяц: по субботам и вечером в воскресенье под видом выступлений певческого ансамбля, после музыкальных выступлений следовали проповеди⁴. Харизматические служения проводились на русском языке, в кругах верующих распространились слухи, что в церкви Оливесте происходят исцеления, на службы приезжали верующие со всех уголков СССР, преимущественно пятидесятники. Распространению информации о таллиннском пробуждении способствовало проведение в Таллине соревнований по парусному спорту в рамках Олимпиады 1980 года. Часть руководства советских пятидесятников поддерживали таллиннское пробуждение, другие выступали против, считая экстатические практики «прелестью», лидер российских не зарегистрированных пятидесятников И. П. Федотов занял нейтральную позицию [Франчук, 2003, с. 54–55]. В 1980 году руководство баптистской церкви Оливесте и Рейне подчинились требованиям КГБ: отказались от проведения харизматических служений и перевели богослужение на эстонский язык⁵. В отличие от не зарегистрированных пятидесятников, таллиннские харизматы не имели организованного ядра, которое позволило бы действовать подпольно.

Таллиннское пробуждение повлияло на распространение харизматических практик в пятидесятнических церквях советских республик. Рейне остался в баптистской церкви и впоследствии был рукоположен в сан пастора. Впоследствии в церкви Оливесте возобновились харизматические служения, но они не имели масштабный характер.

В 1991 г. по данным Совета по делам религий при Совете Министров СССР небольшие общины пятидесятников имелись во всех прибалтийских республиках:

Латвия – 9 общин: 1,2 тыс. членов церкви,

Литва – 16 общин: 0,9 тыс.,

Эстония – 16 общин: 1,3 тыс.

Большинство пятидесятников Латвии и Литвы принадлежали к церквям, являющимся наследниками миссии Густава Шмидта, в Эстонии преобладали не зарегистрированные церкви – наследники миссии Воронаева с центром в Одессе [Ефимов, 1995, с. 285–286].

Развитие протестантизма в постсоветский период

В данном разделе уделим основное развитию пятидесятничества, поскольку латвийские церкви в 1990-е годы сыграли значительную роль в развитии харизматического движения на постсоветском пространстве. Многие пасторы харизматического направления в начале 1990-х годов получили образование в библейской школе, организованной в латвийском г. Елгава движением Calvary International при участии основателя международного харизматического движения «Слово жизни» Ульфа Экмана [Лункин, 2003, с. 259–260].

⁴ Кухарчук Р. (2024, 13 сентября). Эксклюзивное интервью с лидером Таллиннского пробуждения Рейном Ууэмыйсом. *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Y-kC7q_jkA4 (дата обращения: 27.02.2025).

⁵ Там же.

Алексей Ледяев начал служение баптистским пастором, вскоре перешел в не зарегистрированное братство пятидесятников-шмидтовцев. В 1989 году он был исключен за использование харизматических практик и создал церковь «Новое поколение»*. Рок-оперы Ледяева «Кифа», «Вартимей», «Разорванная завеса», написанные по библейским сюжетам во второй половине 1990-х годов в русскоязычной протестантской среде получили известность, сравнимую с влиянием рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда» на англоязычную аудиторию. «Кифа»⁶ осовременивает Евангелие, перенося события страстной недели в антураж «лихих девяностых». Миссионеры «Нового поколения»* в 1990-е годы действовали на всем постсоветском пространстве. По данным религиоведа Р. Н. Лункина «Новое поколение» содействовало созданию 500 пятидесятнических общин в России [Мельников, 2021], объединения церквей «Нового поколения»* созданы на Украине, в Белоруссии и Казахстане. В 2002 году Ледяев опубликовал книгу «Новый мировой порядок»**, в которой утверждал, что евангельское пробуждение кратковременное и хрупкое, власти утопят его в крови, подготовить мир ко Второму пришествию Христа возможно только через пробуждение сверху – приход к власти христиан и насаждение ими нового мирового порядка. Книга Ледяева была негативно оценена руководителями харизматических союзов – глава «Российской церкви христиан веры евангельской» (далее – РОСХВЕ) С. В. Ряховский заявил, что данный труд не имеет ничего общего с библейским учением⁷. Лидер международного движения «Слово жизни» швед Ульф Экман обвинил Ледяева в стремлении организовать христианский джихад, а также прозелитизме – призывам оставлять другие харизматические общины и переходить к нему⁸. Рижскую церковь покинул ближайший соратник Ледяева – лидер группы прославления и молодежный пастор Андрей Кочкин, который основал церковь «Божья семья»⁹. Российские церкви «Нового поколения»* отделились от Ледяева: объединение «Свет Евангелия» (70 церквей) вошло в РОСХВЕ на правах ассоциации, около 20 церквей принадлежат к «Новому поколению»*, но больше не поддерживают отношения с Ледяевым [Мельников, 2021]. В 2023 году украинские церкви «Нового поколения»* также отделились¹⁰. По нашему мнению, последнее

* Деятельность церкви «Новое поколение» (Украина, Латвийская Республика) признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>

⁶ Ледяев, А. «Кифа»: мюзикл, 1999 г. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UAWNxvbBuNs&t=1164s&ab_channel=John3%3A16 (дата обращения: 27.02.2025).

** Книга «Новый мировой порядок» внесена в Перечень экстремистских материалов. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?id=10158>

⁷ Ряховский, С. В. (2005, 29 марта). Официальное заявление в отношении латвийской церкви «Новое поколение»* и религиозно-политической доктрины «Новый мировой порядок»**. *Централизованная религиозная организация Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников)*: сайт. URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1602761> (дата обращения: 27.02.2025).

⁸ Взаимная критика А. Ледяева и У. Экмана в личной беседе: стенографический отчет (2005, 28 января). *Глазная мазь*: сайт. URL: <http://www.glaznayamaz.org/vzaimnaya-kritika-a-ledyaeva-i-u-ekmana-v-lichnoj-besede/> (дата обращения: 27.02.2025).

⁹ Раскол в церкви пастора Ледяева (2005, февраль). *Миссионерско-апологетический проект «К истине»*: сайт. URL: <https://k-istine.ru/sects/neo50/neo50-news-024.htm> (дата обращения: 27.02.2025).

¹⁰ Ледяев заявил о выводе украинского епископата из состава международного Движения «Нового Поколения»* (2023, 3 мая). *In Victory*: сайт. URL: <https://www.invictory.org/news/church/36607-ledyaev-zayavil-o->

связано с тем, что в харизматическом движении роль личности, а не доктрина и церковная структура играет определяющую роль и глава украинского религиозного центра, объединяющего 85 церквей, Андрей Тищенко¹¹ предпочел не подчиняться Ледяеву, который непосредственно руководит только 20 латвийскими церквями [Ziņojums par tieslietu ministrijā, 2022].

Кроме «Нового поколения»* в Латвии имеются два пятидесятнических союза: «Латвийский центр пятидесятнических церквей» (Latvijas Vasarsvētku Draudžu Centrs), в который входят 26 общин пятидесятников, объединяющие 1,4 тыс. прихожан, и «Союз латвийских пятидесятнических общин международной церкви Бога» (Starptautiskās Dievadraudzes Latvijas Vasarsvētku Draudžu Apvienība) в составе 24 общин харизматического направления, объединяющих 1,1 тыс. прихожан. Некоторые небольшие общины сохраняют независимый характер. Из пятидесятнических церквей довоенного времени до настоящего времени сохранилась только пятидесятническая церковь г. Елгавы¹².

В 1990-е годы в харизматическом движении Эстонии основную роль играли церкви «Слова жизни». В 2000-е годы влияние «Слова жизни» стало уменьшаться, поскольку ее лидер Альберт Тюрнпу переехал из Эстонии в Израиль. Крупнейшая пятидесятническая церковь – «Эстонская христианская пятидесятническая церковь» (Eesti Kristlik Nelipühi Kirik) образована в 1991 году и входит в состав «Ассамблей Бога», в настоящее время в ее состав входят 35 церквей¹³. В 2013 году появились харизматические нигерийские церкви, но они не смогли добиться успеха [Ringvee, 2015, p. 62–64].

По данным Всемирного баптистского альянса в настоящее время в Эстонии насчитывается 6,5 тыс. верующих в 85 церквях, в Латвии – 6,1 тыс. в 90 церквях, в Литве – 200 в 8 церквях¹⁴.

Конфессиональный состав населения

Эстония занимает одно из первых мест в мире по числу неверующих. В 2000 г. 71 % жителей Эстонии не обозначили принадлежность к определенной религии, при этом лишь 6 % выбрали атеизм, в последующих переписях такой вариант ответа был исключен. Полученные данные можно интерпретировать как отказ от коллективной религиозности и переход к агностицизму, а не атеизму. В 2001–2021 годах в Эстонии доля лютеран снизилась с 14 до 8 %, за это же время доля остальных протестантских деноминаций преимущественно фундаменталистского

vyvode-ukrainskogo-episkopata-iz-sostava-mezhdunarodnogo-dvizheniya-novogo-pokoleniya (дата обращения: 27.02.2025).

¹¹ Статистика Церков і релігійних організацій України. CREDO: католицький суспільно-релігійний часопис. Релігійно-інформаційна служба України (PISU): сайт. URL: https://risu.ua/statistika-cerkov-i-religijnih-organizacij-ukrayini_t4242 (дата обращения: 27.02.2025).

* Деятельность церкви «Новое поколение» (Украина, Латвийская Республика) признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>

¹² Vasarsvētku kustības vesture. Jelgavas Vasarsvētku draudzes. URL: https://www.jvd.lv/?page_id=86 (accessed: 27.02.2025).

¹³ Eesti Kristliku Nelipühi Kirikusünnilugu. Nelipühi Kirik. URL: <https://eknk.ee/meist/> (accessed: 27.02.2025).

¹⁴ Members. Baptist World Alliance. Baptist World Alliance: сайт. URL: <https://baptistworld.org/members/> (accessed: 27.02.2025).

направления выросла с 1 до 1,5 %. Часть лютеран перешли в новые протестантские церкви или православие. В настоящее время православные превосходят по численности лютеран, это объясняется тем, что православие является частью национальной идентичности русскоязычного меньшинства. В Латвии доля лютеран больше, также присутствуют крупные религиозные меньшинства католиков и православных. Отметим, что в Латвии вопрос о конфессиональной принадлежности не включен в опросник Переписи населения, вследствие чего используются данные религиозных организаций, которые менее репрезентативные. Литва остается католической страной, католицизм показал себя значительно устойчивее в сравнении с историческим протестантизмом.

Таблица 1. Конфессиональный состав населения Прибалтики

	Население	Лютеране	Прочие протестанты	Католики	Православные	Не верующие и не ответили
Латвия (по данным религиозных организаций) [Ziņojums par tieslietu ministrijā, 2022]						
2021 г.	1893 тыс.	37 %	1 % (0,3 %)	17 %	13 %	31 %
Литва (по данным переписей населения) [Religious (2001–2021), 2021]						
2001 г.	3500 тыс.	0,6 %	0,4 %	79 %	4,1 %	15 %
2021 г.	2811 тыс.	0,6 %	0,5 % (0,1 %)	74 %	3,7 %	20 %
Эстония (по данным переписей населения) [Religious affiliation, 2021]						
2001 г.	1401 тыс.	14 %	1 %	0,5 %	13 %	71 %
2021 г.	1329 тыс.	8 %	1,5 % (0,2 %)	0,8 %	16 %	72 %

Большинство прочих протестантов принадлежат к церквям фундаменталистского направления. По доле новых протестантов Латвия и Эстония близки к показателям Белоруссии (белорусские протестанты составляют 1,3 % населения), Литва – России (российские протестанты – 0,6 %).

Во всех прибалтийских странах второй по числу верующих протестантской деноминацией остается баптизм, пятидесятничество, преобладающее в российском, украинском и белорусском протестантизме, не смогло добиться таких же результатов в Прибалтике. Рациональный баптизм получил большее распространение среди представителей титульных наций, мистическое пятидесятничество среди русскоязычного населения. По данным переписи Эстонии 2021 г. среди баптистов эстонцы составляли 80 %, а среди пятидесятников 50 %; пятидесятниками являлись 0,15 % эстонцев, 0,25 % русских и 0,7 % украинцев [Religious affiliation, 2021]. Это соотносится с общемировой тенденцией – пятидесятничество получило наибольшее распространение за пределами Западных стран – в Африке (7,5 %) и Латинской Америке (10 %); что существенно больше, чем в Европе (1 %) и даже на родине пятидесятничества – США (5 %) [Мязин, 2023, с. 60].

Выводы

В результате Реформации на территории Латвии и Эстонии лютеранство стало господствующей религией. В XVIII в. на этих землях среди сельского населения стало распространяться новое протестантское движение – гернгутеры, которое во второй половине XIX в. утратило свои позиции из-за противодействия власти и секуляризации

населения. Среди славянского населения в конце XIX – начале XX вв. «протопротестантские» русские духовные христиане стали переходить в баптизм, а впоследствии в пятидесятничество, с братскими общинами такое, по-видимому, не произошло.

В настоящее время лютеранская церковь теряет свое положение и возможности изменения этой тенденции не наблюдается. Это связано как со снижением религиозности населения, так и с тем, что лютеранская церковь не стала в полной мере частью национальной идентичности. Упадку лютеранства мог способствовать кризис исторических протестантских церквей в Западной Европе, где нередко руководство деноминаций отказывается от традиционных ценностей, хотя руководители прибалтийских церквей и не разделяют эту «повестку».

Протестантские церкви фундаменталистского направления вероятно не смогут значительно увеличить свою численность, так как они требуют значительно большего участия в жизни церкви в сравнении с историческими церквями, а также уплаты десятины. Харизматическое движение не добилось существенных результатов несмотря на успешный старт в 1980–1990-е годы. Таллиннское пробуждение и деятельность латвийской церкви «Новое поколение»^{*} оказали значительное влияние на пятидесятнические церкви всего постсоветского пространства. Ледяев предрекал, что атеистические государства будут подавлять евангельское пробуждение и призывал верующих идти в политику, но вместо этого стал персоной нон грата в нескольких странах, а «религиозное возрождение» закончилось вследствие секуляризации.

Литература и источники

- Дьяченко, О. В. (2003). *Пятидесятничество в Беларуси*. Могилев: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова.
- Ефимов, И. (1995). *Современное харизматическое движение сектантства: исторический очерк, критический разбор вероучения, положение в настоящее время*. Москва: ТОО «Природа и человек».
- Лисовская, Т. В. (2022). Изменение конфессиональной структуры общества белорусско-прибалтийского региона в начале XX века. *Белорусский исторический обзор*, 1(6), 57–65.
- Лункин, Р. Н. (2003). Пятидесятничество и харизматическое движение. Общие сведения. История и филиация. *Современная религиозная жизнь России: опыт систематического описания: в 4-х т. Т. 2* (с. 241–266). Москва: Логос.
- Матушанская, Ю. Г., Саматова, В. А., & Тулянская, Ю. Т. (2020). Вклад молоканских идей и дискурса в формирование российского протестантизма в XIX в. *Манускрипт*, 13(6), 142–145.
- Мельников, А. (2021, 31 августа). Станут ли протестанты нежелательными в России: пятидесятников и баптистов встревожили действия Генпрокуратуры. *Независимая. НГ–Религии: сайт*. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2021-08-31/9_514_protestants.html (дата обращения: 27.02.2025).
- Мязин, Н. А. (2023). Пятидесятничество и социально-политические изменения в странах Тропической Африки. *Азия и Африка сегодня*, 10, 59–65. <https://doi.org/10.31857/S032150750024812-5>
- Русецкий, В. (2015). Проблемы Виленской общины ХВЕ в период становления. *Богословские размышления: евро-азиатский журнал богословия, спецвыпуск «Реформация 500»*, 116–130.
- Рыжакова, С. И. (2010). «И многие души пробудились»: о роли гернгутерского движения в латышской этнической истории и культуре. *Антропологический форум*, 12. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_ryzakova.pdf

^{*} Деятельность церкви «Новое поколение» (Украина, Латвийская Республика) признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>

- Франчук, В. И. (2003). *Просила Россия дождя у Господа: в 3-х т. Т. 3: История пятидесятничества на Украине*. Киев: Изд-во христианской миссии «Возможность».
- Хисамутдинов, А. А. (2005). Русские в Бразилии. *Латинская Америка*, 9, 86–100.
- Religious affiliation. (2021). Population and Housing Census. *Statistics Estonia*. URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__usk/RL21451 (accessed: 27.02.2025).
- Religious (2001–2021). Population and Housing Census. *Official Statistics Portal Lithuania*. URL: <https://osp.stat.gov.lt/en/statistiniu-rodikliu-analize?hash=b198d23f-e704-4f99-b0d9-b3b67a763390#/> (accessed: 27.02.2025).
- Ringvee, R. (2015). Charismatic Christianity and Pentecostal Churches in Estonia from a historical perspective. *Approaching Religion*, 1(5), 57–66.
- Teraudkalns, V. (1999). Origins of Pentecostalism in Latvia. *Cyberjournal for Pentecostal-Charismatic Research*. URL: <http://www.pctii.org/cyberj/cyberj6/latvia.html> (accessed: 25.02.2025).
- Ziņojums par tieslietu ministrijā iesniegtajiem reliģisko organizāciju ziņojumiem par darbību 2022. gadā. (2022). URL: <https://www.tm.gov.lv/lv/media/18642/download?attachment> (accessed: 27.02.2025).

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 13.08.2024
Принята к публикации 20.03.2025

Об авторе

Мязин Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет, Калуга, Россия.
ORCID: 0000-0002-9819-0732; e-mail: marknote@rambler.ru

DEVELOPMENT OF NEW PROTESTANTISM IN BALTIC STATES

Nikolai A. Miazin

Kaluga State University, Kaluga, Russia

Abstract. As a result of the Reformation, the population of Estonia and most of Latvia adopted Lutheranism, although it did not fully acquire the character of a national religion – the clergy consisted mainly of Baltic Germans. At the beginning of the 20th century, the influence of Lutheranism began to decrease, and by now Estonia has become one of the least religious countries in the world, where more than half of the believers are Orthodox. At the same time, fundamentalist churches have developed. Baptism is more popular among the indigenous population, while Pentecostalism is more popular among Russians. The Tallinn revival of 1977–1980 influenced the development of the charismatic movement in the Pentecostal community of the late USSR. With the participation of Latvian Pentecostals in the 1990s, more than 500 congregations were established in Russia, Ukraine, Belarus and Kazakhstan.

Keywords: Baltic States, Protestantism, Lutheranism, Baptism, Pentecostalism, atheism.

For citation: Miazin, N. A. (2025). Development of new Protestantism in Baltic states. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 338–347. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).338-347](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).338-347)

References

- Diachenko, O. V. (2003). *Pentecostalism in Belarus*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University Publ. (In Russian).
- Efimov, I. (1995). *Modern Charismatic movement of sectarianism: historical essay, critical analysis of the doctrine, current situation*. Moscow: Priroda i chelovek Publ. (In Russian).
- Franchuk, V. I. (2003). *Asked Russia for rain from the Lord: in 3 vols. Vol. 3: The history of Pentecostalism in Ukraine*. Kiev: Publishing house of the Christian mission “Opportunity”. (In Russian).
- Hisamutdinov, A. A. (2005). Russians in Brazil. *Latin America*, 9, 86–100. (In Russian).

- Lisovskaya, T. V. (2022). Changes in the confessional structure of the society of the Belarusian-Baltic region in the early twentieth century. *Belarusian Historical Review*, 1(6), 57–65. (In Russian).
- Lunkin, R. N. (2003). Pentecostalism and the Charismatic movement. General information. History and branching. *Modern religious life in Russia: Experience of systematic description: in 4 vols. Vol. 2* (pp. 241–266). Moscow: The logo. (In Russian).
- Matushanskaya, Yu. G., Samatova, V. A., & Tulyanskaya, Yu. T. (2020). Influence of Molokan ideology and discourse on formation of the Russian Protestantism in the XIX century. *Manuscript*, 13(6), 142–145. (In Russian).
- Melnikov, A. (2021, August 8). Will Protestants become undesirable in Russia: Pentecostals and Baptists are alarmed by the actions of the Prosecutor General's Office. *Independent. NG–Religion*. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2021-08-31/9_514_protestants.html (accessed: 27.02.2025) (In Russian).
- Miazin, N. A. (2023). Pentecostalism and social and political changes in Sub-Saharan Africa. *Asia & Africa Today*, 10, 59–65. <https://doi.org/10.31857/S032150750024812-5> (In Russian).
- Religious (2001–2021). Population and Housing Census. *Official Statistics Portal Lithuania*. URL: <https://osp.stat.gov.lt/en/statistiniu-rodikliu-analize?hash=b198d23f-e704-4f99-b0d9-b3b67a763390#/> (accessed: 27.02.2025).
- Religious affiliation. (2021). Population and Housing Census. *Statistics Estonia*. URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__usk/RL21451 (accessed: 27.02.2025).
- Ringvee, R. (2015). Charismatic Christianity and Pentecostal Churches in Estonia from a historical perspective. *Approaching Religion*, 1(5), 57–66.
- Rusetsky, V. (2015). Problems of the Vilna CEE community in the period of formation. *Theological Reflections, Special Issue “Reformation 500”*, 116–130. (In Russian).
- Ryzhakova, S. I. (2010). “And many souls awakened”: on the role of the Hernguter movement in Latvian ethnic history and culture. *Anthropological Forum*, 12. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_ryzakova.pdf (In Russian).
- Teraudkalns, V. (1999). Origins of Pentecostalism in Latvia. *Cyberjournal for Pentecostal-Charismatic Research*. URL: <http://www.pctii.org/cyberj/cyberj6/latvia.html> (accessed: 25.02.2025).
- Ziņojums par tieslietu ministrijā iesniegtajiem reliģisko organizāciju ziņojumiem par darbību 2022. Gadā. (2022). URL: <https://www.tm.gov.lv/lv/media/18642/download?attachment> (accessed: 27.02.2025).

First Published
Received 13.08.2024
Accepted 20.03.2025

About the author

Miazin Nikolai Aleksandrovich – Cand. Sci. in History, Associate Professor, Kaluga State University, Kaluga, Russia.
ORCID: 0000-0002-9819-0732; e-mail: marknote@rambler.ru

РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ В КОЛОДЕНСКОЙ ВОЛОСТИ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО УЕЗДА В XIX ВЕКЕ

Т. В. Пахолкова

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

Аннотация. Статья представляет фрагменты демографических процессов в Колоденской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии в XIX веке. В работе даны краткие сведения рождаемости и смертности по стране, губернии, уезду на основе трудов предшественников. Отличием является микрорегиональный и немиграционный срез движения населения на основе источников не административного, а церковного учета населения. Это записи о рождении и смерти из метрических книг Гришкинской церкви указанного периода. Названы условия жизни, типичные болезни, состояние медицины и причины смерти, в том числе и на примерах рождения и смерти отдельных лиц. Особое внимание уделено детской и женской смертности и повлиявшим на это факторам. Новизна заключается в открытии и анализе конкретных микрорегиональных фактов на примере волости, села и семьи. Актуальность темы исторического опыта особенно важна в эпоху демографического спада на селе.

Ключевые слова: Череповецкий уезд, Колоденская волость, демография, рождение, болезни, смерть, прирост.

Для цитирования: Пахолкова, Т. В. (2025). Рождаемость и смертность в Колоденской волости Череповецкого уезда в XIX веке. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 348–359. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).348-359](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).348-359)

В XIX веке демографическая ситуация в России существенно отличалась от современной. На эту тему есть как макрорегиональные исследования, так и географически более узкие, как свидетелей эпохи, так и современные. Например, по России и по Новгородской губернии за отдельные годы XIX века можно назвать работы Ф. В. Гиляровского [Гиляровский, 1866], А. М. Гневушева [Гневушев, 1915], С. А. Новосельского [Новосельский, 1916], А. Г. Рашина [Рашин, 1956]. Глубокое и многоаспектное исследование населения новгородчины проведено Н. С. Федорук [Федорук, 2016]. Народонаселение и его быт в Череповецком уезде Новгородской губернии изучал еще в XIX веке П. И. Грязнов [Грязнов, 1880]. Тогда же отдельные описания по Уломскому участку были собраны фельдшером местной больницы М. Г. Герасимовым в материалах князя Тенишева [Русские крестьяне, 2009]. Но качество данных зависит от полного охвата каждого села и семьи и использования всех типов документов. В предыдущих работах недостает именно либо топографической привязки, либо церковных источников. Цель статьи: дополнить и углубить макросведения через микроданные Колоденской волости на материале отдельных метрических книг Гришкинского прихода XIX века.

Значение использования метрических книг Ф. В. Гиляровский подчеркнул особым образом: – «это скрижаль, в которой по определенному прошедшему и настоящему времени возникает определенное будущее... Это завет потомкам, как надо жить...» [Гиляровский, 1866, с. 44].

Вряд ли стоит говорить о важности владения статистикой движения населения в управлении государством. Но для объективного учета необходимо иметь разные источники и методы обработки данных. Представим работы некоторых ученых с 1866 г. до 2016 г. в диапазоне публикаций с разрывом примерно в полвека.

Ф. В. Гиляровский рассматривал XIX век именно по метрическим книгам Новгородской губернии, как заявлено и в нашем случае, но у него зафиксированы только деторождение и детская смертность без учета других возрастных категорий. Кроме того, статистика сделана по г. Боровичи, г. Тихвин, г. Крестцы и с. Грузино с деревнями, то есть, не Череповецкого уезда [Гиляровский, 1866].

С. А. Новосельский изучал смертность и продолжительность жизни, предложив «новую русскую таблицу смертности». Ученый выразил «малую удовлетворительность метода», применявшегося исследователями для построения таблиц, давших «крайне противоречивые результаты». С. А. Новосельский предпочел элементарно-математическую форму изложения. Общий коэффициент смертности (отношение числа умерших к цифре населения) он называл искусственно упрощенной средней величиной и предложил свою теорию измерения смертности, причем не только православных, но и представителей других конфессий, населявших Россию [Новосельский, 1916, с. 1–5].

Методологией «отыскания коэффициента количества населения» занимался и А. М. Гневушев. На материале самых ранних писцовых книг сделать это было крайне сложно, поскольку в списки вносились только домохозяева. Количество остальных членов семьи даже в среднем было неизвестно. А. М. Гневушев, дав варианты применения коэффициентов предшественников от 3-х до 6,98 душ на двор, принял для себя коэффициент 6. При этом учитывался коэффициент не для двора, а для семьи, поскольку в одном дворе нередко было несколько семей. Ученого не устраивали исследователи, бравшие коэффициент из западноевропейской статистики за неимением российской. Кроме того, подчеркивалась неизбежная приблизительность подсчетов еще и по причине неполноты сохранности описей [Гневушев, 1915, с. 153–154]. Так, по исследуемой нами местности данные сведения не обнаружены. Самые ранние списки домохозяев Колоденской волости известны за 1626–1628 годы¹. Составить статистику движения населения по ним практически невозможно по вышеуказанным А. М. Гневушевым причинам, даже если сравнить со следующей переписью 1646 года².

А. Г. Рашин собрал богатейший статистический материал за целое столетие о движении населения в России, учитывая рождаемость и смертность по полу, возрасту, образованию, сословиям и даже профессиям. Причем материал представлен по губерниям. Изменения демографических показателей за 1867–1908 годы просчитывались *в промилях* [Рашин, 1956, с. 11]. Но глубокий анализ макроданных по всей стране не входит в задачи нашей работы.

Систематизация и анализ движения населения Новгородской губернии XIX века даны в современном разноплановом исследовании Н. С. Федорук. Метод статистического анализа позволил проследить взаимосвязь демографических, экономических и социальных процессов всех слоев населения губернии. Автор отдельно и подробно анализирует общий срез населения, затем сословный и конфессиональный. Отчетливо прослеживаются изменения в соотношении численности городского и сельского населения, в сторону увеличения доли городских

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 591.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12760.

жителей. Качественные перемены начинают происходить в сословной структуре населения губернии. К началу XX века постепенно снижалась доля привилегированных сословий (дворянства, духовенства) и повышалась доля непривилегированных сословий [Федорук, 2016].

Рассмотрим количественные показатели смертности и рождаемости по принципу географического сужения: Россия, Новгородская губерния, Череповецкий уезд, Уломский участок, Колоденская волость (Гришкинский приход), семья (с. Гришкино, Соломкины). При этом по стране и губернии даем только краткие сведения, по уезду – с подробным анализом условий, причин, тенденций в естественном движении населения, а по волости и семье – с конкретными фактами из жизни данных реальных лиц.

По стране А. Г. Рашин опубликовал среди прочих *статистические очерки* по рождаемости и смертности за 1861–1913 гг. В среднем в этот период на 1000 населения приходилось 48,9 чел. родившихся и 33,7 чел. умерших в 50 губерниях Европейской России. В этой же работе указано распределение умерших по полу и возрастным группам в Европейской России за 1867–1881 года. [Рашин, 1956, с. 168, таб. 143].

Новгородская губерния имела в среднем на 1000 населения 42 чел. родившихся и 31,4 чел. умерших за 1861–1913 года [Рашин, 1956, с. 166, таб. 143].

Как на фоне статистики по стране и губернии выглядел Череповецкий уезд, Уломский участок и отдельные волости в его составе? Земский врач П. И. Грязнов в 1880 году составил медикотопографию Череповецкого уезда [Грязнов, 1880]. Уломский участок, в который входили и Колодны, представлен у него в основном на примере соседнего Куриловского прихода (Б. Двор, Кисово, Стан).

Колоденская волость по метрическим книгам доктором медицины П. И. Грязновым почти не охвачена, так как показатели в его работе основаны на данных губернского статистического комитета и собственного врачебного опыта. Но ученый своим исследованием Череповецкого уезда позволил приблизить географию движения населения к изучаемой нами местности. Поэтому в условиях отсутствия профессиональной медицинской оценки в исследуемой волости, подробно остановимся на выводах врача П. И. Грязнова. Он раскрыл причины смертности и болезней в комплексе. Это орография и гидрография, климат, качество земледелия, промыслы и занятия крестьян, обустройство жилья, водоснабжение и освещение, пища, образ жизни, грамотность, и, конечно, работа земства в сфере медицины. Болезненности и смертности П. И. Грязнов посвятил целую главу, называя главными причинами смертности «слабую степень благосостояния, <...> плохую гигиеническую обстановку, несоразмерность работы и питания, и грубость нравов <...> во всем уезде, особенно в Уломском участке. <...> Чтобы определить истинную степень болезненности мы должны бы или делать поголовные осмотры всего населения по нескольку раз в год <...> или же судить о нем по числу обращающихся за советом и <...> завоевать доверие к врачу» [Грязнов, 1880, с. 183–184].

П. И. Грязнов, не дожидаясь земских вложений в медицину, сделал собственный осмотр населения уезда по участкам в самое благоприятное для здоровья время, чтобы получить приблизительный минимальный коэффициент болезненности.

В Уломском участке на примере деревень Кисово, Большой Двор и Стан этот коэффициент оказался превышающим другие участки уезда почти в 2 раза, то есть, в среднем около 24 чел. на 100 имели хронические заболевания. Повышенный травматизм, «истощение и преждевременный маразм в наших данных почти исключительно принадлежит Уломе. То тифы, то кровавые поносы, острые сыпи, коклюш уносят массу жертв. В 1875 году была массовая эпидемия катарального конъюнктивита» [Грязнов, 1880, с. 184].

Появление фельдшерских пунктов в уезде и земской больницы в Уломском участке резко сократило «болезненность» и смертность. Хотя Череповецкое земство содержало только одного врача на 36 000 населения. Отдаленные от Череповца волости, какой была Колоденская, значительно реже пользовались медицинскими услугами, особенно хирургическими, доводя болезнь до запущенных случаев. *Так, у одного довольно крепкого крестьянина при вскрытии флегмоны на ноге выкачалось более ведра гноя* [Грязнов, 1880, с. 194, 197].

П. И. Грязнов выявил удивительную статистику более высокого процента травматизма в Череповецком уезде, чем даже в войсках. Болотистая местность и род занятий, сопряженный с вдыханием пыли (кузнецы, угольщики, шляповалы, скорняки, сапожники), давали Уломскому участку большой процент легочных заболеваний. П. И. Грязнов составил разноаспектные количественные показатели болезненности и влияния на смертность, отмечая при этом несовершенство системы отчетности в медицинских заведениях уезда [Грязнов, 1880, с. 194–205].

Сужая географию исследования, переходим от уезда и Уломского участка к состоянию медицины, рождаемости и смертности по метрическим книгам Гришкинского прихода Колоденской волости. Хотя сам П. И. Грязнов не использовал в своей работе церковные источники, все же он призывал разработать ведомости для священников для фиксирования статистики о рождении и причин смерти [Грязнов, 1880, с. 58]. Но такие данные в Гришкинском приходе Колоденской волости фрагментарно уже фиксировались с конца XVIII века. Например, в 1792 году на 49 родившихся в метрических книгах зафиксировано 58 умерших по причине эпидемии оспы. Все они были в возрасте от 0 до 30 лет³. Всего на 40 родившихся человек в 1816 году записано 26 умерших⁴. В 1831 году родилось 46, а умерло 58 человек, большинство *от неизвестной болезни*⁵.

Младенцы умирали чаще всего от *родимца* или от *родовой слабости*, от 1 до 5 лет – *от скарлатины, от поноса, от простуды*. Как исключения, в 1831 году Анна 2-х лет, дочь Карпа Васильева, из Чаева потонула в речке Колоденка⁶, а в 1833 году села Гришкина умершего крестьянина Тимофея Федотова дочь Параскева умирает от *колотья* в 6 лет и младенец 1 года Филипп, сын крестьянина Дмитрия Фадеева из Давыдов – от *каменной болезни*⁷. Но формулировка причины смерти «от неизвестной» была самой распространенной в записях священников. Эксперты того

³ ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 1. Л. 14.

⁴ ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 2. Л. 24.

⁵ ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 2. Л. 256.

⁶ ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 2. Л. 252.

⁷ ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 2. Л. 296–297.

времени сходились на том, что высокая детская смертность была результатом бедноты, тяжелой санитарной обстановки и полного отсутствия охраны труда работниц. В Уломе мы видели, пишет П. И. Грязнов, что «работа чрезмерна и обставлена самым антигигиеническим образом. <...> Весьма часто можно встретить, что матери благодарят Бога, что Он прибрал ребенка» [Грязнов, 1880, с. 168]. «Недостаток света в избах, особенно зимой, отражается на здоровье обитателей. От этого сельские ребяташки сплошь беловолосые. Кроватей нет, спят обыкновенно вповалку на полу, подостлавши соломы или просто на рогоже» [Грязнов, 1880, с. 57].

Ранняя женская смертность была связана, в том числе и с деторождением. Так, за 1828 год умерли от родов 2 женщины: *д. Дубровы девка Васса Павлова в возрасте 30 лет* и *д. Воротишина женка Анна Федорова 38 лет*, еще 8 женщин умерли *чахоткой*⁸. Священник за эти годы кроме *чахотки* и «*неизвестно*» или «*натурально*» не пишет причин смерти кроме очевидных, как, например, в 1830 г., когда в *д. Тынова крестьянская жена Анисья Антонова 26 лет утонула*⁹, а жена управляющего Вальтера – Дарья Иванова 3 июня 1829 года была убита в 30 лет¹⁰. Причиной болезней, в частности, женских, П. И. Грязнов называет «недостаточность одежды при суровом и непостоянном климате уезда, а также для поддержания чистоты тела. Недостаток в женской одежде панталон даже в осеннее и зимнее время <...> обуславливает частые заболевания женщин...» [Грязнов, 1880, с. 157].

Причины смерти по записям священника Гришкинского прихода указывались следующие: после 60 лет – «*натурально (от натуры)*» или «*естественно*». Но иногда священник использовал градацию в записях: после 60 лет – «*от старости*», после 70 – «*от дряхлости*», после 80 – «*от ветхости*». Под формулировкой «*от старости*» подразумевалась смерть спокойная, а «*от дряхлости*» – от изношенности организма, видной невооружённым взглядом священником. Возраст при этом был на втором плане. Некоторые умирали и от *антонова огня (гангрена)*, *от водянки*, *от жабы*, *параличом*, *от сердечной болезни*, *от венерической*. Были в записях метрических книг и единичные несчастные случаи: «*удавило возом*», «*сгорел в угольной яме*». В условиях отсутствия медицинского освидетельствования умерших чаще всего в метрических книгах писали «*причина неизвестна*». От 15 до 60 лет причинами указаны преимущественно *чахотка* и *горячка*.

Бывали в Гришкинском приходе и долгожители в разные времена. Вот несколько из них. *Села Гришкина крестьянская вдова Параскева Степанова умерла в 1871 г. в возрасте 84 лет*¹¹. 19.05.1794 г. Григорий Андреев(ич) из *д. Трофанково умер в 90 лет*¹². При проверке нескольких таких долгожителей по отличным от метрических книг источникам, но тоже церковным, а именно, по исповедным ведомостям, появились разночтения. Так, указанная выше Параскева оказалась из рода Тюлюковых, и в 1799 году ей всего 1 год¹³, значит, на день смерти

⁸ ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 2. Л. 194–196.

⁹ ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 2. Л. 226.

¹⁰ ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 2. Л. 206об.

¹¹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 66. Д. 7. Л. 460об.

¹² ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 1. Л. 27об.

¹³ ГАВО. Ф. 986. Оп. 1. Д. 4. Л. 581об.

ей было всего 73 года, а не 84. Аксен Потапов(ич) из рода Лысановых¹⁴ из д. Супроново по записям священника умер в 95 лет в 1871 г.¹⁵ А по исповедным ведомостям в 1799 г. ему 12 лет¹⁶, то есть, родился он в 1787 г., значит, прожил 84 года, а не 90. Умершему 02.03.1793 г. Кирьяну Иванов(ич)у из д. Чаево записано в метрической книге на день смерти 90 лет¹⁷. Но те же 90 лет ему дано еще в исповедных ведомостях 1787 г.¹⁸. Напрашивается вывод, что количество лет на день смерти в церковных документах следует обязательно сверять с другими источниками. Но точно известно имя непревзойденного колоденского долгожителя. Это Ефим Степанович Тюлюков (04.01.1900–24.09.2001)¹⁹ из Гришкина. Он прожил весь XX век и успел на 9 месяцев заглянуть в XXI век, прожив 101 год, за что его на родине прозвали «ровесник века». Итак, если записи о смерти в метрических книгах вряд ли ошибочны по датам, то указанный в них возраст умершего мог быть приблизительным и требует проверки, а иногда и коррекции.

Любопытной оказывается статистика поколений отдельных коренных жителей села Гришкино. Например, продолжительность жизни рода одной из ветвей Соломкиных с 1658 г. до 1939 г. по мужской линии такова: Афанасий Иванов(ич) – 64 года, Иван Афанасьев(ич) – 38 лет, Григорий Иванов(ич) – 32 года, Иван Никифоров(ич) – 77 лет, Федор Иванов(ич) – 34 года, Селиверст Федоров(ич) – 71 год, Карп Селиверстов(ич) – не дожил до 40 лет, Степан Карпов(ич) – более 75 лет, Изосим Степанович – 61 год, Василий Изосимович – 28 лет (пропал без вести на финской войне). То есть, картина продолжительности жизни очень разнообразная: от 28 до 75 лет. Род, как и многие в селе, был многодетным. У них весь XIX век и в начале XX-го в нескольких поколениях рождалось по 10–13 детей, при этом всегда были двойни. Правда, младенческая смертность до года не миновала и эту семью. До взрослого возраста из них доживали в среднем 5 человек, даже в начале XX века²⁰. Это подтверждение высокой детской смертности на примере отдельного рода.

Не менее убедительны и конкретные случаи отношения колоденских крестьян к своему здоровью, дающие подтверждения высокой болезненности и смертности. Они собраны в материалах князя Тенишева уломским врачом М. К. Герасимовым и гришкинским учителем Михаилом Власовым. Это не статистические данные, а документальные свидетельства обращений крестьян к врачу, что позволяет делать выводы о влиянии медицины на рождаемость и смертность, причем именно в деревнях Колоденской волости и отдельных семьях.

Уломская земская больница, обслуживавшая и колоденские деревни, была открыта в 1879 г. М. К. Герасимов, служил с 1882 г. фельдшером в Уломской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии. Участок, обслуживаемый им, насчитывал около 29 тысяч жителей и был разбросан на 25 верст от больницы. Среднее число жителей на версту в Колоденской волости было 10 чел. [Грязнов, 1880, с. 125].

¹⁴ ГАВО. Ф. 913. Оп. 1. Д. 1. Л. 184.

¹⁵ ГАВО. Ф. 496. Оп. 66. Д. 7. Л. 463об.

¹⁶ ГАВО. Ф. 986. Оп. 1. Д. 4. Л. 584об.

¹⁷ ГАВО. Ф. 1067. Оп. 8. Д. 1. Л. 19.

¹⁸ ГАВО. Ф. 986. Оп. 1. Д. 162. Л. 21об.

¹⁹ Табличка на местном кладбище.

²⁰ Из родословной семьи.

Поскольку значительная часть населения даже при этих мерах земства оставалась без квалифицированной медицинской помощи, процветало самолечение. «Крестьяне думали, что все болезни от “дурной кровищи”, и пускали себе кровь кринками (по несколько стаканов), получая малокровие и отеки». Наружные болезни лечили водкой, простудные – баней и сажанием в печь, глазные – вылизыванием языком, кожные – лопухом, подорожником и капустой, «что было, несомненно, лучше грязной тряпки». Рожениц встряхивали, разминали, вызывали рвоту, заставляли дуть в бутылку, после родов распаривали в бане или в печи, и на другой или третий день отправляли на работу [Грязнов, 1880, с. 185–189].

Доктор Герасимов подробно записывал способы самолечения: «Как, например, в селе Гришкино Колоденской волости рассказали, как лечат ревматизм. Причиной болезни считалась простуда. Лечение: употребляют для втирания водочный или водный настой муравьев, натирают больные места крапивой, далее применяют красный мухомор. Собирают зрелые экземпляры гриба, разламывают их на кусочки, опускают в бутылку, наполняя ее доверху, закупоривают и ставят в теплое место на три дня. Под влиянием тепла получается полужидкая масса, которой и натираются. В одном известном мне случае при частых и усиленных втираниях в ногу (сильнейший Ischias), по рассказам, случилось отравление, выразившееся рвотой и болью в животе, а боли в ноге уменьшились. Многие для натирания применяют “глистное масло”, приготовляемое перетапливанием земляных червей (*Lumbricusterrestritis*), именуемых здесь “глистами”. Кроме того, в большом ходу “костяная смола”, приготовляемая домашним способом. Кости животных, остающиеся после варки пищи, раздробляют на мелкие кусочки, кладут в горшок, его геометрически закрывают крышкой и еще обмазывают глиной. В днище провертывается маленькое отверстие. Другой горшок, большей величины вкапывается в землю; затем первый горшок с костями дном вставляют в нижний. Далее разводится огонь и поддерживается целый день. В конце перегонки получается немного “смолы”, и она особенно идет “в пользу” при ломоте в костях» [Русские крестьяне, 2009, ч. 3, с. 485]. Иногда ломоты (ревматизм), бывающие у взрослых, называют “тиханкой”, но всякого лечения избегают, чтобы “не раздражить”, но покойные состояния тому человеку считают нужным» [Русские крестьяне, 2009, ч. 3, с. 483].

Отсутствие профессиональной медицины давало возможность процветать знахарству в ужасных формах в Череповецком уезде, отмечал П. И. Грязнов [Грязнов, 1880, с. 189]. Об этом же пишет и местный врач М. К. Герасимов: «Вот, между прочим, как можно удалить лихорадку: когда везут павшее животное за околицу, то больной приходит, ложится рядом, и кладет ноги во внутренность павшего животного. Один мужик Колоденской волости так и сделал» [Русские крестьяне, 2009, ч. 2, с. 195]. «В деревне Сергеево при переломах костей едят медь и непременно со старинных медных монет. В одном случае больной с переломом голени в течение 6 недель съел 4 старинных медных пятака» [Русские крестьяне, 2009, ч. 3, с. 486–487].

С появлением в Уломском участке фельдшера крестьяне постепенно стали прибегать к квалифицированной медицинской помощи. Они отправляли записки, составив их в силу своей грамотности: «Господину фершалу отъ Давыдовскаго сельскаго старосты Ивана Кузина. Прошу Васъ прибыть въ оное общество сечасъ как

можно скорее крестьянину Мирону Иванову он сильно нездоров от вина, что нечего неговорит пожалуста потрудись поскорее недак помрет такой смертью Сельский староста Иван Кузин а по безграмотству приложил печать. 1893 года октября 22 дня» [Русские крестьяне, 2009, ч. 3, с. 484].

Некоторые жители сами собирали подробнейший анамнез перед посещением врача. Учитель местной школы грамоты Михаил Семенов Власов, известный с детства как Мишка Полевой, составил записи по теме «Объяснение головной болезни»: «Болезнь продолжается уже около десяти лет, которая случается, я так полагаю и оттого, что попало в голову воды во время купания в реке, т. к. на другой же день после этого у меня сильно заложило уши. Сделался шум в голове, и даже было заметно, как вода в голове производила шаркотание во время поворачивания головою из стороны в сторону. <...> И такая боль продолжается иногда несколько дней, но потом опять проходит. Болит до такой степени, что было нельзя пошибче пройти, и невозможно было особенно с первых годов болезни говорить ясно, как будто отнимался язык. Иногда бывает от усиленной болезни болько и глазам; лицо припухает, когда встаю со сна. Иногда бывает, но только редко, как будто, маленькие признаки запора на животе, вообще чувствую расслабленность во всех членах тела. Даже вредно бывет погромче петь в церкви духовное пение, т.к. я числюсь в числе певчих» [Русские крестьяне, 2009, ч. 3, с. 453–454]. Итак, если среди неграмотного населения процветало бездумное доверие к самолечению и знахарству, то сельская интеллигенция пыталась посылно вникать в суть болезни.

От ярких примеров отношения колоденцев к медицине, несомненно влиявшей на рождаемость и смертность, переходим к сравнению показателей естественного движения населения с волостными и уездными показателями. Сравниваем церковные записи с данными, что дал П. И. Грязнов по административным источникам.

Фрагментарно данные по Колоденской волости у П. И. Грязнова указаны только за 1875–1877 гг. в общей таблице родившихся и умерших по уезду [Грязнов, 1880, с. 70–72]. Мы предлагаем цифры, которые, как пишет Грязнов, «не давшие возможности непрерывно дойти до 1868 года. За этот период (с 1868 года) мне пришлось взять имевшиеся числа в земской управе за 1870 год и принять их за основные для этих лет» [Грязнов, 1880, с. 125].

Средняя рождаемость в Череповецком уезде за 1867–1870 годах на 1000 чел. – 40,7; в Новгородской губернии – 38,4; по России – 48,8. Средняя смертность на 1000 жителей по уезду за 1868–1875 – 34,2 [Грязнов, 1880, с. 73–77]. Сравнение уездной статистики с волостной оказалось возможным только за отдельные годы по причине неполноты сведений в работе П. И. Грязнова. Для заполнения лакун по Колоденской волости Череповецкого уезда приводим следующие сведения по метрическим книгам Гришкинской Тихвинской церкви за 1868–1875 года (табл. 1)²¹.

²¹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 66. Д. 7. Л. 353об. – 353б.

Таблица 1. Рождаемость и смертность в Колоденской волости за 1868–1875 гг.

Годы	Родившиеся по волости	Умершие по волости	Прирост по волости (чел.)	Кол-во жителей Волости	На 1000 род. / ум. человек по волости	Естественный прирост на 1000 чел.	
						по волости	по Череповецкому уезду [Грязнов, 1880, с. 73–77]
11868	78	86	-8	1738	45/49	-4,6	0,3
11869	71	44	+27	1730	41/25	15,6	11,8
11870	81	50	+31	1757	46/28	17,6	19,4
11871	78	54	+24	1788	44/30	13,4	3,6
11872	94	52	+42	1812	52/29	23,1	8,7
11873	91	76	+15	1854	49/41	8,1	19,7
11874	88	58	+30	1869	47/31	16,1	11,3
11875	104	66	+38	1899	55/35	20,0	14,8

Из указанных данных явно виден прирост населения Колоденской волости в 1868–1875 гг. от +15 чел. до +42 чел. ежегодно, и только 1868 год дал убыль -8 чел. По записям священника это произошло за счет смерти младенцев от 0 до 5 месяцев от *чахотки* (10 чел.) и *неизвестной болезни* (23 чел.). Дети от 5 до 10 лет (17 чел.) умерли в эти годы *родимцем*, от 10 до 15 лет записаны причиной *естественною*, что могло означать в этом возрасте, как *неизвестно от чего*. Остальные умершие были от 15 до 80 лет: *от воспаления легких* – 4, *простудой* – 5, *раком* – 1, *корьюхой* – 3, *поносом* – 4, *кровотечением из легких* – 1, *водянкою* – 1, *золотухой* – 1, *кашлем* – 1²². П. И. Грязнов, давая процентный прирост на 1000 чел., отмечал, что в среднем по Череповецкому уезду прирост был 11,1 %; по России – 14,2 %; по Новгородской губернии – 13,1 % [Грязнов, 1880, с. 89]. По Колоденской волости естественный прирост получился в среднем 13,7 %²³. При этом отмечалась *малая подвижность населения в смысле перемены жительства, т. е., действительный прирост можно считать естественным* [Грязнов, 1880, с. 71]. Процентное сравнение волостных и уездных показателей прироста населения на 1000 человек за одни и те же годы показывает, что данные статистического комитета по уезду и неопубликованных церковных документов конкретной волости неоднозначны, и метрические книги могли бы дополнить и уточнить статистику, насколько это возможно.

Уточнением к не миграционному движению населения Череповецкого уезда в конце XIX века будет и информация о родившихся и умерших из неопубликованного церковного источника «Летописи Гришкинской церкви за 1894–1897 гг. [Летопись, л. 21об–22]:

²²ГАВО. Ф. 496. Оп. 66. Д. 7. Л. 353б.

²³ Коэффициент естественного прироста (убыли) рассчитан по формуле, приведённой в приказе Минтруда России от 05.05.2023 № 436.

Таблица 2. Прирост населения по Гришкинскому приходу за 1894–1897 гг.

Год	Родившиеся	Умершие	Прирост
1894	77	43	+34 чел.
1895	106	84	+22 чел.
1896	104	78	+26 чел.
1897	116	77	+39 чел.

Получается, что, несмотря на высокую смертность, ежегодный прирост населения Колоденской волости с 1894 г. по 1897 г. составил в среднем более 30 чел. Такими темпами за 22-летний период с 1889 г. от численности 2322 чел. Колоденская волость к 1912 г. приросла на 674 чел. и достигла 2996 чел. [Список, 1912, с. 11]. В отдельно взятом селе Гришкино ежегодно до первой половины XX века рождалось в среднем от 10 до 20 детей. Количество смертей было в среднем 5 ежегодно, не менее 50–60 % умерших – дети от 0 до 5 лет. При этом весь XIX век в селе было стабильно около 60 дворов, то есть, количественные показатели родившихся и умерших по отдельным годам подтверждают отмеченный выше П. И. Грязновым не миграционный характер увеличения численности сельских жителей. К 1912 году в селе Гришкино проживало 345 чел. +15 чел. на церковных землях погоста. Но рекорд по волости держала д. Воротишино (495 чел.), победив даже д. Чаево (445 чел.) и д. Давыдово (421 чел.). Самой малочисленной была д. Сергеево (184 чел.) [Список, 1912, с. 48].

Таким образом, к статистике общероссийской, губернской, уездной, мы добавили отдельные показатели волостной, одного села и одного рода по церковным источникам Гришкинского прихода Новгородской епархии. Видно по записям священников, что получается очень разнообразная картина рождаемости и смертности в XIX веке и за несколько лет до и после него. При этом понятно, что, несмотря на указанные автором количественные показатели за определенные годы, данные свидетельствуют лишь об общей демографической тенденции, нежели о жесткой цифровой статистике.

Публикация сведений о рождении и смерти жителей отдельного прихода, в частности, Гришкинской церкви дополняет частично статистику движения населения Череповецкого уезда XIX века. Высокая рождаемость даже на фоне высокой смертности обеспечивала значительный прирост населения в сельской местности. Примеры продолжительности жизни отдельных лиц и цитаты об отношении к лечению оживляют и подтверждают сухие факты. Кроме того, при выстраивании генеалогического древа отдельных семей выявляются особенности деторождения и смертности в нескольких поколениях, уязвимые медицинские проблемы рода. В некоторых семьях вырисовывается типичная картина продолжительности жизни в течение нескольких поколений. Осуществленная систематизация и иллюстрация архивного материала даже фрагментарного характера способствует определению основных фактографических данных демографических процессов, происходивших на уровне микроистории.

Литература и источники

Гиляровский, Ф. В. (1866). *Исследования о рождении и смертности детей в Новгородской губернии*. Санкт-Петербург: тип. К. Вульфа.

- Гневушев, А. М. (1915). *Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. 1: Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 г. Ч. 1.* Киев: тип. Имп. ун-та св. Владимира.
- Грязнов, П. И. (1880). *Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда*: диссертация на степень доктора медицины Павла Грязнова. Санкт-Петербург: Тип. Ф. Г. Елеонского и К°.
- Летопись Гришкинской церкви и ее прихода Череповецкого уезда Новгородской епархии, начатая вестись с 1894 года. *Научный архив ЧерМО*, 1418/30, кн. 9–81, на 29 листах.
- Новосельский, С. А. (1916). *Смертность и продолжительность жизни в России*. Петроград: тип. М-ва вн. дел.
- Рашин, А. Г. (1956). *Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки*. Москва: Госстатиздат.
- Русские крестьяне (2009). *Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 3: Череповецкий уезд*. Санкт-Петербург: Навигатор.
- Список населенных мест Новгородской губернии (1912). Вып. 9: Череповецкий уезд. Новгород: Губернская типография.
- Федорук, Н. С. (2016). *Население Новгородской губернии в XIX – начале XX в.: социально-демографический анализ*: монография. Великий Новгород: Изд-во Новгородского государственного университета.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 19.01.2024
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Пахолкова Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия.
ORCID: 0000-0003-4680-3469; e-mail: pakholkova@yandex.ru

BIRTH AND MORTALITY RATES IN KOLODENSKAYA VOLOST OF CHERPOVETSKY UEZD IN 19TH CENTURY

Tatiana V. Pakholkova
Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

Abstract. The paper presents demographic processes in the Kolodenskaya volost (small administrative unit) of the Cherepovets uезд (district) of the Novgorod province in the 19th century. The work provides brief information on birth and death rates in the country, province and uезд, based on the works of predecessors. The difference is the microregional and non-migration cross-section of population movement based on sources of not administrative, but church population records. These are birth and death records from the registers of the Grishkinskaya Church of the specified period. Living conditions, typical diseases and causes of death are named, including examples of the birth and death of individuals. Particular attention is paid to child and female mortality and the factors that influenced it. The novelty is in the discovery and analysis of specific microregional facts using the example of the volost, the village and the family. The relevance of the topic of historical experience is especially important in the era of demographic decline in the countryside.

Keywords: Cherepovets uезд, Kolodenskaya volost, demography, birth, illness, death, population increase.

For citation: Pakholkova, T. V. (2025). Birth and mortality rates in Kolodenskaya volost of Cherepovetsky uезд in 19th century. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 348–359. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).348-359](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).348-359)

References

- Chronicle of the Grishkinskaya Church and its parish of the Cherepovets district, Novgorod diocese, started in 1894. *Scientific Archive of Cherepovets Museum Association*, 1418/30, books 9–81, on 29 pages. (In Russian).
- Fedoruk, N. S. (2016). *Population of Novgorod province in the XIX – early XX centuries: socio-demographic analysis*. Veliky Novgorod: Novgorod State University Publ. (In Russian).
- Gilyarovskiy, F. V. (1866). *Research on the birth and mortality of children in Novgorod province*. St. Petersburg: K. Wulf Typography. (In Russian).
- Gnevushev, A. M. (1915). *Essays on the economic and social life of the rural population of the Novgorod region after the annexation of Novgorod to Moscow. Vol. 1: Rural population of the Novgorod region according to the cadastral books of 1495–1505. Part 1*. Kiev: Imp. St. Vladimir's University Typography. (In Russian).
- Gryaznov, P. I. (1880). *An attempt at a comparative study of the hygienic conditions of peasant life and the medical topography of the Cherepovets district: dissertation for the degree of Dr. Sci. in Medicine*. St. Petersburg: F. G. Eleonsky and Co. Publ. (In Russian).
- List of populated areas of Novgorod province* (1912). Is. 9: *Cherepovets uezd*. Novgorod: Gubernskaya Typography. (In Russian).
- Novoselsky, S. A. (1916). *Mortality and life expectancy in Russia*. Petrograd: Ministry of the Internal Affairs Typography. (In Russian).
- Rashin, A. G. (1956). *Population of Russia for 100 years (1811–1913): statistical essays*. Moscow: Gosstatizdat Publ. (In Russian).
- Russian Peasants* (2009). *Life. Everyday life. Customs: materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev. Vol. 7: Novgorod province. Part 3: Cherepovets uezd*. St. Petersburg: Navigator. (In Russian).

First Published
Received 19.01.2024
Accepted 15.03.2025

About the author

Pakholkova Tatyana Vasilyevna – Cand. Sci. in History, Associate Professor, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia.
ORCID: 0000-0003-4680-3469; e-mail: pakholkova@yandex.ru

ПАМЯТНАЯ КНИГА ХРАПОВИЦКИХ В ОСИПОВИЧСКОМ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

Т. А. Исаченко

Российская государственная библиотека, Москва, Россия

Аннотация. В РГБ продолжают работы по выявлению разрозненных экземпляров книг, принадлежавших дворцовым и усадебным библиотекам России, большая часть поступлений в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина относится к 1925–1929 гг. Попутно в поле зрения попадают экземпляры, ранее принадлежавшие известным дворянским родам: Шереметевым, Оболенским, Васильчиковым, Ратьковым-Рожновым. Данная статья посвящена атрибуции памятной книги «Дума за думой», выпущенной «Товариществом М. О. Вольф» (1885) и бывшей в обращении одного из известных семейств Калужской губернии Белкиных-Храповицких. Книга была передана в Осиповичский районный историко-краеведческий музей Беларуси с дарственной, в которой раскрывается связь поколений старинных дворянских родов, продолжающаяся и в наши дни. Книга, как удалось установить, принадлежала представительнице старинного дворянского рода, владевших Дольским, Ольге Владимировне Белкиной (в замужестве Храповицкой). О. В. Храповицкую знала по жизни в Калуге в 20-х гг. XX в. и упоминает в своих мемуарах Т. А. Аксакова-Сиверс. В книге присутствуют инскрипты Белкиных, Храповицких, Туркестановых, Дараган-Суцзовых, Кологривовых, Н. И. Сорохтина и других известных лиц. Новые данные о владельцах старинного имения Дольское (родины архитектора В. И. Баженова) раскрывают многочисленные аспекты жизни «исчезнувшей России» (выражение Аксаковой-Сиверс).

Ключевые слова: Н. И. Сорохтин, О. В. Храповицкая, имение Дольское, родина В. И. Баженова, памятный альманах «Дума за думой», О. А. Туркестанова, Дараган-Суцзовы.

Для цитирования: Исаченко, Т. А. (2025). Памятная книга Храповицких в Осиповичском историко-краеведческом музее: новые данные. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 360–372. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).360-372](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).360-372)

В связи с вниманием к памятным книгам прошлого, одним из вариантов которых является поэтическая антология «Дума за думой» (1885), изданная и широко распространявшаяся товариществом М. О. Вольф с благотворительной целью, возникают вопросы, связанные с атрибуцией экземпляров, поскольку каждый экземпляр представляет собой многоуровневый артефакт, а его владелец (-ица) оставили заметный след в истории России. Ранее читателям «Ученых записок НовГУ» был представлен именослов книги «Дума за думой», составленный по 114 инскриптам ближайшего окружения Великой Княжны Анастасии Николаевны, младшей дочери Императора Николая II, владелицы аналогичного альбома, подаренного ей родителями [Исаченко, 2018, 2019]. Описаны также экземпляры, принадлежавшие семействам Л. Н. Толстого [Комарова, 2021 с. 156–161], графа А. Д. Шереметева [Исаченко, 2025], коллекционные экземпляры А. Ф. Онегина [Кунин 1984, с. 368–369] – Отто и П. В. Губара [Нещерет, 2022; Губар, 2006].

Удивительной представляется история экземпляра, переданного в дар Осиповичскому районному историко-краеведческому музею¹ Ольгой Александровной

¹ Доклад зачитан на XV Международной научно-практической конференции «Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия», состоявшейся 5–6 марта 2024 г. в Ярославле. Автор сердечно благодарит сотрудников Осиповичского историко-краеведческого музея, предоставивших возможность работать с книгой «Дума за думой» дистанционно.

Туркестановой², представительницей старинного дворянского рода, которая сообщила обстоятельства этого приобретения.

Из принадлежащей О. А. Туркестановой вкладной записи ясно, что последним владельцем редкого издания был собиратель-библиофил, жена которого, перед тем как эмигрировать из России, нашла Ольгу Александровну по родовой фамилии, несколько раз упомянутой в книге. Вот как об этом пишет в своей записке сама Ольга Александровна: «Однажды мне позвонила женщина и сообщила, что её муж много лет собирал различные антикварные вещицы. Они собрались <...> уезжать, и она стала искать, кому отдать этот альбом. Среди фамилий, упомянутых в нём, она нашла мою фамилию и разыскала меня в интернете. Так этот альбом попал ко мне, а я, прочитав его, нашла там фамилию Дараганов и привезла его Маше, чтобы показать, как давно были связаны наши предки. Когда Маша рассказала мне о путешествии в ваш музей, я попросила подарить этот альбом вам... Единственное, что прошу, если это возможно, написать, что это дар Ольги Туркестановой и Марии Дараган-Суцовой. Вот так наши фамилии опять пересеклись через столетие»³.

Несколько слов о самой книге. Коллекционное издание 1885 года, поэтическая антология «Дума за думой», изданная «Товариществом М. О. Вольф» в 1885 г. [Дума за думой, 1885], была лучшим подарком последней трети XIX – начала XX в. и верным спутником молодежи того времени. Книга стала свидетелем и активной участницей «une vie de chateau» (усадебной жизни) многочисленных семейств России. Это популярное издание имели царские и великокняжеские дети, писатели, поэты, пианистки, гимназисты, известные коллекционеры, художники, скульпторы, другие знаменитости. История каждого дошедшего до нас экземпляра весьма интересна как для библиофилов, так и для историков.

Содержание альманаха «Дума за думой», выстроенного по принципу ежедневника, его оформление (по временам года) и подбор текстов представляют собой тщательно продуманную систему. При желании подобный вид книги можно отнести к жанру интеллектуального дневника. Сам издатель, пытаясь подобрать ему вполне подходящее название, назвал этот новый тип литературного альманаха «изящным настольным альбомом»: «Если хотите – это “Памятная книжка”, но только в смыслъ изящнаго настольнаго альбома, предназначеннаго для собственноручныхъ записей или для заметокъ рукою близкихъ, дорогихъ людей» [Новь, 1885].

В предшествующих публикациях мы привели примеры этого «дневника», в котором «ключевая дата» – день рождения владельца или владелицы альбома с соответствующей записью на «своей» странице. Кроме того, как было отмечено при описании личного экземпляра Великой Княжны Анастасии, поэзия XIX в. как бы

² Ольга Александровна Туркестанова – театровед, окончила театроведческий факультет ГИТИС (1979). Работала в ГЦТМ им. Бахрушина, организациях «Архитектурное наследие» и «Творческая мастерская архитектора Б. В. Холопова». Читала лекции по истории русского театра XIX–XX вв. в театральных вузах столицы, печаталась в журналах «Театр», «Современная драматургия» и др. По её инициативе были выпущены книги, посвящённые известным деятелям культуры и театрам. С 2004 по 2020 годы – редактор литературной части МХТ им. А. П. Чехова. О. А. Туркестанова – автор статьи в книге «История западноевропейского театра. Выпуск 1» (1983). Сердечно благодарим Ольгу Александровну за дополнительные сведения, касающиеся описываемого издания и истории рода.

³ Виртуальная выставка «Дума за Думой» ко Дню славянской письменности. *Asipovichy Museum of History and Regional Studies*: [сайт]. URL: <http://osipovichy.museum.by/en/node/50482> (дата обращения: 10.02.2025).

«накладывается» на даты, за которыми «проглядывают» личности венценосных особ. Последнее непосредственно связано с тем, что составительницей и вдохновительницей издания была воспитательница Царской Семьи, хорошо известная в аристократических кругах родственница Л. Н. Толстого графиня Александра Андреевна Толстая (1817–1904), фрейлина Императорского Двора и Кавалерственная дама [Исаченко, 2022а].

Обратимся к текстам, чтобы проиллюстрировать нашу мысль. Дорогими для Александры Андреевны (Александрин) лицами были, прежде всего, дети венценосных особ, у которых она несла свое послушание воспитательницы, а также сами члены Императорской Семьи. Получив в апреле 1846 года высочайшее назначение фрейлины Великой Княгини Марии Николаевны, А. А. Толстая обосновалась в верхнем этаже Мариинского дворца, где ей суждено было прожить 15 лет (титулование членов Императорской Фамилии приводится согласно орфографическим нормам «Учреждения об Императорской Фамилии» от 2 июля 1886 года [Половцов, 2005, с. 599], а также согласно требованиям современного действующего дипломатического протокола [Молочков, 2022]).

Будучи приближенным к Императрице лицом и имея возможность наблюдать за ней, Александрин переняла у Александры Феодоровны привычку вести дневник, и однажды получила в подарок от Императрицы изящную памятную книжку «на каждый день» в малиновом бархатном переплете с металлическими застёжками. Н. И. Азарова в своем предисловии к изданию 1996 года упоминает факт самого дарения, но не уточняет деталей [Азарова, 1996, с. 9]. Мы склонны полагать, что одна из двух записных книжек, хранящихся в Пушкинском Доме в фонде А. А. Толстой (та, что датируется 1859 годом), является подарком Императрицы Александры Феодоровны, супруги Николая I. Вторую, похожую книжку малого формата, облаченную в белый кожаный переплет (книжка на 1866 год), можно с полной уверенностью считать подарком Императрицы Марии Александровны (1824–1880), супруги Александра II. Наставницей царской дочери Марии графиня Толстая стала в конце 1865 года. Логично предположить, что существовала традиция подобных новогодних дарений, учитывая то, что подобного рода новогодний подарок весьма символический.

Оба издания имеют структуру календаря, заполненного памятными датами на каждый день годового круга, соединенными с датами домашнего месяцеслова Императорской Семьи. Здесь присутствуют, например, такие записи:

Январь 1 / 13. Четверг. Обрезание Господне. Св. Василия Великого. *Рождение* Их Высочеств: Великого Князя АЛЕКСИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и Великой Княгини ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ (день не присутственный).

Февраль 26 / 10. марта. Четверг. Св. Порфирия. Рождение Его Высочества Великого Князя Александра Александровича.

Май 20 / 1 июня. Среда. Муч. Фалалёя и Св. Алексия. Тезоименитство Его Высочества Великого Князя Алексия Александровича.

Июль 27 / 8 августа. Понедельник. Св. Пантелеимона и Бл. Николая⁴. Рождение Ея Величества Государыни Императрицы Марии Александровны. Рождение и Тезоименитство Его Высочества Великого Князя Николая.

⁴ Вмч. и целителя Пантелеимона (305); Блаженного Николая Кочанова, Христа ради юродивого, Новгородского (1392).

Апрель 17 / 29. Пятница. Преп. Симеона. Рождение Его Величества Государя Императора Александра Николаевича.

Церковный календарь представлен в сокращениях и носит «домашний» характер, указывая на рукописный протограф, лежащий в его основе. Многие дни месяцеслова с памяtnыми днями Императорской Семьи не соединены, т. е. записи носят выборочный характер. В книжках отмечены дни рождения здравствующей Императорской Семьи, а также нескольких членов семьи Николая I: младшего брата Императора Вел. Кн. Михаила Павловича (1798–1849), его жены Вел. Кн. Елены Павловны (1807–1873), сыновей – Константина Николаевича (1827–1892), Николая Николаевича Старшего (1831–1891) и их жен Великой Княгини Александры Иосифовны (1830–1911) и Великой Княгини Александры Петровны⁵ (1838–1900), внуков Императора – Николая Николаевича Младшего (1856–1929), Вел. Кн. Константина Константиновича (1858–1915) и дочери Императора Вел. Кн. Ольги Николаевны (1822–1892).

Интересно было узнать из записей в книжках Александры Андреевны Толстой не только точные даты рождения членов Императорской Семьи, но и то, что Великие Князья Николаи Николаевич Старший и его сын отмечали свои именины в день Блаженного Николая Новгородского, Христа ради юродивого (1392), а не в день памяти Николая Угодника. Для Старшего князя Николая 27 июля был еще и днем его рождения, совпадавшего с днем рождения Императрицы Марии Александровны.

Записные книжки Александры Андреевны, как правило, трудно читаемы, и еще предстоит большая работа по их расшифровке. В большинстве случаев – это личные заметки, сделанные по-французски, однако здесь нам важно отметить факт самого замысла, соединившего памятную книгу «Дума за думой» с ее протографом и дополнение этого протографа точно подобранными поэтическими текстами. Они заполняют страницы по месяцам и дням. Этот принцип месяцеслова сочетается с особенностями и календаря, и литературного альманаха в нашем современном понимании («день за днем», «круглый год», «изо дня в день»), дополненных «входящими» (памятными) записями, которые вносились в разное время разными лицами. «На выходе» мы имеем несколько уровней прочтения, выстроенного по годовому кругу источника, в котором пересекаются имена, даты и события [Исаченко, 2022b].

Специально подобранные тексты графиня Толстая внесла на «памятные» страницы семейства Императора Николая I, членов семьи Императора Александра II. Например, Александрой Андреевной не мог не быть отмечен день кончины Императрицы Александры Феодоровны Старшей, 20 октября:

Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.

Ф. И. Тютчев, «При посылке Нового Завета» (1861).

⁵ В иночестве Анастасия, основательница Покровского женского монастыря, который навещала Семья Императора Николая II, посещая почитаемую ими «тетю Сашу».

Аналогичным образом отмечен день кончины старшего сына Императрицы Марии Александровны, рано ушедшего из жизни Великого Князя Цесаревича Николая Александровича, которому было всего 22 года:

Одна лишь смутная мечта в душе моей.
Как будто мир земной в ничто преобразился,
Как будто та страна знакомей стала ей,
Куда сей чистый ангел скрылся!

В. А. Жуковский, «Славянка» (1815).

На день его рождения 8 сентября (по ст. ст.) на странице 313 помещены строки Ф. И. Тютчева, которые прочитываются в контексте этой, ни с чем несравнимой утраты, память о которой навсегда закрепились в сердцах близких людей:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!..

Ф. И. Тютчев, «Последняя любовь» (1851–1854).

Страница 27 июля адресована Императрице Марии Александровне (1824–1880), на день ее рождения (род. 27 июля 1824 г.) составитель помещает стихотворение Ф. И. Тютчева (прижизненное посвящение поэта Императрице):

«Какъ неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышетъ въ ней,
Мы смотримъ съ трепетомъ тревожнымъ
На тихій свѣтъ ея очей.
Земное ль въ ней очарованье
Иль неземная благодать?
Душа хотѣла бъ ей молиться
А сердце рвется обожать...» [Тютчев, 1868, с. 209.]

Есть основание полагать, что Александра Андреевна не только по памяти осуществляла свой выбор произведений (хотя о ее начитанности слагали легенды), но также привлекала к этому знакомых писателей, которые были вхожи в ее дом: А. К. Толстого, П. А. Вяземского, И. А. Гончарова, А. А. Фета. На это указывают многие точные соответствия текстовых портретов, подобранные к скрытым датам: Пушкин – Вяземскому, Вяземский – Императрице Марии Александровне, Тютчев – ей же, Тютчев – Жуковскому.

Название, выбранное составительницей для книги «Дума за думой», отражает вереницу (чередование) мыслей и дат. На дополнительном титульном листе – эпиграф: «Дума за думой, лица за лицами / Милые тут имена; / Книга настольная – жизни страницами, / Памятью сердца полна» (л. 4), строки которого отсылают к «мятежному» стихотворению Ф. И. Тютчева (1857):

Дума за думой, волна за волной –
Два проявленья стихии одной!

Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь – въ заключеніи, тамъ – на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой!
Тотъ же все призракъ, тревожно пустой!

В процессе полувекового бытования книги «Дума за думой» каждый сохранившийся ее экземпляр как бы «разорвал» тайные узы с протографом – Birthday Book (именно так называла книгу сама составительница [Толстой, 2011, с. 43]), выстроенную Александрой Андреевной на основе дорогих сердцу дат. В самом конце XIX в. книгой вероятно, так: ее раскрывали на странице «своего» дня, зачитывали «выпавший» стихотворный текст, вписывали свой (искрометный экспромт, пожелание, буриме или просто – датированный автограф), иногда – похвалу хозяину (хозяйке), имениннику (имениннице), их гостеприимству.

Вернемся, однако, к нашему источнику – книге, подаренной Осиповичскому музею.

На странице 12 декабря присутствует несколько записей Николая Сорохтина⁶ хозяйке дома, например: «Живите мирно, счастливо в своем уединеньи тихом, и, если можете, меня не поминайте лихом. С<ело>. Холм. Николай Сорохтин. 2 августа 1886 г.»; «Addios la mas guappa de todas mujeres, que hay en nuestro pays» (итал.) (Прощай, самая красивая девушка из всех, что есть в нашей стране);

На странице 7 декабря запись сделана, по-видимому, Н. Д. Дмитриевым-Оренбургским: «В груди моей лишь сердце билось. / Его бы Вам отдал..., но оно / Меня в восторге не спросилось / И к Вам вспорхнуло уж давно. 1889. Н. Дмитриев⁷».

На странице 16 марта – Варварой Храповицкой: «Люби, надейся и молись. В. Храповицкая⁸ 29 сентября 1887 г. Дольское».

На странице 31 октября свой автограф оставил Густав Филиппович Гемелин, основатель первой спичечной фабрики в Медынском уезде Калужской губернии (1845 г.): «Новое место – думы все те же / Время, пространство над мыслью не властны / Прошлое в сердце памятно, свежо / Милые образы чисты и ясны. Гемелин».

Каждая страница совпадает, как мы отмечали ранее, с датой рождения писавшего, что и позволило восстановить имена дворян Калужской губернии по их кратким автографам.

«Подношениям» памятной книги, которые очень разнообразны по своему характеру, ранее уже были посвящены отдельные статьи [Исаченко, 2018, 2020, 2022а; Нещерет, 2022].

⁶ Сорохтин Николай Иванович, русский композитор-любитель, однокашник П. И. Чайковского по Училищу правоведения. Автор известных романсов. Дата рождения (12.12.1846) помогла идентифицировать личность Н. И. Сорохтина, поскольку первоначально мы полагали, что автографы принадлежат Сорохтину Николаю Павловичу (1840 или 1861–1930), театральному художнику, предпринимателю, организатору фарфорового производства в Москве и Новороссийске. О последнем упоминает в своих письмах А. П. Чехов, купивший у Н. П. Сорохтина имение Мелихово.

⁷ Дмитриев-Оренбургский Николай Дмитриевич (1838–1898), русский живописец и график, представитель петербургского академизма, баталист, также работал как портретист, книжный и журнальный иллюстратор.

⁸ Вероятно, Храповицкая Варвара Александровна, урожденная Белкина (1827–1889), жена Ивана Николаевича Храповицкого (1821–1861), владелица имения Дольское Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Свекровь О. В. Храповицкой. В 1887 г. ей было 60 лет.

В книге Осиповичского музея присутствуют инскрипты, относящиеся к 1886–1916 гг. То есть хронологический диапазон записей очень велик – книга заполнялась на протяжении тридцати лет. Встречаются здесь и профессионально выполненные рисунки. Среди оставленных автографов видим фамилии Дараган, Туркестановых, Кологривовых, Храповицких, Белкиных, Горчаковых, Ге, Забелло, Курносовых, Астрцовых, Волковых, Кампанари, Позняковых, Г. Ф. Гемелина, Николая Ильина, Николая Дмитриева-Оренбургского, Елизаветы Лашкевич, В. А. Долгорукова, Сорохтина. Все названные лица принадлежат родовитым дворянам Калужской губернии, каждый из них – известной в той или иной области лицо: владелец спичечной фабрики, владелец винокуренного завода, художник, композитор (составитель известных романсов), строитель-меценат железных дорог и т. д.

На последнем листе альбома (форзацном) читается шуточная строфа, внесенная в альбом 28.01.1887 (подпись неразборчива):

Я шлю тебе, моей богине,
Несчетный рой моих похвал
И верь, что твой альбом отныне
Врет больше, чем он прежде врал.

Фамильный характер записи, адресованной владелице, которая была уже к тому времени замужем, заставляет думать, что строфа вписана мужем О. В. Белкиной, либо братом, или другим близким человеком, другом детства.

Почти все автографы внесены в альбом в Дольском – имении, известном с XVII века и до середины XIX столетия и принадлежавшем Лопухиным, Белкиным⁹, а позднее – дворянину А. И. Храповицкому (род. 02.05.1856), женившемуся на О. В. Белкиной, имя которой упоминается в альбоме дважды. На странице 12 декабря с ритмической отбивкой Н. И. Сорохтин выписывает стишок: «Мила, любезна, со всеми ровна / Прелестная Ольга Владимировна».

И на странице 7 января (вероятно, день рождения отца Белкиной) Владимира Белкина: «Спасибо, дорогая Олюша, за радушие и гостеприимство. Горячо любящий тебя Папа. 7 января 1899 г.».

Из этой записи следует, что альбом находился в усадьбе Дольское, и все расписавшиеся в нем – гости имения Храповицких.

Годом ранее, в 1886 году, в альбоме сделал несколько записей Николай Сорохтин¹⁰, владелец имения в селе Холм¹¹, соседствовавшего с Дольским.

Самая ранняя в книге запись относится к 2 апреля 1886 г. (первая запись Сорохтина). Она позволяет заключить, что именно он подарил альбом прелестной соседке. Из воспоминаний Т. А. Аксаковой-Сиверс, написанных в эмиграции, мы знаем, что Николай Сорохтин посвятил О. В. Храповицкой несколько романсов.

⁹ Род Белкиных воспет А. С. Пушкиным в его знаменитых «Записках» Ивана Петровича Белкина.

¹⁰ Сорохтин Николай Павлович (1861–1930) – художник, в том числе театральный, предприниматель, организатор фарфорового производства в Москве и Новороссийске, владелец имения Мелехово, впоследствии проданного им А. П. Чехову (Письма А. П. Чехова к А. С. Суворину, 1892 г.). URL: <https://traumlibrary.ru/book/chekhov-pss30-23/chekhov-pss30-23.html> (дата обращения: 07.03.2024).

¹¹ Село Холм в наши дни – сельское поселение Подбужье Хвастовичского района Калужской области. Ранее относилось к Юхновскому уезду Смоленской губернии (до 1922 г.).

Некоторые из них и сегодня хранятся в нотном отделе Российской государственной библиотеки:

Я ждалъ тебя: Романсъ: Для голоса с ф.-п.: с.1-g.2 / Н. И. Сорохтин. Москва, 1883. 5 с.

Опять я жизнью очарован: Романс: Для голоса с сопровожд. фп.: а.1-g.2 / Сл. Старостина. Москва: Изд. авт., ценз. 1884. 5 с.

Баркарола = Ты скользишь над водами: Романс для голоса с сопровожд. ф.-п.: d.1-a.2 / Сл. Цертелева. Москва: Гутхейль, ценз. 1888. 5 с.

Есть речи, значенье темно иль ничтожно: Для голоса с сопровожд. ф.-п.: с.1-g.2 / Сл. Лермонтова. Москва: Гутхейль, ценз. 1900. 5 с.

Когда печаль слезой невольной: Для голоса с сопровожд. фп.: g-a.2 / Сл. Лермонтова. Москва: Изд. авт., Вл. Г. Готье сына, б.г. 5 с.

О О. В. Храповицкой и Н. П. Сорохтине упоминает в своей «Семейной хронике» Т. А. Аксакова-Сиверс (у нее – СорохОтине), описывая непростую жизнь некоторых знакомых (из «бывших») в Калуге начала 20-х гг. XX в.: «Ольга Владимировна пользовалась когда-то большим успехом в обществе, о чем свидетельствуют романсы, посвященные ей соседом по имению — Сорохтиным, и надпись, сделанная родственником Храповицких — кн. Урусовым на своей карточке: “A la plus charmante des cousines du plus devoue des cousins”»¹².

Т. А. Аксакова-Сиверс, кроме того, указывает точное местоположение имения Дольское: «Имение Храповицких около ст<анции> Суходрев» [Аксакова-Сиверс, 1988, с. 368].

Об Ольге Владимировне же она пишет открыто и доброжелательно: «Очень интересной фигурой в обстановке 1923 года была Ольга Владимировна Храповицкая, дама, как бы попавшая туда непосредственно из XVIII века, со всеми чертами этой легкомысленной и прелестной эпохи. Подвижная, веселая, добродушно-лукавая, она с мудрой беспечностью воспринимала свое незавидное положение. Ее две замужние дочери, приятельницы Анны Ильиничны¹³, находились за границей и не подавали о себе вестей. Как лист, гонимый ветром, Ольга Владимировна прибилась к семье Хольмберг, умея в то же время никому не быть в тягость. Она не жаловалась на судьбу и лишь иногда, вздыхая, говорила: “Les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas”¹⁴. С чисто французским лукавством Ольга Владимировна могла прошептать, глядя на Римму Алексеевну Местергази: “La femme vertueuse est toujours ennuyeuse”...»¹⁵ [Аксакова-Сиверс, 1988, с. 368].

Далее Аксакова-Сиверс упоминает яркий эпизод, характеризующий О. В. Храповицкую как человека, дорожившего своим прошлым и никогда не отрекавшегося от него, любившей свое родовое имение и спасавшей, по мере сил, его ценности. Аксакова-Сиверс пишет: «Она же в отдельных случаях была способна проявить удивительную энергию: услышав, что в Дольском в беспризорном состоянии находится большой красивый портрет одной из Храповицких, работы Митуара, она

¹² Самой очаровательной из кузин самой преданной из кузин (фр.).

¹³ А. И. Толстая – внучка Л. Н. Толстого (Анночка).

¹⁴ Дни следуют друг за другом, но не похожи друг на друга (фр.).

¹⁵ Добродетельная женщина всегда скучна (фр.).

частью по железной дороге, частью пешком, отправилась туда, выручила портрет, собственноручно привезла его в Калугу и пожертвовала в местный музей, где он, может быть, находится и по сей день. Мне никогда не было скучно с Ольгой Владимировной, она же относилась ко мне не только хорошо, но и называла «жемчужиной Калуги»» [Аксакова-Сиверс, 1988, с. 368].

То, что антология «Дума за думой», появившаяся в Дольском через год после ее выхода в свет в 1886 году, была очень любима владельцами Дольского, можно заключить и по многочисленным автографам, относящимся к 1898, 1899, 1900, 1903 годам и даже к более позднему времени – 1916 и 1917 гг., по самому факту ее чудесного обретения, спустя почти тридцати лет с момента внесения первых записей. Книга-феникс, пережила страшные времена, связанные с революцией, военной оккупацией, разрушением родового гнезда, но тем не менее сохранилась.

Записи 1916 года принадлежат двум лицам: председателю Калужского губернского Комитета партии «октябристов» Николаю Ильину и Елизавете Лашкевич (Лашкевичи находились в родстве со многими известными дворянскими фамилиями – с такими, как Гудовичи, Немировичи-Данченко, Галагены, Милорадовичи, Миклухи). Запись Лашкевич гласит: «Милое Дольское. В третий год беспримерной войны. Елизавета Лашкевич. 1916».

Н. Ильин вписывает на странице «своего» дня рождения строфу из стихотворения Николая Минского «Гефсиманская ночь»:

Кто крест однажды хочет несть,
Тот распинаем будет вечно,
И если счастье в жертве есть,
Он будет счастлив бесконечно.
Награды нет для добрых дел.
Любовь и скорбь – одно и то же.
Но этой скорбью кто скорбел,
Тому всех благ она дороже.

Эта символическая запись, сделанная в канун революции, перевернувшей жизнь обитателей Дольского, как бы очеркивает, проводит границу между прошлым и грядущим, связанным с лишениями, страданиями, смертью, о чем подробно написала в своих воспоминаниях очевидица тех событий Т. А. Аксакова-Сиверс.

Одна из последних записей памятной книги «Дума за думой», внесенная на страницу 23 сентября летом 1917 г., принадлежит Льву Волкову¹⁶, родственнику Ольги Храповицкой: «Моей очаровательной кухне в память о нескольких чудных днях, проведенных в Дольском в 1917 (Великая революция). Leon du Lour. Wolkoff» (по-французски). Судя по всему, эти «чудные дни» были последними в череде событий, последовавших за «великой» (т. е. февральской) революцией. Уже через месяц, в октябре того же года, имение, по всей вероятности, было разграблено, а его владельцы расселены по коммунальным квартирам близлежащей Калуги.

¹⁶ Волков Лев Львович (род. 1870), сын Льва Николаевича Волков (1825–1884), владельца винокуренного и конного заводов в Венёвском уезде (Аннинское городище на речке Вязовке), члена Московского Английского клуба.

В завершении нашего повествования вернемся еще раз к дарительнице альбома, Ольге Александровне Туркестановой, родственнице сестер – княжон Татьяны и Софьи, а также их матери, княгини Ольги Александровны Туркестановой, благодаря которым анонимный библиофил XXI в. «вычислил» сотрудницу литературно-драматической части МХТ им. А. П. Чехова, передав ей книгу, впоследствии подаренную музею.

Записей, сделанных Туркестановыми три. Одна датирована 7 августа 1886 и снабжена подписью «Ольга Туркестанова»¹⁷. Вторая внесена 8 августа 1886 года с подписью «Софья Александровна Туркестанова»¹⁸. Третья принадлежит Татьяне Александровне Туркестановой, сестре Софьи. Княжны Софья и Татьяна – дочери княгини Ольги Александровны Туркестановой (в девичестве Аргамаковой) и ее мужа князя Александра Николаевича (род. в 1831 г.).

Что касается Марии Дараган, о которой упоминает в своей записке О. А. Туркестанова, то род ее предков тоже оставил на белорусской земле добрую память: и развитием земледелия, и культурным строительством, и финансированием строительства железнодорожной ветки, одной из первых в тех краях. Статский советник Осип Федорович Дараган, начальник Либаво-Роменской железной дороги, в складчину с братом и сестрой купивший землю недалеко от Осиповичей. «Этот опыт было рекомендовано распространить по всей Российской империи – давать частным лицам лицензии на строительство за свой счет железных дорог», – говорится в пресс-релизе выставки¹⁹ [Майнингер, 2024, с. 12–13]. Фамилия рода Дараган ныне звучит в названии железнодорожной станции и агрогородка Дараганово (когда Осип Дараган умер, его вдова обратилась к губернатору с просьбой о переименовании станции Радутичи в Дараганово, что и было исполнено). Датой основания города считается 17 ноября 1872 г., и в 2022 г. Осиповичи праздновали свое 150-летие.

В отличие от Осиповичей усадьба Белкиных-Храповицких Дольское погружена в забвение. Она не пережила катаклизмов послереволюционной эпохи и перестала существовать в период гитлеровской оккупации. Много уткло воды со времени окончания Второй мировой войны, а старинная усадьба Калужской губернии, в разное время принадлежавшая Лопухиным, Гончаровым, известная и тем, что в ней родился будущий великий русский архитектор Василий Иванович Баженов (1737/38), как бы растворилась во времени. На месте ее сегодня возвышается руинированный двухэтажный главный дом в стиле барокко середины XVIII века со сводами подклеей, уходящих в эпоху XVII в., одноэтажный простой архитектуры флигель начала XIX в.

¹⁷ Ольга Александровна Туркестанова предположительно может считаться дочерью Александра Аргамакова, названной Ольгой в честь бабушки – Ольги, которая вышла замуж за князя Алексея Туркестанова, получив в наследство дом на Пушечной улице в Москве (сегодня – Московский городской Дом учителя), владелицей которого стала в 1886 году. В 1900 году О. А. Туркестанова стала также владелицей соседней усадьбы (современный ресторан «Савой»), которую позднее в 1909 году продала страховому обществу «Саламандра», выстроившему тут в 1910 году огромное здание конторы и гостиницы с рестораном «Савой». URL: <https://ug.ru/kogda-pushki-molchat-poyut-uchitelya/> (дата обращения: 07.03.2024).

¹⁸ Вероятно, княжна Софья Александровна Туркестанова (в замужестве Потемкина, 1867–1949).

¹⁹ Экспозиция «Семья Дараган». URL: <http://osipovichimuseum.by/node/46476>; Igor Sharukho. Музей Дараганов и юбилей Осиповичей. Этот день в истории. URL: https://vk.com/wall111700841_358 (дата обращения: 07.03.2024).

в стиле классицизма и полуразрушенная Успенская (Введенская) церковь 1736 г., в которой крестили Баженова.

Аналогичным образом исчезло с лица земли село Холм, местонахождение которого сейчас угадывается лишь по чистому полю, окруженному лесом и протекающему через это поле ручью.

Однако памятная книга, хранившаяся в доме Белкиных-Храповицких на протяжении нескольких поколений, сберегла для нас голоса прошлого, в истории ее записей отражается не только жизнь владельцев имения, но воскрешаются картины безвозвратно ушедшего прошлого.

Литература и источники

- Азарова, Н. И. (1996). Предисловие. *Толстая А. А. Записки фрейлины: печальный эпизод из моей жизни при дворе* (Л. В. Гладкова, пер.). (с. 3–21). Москва: Энциклопедия российских деревень.
- Аксакова-Сиверс, Т. А. (1988). *Семейная хроника: в 2 кн. Кн. 1*. Париж: Atheneum.
- Губар, П. В. (2006). *Дар Губара: каталог Павла Викентьевича Губара в музеях и библиотеках России*. Москва: ЭКОСТ.
- Дума за думой (1885): сборник отрывков из стихотворений разных авторов: памятная книга на каждый день*. Издана под покровительством Ея Императорского Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской в пользу Дома милосердия. Санкт-Петербург: Издание Т-ва М. О. Вольф. (ОР РГБ. Ф. 492. № 23).
- Исаченко, Т. А. (2018). Неизвестный альбом великой княжны Анастасии. *Культурное наследие России*, 3, 35–46.
- Исаченко, Т. А. (2019). Именослов альбома великой княжны Анастасии Николаевны: памятные записи как мегатекст. *Ученые записки НовГУ*, 2(20), 1–10. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2\(20\).40](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2(20).40)
- Исаченко, Т. А. (2020). Личный альбом Великой Княжны Анастасии Николаевны: поэтическая антология или книга памяти? *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 67, 245–267. <https://doi.org/10.17223/19986645/67/13>
- Исаченко, Т. А. (2022a). «Книга эта – в высшей степени изящный настольный альбом...». Памятная антология графини А. А. Толстой как атрибут досуга и быта императорской семьи. *Жизнь во дворце. Взгляд изнутри: сборник научных статей XXVIII Царско-сельской конференции, Царское Село, 28–30 ноября 2022 г.* (с. 310–323). Царское Село, Санкт-Петербург: Русская коллекция СПб.
- Исаченко, Т. А. (2022b). Памятный литературный альманах как жанр (1880-е гг.). *Проблемы исторической поэтики*, 20(4), 161–182. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.11183>
- Исаченко, Т. А. (2025). Исчезнувшая Россия: кому принадлежал экземпляр памятной антологии «Дума за думой» из основного хранения РГБ? *Библиография и книговедение*. В печати.
- Комарова, Т. В. (2021). Автографы гостей и друзей семьи Толстых. *Друзья и гости Ясной Поляны: материалы научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения С. А. Толстой (1844–1919), июль 2019 г.* (с. 156–161). Тула: Ясная Поляна.
- Кунин, В. В. (1984). Александр Онегин. *Библиофилы и библиоманы: Томас Филипс, Томас Уайз, Гульельмо Либри, Алоизий Пихлер, Дмитрий Бутурлин, Александр Онегин, Ричард де Бери, Габриель Ноде* (с. 368–369). Москва: Книга.
- Майнингер, Т. В. (2024). Вклад семьи Дараган в историю осиповичского края. *Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов университета, Минск, 16–18 апреля 2024: в 4 ч. Ч. 4* (с. 12–13). Минск: МГЛУ.
- Молочков, Ф. Ф. (2022). *Дипломатический протокол и дипломатическая практика*. Москва: Городец.
- Нещерет, М. Ю. (2022). «Дума за думой»: в поисках экземпляров раритетного альбома. *Ученые записки НовГУ*, 3(42), 314–318. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.3\(42\).314-318](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.3(42).314-318)

- Новь (1885). *Новь: общедоступный, иллюстрированный, двухнедельный вестник современной жизни, литературы, науки, искусства и прикладных знаний*. Санкт-Петербург: М. О. Вольф.
- Половцов, А. А. (2005). *Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т. 1: 1883–1886*. Москва: Центрполиграф.
- Толстой, Л. Н., & Толстая, А. А. (2011). *Переписка (1857–1903)*. Москва: Наука.
- Тютчев, Ф. И. (1868). *Стихотворения Ф. Тютчева = Стихотворения Федора Тютчева*. Москва: тип. А. И. Мамонтова.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 11.02.2025
Принята к публикации 25.03.2025

Об авторе

Исаченко Татьяна Александровна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Российская государственная библиотека, Москва, Россия.
ORCID: 0000-0002-1710-2340; e-mail: isachenko33@yandex.ru

MEMORIAL BOOK OF KHRAPOVITSKY FAMILY IN ASIPOVICHY MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES: NEW INFORMATION

Tatiana A. Isachenko

Russian State Library, Moscow, Russia

Abstract. The Russian State Library continues to identify scattered copies of books belonging to the palace and manor libraries of Russia. Most of the receipts to the Lenin State Library of the USSR (now – Russian State Library) date back to 1925–1929. Along the way, copies that previously belonged to famous noble families come into view: the Sheremetevs, Obolenskys, Vasilchikovs, Ratkov-Rozhnovs. This paper is devoted to the attribution of the memorial book *Thought after Thought* published by the M. O. Wolf Partnership (1885) and which was in circulation by one of the famous families of the Kaluga province, the Belkins-Khrapovitskys. The book was transferred to the Asipovichy Museum of History and Regional Studies of Belarus with a donation, which reveals the connection between generations of ancient noble families, which continues to this day. The book, as it was established, belonged to a representative of the old noble family that owned Dolskoye, Olga Vladimirovna Belkina (married name – Khrapovitskaya). O. V. Khrapovitskaya was known from her life in Kaluga in the 1920s and is mentioned in the memoirs by T. A. Aksakova-Sivers. The book contains the inscriptions of the Belkins, Khrapovitskys, Turkestanovs, Daragan-Sushchovs, Kologrivovs, N. I. Sorokhtin and other famous people. New information about the owners of the ancient Dolskoye estate (the birthplace of architect V. I. Bazhenov) reveals numerous aspects of the life of *the Vanished Russia* (Aksakova's term).

Keywords: N. I. Sorokhtin, O. V. Khrapovitskaya, Dolskoye estate, birthplace of V. I. Bazhenov, commemorative almanac “Duma after Duma” (“Thought after Thought”), O. A. Turkestanova, Daragan-Sushchy.

For citation: Isachenko, T. A. (2025). Memorial book of Khrapovitsky family in Asipovichy museum of history and regional studies: new information. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 360–372. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).360-372](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).360-372)

References

- Aksakova-Sivers, T. A. (1988). *Family chronicle: in 2 books. Book 1*. Paris: Atheneum. (In Russian).
- Azarova, N. I. (1996). Preface. *Tolstaya A. A. Notes of a maid of honor: a sad episode from my life at court* (L. V. Gladkova, Trans.) (pp. 3–21). Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven' Publ.
- Gubar, P. V. (2006). *Gubar's Gift: Catalogue of Pavel Vikentyevich Gubar in Museums and Libraries of Russia*. Moscow: EKOST Publ. (In Russian).
- Isachenko, T. A. (2018). An unknown album of Grand Duchess Anastasia. *Cultural Heritage of Russia*, 3, 35–46. (In Russian).

- Isachenko, T. A. (2019). The onomasticon of the album of the Grand Duchess Anastasia Nikolaevna: the memorable notes as a megatext. *Memoirs of NovSU*, 2(20), 1–10. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2\(20\).40](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2(20).40) (In Russian).
- Isachenko, T. A. (2020). The personal album of Grand Duchess Anastasia Nikolaevna: a poetic anthology or a book of memory? *Tomsk State University Journal of Philology*, 67, 245–267. <https://doi.org/10.17223/19986645/67/13> (In Russian).
- Isachenko, T. A. (2022a). “This book is an extremely elegant desktop album...”. The memorable anthology of Countess A. A. Tolstaya as an attribute of leisure and everyday life of the Imperial family. *Life in the palace. An inside look: Collection of scientific articles of the XXVIII Tsarskoye Selo conference* (pp. 310–323). Tsarskoye Selo, St. Petersburg: Russkaya kollektsiya SPb Publ. (In Russian).
- Isachenko, T. A. (2022b). Memorable literary almanacs as a genre of the 80s of the 19th century. *The Problems of Historical Poetics*, 20(4), 161–182. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.11183> (In Russian).
- Isachenko, T. A. (2025). The vanished Russia: who owned a copy of the memorable anthology “Duma after Duma” from the main storage of the Russian State Library? *Bibliography and Book Studies*. In print. (In Russian).
- Komarova, T. V. (2021). Autographs of guests and friends of the Tolstoy family. *Friends and guests of Yasnaya Polyana: Proceedings of the scientific conference dedicated to the 175th anniversary of the birth of S. A. Tolstoy (1844–1919)* (pp. 156–161). Tula: Yasnaya Polyana (In Russian).
- Kunin, V. V. (1984). Alexander Onegin. *Bibliophiles and bibliomaniacs: Thomas Philips, Thomas Wise, Guglielmo Libri, Aloys Pichler, Dmitry Buturlin, Alexander Onegin, Richard de Bury, Gabriel Naudé* (pp. 368–369). Moscow: Kniga Publ. (In Russian).
- Molochkov, F. F. (2022). *Diplomatic protocol and diplomatic practice*. Moscow: Gorodets Publ. (In Russian).
- Neshcheret, M. Yu. (2022). “Duma za Dumoy” (“Thought after Thought”): in search of copies of a rare album. *Memoirs of NovSU*, 3(42), 314–318. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.3\(42\).314-318](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.3(42).314-318) (In Russian).
- Nov (1885). *Nov: a publicly available illustrated biweekly bulletin of modern life, literature, science, art and applied knowledge*. St. Petersburg: M. O. Wolf Typography. (In Russian).
- Polovtsov, A. A. (2005). *Diary of the Secretary of State: in 2 vols. Vol. 1: 1883–1886*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ. (In Russian).
- Thought after Thought* (1885): a collection of excerpts from poems by various authors: memorial book for every day. Published under the patronage of Her Imperial Highness Princess Eugenia Maximilianovna of Oldenburg for the benefit of the House of Mercy. St. Petersburg: M. O. Wolf Typography. (DM RSL. F. 492. No. 23). (In Russian).
- Tolstoy, L. N., & Tolstaya, A. A. (2011). *Correspondence (1857–1903)*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Tyutchev, F. I. (1868). *Poems by Fyodor Tyutchev*. Moscow: A. I. Mamontov Typography. (In Russian).

First Published
Received 01.02.2025
Accepted 15.03.2025

About the author

Isachenko Tatyana Aleksandrovna – Dr. Sci. in Philology, Professor, Chief Researcher, Russian State Library, Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-1710-2340; e-mail: isachenko33@yandex.ru

ВЫХОДЦЫ ИЗ ДРУГИХ ГОРОДОВ И ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВЕ ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТАРОЙ РУССЫ В XV–XVII ВВ.

В. И. Клейменов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена уроженцам других городов среди жителей Старой Руссы в XV–XVII вв. Источниками являются материалы кадастровых описаний московского периода: писцовая книга Шелонской пятины 1497/98 г., дозорная книга 1611 г., писцовая книга 1624 г., переписная книга 1647/48 г., оброчные книги 1671/72 г. и 1672/73 г. и переписная книга 1678 г. Первые упоминания о переселенцах из других городов (например, из Рязани) в Старой Руссе относятся к концу XV в. В Смутное время Старая Русса серьезно пострадала и практически опустела. В течение следующих десятилетий город постепенно восстанавливался и вновь заселялся. Именно в этот период источники фиксируют появление в Старой Руссе многочисленного «пришлого» населения. Анализ кадастровых источников позволяет увидеть, насколько обширна география происхождения тех, кто проживал в Старой Руссе в XV–XVII вв. Выходцы из других городов и земель принимали активное участие в возрождении Старой Руссы после ее полного разорения в годы Смуты. В работе рассмотрены их занятия, материальное положение и социальный статус. Лишь немногим удавалось закрепиться на новом месте. Наибольшего успеха добились торговые люди из Москвы, имевшие финансовые возможности, а также уроженец Твери.

Ключевые слова: мобильность, посадские люди, малый город, Старая Русса, XV век, Смутное время, XVII век.

Благодарности: исследование подготовлено в рамках реализации проекта Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV–XVII в.: человек и малый город» ЦИИ НИУ ВШЭ СПб – ЦАИ НовГУ (https://spb.hse.ru/humart/chr/mirrorlab_Russa). Статья написана на основе одноименного доклада, представленного на круглом столе «Мобильное время: люди, практики, идеи, технологии» 21 февраля 2025 г. в Департаменте истории НИУ ВШЭ СПб. Автор благодарит всех участников дискуссии за дополнения и замечания, которые были учтены при подготовке публикации.

Для цитирования: Клейменов, В. И. (2025). Выходцы из других городов и земель в составе посадского населения Старой Руссы в XV–XVII вв. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 373–384. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).373-384](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).373-384)

Руса (совр. г. Старая Русса), крупнейший пригород Новгорода, процветавший благодаря солеварению, была привлекательным местом для переселенцев из других земель. Впервые на большое число «чужаков» (не только выходцев из других городов, но и представителей иных этносов), которые упоминаются среди жителей посада Старой Руссы в писцовой книге Шелонской пятины 1497/98 г., обратил внимание В. Н. Бернадский: исследователь пришел к выводу, что именно соляной промысел собрал столь разнообразное население на берегах р. Полисти [Бернадский, 1961, с. 137]. Более подробно состав посадского населения в конце XV в. был рассмотрен Б. И. Чибисовым [Чибисов, 2017; Чибисов, 2024, с. 207–216]. Данный вопрос также затрагивался нами в прошлой статье [Селин, Клейменов, 2023, с. 469]. Представляется перспективным продолжить работу в данном направлении, обратившись не только к писцовой книге 1497/98 г., но и к более поздним источникам: дозорной книге 1611 г., писцовой книге 1624 г., переписной книге 1647/48 г., оброчным книгам 1671/72 г. и 1672/73 г. и переписной книге 1678 г. – все они были опубликованы в издании «Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв.», в подготовке которого принимали участие И. Ю. Анкудинов, К. В. Баранов и А. А. Селин

[Анкудинов, 2009]. Изучение «пришлого» компонента в составе посадского населения Старой Руссы по материалам кадастровых описаний XVII в. позволит увидеть, какую роль играли выходцы из других городов и земель в процессе восстановления города после событий Смутного времени. Подобная попытка уже предпринималась Г. С. Рабинович в монографии, посвященной солеваренной промышленности в Старой Руссе, однако исследовательница проанализировала происхождение только работных людей [Рабинович, 1973, с. 100–105], упустив из виду дворовладельцев. Восполнить данную лакуну призвана настоящая работа.

В конце XV в., согласно данным писцовой книги 1497/98 г., в Старой Руссе находилось 1134 двора, в которых проживало 3763 человек [Анкудинов, 2009, с. 32]. Население Старой Руссы значительно сократилось в годы Смуты – город фактически опустел. В 1606/07 г., по «дозору» Алексея Безобразова и подьячих Ивана Болотникова и Воина Трескина (сама дозорная книга не сохранилась, но ссылки на нее содержатся в дозорной книге 1611 г. и писцовой книге 1624 г.), на посаде тягло платили 373 человека, жившие в 351 дворе [Анкудинов, 2009, с. 247]. В 1611 г., после разорения Старой Руссы литовцами, «в живущем» было 134 двора с полудвором, в которых проживало 140 человек, способных платить тягло [Анкудинов, 2009, с. 85]. Состояние города, зафиксированное дозорной книгой 1611 г., детально описано в статье З. А. Тимошенко [Тимошенко, 2007]. Большинство дворов опустело, было сожжено «литовскими людьми» или давно заброшено (они записаны как «старые пустоты») – к моменту составления «дозора» их бывшие владельцы либо были уже мертвы (убиты или умерли своей смертью), либо покинули Старую Руссу. На некоторых улицах не осталось ни одного жилого двора, а часть опустевших дворовых мест распаивалась уцелевшими посадскими людьми. К 1624 г. в городе насчитывалось всего 68 тяглых дворов, в которых жили 83 человека [Анкудинов, 2009, с. 244–245]. Немногочисленные обитатели Старой Руссы, среди которых в том числе были и те, кто пережил все потрясения Смутного времени, в основном проживали в остроге и рядом с ним, на Городке, на Красной Луке и в Мининских Кузнецях. В последующие десятилетия город стал постепенно восстанавливаться и вновь заселяться: в 1647/48 г. на посаде Старой Руссы (включая приписанные к нему слободы Спасо-Преображенского и Успенского монастырей) уже было 217 дворов, в которых проживало 570 человек [Анкудинов, 2009, с. 284, 286, 287, 317], а к 1678 г. – 387 дворов и 973 человек (с «недорослями» – 1539 человек) [Анкудинов, 2009, с. 317]. Именно в этот период источники фиксируют появление в Старой Руссе многочисленных выходцев из других городов и земель (см. таблицу 1.)¹.

¹ В таблицу не были включены новгородцы, жители погостов Новгородской земли, а также представители иных этносов, которые также регулярно упоминаются среди населения Старой Руссы в XV–XVII вв.

Таблица 1. Уроженцы других городов и земель среди жителей посада Старой Руссы в XV–XVII вв.

	1497/98 г.	до 1611 г.	1624 г.	1647/48 г.	между 1647/48 и 1672/73 гг.	1672/73 г.	1678 г.
Рязань (<i>рязанец</i>)	1 чел.						
Балахна (<i>балахонец</i>)		1 чел.	1 чел.	6 чел.	2 чел.		4 чел.
Псков (<i>псковитин</i>)			1 чел.	1 чел.			1 чел.
Смоленск (<i>смолянин/смолянин</i>)			1 чел.	1 чел.			
Белоозеро (<i>белозерец</i>)			1 чел.	1 чел.			
Каргополь (<i>каргополец</i>)				6 чел.			1 чел.
р. Вага (<i>важенин</i>)				1 чел.			
р. Андома (<i>андомец</i>)				1 чел.			
Устюжна (<i>устюжинец</i>)							1 чел.
Вологда (<i>вологжанин</i>)							4 чел.
Москва (<i>москвитин</i>)				2 чел.	2 чел.	2 чел.	3 чел.
Ярославль (<i>ярославец</i>)				1 чел.			
Тверь						1 чел.	1 чел.
Осташков (<i>осташковец</i>)					1 чел.	1 чел.	1 чел.
Курск						1 чел.	
р. Дон						1 чел.	1 чел.
Торопец (<i>торопчанин</i>)						1 чел.	1 чел.
Невель (<i>невлянин</i>)						3 чел.	1 чел.
Полоцк (<i>полочанин</i>)							1 чел.
Великие Луки (<i>лучанин</i>)							5 чел.

В писцовой книге 1497/98 г. среди жителей посада Старой Руссы упоминается один человек с прозвищем *Рязанец*: «(в) Васко Шапкин, брат его Иевко, пасынок его Илейка да их суседи Ивашко *Рязанец* да Фомка, позему гривна» [Анкудинов, 2009, с. 21]². В дозорной книге 1611 г. фигурирует трубный мастер Балахон, однако к моменту «дозора» его дворовое место уже давно пустовало и считалось «старыми пустотами»: «2 места старые пусты, бывало *Балахонатрубново* мастера да Иванка Григорьева» [Анкудинов, 2009, с. 77]³. Судя по прозвищу, он был выходцем из приволжского города Балахны, известного своими соляными промыслами [Беляева, 2015, с. 18]. В 1624 г. в Старой Руссе проживали уроженцы четырех городов: стрельцы из Пскова и Белоозера, а также посадские из Смоленска и Балахны.

Присутствие балахонцев в Старой Руссе прослеживается в течение всего XVII в. Уроженцы Балахны стремились именно в те города, где можно было заниматься привычным делом – производством соли: так, многие балахонцы отправлялись в Соль Камскую [Беляева, 2015, с. 19], которая была центром солеварения в данный период (подробнее о солеваренной промышленности в Соли Камской см.: [Устюгов, 1957]), в то время как другие перебирались на Северо-Запад. Варничный vareц Дорофей Иванов, поселившийся в Руссе сразу после Смуты (впервые он упоминается в писцовой книге

² В писцовой книге 1497/98 г. есть также описание двора своеземца «Ивашка Холопца с *Ываня-города*» [Анкудинов, 2009, с. 11]. Под недавно построенной на границе с Ливонией крепостью Ивангород московские власти селили бывших слуг новгородских бояр (подробнее об ивангородских своеземцах-«пятибежниках» см.: [Селин, 2017, с. 129–131]).

³ Эти же дворы, но с указанием размеров, описаны в писцовой книге 1624 г.: «Два места старые ж пустоты, бывали *Балахонатрубново* мастера да Ивашка Григорьева; а мерою тех мест в длину по дватцати сажень место, а поперег по пяти сажень» [Анкудинов, 2009, с. 189].

1624 г.)⁴, в 1647/48 г. продолжал жить в том же дворе на Красной Луке⁵. На Холопьем ручье проживали двое балахонцев, Осип Андреев и Демка Яковлев: «(В) Ооска Оондреев сын *балахонец* з детми з Богдашьком да с Кирилком, а в скаске сын Кирилко прописан»; «(В) Демка Яковлев сын *балахонец*, да в том же дворе подсоседник Максимко Володимеров сын Буданец, а в скаске подсоседник Максимко прописан» [Анкудинов, 2009, с. 280]. Осип Андреев владел двором с огородом и варницей – они упоминаются в оброчной книге 1672/73 г. как ранее принадлежавшие ему: «(Д) Елисея Андреева сына Быкова, з двора и с огорода, что бывал Осипка *балахонца*, а после за Петром, оброку четыре алтына две денги»; «На новгородце на торговом человеке на Оондрее Харламове с варницы, была Офонасья Небритова, а после Осипка *балахонца*, оброку пять рублей» [Анкудинов, 2009, с. 351, 383]. В 1647/48 г. за Полистью жил еще один балахонец, Емельян Семенов: «(В) Емелька Семенов сын *балахонец* с сыном Ивашком, а в скаске сын ево Ивашко прописан» [Анкудинов, 2009, с. 284]. Среди уроженцев Балахны, переселившихся в Старую Руссу, были и крестьяне. В 1647/48 г. также за Полистью проживал крестьянин Иван Абрамов Зуев вместе с братом Ефимом и тремя сыновьями: «(В) крестьянин Ивашко Абрамов сын Зуев *балахонец* с своими братьями с Ефимьком да з детьми с Куземькою да с Ермолькою да с Петрушькою» [Анкудинов, 2009, с. 284]. Кроме того, в оброчной книге 1672/73 г. упоминается двор с огородом на ул. Богородицкой, которым прежде владел балахонец по имени Никита: «(Д) Еремеев Артемьева, что был за Микиткою *балахонцом*, з двора и с огорода оброку девять алтын две денги» [Анкудинов, 2009, с. 357]. В 1678 г. среди жителей Старой Руссы зафиксировано четверо выходцев из Балахны: двое из них являлись бобылями и проживали в своих дворах, один жил на чужом дворе в подсоседниках, а еще один записан как «наемный пришлый человек»⁶.

Один из стрельцов, несших службу в Старой Руссе в 1624 г., был уроженцем Пскова: «(В) стрелец Мартышко Олександров *псковитин*; в длину двора пять сажень, а поперег три сажени» [Анкудинов, 2009, с. 119]. В 1647/48 г. среди жителей посада Старой Руссы упоминается еще один «псковитин», причем в этом случае известен его род занятий – квасник. Квасник Игнат (Дружина) владел двором за Полистью, в котором он жил с одним подсоседником: «(В) Игнашко, прозвище Дружинка, квасник *псковитин*, да в том же дворе подсоседник Оондрюшка Емельянов сын Корела»

⁴ «(В) варничной варец Дорошка Иванов, тягла полполушки, молотчей, а наперед того на том месте жил Ивашка Смолнин, умер во 122-м году; в длину двора тритцать семь сажень, а поперег пять сажень, оброку платит в монастырь три алтына» [Анкудинов, 2009, с. 142].

⁵ «(В) Дорофейко Иванов сын *балахонец* з детми с Елизарком да с Ывашком, а в скаске дети ево прописаны» [Анкудинов, 2009, с. 279].

⁶ «(Во д.) Софронко Осипов сын *балахонец*, у него дети Ивашко десяти лет, Сенка осми лет, Никашко дву лет, да у него ж подсоседник Савка Сергеев, у Савки сын Ортюшка пятинеделной, да работной человек Макарка Мануилов»; «(Во д.) Мишка Сергеев сын *балахонец*»; «(Во д.) вдова Афимьяца Никитина дочь Демьяниха з детми с Осипком да с Ывашком, у Оски дети Ивашко да Овдейко десяти лет, Марчковосми лет, да у него ж подсоседник работной человек Обращко Игнатъев, у него дети Гришка двунатцати лет, Насонко девяти лет да племянник Микитка шти лет, да [*балахонец*] Нифантко Варламов, у него дети Сенка да Куземка тринатцати лет, Ивашко шти лет, да работные люди Фетка Тимофеев да Ивашко Онуфриев»; «(Во д.) Оонтошко Семенов сын кузнец з братом Алешкой, у Оонтошка дети Васка семи лет, Фочка году, у Олешки сын Гордюшка полутретьих лет да племянник Викулка Кондратьев десяти лет, да у него ж подсоседники Мокейко Офонасьев, у Мокейка брат Федотко двунатцати лет, да у них же наемные пришлые люди Гаврилка Филипов сын *балахонец* да Федка Елисеев сын устюжинец» [Анкудинов, 2009, с. 307, 308, 309].

[Анкудинов, 2009, с. 284]. В 1678 г. в Старой Руссе проживал «псковитин» Василий Якимов, но он уже не был дворовладельцем и жил вместе с сыном Иваном в подсоседниках у бобыля Лариона Ульянова: «(Во д.) бобыль Ларка Ульянов, у него сын Ульяшко двенатцати лет, да у него ж подсоседник *псковитин* Васка Якимов, у Васки сын Ивашко» [Анкудинов, 2009, с. 310].

Среди жителей Старой Руссы встречаются и выходцы из Смоленска, взятого поляками в 1611 г. и отошедшего Речи Посполитой по Деулинскому перемирию. Одним из таких переселенцев, вероятно, был смолянин Матвей Давыдов, проживавший в 1624 г. на территории острога: «(В) Матюшка Давыдов *смоляннин*, тягла полполушки, молотчей, в длину двора восемь сажень, а поперек три сажени с четвертью» [Анкудинов, 2009, с. 115–116]. Другой уроженец Смоленска, «Евъсеейко Петров сын *Смолянин*», в 1647/48 г. владел двором на ул. Чертовой [Анкудинов, 2009, с. 282]. Его переселение в Старую Руссу могло быть связано со Смоленской войной 1632–1634 гг. Примечательно, что после Тринадцатилетней войны (1654–1667 гг.), в ходе которой Смоленск вернулся под власть Москвы, присутствие смолян в Старой Руссе не зафиксировано.

Наиболее многочисленной группой, суммарно даже превосходящей по количеству балахонцев, являются жители Русского Севера – первыми в источниках упоминаются уроженцы Белоозера. В 1624 г. в Старой Руссе служил стрелец Трофим Алексеев по прозвищу Белозер: «(В) стрелцы Трошка Олексеев *Белозер* да Офонка Небритик; в длину двора четыре сажени, а поперек четыре ж сажени» [Анкудинов, 2009, с. 118]. В 1647/48 г. белозерец Василий Дементьев владел двором на Красной Луке, в котором он проживал вместе с сыном Василиском: «(В) Васка Дементьев сын *белозерец* с сыном с Василистьком, а в скаске сын ево Василистько прописан» [Анкудинов, 2009, с. 278]. В том же году в Старой Руссе зафиксировано целых шесть уроженцев Каргополя – все они были дворовладельцами⁷. В 1678 г. упоминается уже всего один каргополец, который жил вместе с двумя сыновьями в подсоседниках на дворе у бобыля Ивана Никифорова Пузана: «(Во д.) Ивашко Микифоров сын Пузан, у него сын Терешка семи лет, да у него ж подсоседник *каргополец* Савка, у Савки дети Микитка девяти лет, Савка полуторых лет» [Анкудинов, 2009, с. 310]. В 1647/48 г. отмечены еще двое выходцев с Русского Севера, переселившихся в Старую Руссу с берегов р. Ваги и р. Андомы. Важенин Аникей Иванов был посадским человеком и проживал вместе с сыном Данилой за Полистью: «(В) Оникейко Иванов сын *важенин* с сыном з Данильком, а в скаске сын ево Данилько прописан» [Анкудинов, 2009, с. 284]. Андомец Иван Федоров имел статус бобыля и жил в одном дворе с шурином Иваном Ивановым в слободе Спасо-Преображенского монастыря: «(В) Ивашко Федоров сын *андомец*, да у него ж живет шурин ево Ивашко Иванов, а в скаске шурин ево прописан» [Анкудинов, 2009, с. 285]. В 1678 г. в источниках также фигурируют уроженцы Устюжны и Вологды. Устюжинец Федор Елисеев вместе с балахонцем

⁷ «(Д) Спаса Футыня монастыря, а в нем дворник Ондрюшка Васильев сын *каргополец* с сыном с Тимошькою»; «(В) Фетка Якимов сын *каргополец* з детми с Ромашкою да с Ывашком, а в скаске он, Фетка з детми, и двор ево прописаны»; «(В) Осипько з братьями с Ысачьком да с Логиньком Якимовы дети *каргополцы*»; «(В) Прошька Федоров сын *каргополец* з детьми з Гаврильком да с Трешькою да с Волотькою да с Васкою» [Анкудинов, 2009, с. 279, 283–284].

Гаврилой Филипповым был «наемным пришлым человеком» у кузнеца Антона Семенова [Анкудинов, 2009, с. 307], а четверо вологжан (двое из которых были «недорослями») жили в подсоседниках на одном дворе⁸.

В 1647/48 г. среди жителей посада Старой Руссы впервые упоминаются выходцы из Москвы – «москвитины». Один из них, Федор Мартынов Барашов, владел двором на ул. Ильинской [Анкудинов, 2009, с. 280]. Второй же, Кирилл Потапов, жил на «дьячковом» дворе в качестве дворника: «(Д) дьячков, а в нем живет Кирилко Потапьев сын *москвитин*» [Анкудинов, 2009, с. 284]. Представители первого поколения «москвитин» в Старой Руссе мало чем выделялись на общем фоне – совсем иначе дело будет обстоять со следующим. В оброчной книге 1672/73 г. упоминаются две варницы, а также двор с огородом и амбарным местом, которые ранее принадлежали «*москвитину Полумясницкие сотни Федору Щепоткину*»⁹ (подробнее о московском госте Федоре Матвееве Щепоткине и о его деятельности см.: [Воскобойникова, 2003]). Другой «москвитин», Тарас Беляев, прежде владел мельничным местом на р. Перерытице под городом: «С мелничного места, что на Перерытице реке под городом, что была за *московитином* за Тарасом Беляевым, а ныне за гостиною женою Ивана Буйкова за Анною и за гостем за Иваном Худяковым, оброку два рубли» [Анкудинов, 2009, с. 389]. В оброчной книге 1672/73 г. фигурирует торговый человек «москвитин» Иван Леонтьев, во владении которого был двор с огородом на Холопьем ручье и варница с прогонной трубой¹⁰. В 1678 г. Иван Леонтьев жил в том же дворе вместе с братом Алешей, держа у себя двух работных людей и трех наемных работников: «(Во д.) Ивашко Леонтиев сын *москвитин* з братом Алешкою Леонтиевым, да у него ж работные люди Тимошка Иванов, у него дети Моска да Осипкотринатцати лет, да Куземка Дмитриев, да наемные работники Савка Харитонов, Киприянко Карпов, Спиридонко Дмитриев» [Анкудинов, 2009, с. 301]. Еще один «москвитин», Федор Мартынов Смывалов, также был торговым человеком и в 1672/73 г. владел двумя дворами с огородами и сразу пятью варницами¹¹. В 1678 г. он проживал в одном из своих дворов в Роговом конце вместе с двумя сыновьями и имел нескольких «*купленных крепостных полских людей*»¹².

⁸ «(Во д.) вдова Окулинка Яковлева дочь Ефимовская жена Лыскова, у ней дети Исачко да Яшка десяти лет, у Исачка дети Петрушка пяти лет да Ивашко дву лет, да подсоседников у них Данилка Семенов сын Зуй, выходец полских людей, у него дети Якимко восьми лет, Ромашко трех лет, да *вологжане* Анфиногенко да Офонка да Васка тринаццати лет, да Кондрашко девяти лет» [Анкудинов, 2009, с. 299].

⁹ «На посадцком человеке на Дмитрее Федорове з дву варниц, что дано было *москвитину* Полумясницкие сотни Федору Щепоткину, оброку четыре рубли три алтына две денги»; «(Д) посадцкого человека Дмитрея Федорова сына, что бывал *москвитина* Федора Щепоткина, владеет по купчей, з двора и с огорода и с анбарного места оброку шесть алтын четыре денги» [Анкудинов, 2009, с. 372, 385].

¹⁰ «(Д) *москвитина* Ивана Леонтьева, что бывал Гаврилки Зимы, что на Холопье ручью, з двора и с огорода оброку десять денег»; «На *москвитине* на Иване Леонтиеве с варницы оброку два рубли десять денег. <...> На нем же с прогонной трубы оброку пять алтын» [Анкудинов, 2009, с. 345, 383].

¹¹ «(Д) Федора Мартынова сына Смывалова, з двора и с огорода оброку четыре алтына»; «(Д) Федора Смывалова, з двора и с огорода, что в Ыльине улицы, оброку четыре алтына»; «На *москвитине* на тоговом человеке на Федоре Смывалове с четырех варниц оброку восемь рублев дватцать четыре алтына з денгою. <...> На нем же, Федоре Смывалове, с варницы, что против мельницы Андрея Харламова, оброку два рубли десять денег» [Анкудинов, 2009, с. 349, 353, 382–383].

¹² «(Во д.) Фетка Мартинов сын Смывалов з детми с Ывашком да с Сергушкой, да у него ж купленных крепостных полских людей Ивашко Иванов да Обращко да Максимко Степановы, у Обращка сын Пашко полугода, да Макарка Васильев да малой Гараска Омельянов семи лет, да в другом дворе в Ыльинском заполье

В 1647/48 г. в Старой Руссе упоминается один уроженец Ярославля, ставший монастырским крестьянином. Ярославец Сенька Корнильев проживал в слободе Успенского монастыря на Всполье [Анкудинов, 2009, с. 286]. После этого упоминания о выходцах из Ярославля в источниках больше не встречаются.

В 1670-х гг. известен один уроженец Твери, живший в Старой Руссе и отличавшийся своим имущественным положением. В оброчной книге 1672/73 г. фигурирует посадский человек Иван Васильев Тверь/Тверцын, чье имущественное положение было сопоставимо с «москвитинами»: к тому моменту он владел двором на Красной Луке с огородом и прибавочным местом, огородом за р. Полистью, горожеником там же на заповке (совместно с Федором Половохиным), половиной сада Матвея Белянинова, огородом и садом Алеши Худякова на ул. Троицкой, двумя варницами, у одной из которых был амбар и дровяное «кладбище», а также мельницей на р. Соминке¹³. Его хозяйственная деятельность рассматривалась в книге Г. С. Рабинович [Рабинович, 1973, с. 73]. В 1678 г. Иван проживал в том же дворе на Красной Луке вместе с тремя сыновьями, в его распоряжении было двое «купленных людей» с детьми и один наймит – «выходец полских людей»¹⁴.

Первые упоминания о выходцах из Осташкова в Старой Руссе также относятся к 1670-м гг. В оброчной книге 1671/72 г. фигурирует осташковец Степан Исаков Рылков/Рынков, владевший двором с огородом на ул. Троицкой, который ранее принадлежал вдове Авдотье Куколихе: «(Д) *осташковца* Степашка Исакова сына Рылкова, что был вдовы Овдотьицы Куколихи, з двора и с огорода оброку два алтына две денги» [Анкудинов, 2009, с. 346 (примеч. 16)]. В 1672/73 г. дворовладельцем также был осташковец Петр Алексеев Пономарков: «(Д) Петрушки Алексеева Пономаркова *осташковца*, что был двор Ивашка Назарьева прозвище Попа, у Дмитреясвятаго по Нетечи улицы, оброку семь алтын» [Анкудинов, 2009, с. 379]. В 1678 г. упоминается еще один осташковец, Андрей Иванов, который жил в подсоседниках вместе с тремя сыновьями¹⁵. Представляется, что он мог перебраться в Старую Руссу из Осташкова после того, как в 1676 г. город был уничтожен пожаром.

живет работной человек Давытко Никитин з детми з Гришкой да с Наумком да с Карпушкою, да у него ж во дворе у соляных промыслов живет работной человек Кирилка Омельянов» [Анкудинов, 2009, с. 306].

¹³ «(Д) старорушанина посадцкого человека Ивана Васильева сына *Тверя*, з двора и с огорода и с прибавочным местом оброку два алтына. <...> На нем же, Иване, с огорода, что за Полистью рекою, оброку пять алтын. <...> На нем же, Иване, да на Федке Половохине з Гороженика на заповке за Полистью рекою оброку пять алтын. <...> На нем же, Иване, с половины саду Матфея Белянинова оброку два алтына четыре денги. <...> На нем же, Иване, с огорода и саду Алеши Худякова, что владел Игнатей Микляев, к Спаскому монастырю идучи по левой стороне Троицкою улицею, Ефимка сапожника да Суботки Вешнякова, оброку десять алтын три денги»; «С варницы Ивана Васильева сына *Тверя*, что у Холопья ручья, оброку два рубли десять денег»; «На посадцком человеке на Иване Васильеве сыне *Твере* с варницы и с анбару и з дровяного кладбища, что на Луке, оброку два рубли десять денег»; «С мельницы, что на Соминке реке на старорушанине посадцком человеке на Иване Васильеве сыне *Твере*, оброку дватцать три алтына две денги» [Анкудинов, 2009, с. 340, 385, 386, 389].

¹⁴ «(Во д.) Ивашко Васильев сын *Тверь*, у него дети Гришка да Яшка да Ларка восьми лет, да у него ж, Ивашка, купленные люди Максимко Федоров да Яшка Дмитриев, у него дети Ивашко дву лет, Панфилко полугода, да наймит Андрюшка Федоров выходец полских людей» [Анкудинов, 2009, с. 298].

¹⁵ «(Во д.) Гришка Васильев сын Корелин, у него дети Якимко трех лет, Ивашко полуторых лет, да у них же живет по крепости Сысойко Федоров сын лучанин четырнатцати лет, у него ж подсоседник Ондрюшка Иванов сын *осташковец*, у него дети Ларка да Мишка да Васка десяти лет» [Анкудинов, 2009, с. 300].

В оброчной книге 1672/73 г. фигурирует двор Кондрата Петрова Курского – по всей видимости, уроженца Курска: «(Д) Кондрашки Петрова сына *Курского*, что был Иверского монастыря розсылшика Костюшки Козмина, з двора и с огорода оброку четыре алтына» [Анкудинов, 2009, с. 376]. К выходцам с южных рубежей Московского царства, вероятно, относится и стрелец Никита Донской, впервые упоминаемый в 1672/73 г.¹⁶ В 1678 г. он владел сразу двумя дворами: один находился в городе (в остроге), а другой – на посаде, на ул. Чертовой [Анкудинов, 2009, с. 319].

Среди жителей Старой Руссы были выходцы не только с южных, но и с западных рубежей Московского царства. В 1672/73 г. в числе дворовладельцев упоминается сапожник Иван, уроженец Торопца, владевший двором с огородом на ул. Троицкой: «(Д) Ивашка сапожника *торопчанина*, з двора и с огорода, что в Троицкой улицы, оброку три алтына две денги» [Анкудинов, 2009, с. 347]. В 1678 г. другой торопчанин, Амос Григорьев, жил в подсоседниках на дворе у кузнеца Дружины Юрьева на Холопьем ручье: «(Во д.) Дружинка Юрьев сын кузнец, у него дети Ивашко да Исачко да Фетка тринацати лет, у Ивашка сын Герасимко пяти недель, да у него ж подсоседник Амоско Григорьев сын *торопчанин*» [Анкудинов, 2009, с. 302].

К 1672/73 г. в Старой Руссе проживало несколько уроженцев Невеля. Этот город был взят русскими войсками еще в 1654 г., его переход в состав Московского царства был подтвержден Андрусовским перемирием 1667 г., однако позднее он был вновь передан Речи Посполитой. Переселение невялян в Старую Руссу, судя по всему, произошло в то время, когда Невель перешел под власть Москвы. В оброчной книге 1672/73 г. упоминаются трое дворовладельцев-невлян¹⁷. Один из них, Федор Алексеев, остался жить в Старой Руссе. В 1678 г. он проживал в Спасской слободе вместе с сыновьями Лукой и Петром: «(Во д.) Фетка Алексеев сын *невлянин*, у него дети Лучка пяти лет, Петрушка дву лет» [Анкудинов, 2009, с. 304].

В 1678 г. в Старой Руссе упоминается один выходец из Полоцка. Полочанин Михаил Иванов жил в подсоседниках на дворе у Фаддея Еремеева Худякова на Красной Луке: «(Во д.) Фадейко Еремеев сын Худяков з детми с Куземкою да Филатко двенатцати лет, да у него ж подсоседник Мишка Иванов сын *полочанин*» [Анкудинов, 2009, с. 300]. Появление в Старой Руссе уроженца Полоцка, как и в случае с невялянами, объясняется тем, что этот город также вошел в состав Московского царства в результате русско-польской войны 1654–1667 гг.

В конце 1670-х гг. среди жителей Старой Руссы обнаруживается пятеро лучан – уроженцев города Великие Луки и его уезда. Один из них, Марк Демидов, был посадским человеком и проживал в Спасской слободе вместе с четырьмя сыновьями: «(Во д.) Марчко Демидов сын *лучанин*, у него дети Якушко да Васка да Фочка четырнатцати лет да Кондрашка десяти лет» [Анкудинов, 2009, с. 303–304]. Бывший государев дворцовый крестьянин Великолукского уезда Михаил Никитин, ставший

¹⁶ «На старорусских стрелцах на Пахомке да на Фочке Пискулиных на Ведишки Перемотине да на Микитки Донском на Якушки Федорове Дяди на Якушки Кучкове на Ивашки Харитонове на Евсейке Костыге, подле Васки Седла ис огородной земли Якушка Бубнева, оброку восемь алтын» [Анкудинов, 2009, с. 380].

¹⁷ «(Д) Кондрашка Васильева сына *невлянина*, от Порусья реки по левой стороне из Великой улицы идучи на углу, оброку четыре алтына»; «(Д) Алешки Федорова сына *невлянина*, з двора и с огорода оброку четыре алтына»; «(Д) Федки Алексеева сына *невлянина*, что был вдовы Огорофенки Васильевы, з двора и с огорода оброку два алтына» [Анкудинов, 2009, с. 370, 375, 376].

спасским бобылем, жил у Спасо-Преображенского монастыря с двумя сыновьями: «(Во д.) бобыль Мишка Микитин, у него дети Ефремко пяти лет да Гараска году, в скаске написан государев дворцовой крестьянин *Лутцкого уезду*» [Анкудинов, 2009, с. 316]. Лучанин Андрей Иванов вместе с тремя сыновьями жил в подсоседниках на вдовьем дворе¹⁸. Крестьянин Вязовской волости Великолукского уезда Василий Семенов жил в подсоседниках у бобыля рыбника Василия Игнатьева: «(Во д.) Васка Игнатьев сын рыбник, у него дети Васка восьми лет, Игнашко полугода, да подсоседник Васка Семенов *Лутцкого уезду Вязовские волости*» [Анкудинов, 2009, с. 300]. Четырнадцатилетний лучанин Сысой Федоров был крепостным Григория Васильева Карелина и жил на его дворе: «(Во д.) Гришка Васильев сын Корелин, у него дети Якимко трех лет, Ивашко полуторых лет, да у них же живет по крепости Сысойко Федоров сын *лучанин* четырнатцати лет...» [Анкудинов, 2009, с. 300].

Итак, проведенный анализ позволяет увидеть, насколько обширна география происхождения тех, кто проживал в Старой Руссе в XV–XVII вв. Уроженцы других городов и земель принимали активное участие в возрождении Старой Руссы после ее полного разорения во время Смуты. На протяжении всего XVII в. в Старой Руссе представлены выходцы из Балахны, которых привлекала возможность заниматься хорошо знакомым им соляным промыслом. В Старой Руссе оказываются уроженцы из соседнего Пскова, присутствие которых также прослеживается вплоть до конца столетия, а также выходцы из Смоленска, переселявшиеся после захвата города в годы Смуты и неудачной попытки вернуть его в ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. Весьма многочисленны уроженцы Русского Севера, в особенности Каргополя. В середине XVII в. появляются первые москвичи и один ярославец. В 1670-х гг. среди жителей Старой Руссы начинают упоминаться уроженцы Твери и Осташкова, а также сюда переселяются выходцы с южных и западных границ Московского государства. В результате Тринадцатилетней войны с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) здесь оказались выходцы из Невеля и Полоцка. К концу 1670-х гг. в Старой Руссе проживало пятеро уроженцев Великих Лук и Великолукского уезда, среди которых были обладатели совершенно разных статусов: посадский человек; бывший дворцовый крестьянин, ставший бобылем Спасо-Преображенского монастыря; крестьянин, живший в подсоседниках у бобыля; подросток, попавший в крепостную зависимость. О занятиях переселенцев источники сообщают крайне мало: среди «пришлых» есть трубный мастер и варничный варец – оба уроженцы Балахны, квасник из Пскова, сапожник-торопчанин, трое стрельцов (пскович, белозерец и выходец с Дона) и московские купцы. Устюжинец и балахонец работали по найму у кузнеца. Проживавшие на правах подсоседников – например, торопчанин у кузнеца и лучанин у бобыля-рыбника – могли привлекаться хозяевами дворов в качестве дополнительных рабочих рук. Что же касается материального положения, то самым высоким оно было у торговых людей из Москвы, Ивана Леонтьева и Федора Мартынова Смывалова, которые изначально имели большие экономические возможности, а также у единственного известного уроженца Твери, Ивана Васильева

¹⁸ «(Во д.) вдова Парасковьица Игнатьева дочь Аникиевская жена Колачникова, у нее детей Парфенко да Ермолка да Гаврилка, у Парфенка сын Васка четырех лет, да у нее ж подсоседник *лучанин* Андрюшка Иванов, у него дети Ивашко десяти лет, Гаврилка восьми лет, Прошка пяти лет» [Анкудинов, 2009, с. 306].

Тверя/Тверцына. Лишь немногим «пришлым» удавалось закрепиться на новом месте и обрести статус посадского человека – подавляющее большинство становилось бобылями. Тяжелее всего приходилось тем, кто был вынужден ютиться вместе с членами семьи на чужом дворе, живя в подсоседниках, поскольку в этом случае все они оказывались зависимы от дворовладельцев.

Литература и источники

- Анкудинов, И. Ю. (сост.). (2009). *Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв.* Москва: НП «Рукописные памятники Древней Руси».
- Беляева, В. Н. (2015). Солепромышленники Соколовы (по материалам Балахны и Соликамска XVII – начала XVIII в.). *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 5–6, 18–23.
- Бернадский, В. Н. (1961). *Новгород и Новгородская земля в XV веке.* Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Воскобойникова, Н. П. (2003). Предприниматель XVII в. Федор Матвеев сын Щепоткин: материалы к биографии. *Уральский исторический вестник. Вып. 9: Проблемы экономической истории России: региональное измерение* (с. 301–316). Екатеринбург: Академкнига.
- Рабинович, Г. С. (1973). *Город соли – Старая Русса в конце XVI – середине XVIII вв. (К вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности).* Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- Селин, А. А. (2017). К изучению персонального состава землевладельцев Северо-Запада Новгородской земли конца XV века. *Rossica Antiqua*, 1, 122–143.
- Селин, А. А., & Клейменов, В. И. (2023). Посадское население Старой Руссы по материалам писцовой книги 1497/98 г.: предварительные наблюдения. *Ученые записки НовГУ*, 5(50), 465–473. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.5\(50\).465-473](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.5(50).465-473)
- Тимошенкова, З. А. (2007). Дозорная книга Старой Руссы 1611 г. *Государство и общество в России XV–начала XX века: сборник статей памяти Н. Е. Носова* (с. 308–315). Санкт-Петербург: Наука.
- Устюгов, Н. В. (1957). *Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности.* Москва: Изд-во АН СССР.
- Чибисов, Б. И. (2017). Состав населения Русы по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 года. *Вестник Тверского государственного университета. Серия. История*, 1, 149–160.
- Чибисов, Б. И. (2024). *Неславянское население в этнокультурных процессах Новгородской земли XV столетия.* Петрозаводск: Periodika.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 06.03.2025
Принята к публикации 25.03.2025

Об авторе

Клейменов Виталий Игоревич – студент 1-го курса ОП магистратуры «Русь и средневековый мир», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
ORCID: 0009-0008-1850-6452; e-mail: vikleymenov@edu.hse.ru

MIGRANTS FROM OTHER RUSSIAN TOWNS AND LANDS AMONG THE POSAD POPULATION OF STARAYA RUSSA IN THE 15TH–17TH CENTURIES

Vitaly I. Kleymenov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Abstract. The paper examines the natives of other Russian lands among the inhabitants of Staraya Russa in the 15th–17th centuries. The sources are cadastres, tax and census books of the Moscow period: the *pistsovaya kniga* of Shelonskaya Pyatina of 1497/98, *dozornaya kniga* of 1611, *pistsovaya kniga* of 1624, *perepisnaya kniga* of 1647/48, *obrochnye knigi* of 1671/72 and 1672/73 and *perepisnaya kniga* of 1678. The first mentions of immigrants from other towns (for instance, from Ryazan) in Staraya Russa date back to the late 15th century. During the Time of Troubles, Staraya Russa was devastated and almost deserted. Over the next decades, the city was gradually rebuilt and repopulated. It was during this period that sources record the appearance of a large “alien” population in Staraya Russa. The analysis of cadastral sources shows how vast the geography of origin of those who lived in Staraya Russa in the 15th–17th centuries was. Migrants from other cities and lands took an active part in the restoration of the economy of Staraya Russa after it had been completely ruined. Their occupations, financial situation and social status are also discussed. Only a few managed to gain a foothold in a new place. The most successful were merchants from Moscow, who had financial resources, as well as a native of Tver.

Keywords: mobility, posad people, small town, Staraya Russa, 15th century, Time of Troubles, 17th century.

Acknowledgments: the research was carried out as a part of the project of Mirror Lab “Practices of Urban Development in the Russian Political Space of the Late 15th–17th Centuries: Man and Small Town” by the Centre For Historical Research of the Higher School of Economics in St. Petersburg and the Centre for Archeological Research of NovSU (https://spb.hse.ru/humart/chr/mirrorlab_Russia). The publication is based on the oral report presented at the round table “Mobile Time: People, Practices, Ideas, Technologies” on February 21, 2025 at the Department of History of the Higher School of Economics in St. Petersburg. The author thanks all those who participated in the discussion for the suggestions and comments that were taken into account when writing the paper.

For citation: Kleymenov, V. I. (2025). Migrants from other Russian towns and lands among the *posad* population of Staraya Russa in the 15th–17th centuries. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 373–384. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).373-384](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).373-384)

References

- Ankudinov, I. Yu. (comp.). (2009). *Pistsovye and perepisnye knigi of Staraya Russa of the Late 15th–17th centuries*. Moscow: Manuscripts of Old Rus Publ. (In Russian).
- Belyaeva, V. N. (2015). The Sokolov family of salt merchants (based on the materials of Balakhna and Solikamsk of the 17th – early 18th centuries). *Bulletin of Nizhniy Novgorod State University*, 5–6, 18–23. (In Russian).
- Bernadsky, V. N. (1961). *Novgorod and Novgorod land in the 15th century*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Chibisov, B. I. (2017). The Composition of the Population in Rusa According to Cadastres of the Shelonskaya Pyatina in 1497/1498. *Bulletin of Tver State University. Series. History*, 1, 149–160. (In Russian).
- Chibisov, B. I. (2024). *Non-Slavic population in the ethnic and cultural processes of Novgorod land in the 15th century*. Petrozavodsk: Periodika Publ. (In Russian).
- Rabinovich, G. S. (1973). *The town of salt – Staraya Russa in the Late 16th – middle 18th centuries (on the genesis of capitalism in Russian industry)*. Leningrad: Leningrad University Publ. (In Russian).
- Selin, A. A. (2017). Studying personal composition of landowners in the north-western part of Novgorod land in the late 15th century. *Rossica Antiqua*, 1, 122–143. (In Russian).
- Selin, A. A., & Kleymenov, V. I. (2023). The posad people of Staraya Russa according to the *pistsovaya kniga* of 1497/98: preliminary observations. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 465–473. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.5\(50\).465-473](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.5(50).465-473) (In Russian).

- Timoshenkova, Z. A. (2007). Dozornaya kniga of Staraya Russa of 1611. *The State and Society of Russia in the 15th – Early 20th Centuries: collection of papers in memory of N. E. Nosov* (pp. 308–315). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
- Ustyugov, N. V. (1957). *The salt industry of Sol Kamskaya in the 17th Century: on the genesis of capitalist relations in Russian industry*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Voskoboynikova, N. P. (2003). The entrepreneur of the 17th century Fyodor Matveev syn Shchepotkin: data on the biography. *Ural Historical Bulletin. Is. 9: The Problems of Economic History of Russia: Regional Dimension* (pp. 301–316). Yekaterinburg: Akademkniga Publ. (In Russian).

First Published
Received 06.03.2025
Accepted 30.03.2025

About the author

Kleymentov Vitaly Igorevich – Master's Degree Student, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia.
ORCID: 0009-0008-1850-6452; e-mail: vikleymentov@edu.hse.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ УРАЛМАША КАК ЭТАП РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА УРАЛЕ И ВЛИЯНИЕ НА НЕФТЕГАЗОВУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В 1970-Е ГГ.

В. В. Запарий

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация. В статье констатируется, что в первой половине 1970-х гг. производственное объединение Уралмаш представляло собой крупный многоотраслевой промышленно-научный комплекс по проектированию и изготовлению высокопроизводительного оборудования для металлургической, горнорудной, нефтяной, газовой и некоторых других отраслей промышленности, а продукция объединения в значительной мере определяла уровень технического прогресса в этих ведущих отраслях советской индустрии. Автор дает характеристику необходимости и условий проведения реконструкции одного из крупнейших машиностроительных предприятий СССР, а также внедрения системы комплексного планирования. Рассматривается влияние данного процесса, который в этот период активно внедрялся в экономику региона и СССР в целом, на реконструкцию предприятия. Показано, что Уралмаш во многом стал пилотным проектом в регионе. Работа написана на архивных материалах, вводимых в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Уралмаш, реконструкция, этап, комплексная программа экономического развития, металлургическая промышленность, 1970-е гг.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00837.

Для цитирования: Запарий, В. В. (2025). Реконструкция Уралмаша как этап разработки комплексной программы экономического развития на Урале и влияние на нефтегазовую промышленность в 1970-е гг. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 385–393. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).385-393](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).385-393)

Введение

Об этом заводе заводов написано много. Это публикации популярного и научного плана [Енина, Граматчикова, 2021; Агеев, Бриль, 2003], рассматривающие различные этапы деятельности этого предприятия.

В данной статье на основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, дается характеристика необходимости и условий проведения реконструкции одного из крупнейших машиностроительных предприятий СССР, обеспечивающих производство агрегатов для металлургической в целом и трубной в частности промышленности страны.

Рассматривается влияние на этот процесс комплексного планирования, которое в этот период активно внедрялось в экономику региона и СССР в целом. Показано, что Уралмаш во многом стал пилотным проектом в регионе.

Создание комплексного планирования, внедрявшееся в СССР, о чем нам довелось писать [Запарий, 2024, с. 6–12; Запарий, Зайцева, 2024, с. 93–99], прошло ряд этапов, и первый из них был осуществлен на низовом уровне, когда разрабатывался алгоритм этого процесса. Однако этот низовой уровень мог осуществиться только на крупном предприятии, одним из которых стало объединение Уралмашзавод.

В первой половине 1970-х гг. производственное объединение Уралмаш представляет собой крупный многоотраслевой промышленно-научный комплекс по

проектированию и изготовлению высокопроизводительного оборудования для металлургической, горнорудной, нефтяной, газовой и некоторых других отраслей промышленности. Продукция объединения в значительной мере определяет уровень технического прогресса в этих ведущих отраслях советской индустрии.

Роль Уралмаша в экономике Советского Союза

В состав объединения входили Уралмашзавод (головное предприятие), Научно-исследовательский институт тяжелого машиностроения (НИИТЯЖМАШ), Свердловский завод бурового и металлургического оборудования, Свердловский завод горноспасательного оборудования, Буланашский машиностроительный завод. Ведется строительство завода сварных машиностроительных конструкций в г. Верхняя Пышма. Намечено было соорудить завод литья и поковок в Невьянске.

О значимости предприятия свидетельствует то, что на оборудовании, изготовленном объединением, производится 80 % агломерата и автолиста, 70 % чугуна, 76 % жести, 100 % трансформаторной стали, цельнокатаных колес железнодорожных вагонов, бурятся все нефтяные и газовые скважины глубиной свыше 2,5 км. Советского Союза¹.

Причины и перспективы реконструкции

Значительный шаг в своем развитии производственное объединение совершило в 1970–1975 гг., когда выполнялась 9 пятилетка. За этот период оно увеличило объём выпуска продукции на 31,5 %, причем 95 % роста было получено за счет повышения производительности труда. Фактический выпуск механоизделий в 1975 г. достиг 331 тыс. т при проектной мощности в 316 тыс. т. Выпуск прессовых поковок в 1975 г. превосходил проектную мощность на 15,9 %, стального литья – на 32,2 %².

Следует отметить, что предприятием был полностью выполнен пятилетний план создания новой техники. В 1971–1975 гг. сконструировано 136 и изготовлено 99 принципиально новых машин с экономическим эффектом в народном хозяйстве³. Было выполнено работ на сумму 190 млн руб. В числе созданных на Уралмаше за пятилетку образцов новой техники для пусковых объектов имелись такие, как оборудование для четырех машин непрерывной разливки стальных заготовок для Новолипецкого метзавода; технологическое оборудование доменной печи объемом 500 кубм. для Криворожского метзавода; оборудование двух цехов по изготовлению железнодорожных колес для Выксунского металлургического и Нижнеднепровского трубопрокатного завода; а также шагающий экскаватор с ковшом ёмкостью до 100 кубм. и длинной стрелы 100 м для Назаровского разреза «Красноярскуголь», блюминг «1500» – головной агрегат универсально-балочного стана прокатки широкополочных балок для Нижнетагильского меткомбината. Кроме того, буровые установки с глубиной бурения до 15 км и т. д.⁴. Все это говорит о колоссальном объеме производства данного предприятия.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 79.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 79.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 79.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 80.

Оборудование, изготовленное Уралмашем в девятой пятилетке, обеспечило прирост мощностей в народном хозяйстве: по выплавке чугуна – на 15 млн т; по прокату черных металлов – на 7,5 млн т; по производству слабов методом непрерывной разливки – на 4,2 млн т, а также значительное увеличение добычи железной руды, нефти и газа⁵.

Необходимость комплексного планирования

Имевшим место достижениям коллектив объединения обязан, прежде всего, успешной работе руководства предприятия по проведению реконструкции завода и его филиалов, которая нашла свое отражение в перспективном комплексном плане технического прогресса.

По инициативе партийных органов предприятия и с участием как работников объединения, так и ученых города, был разработан перспективный комплексный план технического прогресса, научной организации труда, производства социального развития коллектива на 1969–1975 гг.

Следующим важным этапом в перспективном планировании явилась разработка технико-экономических соображений на более длительный период, в которой участвовала большая группа специалистов. В результате в декабре 1972 г. на совместном заседании парткома завода и партбюро Уралгипротяжмаша был рассмотрен вопрос «О перспективах развития производственного объединения “Уралмаш” на ближайшие 15–20 лет» и намечены конкретные меры, выполнение которых способствовало бы успешному завершению подготовки плана и формулированию технико-экономических соображений. Предложения о перспективах развития были одобрены вышестоящим директивными органами и правительством СССР⁶.

Практика работы над выполнением перспективного плана показала жизненность и необходимость составления таких планов. В результате проведенной работы на заводе имелся комплексный план на 1976–1980 гг., были разработаны и одобрены технико-экономические соображения по комплексному развитию объединения «Уралмаш» на длительную перспективу – до 1990 г.

Механизм осуществления комплексного планирования

В соответствии с планами работы партком наиболее важные вопросы перспективного развития объединения выносит на обсуждения партийных и хозяйственных органов. В течение пятилетки на совместных заседаниях парткомов Уралмашзавода, треста Уралмашстрой и партбюро Гипромаша регулярно рассматривались вопросы типа «О задачах партийных организаций по дальнейшему наращиванию мощностей производственного объединения “Уралмаш”» согласно постановлению Совета Министров СССР от 30.10.1973 за № 794. К некоторым из них приходилось возвращаться неоднократно, добиваясь принятых решений⁷.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 80.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 81.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 82.

Реализация плана реконструкции Уралмаша на девятую пятилетку

Таким образом, за 1971–1975 гг. на предприятии был осуществлен ряд крупных мероприятий по созданию новых и расширению действующих мощностей. Это: сооружена 40-тонная механизированная поточная формовочная линия в сталелитейном цехе; закончены строительные работы по новому цеху обрубки стального и чугунного литья; построена и пущена в эксплуатацию вторая очередь блока механосборочных цехов № 12 площадью 31 тыс. м; построен и пущен в эксплуатацию цех мелких деталей № 72 в пос. Буланаш Свердловской области; был существенно обновлен парк металлорежущего оборудования, что привело к снижению удельного веса станков, имеющих возраст свыше 20 лет, с 42 % до 35,2 %; в цехе механизации № 57 были созданы и освоены специализированные мощности по выпуску узлов силоуборочных комбайнов; а также построен и сдан в эксплуатацию новый цех по выпуску товаров народного потребления мощностью 5 млн руб. в год; сдан электроремонтный цех площадью 7 тыс. м и закончено строительство комплекса железнодорожных путей УЗТМ – Калиновка⁸.

Для реализации достижений науки и техники в производство были усилены научные подразделения предприятия. Выстроен лабораторный корпус и расширены площади НИИТЯЖМАШа; введена в действие вторая очередь автоматизированной системы управления производством; построено здание информационно-вычислительного центра⁹.

За пятилетний период значительная работа была проделана в области внедрения современной техники и технологии производства, механизации и автоматизации производственных процессов. Все это привело к тому, что в металлургическом производстве выпуск литья с применением ЖСС увеличился на 18,9 тыс. т в год. Создан и освоен комплексно-механизированный участок по изготовлению стержней на основе фурановых смол, в результате чего производительность труда при изготовлении стержней повысилась на 30–40%¹⁰.

Введены в эксплуатацию установка электрогидравлической очистки литья (ЭГОЛ) производительностью 20 тыс. т отливок в год и камера электродуговой строжки литья, позволившие повысить производительность и улучшить условия труда рабочих-обрубщиков. В сварочном производстве дальнейшее развитие получили различные виды сварки на форсированных режимах, внедрено несколько высокопроизводительных разрезательных машин с фотокопировальным устройством и другое прогрессивное оборудование, что позволило повысить уровень механизации сварочных работ с 74,9 до 88 %¹¹.

В механосборочном производстве проводилась замена устаревших станков на высокопроизводительные. Внедрено 99 станков с числовым программным управлением, 60 автоматов и полуавтоматов, 67 специальных и агрегатных станков. Создано 12 комплексно-механизированных линий механической обработки и сборки. Во вспомогательном производстве внедрено 14 механизированных складов из них

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 82.

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 83.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 83.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 83.

5 общезаводских; организована бесперевалочная транспортировка материалов, заготовок и деталей; обновлен подвижной состав на железнодорожном транспорте¹².

Большое количество мероприятий было внедрено по научной организации труда, совершенствованию системы оплаты труда, планирования и управления производством. Так за пять лет внедрено 100 планов НОТ, в том числе 22 цеховых, 6 отдельных и 72 на участках¹³.

Внедрялись мероприятия по улучшению условий труда, технике безопасности, повышению квалификации рабочих. Для улучшения жилищных условий работника объединения построены жилые дома общей площадью 162,7 тыс. кв.м. Кроме того, был введен в эксплуатацию ряд объектов социально-культурного назначения, в т. ч.: два детских комбината на 280 мест; четыре столовые на 330 мест; зимний стадион, троллейбусная линия в поселок Уралмаш, профилакторий «Рассвет» на 100 мест в Талице. По ежегодным комплексным планам технического прогресса внедрено за пятилетку более 6 000 мероприятий, обеспечивающих экономию около 16 млн. руб.¹⁴

Перспективы развития предприятия и комплексного планирования

Большие задачи стояли перед объединением на перспективу. Для народного хозяйства было намечено создание агрегатов большой единичной мощности с увеличением степени их механизации и автоматизации, повышением качества и конкурентоспособности.

Разрабатывался проект крупнейшей в мире агломерационной машины непрерывно-конвейерного типа площадью спекания 600 кв. м и производительностью 6 млн т агломерата в год. Планировалось, что будет совершенствоваться доменное и дробильно-размольное оборудование. Кроме того, среди планов был и такой, что Уралмаш разработает и изготовит загрузочное устройство для домны-гиганта объемом 5500 кубм, которая не имела аналогов по своим параметрам в мире. На смену экскаваторам ЭШ 15/90 придут ЭШ 20/90 с производительностью на 33 % выше. Запланирован выпуск шагающих экскаваторов ЭШ 40/85 производительность которых выше, чем у выпускаемых сейчас ЭШ 15/90 почти в три раза, а относительная материалоемкость на 25 % ниже. Начнут создаваться карьерные экскаваторы с гидравлическим приводом и ковшом до 20 куб м., а также будет осуществлено проектирование и изготовление крупных комплексов УНРС для заводов Азовсталь, Череповецкого метзавода и Запсиба с общей производительностью около 10 млн т. слэбов в год¹⁵.

Среди ближайших задач стояло создание единственного в своем роде агрегата-пресса с усилием 50 тыс. т для горячей штамповки сплошных и полых деталей. Продолжится процесс совершенствования бурового оборудования. Для бурения на море будет изготовлена новая комплексная буровая установка, с помощью которой можно будет бурить скважины на глубину 6 км при глубине моря до 200 м даже в штормовую погоду.

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 83.

¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 84.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 84.

¹⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 85.

В следующей пятилетке предстоит повысить общий качественный уровень выпускаемых машин и оборудования. Согласно заданию Министерства, выпуск продукции с государственным Знаком качества должен составить 30 % от общего объема производимой товарной продукции, тогда как в 1975 г. он составлял 16,1 %¹⁶.

Именно для выполнения подобных задач по росту объемов производства, улучшению качества продукции и экономических показателей работы объединения было необходимо осуществить расширение и реконструкцию производства в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 30 октября 1973 г. № 794 и постановлением ЦК КПСС и Совета Министров от 4 марта 1974 г. № 165.

Характерной особенностью этой реконструкции являлись ее возросшие по сравнению с предыдущими масштабы, сравнительно короткие сроки проведения, а также создание ряда крупных заводов-филиалов в районах области по производству заготовок и отдельных узлов к оборудованию, выпускаемому головным заводом. Это позволит выполнить постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем наращивании мощностей производственного объединения «Уралмаш»¹⁷.

20 января 1977 г. на совместном заседании парткомов был заслушан вопрос «О задачах коллектива Уралмашзавода», треста «Уралмашстрой» и Уралгипромаша по вводу новых мощностей и дальнейшему строительству объектов производственного объединения Уралмаш в 1977 г.¹⁸ Данным постановлением был утвержден штаб, который регулярно проводил свои заседания и рассматривал вопросы хода строительства новых объектов и проведения реконструкции в действующих цехах.

В следующее пятилетие планировалось по Уралмашу ввести в строй мощности по выпуску механоизделий в объеме 55,1 тыс. т в год. Для этого предусмотрено реконструировать и дооборудовать действующие цехи механосборочного производства в блоках № 1, 3, 6, 12. Расширить существующие площадки блока механосборочных цехов № 12 с установкой нового оборудования и вводом мощностей по выпуску механоизделий в объеме 39,5 тыс. т в год¹⁹.

За счет реконструкции блока кузнечнопрессовых цехов № 5 было намечено ввести мощности по производству поковок из слитков в объеме 17,7 тыс. т в год. Намечен ввод новых мощностей по производству стального литья в объеме 2,0 тыс. т в год в сталелитейном цехе в объеме 1,5 тыс. т – за счет строительства нового цеха точного литья²⁰.

Большие работы предстоит выполнить в этой пятилетке по вводу в эксплуатацию первой очереди завода сварных машиностроительных конструкций мощностью 130 тыс. т и в г. Верхняя Пышма. На Буланашском машзаводе будет введен в эксплуатацию новый корпус механосборочного цеха площадью 15 тыс. кв м по выпуску механоизделий в объеме 16,6 тыс. т в год. Расширяется Свердловский завод бурового и металлургического оборудования с вводом мощностей по выпуску механоизделий в объеме 11,85 тыс. т в год²¹.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 86.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 86.

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 86.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 87.

²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 87.

²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 87.

Значительную работу предстояло проделать в области внедрения современной техники и технологий производства, механизации и автоматизации производственных процессов. Так в цехах механосборочного производства объединения намечено установить 112 станков с числовым программным управлением, 167 специальных и агрегатных станков; создать свыше 20 комплексно-механизированных линий и участков²².

В кузнечнопрессовых цехах Уралмаша необходимо было установить 6 единиц нового высокопроизводительного ковочного и штамповочного оборудования. В том числе: ковочный комплекс на базе прессы усилием 4000 тс; автоматизированный ковочный пресс АКП-500; ковочный комплекс на базе прессы с усилием 2500 тс фирмы «Деви-Леви» (Англия) и др. В цехах сварочного производства намечено внедрение 5 газорезательных машин с числовым программным управлением. В литейных цехах организуется производство стержней с применением фурановых смол для выпуска чугунного литья. Общий выпуск стального и чугунного литья с их применением намечено довести до 20 тыс. т в год²³.

Впервые в мировой практике предполагается внедрить высокопроизводительные методы очистки стального литья с применением взрыва генератора, что позволит снизить трудоемкость очистки литья в 2–3 раза. Наряду с расширением и техническим перевооружением промышленного производства в объединении предстоит выполнить большой объем работ по улучшению жилищно-бытовых условий.

Капиталовложения и их объем

Для выполнения предусмотренного объема работ по развитию объединения в 1976–1980 гг. МИНТЯЖМАШем выделялись капитальные вложения на промышленное строительство в сумме 257 млн руб., в том числе 142 млн руб.²⁴ на строительно-монтажные работы.

Для ввода мощностей по объединению, согласно постановлению Совета Министров СССР № 794, в объеме 450 тыс. т механоизделий в год необходимы капитальные вложения в объеме 628 млн руб., в том числе на строительно-монтажные работы – 380 млн. руб.²⁵

Там образом на пятилетку выделено только 40 % необходимых капиталовложений. В этих условиях получить стопроцентную отдачу было невозможно. То есть осознано закладывались условия невыполнения поставленных задач. Вот в чем причина невыполнения планов и проектов, а не отсутствие эффективности. Потому что такая низкая эффективность закладывалась заранее. Кроме того, это приводило к «омертвлению» огромных капиталовложений в виде недостроя.

Недостаток капиталовложений на Уралмаше не позволил ввести в полном объеме предусмотренные к пуску мощности, как по выпуску механоизделий, так и по производству заготовок. Однако, Уралмаш выпускал и заявленную продукцию, особенно на важных с точки зрения государства объектах. Так, только в 1976 г. для

²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 88.

²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 88.

²⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 89.

²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 89.

пусковых объектов страны было изготовлено 66,3 тыс. т оборудования, в том числе металлургического 47,9 тыс. т. Общий выпуск металлургического оборудования, изготовленного на объединении, составил 85,3 тыс. т.²⁶

По плану новой техники было изготовлено: машина непрерывного литья заготовок для завода «Азовсталь»; комплекс обжигового оборудования площадью спекания 520 квм для Михайловского ГОКа, сданного в эксплуатацию.²⁷ Также были вовремя изготовлены буровые установки «Уралмаш-200ДГ-4» И «Уралмаш-200Э-4» для бурения нефтяных и газовых скважин на глубину до 6000 м²⁸.

Выводы

Как указывал секретарь парткома Уралмаша Г. Н. Бушилов в аналитической записке, подписанной 6 мая 1977 г., Объединению необходимо было оказать помощь в реконструкции в следующих вопросах: в обеспечении объединения заготовками (прессовыми поковками и стальным литьем), так как финансирование, выделяемое на пятилетку, не позволяет создать необходимые мощности; в изготовлении нестандартизированного оборудования для реконструкции вновь строящихся объектов и оборудования; в обеспечении материально-технического снабжения Уралмашзавода; в ускорении, разработке и утверждении проектов на реконструкцию и строительство заводов объединения, в частности, в одобрении выделенного на 1979–1980 гг. финансирования на начало строительства завода ЛИП в Невьянске²⁹.

Литература и источники

- Агеев, С., & Бриль, Ю. (2003). *Неизвестный Уралмаш. История и судьбы: 1933–2003*. Екатеринбург: Ур. лит. агентство.
- Енина, Л. В., & Граматчикова, Н. Б. (2021). *Первостроители Уралмаша как перформативный проект: конструирование заводской идентичности*. Екатеринбург, Москва: Кабинетный ученый.
- Запарий, В. В. (2024). О практике долгосрочного планирования развития лесного сектора экономики Свердловской области в 1970-е гг. и на перспективу до 1990 г. *Гуманитарные и политико-правовые исследования*, 2(25), 6–12.
- Запарий, В. В., & Зайцева, Е. В. (2024). Роль областной плановой комиссии в составлении плана восстановления и развития Гродненской области на 1946–1950 гг.: по документам директивных органов. *История и современное мировоззрение*, 6(3), 93–99. <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2024-6-3-93-99>

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 21.02.2025
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0002-3326-4796; e-mail: vvzap@mail.ru

²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 90.

²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 90.

²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 91.

²⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 224. Л. 95.

URALMASH RECONSTRUCTION AS STAGE OF COMPREHENSIVE URALS ECONOMIC DEVELOPMENT PROGRAM AND IMPACT ON OIL AND GAS INDUSTRY IN 1970S

Vladimir V. Zapariy

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The paper states that in the first half of the 1970s, the Uralmash (Ural Heavy Machinery Plant) production association was a large multisectoral industrial and scientific complex for the design and manufacture of high-performance equipment for the metallurgical, mining, oil, gas and some other industries, and the products of the association largely determine the level of technical progress in these leading sectors of the Soviet industry. The author characterizes the need and conditions for the reconstruction of one of the largest machine-building enterprises of the USSR with a comprehensive planning system. The influence of this process, which was actively introduced into the economy of the region and the USSR as a whole during this period, on the reconstruction of the enterprise is considered. It is shown that Uralmash in many ways became a pilot project in the region. The work is written on archival materials introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Uralmash, reconstruction, stage, comprehensive economic development program, metallurgical industry, 1970s.

Acknowledgments: the research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00837.

For citation: Zapariy, V. V. (2025). Uralmash reconstruction as stage of comprehensive Urals economic development program and impact on oil and gas industry in 1970s. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 385–393. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).385-393](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).385-393)

References

- Ageyev, S., & Bril Yu. (2003). *Unknown Uralmash. History and destinies: 1933–2003*. Yekaterinburg: Ur. lit. Agency Publ. (In Russian).
- Enina, L. V., & Gramatchikova N. B. (2021). *The first builders of Uralmash as a performative project: constructing a factory identity*. Yekaterinburg, Moscow: Kabinetnyi uchenyi Publ. (In Russian).
- Zapariy, V. V. (2024). On the practice of long-term planning for the development of the forestry sector of the Sverdlovsk region economy in the 1970s and for the perspective up to 1990. *Gumanitarnyye i politiko-pravovyye issledovaniya*, 2(25), 6–12. (In Russian).
- Zapariy, V. V., & Zaitseva, E. V. (2024). The role of the regional planning commission in preparing a plan for the restoration and development of the Grodno region for 1946–1950: based on the documents of governmental bodies. *History and Modern Perspectives*, 6(3), 93–99. <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2024-6-3-93-99> (In Russian).

First Published
Received 21.02.2025
Accepted 15.03.2025

About the author

Zapariy Vladimir Vasilievich – Dr. Sci. in History, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-3326-4796; e-mail: vvzap@mail.ru

СОСТАВИТЬ «ВЕРНУЮ, ПОЛНУЮ И ОТЧЕТЛИВУЮ КАРТИНУ» ГОСУДАРСТВА: СТАТИСТИКА В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ АКАДЕМИИ НАУК (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

А. Ю. Скрыдлов

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассмотрена роль Императорской Академии наук в развитии статистических исследований и публикации статистических данных о Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв. Основное внимание уделено анализу различных видов академической периодики, в которых публиковались статистические материалы. Отмечено, что первые публикации по статистике-государствоведению начали выходить в научно-популярных изданиях Академии в XVIII в. Институциональное оформление статистических исследований в рамках Академии наук способствовало закреплению этого направления исследований на страницах основных научных изданий. На основе опубликованных источников и архивных документов показано стремление академиков создать специализированный статистический журнал. Сделан вывод о том, что ранние академические издания способствовали возникновению исследовательского интереса к статистике среди столичных чиновников и провинциальных интеллектуалов, признанию ее роли в практике государственного управления. Специальные издания по статистике послужили образцом для ведомственной статистической периодики.

Ключевые слова: Императорская академия наук, история статистики, издания Академии наук, Статистический журнал, А. К. Шторх, К. Ф. Герман, П. И. Кеппен.

Для цитирования: Скрыдлов, А. Ю. (2025). Составить «верную, полную и отчетливую картину» государства: статистика в периодических изданиях Академии наук (XVIII – первая половина XIX в.). *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 394–404. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).394-404](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).394-404)

Начало статистических исследований в России принято датировать первой половиной XVIII в. В это время под статистикой понимали «государствоведение» – особую отрасль знаний, предметом которой был сбор и систематизация т. н. «государственных достопримечательностей». К ним относились разнообразные сведения о физической географии, демографии, политике и экономике, которые могли представлять ценность с точки зрения государственного управления [Скрыдлов, 2021]. Императорская Академия наук стала первым институциональным центром статистических исследований в России и играла важную роль в распространении статистических знаний посредством издательской деятельности.

Несмотря на обширную историографию о первом научном учреждении страны, этот сюжет прежде не становился предметом специальных исследований. Как в обобщающих трудах по истории Академии, так и в специальных работах, посвященных ее издательской деятельности, дана лишь общая характеристика различных рубрик академической периодики [Берков, 1952, с. 72–76; Островитянов, 1958, с. 411–419; Островитянов, 1964, с. 446–454; Валькова, 1997, с. 20–31; Басаргина, 2021, с. 421–427]. В тематических работах по истории статистики деятельность Академии, связанная с публикацией статистических материалов, представлена лапидарно. Внимание исследователей привлекал короткий опыт издания при Академии наук «Статистического журнала» [Святловский, 1906, с. 175–177; Шелестов,

1977; Афанасьев, 1996], однако он рассматривался изолированно и не был помещен в общий контекст развития статистических исследований в Академии. В этом ряду выделяется фундаментальная работа М. В. Птухи, в которой академическим изданиям по статистике посвящен отдельный небольшой параграф [Птуха, 1959, с. 57–59]. Автор кратко охарактеризовал место академических календарей и газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в распространении статистических сведений, сделал акцент на цензурных ограничениях, с которыми сталкивались академики при публикации статистических трудов [Птуха, 1959, с. 58]. За рамками исследования М. В. Птухи остались разделы по статистике в общеакадемических журналах, а также усилия академиков по созданию специального периодического издания по статистике. Таким образом, задача данной статьи – заполнить имеющуюся в историографии лакуну и проанализировать основные виды академической периодики, в которых выходили материалы по статистике-государствоведению.

Академия наук начала публиковать периодические издания с момента своего основания. Первым из них стал ежегодник «*Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*» («Комментарии Петербургской Академии наук»), который на протяжении XVIII в. несколько раз менял название и формат [Берков, 1952, с. 72–76]. Содержание научных сборников Академии соответствовало перечню специальностей, включенных в академический штат. Согласно Регламенту 1747 г. статистика не значилась среди академических дисциплин, соответственно работы по этой специальности здесь не публиковались. Гораздо более широкий спектр тематических рубрик был представлен в научно-популярных изданиях Академии. Наибольшее значение с точки зрения истории статистики имеют публикации в академических календарях и месяцесловах, а также журналах «Примечания на Ведомости» [Невская, 1984; Копелевич, 1984; Богданов, 2000] и «Ежемесячные сочинения» [Готовцева, 2018]. Сначала в этих изданиях выходили различные переводные материалы страноведческого характера, но уже в середине XVIII в. им на смену пришли оригинальные сочинения, которые имели форму топографических описаний различных территорий России. Так, например, среди географо-статистических заметок в «Примечаниях на Ведомости» выделяется статья «О киргис-кайсаках и башкирцах», опубликованная в 1734 г. [О киргис-кейсаках, с. 111–126] Автор обращал внимание на то, «коль еще мало знания по ныне о географии, истории и других обстоятельствах тех восточных народов находится, которые в Северной Азии под Российским державством состоят», [О киргис-кейсаках, с. 111] и старался внести свой вклад в их изучение. В Академических месяцесловах в виде приложений публиковались астрономические, исторические, географические статьи научно-популярного содержания. В статистическом отношении наибольший интерес представляет Географический календарь, который издавался с 1767 г. Так, в первом выпуске географического календаря была помещена статья Л. И. Бакмейстера «Краткая география Российской империи», в которую вошли результаты обработки сведений, полученных благодаря «Академической анкете» Ломоносова [Календарь или месяцеслов географический, с. 49–72]. После объединения Географического и Исторического календарей в 1777 г. на страницах издания начали появляться географо-статистические описания разных частей России, их подготовкой занимались видные академики – А. И. Гильденштедт,

Н. Я. Озерецковский, П. Б. Иноходцев, В. Ф. Зуев. Знаковым явлением российской культуры второй половины XVIII в. стал журнал «Ежемесячные сочинения», который издавался по инициативе Г. Ф. Миллера. По оценке современных исследователей, раздел журнала, посвященный истории, географии и экономике был наиболее емким по содержанию [Готовцева, 2018, с. 105]. Г. Ф. Миллер публиковал здесь собственные исследования о истории и экономике Сибири, постоянным автором журнала стал первый корреспондент Академии наук П. И. Рычков, автор «Топографии Оренбургской губернии». Эта работа содержала подробное описание природы, истории, географии, этнографии и экономики региона. Важное место в журнале Миллера занимали переводы работ иностранных политэкономов.

Реформы начала правления императора Александра I придали мощный импульс развитию статистических исследований в России. Реформа центрального управления, среди прочего, предусматривала открытую публикацию министерских отчетов, которые содержали ценные для науки статистические данные. Смягчение цензурных ограничений способствовало росту интереса к статистическим материалам со стороны частных периодических изданий. По мнению К. Ф. Германа, «с 1802 по 1807 год <...> российская статистика более имела успехов, нежели во всех предыдущих столетиях» [Герман, 1817, с. 74].

Включение статистики в перечень академических дисциплин в 1803 г. способствовало появлению статистических рубрик в общеакадемических научных изданиях. Уже в первом выпуске новой пятой серии академических трудов «Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersburg» (Записки Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге), вышедшем в 1809 г., появился раздел «Section des Sciences politiques». В него вошли две работы А. К. Шторха «Du principe constitutif de la science du Gouvernement» («Об основных принципах науки о государственном управлении») и «Développement du principe de la liberté naturelle ou exposition sommaire de la doctrine de Smith, sur l'objet du Gouvernement, 1re Partie. Des progres naturels de la civilisation» («Развитие принципа естественной свободы и краткое изложение доктрины Смита о цели правительства. Часть 1. О естественном прогрессе цивилизации») и две работы К. Ф. Германа – «Description statistique des lacs salés de la Russie avec un discours préliminaire sur le commerce de sel dans cet Empire» («Статистическое описание соляных озер России с предварительным рассуждением о соляной торговле в сей империи») и «Sur l'état actuel de l'Agriculture en Russie» («О современном состоянии сельского хозяйства в России») [Memoires, 1809, с. 489–730]. В последующих выпусках издания, которое выходило по 1830 г., академики-статистики публиковали по 4–5 мемуаров. Далее, по случаю столетия Академии, последовала реорганизация издания, которое было разделено три выпуска по отраслям знания. Труды по статистике были включены в «Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. Sciences politiques, histoire et philologie» и выходили до 1859 г.

Помимо «Mémoires...» работы академиков-статистиков выходили в «Bulletin scientifique publié par l'Académie impériale des sciences de Saint-Petersbourg» («Ученые известия, издаваемые Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге») – сборнике научных трудов по академическим дисциплинам. Издание выходило с

1836 г. с разной периодичностью в Лейпциге и Санкт-Петербурге на немецком и французском языках. В 1844 г. оно также было разделено по отраслям знаний, и Историко-филологическое отделение Академии, к которому относилась статистика, получило собственный «Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg» (Ученые записки Историко-филологического отделения Академии наук в Санкт-Петербурге).

В начале XIX в. кроме общенаучных изданий при Академии наук начали выходить тематические журналы по различным отраслям знания. Наиболее ярким примером стал выходивший в 1804–1815 гг. «Технологический журнал». Здесь публиковались материалы, «относящихся до технологии, и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению» [Предисловие, 1804, с. 6]. Обязательство Академии издавать Технологический журнал было закреплено в Регламенте 1803 г. Там же главному научному учреждению страны предписывалось «непосредственно обращать труды свои <...> к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художественных источников богатства и силы государств» [Скрябин, с. 63]. В числе разнообразных практико-ориентированных материалов в Технологическом журнале размещались статистические сочинения. Крупнейшее из них – «Описание горных заводов» И. Ф. Германа, выходило частями на протяжении 1808–1811 гг.

Одновременно с началом издания «Технологического журнала» первые академики-статистики выступили с инициативой по организации специализированных изданий в своей отрасли знаний. Первым из них стал А. К. Шторх, который организовал выпуск журнала «Russland unter Alexander I», одновременно в Санкт-Петербурге и Лейпциге. Журнал был рассчитан преимущественно на европейскую аудиторию и печатался на немецком языке. В предисловии к первому выпуску А. К. Шторх писал, что его основная задача – «путем критического обобщения примечательных и интересных фактов дать верный, живой и прогрессивный портрет русской нации, и в качестве наблюдателя следить за великим делом государственного и человеческого просвещения, начатым нынешним императором в столь истинно гуманном духе» [Storch, 1803, с. 3]. В журнале предполагалось размещать материалы, которые могли бы служить «к более близкому и точному познанию России и ее жителей», и характеризовали «государственное управление, торговлю, ремесло, искусства и науки, образование, столичные и важнейшие провинциальные города, характерные особенности местной истории» [Storch, 1803, с. 4]. При этом А. К. Шторх не планировал «соперничать с бесчисленным количеством ежедневных, еженедельных или ежемесячных газет», а планировал достичь своей цели «за счет подлинности и полноты сведений». Он заявлял о намерении «стать летописцем правления Александра», чтобы «собрать для истории памятные события этого счастливого периода» [Storch, 1803, с. 8]. С 1804 по 1811 гг. вышло 27 номеров журнала. Кроме актуальных политических новостей, освещавших масштабные преобразования в области государственного управления, А. К. Шторх публиковал обзоры состояния различных отраслей хозяйства, путей сообщения, описания отдельных частей Российской империи.

Последовав примеру А. К. Шторха, адъюнкт-статистик К. Ф. Герман также приступил к изданию собственного журнала, но уже на русском языке. Его «Статистический журнал» начал выходить «при Академии наук» в Санкт-Петербурге в 1806 г., всего удалось выпустить четыре номера. Издание было нацелено на популяризацию статистических знаний внутри страны. В предуведомлении к первому выпуску редактор отмечал, что учреждение класса статистики в Академии наук и кафедр в университетах указывает на «Высочайшую волю о распространении знаний статистических» [Герман, 1806, с. I–VII]. Исполняя повеление императора, «правительство <...> долженствует купно упражняющимся в том профессорам доставлять нужные сведения», однако «не все статистики могут пользоваться сими сведениями», т.к. они «удалены от источников» [Герман, 1806, с. III]. Журнал, «издаваемый на русском языке статистиком, коему открыты все нужные по его части источники», должен был способствовать распространению статистических знаний [Герман, 1806, с. III]. К. Ф. Герман сознательно отказывался от научно-популярной формы изложения в пользу строго научной: «Как цель сего журнала есть та, чтоб доставить публике что-нибудь полезное, и к наставлению служащее, а не одну забаву для препровождения времени, то нельзя удовольствоваться одним поверхностным обозрением тех предметов, кои приняты будут в рассуждение. <...> Надлежит говорить обо всем подробно и исчерпывать все источники, какие только могут быть открыты. По сей причине читатель, привыкший к одним приятным сочинениям, не должен скучать даже длинными учеными рассуждениями» [Герман, 1806, с. III]. К. Ф. Герман высоко оценивал достоверность доступных ему источников статистических сведений, так как получал их напрямую «от некоторых знаменитых в государстве особ» и извлекал «из министерских бумаг» [Герман, 1806, с. IV].

Круг авторов, которых К. Ф. Герману удалось привлечь к публикации в журнале, был весьма представительным. Наиболее заметные среди них – академик И. Ф. Герман, профессор Педагогического института М. А. Балугьянский, видный специалист «по части коммерции» Ф. Х. Вирст. К. Ф. Герман рассчитывал, что их статьи будут характеризовать «состояние народа: <...> население, народное богатство, просвещение, статистическое описание губерний и достопамятных мест состояние правления: положение оного, образ правления, военные силы, финансы, иностранные отношения, <...> сообщения о новых открытиях и великодержавных подвигах» [Герман, 1806, с. IV].

На практике в «Статистическом журнале» выходили теоретические исследования по политической экономии и статистике, описания отдельных частей империи, а также различных отраслей экономики. За теоретический раздел отвечали К. Ф. Герман и М. А. Балугьянский. Первый опубликовал в журнале начало своей фундаментальной работы «Теория статистики», второй – политэкономическое сочинение «О народном богатстве». Под рубрикой «Материалы для российской статистики» в разных номерах журнала были опубликованы статистические описания Саратовской, Таврической и Ярославской губерний, а также ряд статей по истории и статистике российской армии и флота. В разделах «Иностранная статистика» и «Новые учреждения и открытия» печатались переводные материалы о статистике зарубежных

государств, а также обзоры на значимые события в области статистики, географии, государственного управления.

По сведениям В. В. Святловского, журнал выходил тиражом 175 экземпляров, 50 из которых получало Главное правление училищ [Святловский, 1906, с. 175]. Среди читателей журнала значились как крупнейшие представители управленческой элиты того времени – В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцов, А. С. Строганов, А. С. Шишков, так и служащие средних чинов, купцы, священнослужители, преподаватели гимназий [Имена особ, 1806, с. 265–270]. Разнородный состав подписчиков журнала свидетельствует об интересе к новой отрасли знаний со стороны разных социальных слоев.

Всего за три года К. Ф. Герману удалось выпустить 4 номера «Статистического журнала». К 1808 г. число подписчиков серьезно сократилось. Академия наук не покрывала издательские расходы, и К. Ф. Герман был вынужден прервать работу над журналом. Спустя десятилетие, будучи начальником Статистического отделения Министерства полиции, ученый убедил министра А. Д. Балашева в необходимости возобновления издания «Статистического журнала» уже на базе государственного статистического ведомства. Эта мысль нашла отражение в проекте реформы статистического учреждения, предложенной А. Д. Балашевым в 1817 г., который, однако, не был одобрен Комитетом министров. [Скрыдлов, 2022, с. 47–54]. После реорганизации центральных органов власти административная статистика перешла в ведение МВД, и в 1820 г. К. Ф. Герман обратился к министру В. П. Кочубею с просьбой вернуться к идее издания «Статистического журнала», однако новый министр не поддержал предложения ученого. Несмотря на непродолжительный период существования, «Статистический журнал» вошел в историю отечественной периодики как первое специализированное издание по статистике на русском языке [Шелестов, 1977]. Он способствовал популяризации государственоведения как среди просвещенной бюрократии, так и в общественной среде.

Преемник К. Ф. Германа по академической кафедре П. И. Кеппен по меньшей мере дважды пытался возобновить работу специального издания по статистике при Академии наук. 8 сентября 1841 г. он обратился в Академию с предложением наладить выпуск сборника «Данные о России», который бы выходил по мере накопления и обработки статистических сведений. Сочлены П. И. Кеппена по Академии одобрили проект, однако он так и не был воплощен в жизнь¹. В 1854 г. П. И. Кеппен вновь поставил перед Академией вопрос о периодическом издании по статистике. 10 марта он и К. С. Веселовский направили представление об издании сборника «Статистические материалы для познания России». Документ сохранился в СПбФ АРАН, его содержание ярко характеризует состояние академической статистической периодики в середине XIX в.

Рассуждая о содержании будущего издания, авторы классифицировали все работы по статистике на два вида: «собрание, критическая обработка и обнародование самих данных», представляющих собой первичный эмпирический материал для научных исследований, и собственно исследования – «стройное и прагматичное изображение состояния государства, более или менее обширных частей его, или наконец общественных учреждений, а также исследования отдельных вопросов,

¹ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 443. Л. 7.

относящихся до человека, как члена гражданского общества». Все они в совокупности должны были составить «верную, полную и отчетливую картину, в которой всякая черта имеет свое значение и все явления представлены в их взаимной и разумной связи»².

Академики показывали, что слабая разработанность первичных статистических данных в середине XIX в. все еще заставляла исследователей «при всякой прагматической работе, касающейся России <...> обращаться к собиранию и критическому разбору лишь одних материалов», что вызывало постоянные «остановки и затруднения». Они предлагали Академии заняться изданием первичных статистических данных, которые «весьма много могут содействовать успехам статистики в России». В распоряжении П. И. Кеппена имелись «многочисленные статистические сведения, собранные до сих пор Академией посредством обширной переписки, которую она ведет с разными местами и лицами». Эти материалы «составляют богатый запас данных, которые только ожидают своей очереди появления в свет». Общеакадемические печатные органы не подходили для этих целей, т.к. «в “Мемуарах” и “Бюллетене Академии” и в издании “Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches” помещаются лишь статьи на иностранных языках, тогда как издание многих статистических материалов желательно было бы делать преимущественно на русском языке <...> Помещение статистических материалов в “Ученых записках” может также во многих случаях встретить неудобства, и иногда даже невозможность; в сем издании более уместны статистические исследования и рассуждения, окончательные выводы ученых трудов»³.

П. И. Кеппен и К. С. Веселовский ссылались на удачный европейский опыт, «где на статистику обращено более внимания, чем у нас», и предлагали ориентироваться на периодическое издание Берлинского статистического бюро «Mittheilungen des Statistischen bureau's in Berlin». Они заявляли о готовности взять на себя работу по подготовке сборника «Статистические материалы для познания России», если Академия покроет типографские расходы. Такое издание «представляло бы для занимающихся статистикой ту выгоду, что они находили бы в одном месте все статьи, для них нужные, не увеличивая своих расходов на приобретение изданий, в которых статистические статьи составляют лишь самую малую часть содержания, и где большую часть оного составляют сочинения по предметам, для них посторонним»⁴.

Представление П. И. Кеппена и К. С. Веселовского было рассмотрено на заседании Историко-филологического отделения Академии 24 марта 1854 г., однако его дальнейшая судьба неизвестна. Периодическое издание по статистике при Академии наук так и не было возобновлено. Как и ряд других связанных со статистикой инициатив, проект издания сборника статистических сведений переместился из Академии в Русское географическое общество. Будучи управляющим Отделением статистики, П. И. Кеппен с 1845 г. добивался согласия Совета РГО на организацию периодического издания. В 1851 г., трудами его преемника А. П. Заблоцкого-Десятовского был опубликован первый номер «Сборника статистических сведений о России». В него вошли материалы по статистике внешней и ярмарочной торговли,

² СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 200. Л. 3.

³ Там же. Л. 4 об.–5.

⁴ Там же. Л. 6–7.

денежного обращения и кредита. Всего с 1851 по 1858 гг. удалось издать три выпуска, подготовка четвертого началась, но так и не была завершена [Вальская, 1953, с. 137].

Таким образом, публикация статистических материалов занимало важное место в обширном перечне задач Академии наук, связанных с изучением России. Ранние академические издания способствовали возникновению исследовательского интереса к статистике среди столичных чиновников и провинциальных интеллектуалов, признанию ее роли в практике государственного управления. Специальные периодические издания по статистике, которые выходили усилиями А. К. Шторха и К. Ф. Германа, в дальнейшем послужили образцом для ведомственной статистической периодики.

Литература и источники

- Афанасьев, В. К. (1996). К 190-летию выхода в свет первого номера Статистического журнала в России. *Вопросы статистики*, 8, 69–71.
- Басаргина, Е. Ю. (Ред.). (2021). *Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.: исторические очерки*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Берков, П. Н. (1952). *История русской журналистики XVIII века*. Москва, Ленинград: изд-во Акад. наук СССР.
- Богданов, В. И. (Сост.). (2000). *Сводный реестр публикаций 1728–1742 гг. Санкт-Петербургской Академии наук в журнале «Примечания на “Ведомости”»*. Санкт-Петербург: СПбФ ИИЕТ РАН.
- Валькова, О. А. (1997). Формирование научной периодической печати в России XVIII в. *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1997: материалы конференции* (с. 20–31). Москва: Янус-К.
- Вальская, Б. А. (1953). Первые попытки описания России Географическим обществом. *Вопросы географии. Т. 31: История географических знаний и историческая география СССР* (с. 132–142). Москва: Географиз.
- Герман, К. Ф. (1806). Статистический журнал. *Статистический журнал*, 1(1), I–VII.
- Герман, К. Ф. (1817). *Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского государства*. Санкт-Петербург: печатано при Императорской Академии наук.
- Готовцева, Е. А. (2018). «Сие есть наиболее полезное для российского общества»: журнал «Ежемесячные сочинения» как российский интеграционный просветительский проект середины XVIII века. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Имена особ, благоволивших подписаться на издание сего журнала (1806). *Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом*, 1(2), 265–270.
- Календарь или месяцеслов географический на 1768 год* (1767). Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук.
- Копелевич, Ю. Х. (1984). Забытые страницы «Примечаний на Ведомости». *Наука и культура России XVIII в.: сборник статей* (с. 38–51). Ленинград: ЛБВМИУ.
- Невская, Н. И. (1984). «Примечания на Ведомости» как научный журнал. *Наука и культура России XVIII в.: сборник статей* (с. 5–37). Ленинград: ЛБВМИУ.
- О киргис-кейсаках и башкирцах (1734). *Исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях, изданных при Академии Наук в С.-Петербурге*, 28–31, 111–126.
- Островитянов, К. В. (Ред.). (1958). *История Академии наук СССР: в 3 т. Т. 1: 1724–1803*. Москва, Ленинград: Наука.
- Островитянов, К. В. (Ред.). (1964). *История Академии наук СССР: в 3 т. Т. 2: 1803–1917*. Москва, Ленинград: Наука.
- Предисловие (1804). *Технологический журнал или Собрание сочинений и известий, относящихся до технологии и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению, издаваемое Императорской Академией наук*, 1 (1, 6).

- Птуха, М. В. (1959). *Очерки по истории статистики в СССР. Т. 2: Статистика в Академии наук, ученых обществах и учебных заведениях 1801–1863. Университетская статистика (государствоведение) в России 1801–1845*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Святловский, В. В. (1906). *К истории политической экономии и статистики в России*. Санкт-Петербург: Начало.
- Скрыдлов, А. Ю. (2021). Российская школа государственоведения о предмете и методе статистической науки (конец XVIII — первая половина XIX в.). *Социология науки и технологий*, 12(2), 26–43. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-2-26-43>
- Скрыдлов, А. Ю. (2022). *Административная статистика в дореформенной России 1802–1852*. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений.
- Скрябин, Г. К. (Ред.). (1974). Регламент Академии наук, 1803 год. *Уставы Академии наук СССР* (с. 62–91). Москва: Наука.
- Шелестов, Д. К. (1977). Первый русский научный гуманитарный журнал: к 170-летию издания при Российской Академии наук «Статистического журнала». *Вестник Академии наук СССР*, 5, 109–119. *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg*. (1809). 1, 489–730. St. Pétersbourg : De l'imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences.
- Storch, H. (1803). *Vorerinnerung. Russland unter Alexander dem Ersten: Eine historisch Zeitschrift von Heinrich Storch: um 8 t. T. 1* (pp. 3–8). St.-Petersburg, Leipzig: bei Johann Friedrich Hartknoch.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 25.12.2024
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Скрыдлов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
ORCID 0000-0001-9913-3580; e-mail: askrydlov@gmail.com

TO COMPOSE “TRUE, COMPLETE AND CLEAR PICTURE” OF STATE: STATISTICS IN PERIODICALS BY ACADEMY OF SCIENCES (18TH – FIRST HALF OF 19TH CENTURY)

Andrey Yu. Skrydlov

*St. Petersburg branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

Abstract. The paper explores the pivotal role of the Imperial Academy of Sciences in advancing statistical research and publishing statistical data in the Russian Empire during the 18th century and the first half of the 19th century. It focuses on a detailed analysis of the different types of academic periodicals that included statistical materials. The study highlights that the first publications on statistics, referred to as “state studies,” appeared in the Academy’s popular science periodicals in the 18th century. The institutionalization of statistical research within the Academy further cemented this field’s place in its principal scientific publications. Using published sources and archival documents, the paper examines the ambitious efforts of academicians to establish a dedicated statistical journal. Notably, these early academic publications played a significant role in fostering research interest in statistics among metropolitan officials and provincial intellectuals, as well as in promoting its practical value for state governance. Furthermore, specialized statistical publications created by the Academy served as exemplary models for departmental statistical periodicals, influencing their structure and methodology. The findings underline the Academy’s crucial contribution to the development of Russian statistical science and its integration into both academic and governmental practices.

Keywords: Imperial Academy of Sciences, statistics history, Academic periodicals, Statistical Journal, Heinrich Friedrich von Storch, Carl Theodor Hermann, Peter I. Köppen.

For citation: Skrydlov, A. Yu. (2025). To compose “true, complete, and clear picture” of state: statistics in periodicals by Academy of Sciences (18th – first half of 19th century). *Memoirs of NovSU*, 2(57), 394–404. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).394-404](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).394-404)

References

- Afanasyev, V. K. (1996). To the 190th anniversary of the publication of the first volume of the Statistical journal in Russia. *Bulletin of Statistics*, 8, 69–71. (In Russian).
- Basargina, E. Yu. (Ed.). (2021). *The Imperial Academy of Sciences on the path to renewal, 1801–1855: historical essays*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian).
- Berkov, P. N. (1952). *History of Russian Journalism of the 18th Century*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Bogdanov, V. I. (Comp.). (2000). *Consolidated register of publications of the St. Petersburg Academy of Sciences in the Journal “Notes on the News”, 1728–1742*. St. Petersburg branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology Publ. (In Russian).
- Calendar or Geographical Almanac for 1768* (1767). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Gotovtseva, E. A. (2018). “This is most useful for Russian society”: the journal “Monthly Essays” as a Russian integration and enlightenment project of the mid-18th century. Moscow: YASK Publ. (In Russian).
- Hermann, C. Th. (1806). Statistical journal. *Statistical Journal*, 1(1), I–VII. (In Russian).
- Hermann, C. Th. (1817). *Historical review of statistical literature, particularly of the Russian State*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Kopelevich, Yu. Kh. (1984). Forgotten pages of “Primechaniya na Vedomosti”. *Science and culture of 18th-century Russia: collection of articles* (pp. 38–51). Leningrad: LVVMIU Publ. (In Russian).
- Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg*. (1809). 1, 489–730. St. Pétersbourg : De l'imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences.
- Names of individuals who subscribed to this journal* (1806). *Statistical Journal*, 1(2), 265–270. (In Russian).
- Nevskaya, N. I. (1984). “Notes on News” as a scientific journal. *Science and culture of 18th-century Russia: collection of articles* (pp. 5–37). Leningrad: LVVMIU Publ. (In Russian).
- On the Kirghiz-Kaisaks and Bashkirs (1734). *Historical, genealogical and geographical notes in the “Vedomosti” published at the Academy of Sciences in St. Petersburg*, 28–31, 111–126. (In Russian).
- Ostrovityanov, K. V. (Ed.). (1958). *History of the USSR Academy of Science: in 3 vols. Vol. 1: 1724–1803*. Moscow, Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- Ostrovityanov, K. V. (Ed.). (1964). *History of the USSR Academy of Science: in 3 vols. Vol. 2: 1803–1917*. Moscow, Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- Preface (1804). *Technological journal or collection of works and news related to technology and the application of discoveries made in the sciences to practical use, published by the Imperial Academy of Sciences*, 1 (1, 6). (In Russian).
- Ptukha, M. V. (1959). *Essays on the history of statistics in the USSR. Vol. 2: Statistics in the Academy of Sciences, scientific societies and educational institutions 1801–1863. University statistics (government studies) in Russia 1801–1845*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Shelestov, D. K. (1977). The first Russian scientific humanities journal: on the 170th anniversary of the publication of the “Statistical Journal” by the Russian Academy of Sciences. *Herald of the USSR Academy of Sciences*, 5, 109–119. (In Russian).
- Skryabin, G. K. (Ed.). (1974). Regulations of the Academy of Sciences, 1803. *Charters of the USSR Academy of Sciences* (pp. 62–91). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Skrydlov, A. Yu. (2021). Russian school of Staatswissenschaft on the subject and methods of statistical science. *Sociology of Science and Technology*, 12(2), 26–43. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-2-26-43> (In Russian).
- Skrydlov, A. Yu. (2022). *Departmental statistics in pre-reform Russia, 1802–1852*. St. Petersburg: Association of Higher Educational Institutions Publ. (In Russian).
- Storch, H. (1803). Vorerinnerung. *Russland unter Alexander dem Ersten: Eine historisch Zeitschrift von Heinrich Storch: um 8 t. T. 1* (pp. 3–8). St.-Petersburg, Leipzig: bei Johann Friedrich Hartknoch.

- Svyatlovskiy, V. V. (1906). *On the history of political economy and statistics in Russia*. St. Petersburg: Nachalo Publ. (In Russian).
- Valkova, O. A. (1997). Formation of scientific periodicals in 18th-century Russia. *S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Annual scientific conference, 1997: Proceedings of the conference* (pp. 20–31). Moscow: Yanus-K Publ. (In Russian).
- Valskaya, B. A. (1953). First attempts to describe Russia by the Geographical society. *Geography issues. Vol. 31: The history of geographical knowledge and historical geography of the USSR* (pp. 132–142). Moscow: Geografiz Publ. (In Russian).

First Published
Received 25.12.2024
Accepted 15.03.2025

About the author

Skrydlov Andrey Yuryevich – Cand. Sci. in History, Head of the Sector, Leading Researcher, St. Petersburg branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. ORCID 0000-0001-9913-3580; e-mail: askrydlov@gmail.com

ОБЩЕСТВО ГРАЖДАНСКИХ ИНЖЕНЕРОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Е. Ф. Синельникова

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье анализируется деятельность Общества гражданских инженеров в первые годы советской власти – 1917–1922 гг. Этот период в истории данного научного общества до настоящего времени остается практически безызвестным. Поэтому важное значение приобретает обращение к документам общества, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, которые и легли в основу настоящей статьи. Автор приходит к выводу, что Общество гражданских инженеров в первые послереволюционные годы организовывало и проводило заседания правления и общие собрания, на которых заслушивались и обсуждались научные доклады, продолжало работу над своим журналом, а также его члены по приглашению государственных органов выступали в качестве экспертов по вопросам строительства. К сожалению, после 1922 г. сведений об этом обществе пока обнаружить не удалось, но остается надежда на дальнейший архивный поиск.

Ключевые слова: история науки, наука в России, научные общества, инженерная профессия, деятельность ученых, научно-исследовательская работа, архивные источники.

Для цитирования: Синельникова, Е. Ф. (2025). Общество гражданских инженеров в первые годы советской власти. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 405–415. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).405-415](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).405-415)

Научные общества в истории российской науки традиционно служили важной дискуссионной площадкой, обеспечивая быстрый обмен идеями и актуальной профессиональной информацией, давая возможность ученым представить свои важнейшие открытия и изобретения как научному сообществу, так и широкой общественной аудитории. Особое место в системе этих научных организаций по праву принадлежит научно-техническим обществам, которые сыграли важную роль в развитии фундаментальной науки и инженерного дела в России. Первые такие объединения ученых, инженеров, конструкторов и организаторов промышленности появились на волне либеральных реформ 1860–1870-х гг. в условиях стремительного роста различных отраслей промышленности и экономики. В 1866 г. специалисты в области строительства, железнодорожного и горного дел, судостроения, металлургии и энергетики образовали одно из самых крупных и известных научных обществ в истории отечественной науки – Русское техническое общество. Затем были созданы Общество по распространению технических знаний в Москве (1868), Общество распространения технических знаний в Москве (1870), Политехническое общество при Московском техническом училище (1877) и др. Эти научные общества способствовали формированию научно-технической интеллигенции, которая становилась значимым актором модернизационных преобразований в стране. Научно-технические общества организовывали и проводили конференции, съезды, печатали свои научные труды и выпускали журналы, а также проводили конкурсы проектов.

Однако свертывание реформ и усиление реакционных тенденций во внутренней политике в 1880-е гг. замедлили процесс создания новых научных

обществ, в том числе технического профиля. Но уже на рубеже веков эти трудности были преодолены, и рост числа подобных организаций возобновился. Одним из научных обществ, созданных в этот период, было Общество гражданских инженеров, торжественное открытие которого состоялось 17 декабря 1894 г. в Петербурге. Согласно его уставу он было учреждается с целью «поддержания духовной связи и товарищеского общения между лицами, окончившими Институт Гражданских Инженеров Императора Николая I, на почве научной и практической деятельности в области их специальности и взаимопомощи во всех ее разнообразных проявлениях» [Устав, 1894, с. 1].

На момент начала деятельности в Обществе гражданских инженеров состояло 120 членов, а через 5 лет их было уже 550 [Краткий отчет о деятельности, 1900, с. 3]. Первым председателем стал известный архитектор Николай Всеволодович Дмитриев (1856 – после 1936). В состав Совета Общества гражданских инженеров входили крупнейшие российские инженеры и архитекторы (Л. В. Шмеллинг, Г. В. Барановский, А. А. Курганович, М. Ф. Гейслер, А. Г. Голубков, А. И. Зазерский, В. В. Николая, Д. К. Пруссак, Б. К. Правдзик, М. М. Перетяткович, Э. Г. Перримонд, С. П. Галензовский, А. И. Клейн, С. С. Кричинский и др.). Общество вело работу не только в Петербурге, но имело и иногородние группы: Варшавскую, Воронежскую, Житомирскую, Кавказскую, Киевскую, Курскую, Московскую, Нижегородскую, Одесскую, Оренбургско-Турайскую, Подольскую [Отчет Общества гражданских инженеров, 1903, с. 59–62].

Первоначально Общество проводило свои заседания в помещении Технического строительного комитета Министерства внутренних дел, а затем в здании Института гражданских инженеров (2-я Рота, 4)¹. Однако сразу же члены общества ощутили неудобство от отсутствия собственного помещения. С 1897 г. начались поиски средств на постройку собственного здания. Цели удалось достичь, когда из 67 человек было создано товарищество на паях для сбора средств и постройки дома для общества. Уже в 1902 г. Общество гражданских инженеров разместилось в собственном здании по Серпуховской улице, д. 10. Важно, что на торжественном открытии нового здания секретарем общества В. И. Пясецким был прочитан краткий очерк истории общества, а председатель общества Н. В. Дмитриев «познакомил собравшихся с историей строительства здания», а также выступили представители Института гражданских инженеров и Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов, и были зачитаны телеграммы, «полученные не только из провинции, но и из некоторых мест за границей» [Дом Общества гражданских инженеров, 1902, с. 475].

Основной формой деятельности, как и для других научно-технических обществ, являлось проведение заседаний, на которых заслушивались и обсуждались доклады по проблемам инженерно-технического обеспечения, внедрения новых строительных материалов и технологий. Информация о проходивших в обществе собраниях с кратким изложением докладов нередко публиковалась на страницах журнала «Зодчий».

Общество организовывало ежегодные конкурсы архитектурных и инженерных проектов с награждением медалями за лучшие работы, а также проводило выставки. В частности, в 1908 г. обществом была организована Международная строительно-

¹ В настоящее время Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (СПбГАСУ) (2-я Красноармейская улица, д. 4).

художественная выставка, проходившая в Новой Деревне [Международная строительная художественная выставка, 1908], а в 1909 г. Международная выставка благоустройства городов и курортов [Международная выставка благоустройства, 1909]. Кроме того, общество вело активную издательскую работу: публиковало отчеты о своей деятельности, которых в период с 1898 по 1909 г. было выпущено 12 томов; в 1895–1909 гг. издавался журнал «Известия Общества гражданских инженеров» под редакцией архитектора Павла Михайловича Макарова (1872–1922); «Архитектурный ежегодник», единственный выпуск которого за 1906 г. был выпущен в 1907 г. также под редакцией П. М. Макарова; а также «Краткий отчет о деятельности общества за пятилетие 1894–1899 гг.» (1900).

Проведение выставок подорвало бюджет общества, и оно было закрыто в 1909 г. [Комарова, 1985, с. 110]. Тем не менее Общество гражданских инженеров возобновило деятельность в августе 1914 г. [Отчет секретаря о деятельности, 1916, с. 1], к тому времени членами общества состояло 108 человек². Во время Первой мировой войны обществом были опубликованы отдельными изданиями его устав (1914) и отчет секретаря общества о его деятельности в 1914–1915 гг. (1916).

Из-за сложной экономической и политической ситуации в стране, вызванной войной и революционными событиями 1917 г., многие научные общества приняли решение о самороспуске, другие же организации временно приостановили свою деятельность. Остальные научные общества, несмотря на все трудности, продолжали функционировать и в первые послереволюционные годы.

Общество гражданских инженеров относилось именно к последней категории. К сожалению, история его деятельности в этот период остается практически безызвестной. Более того, в различных публикациях ошибочно указывается, что оно прекратило свою деятельность в 1917 г. [Общество гражданских инженеров, 2015; Справочник научных обществ, 2025; Алексеев, 2025], другие же авторы вообще не упоминают о деятельности общества в послереволюционный период [Кириченко, 1967, с. 28–30; Хазанова, 1967; Комарова, 1985]. Тем не менее в фондах органов власти и управления в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (СПбФ ИИЕТ РАН) хранятся документы этого научного общества, свидетельствующие о его работе в 1917–1922 гг. Обращение к этим архивным источникам позволяет реконструировать основные направления деятельности Общества гражданских инженеров в первые годы советской власти, рассмотреть финансовые и бытовые аспекты его функционирования, проанализировать его взаимоотношения с центральной и местной властью, восстановить канву событий его внутренней жизни.

В основе научно-технической политики, проводившейся большевиками после прихода к власти, лежал принцип технократизма. Главные задачи реорганизации промышленности и экономики были намечены В. И. Лениным уже в апреле 1918 г. в «Наброске плана научно-технических работ». В реализации сформулированной в этом документе программы деятельности всех «научно-технических сил страны» ключевые роли должны были сыграть ученые и инженеры. Поддержка и внимание государства к их работе выражались, в том числе, и в усиленном финансировании. Однако, учитывая,

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 120.

что научные общества были формой самоорганизации ученых, не все из них могли рассчитывать на это. В первые послереволюционные годы субсидировались только те организации, чья деятельность представлялась органам власти и управления «целесообразной», и именно технические и инженерные общества стояли на первом месте по значимости для государственного строительства.

Закономерно, что Общество гражданских инженеров оказалось в числе тех объединений, которые регулярно получали государственное финансирование. Начиная с июля 1918 г. Наркомпросом, а впоследствии его местными органами, выделялись ассигнования научным обществам в соответствии с представленным ими проектам смет по полугодиям. Так, на первое полугодие 1919 г. Обществу гражданских инженеров была назначена субсидия в размере 40 тыс. руб.³, на второе полугодие 1919 г. было выделено уже 75 850 руб.⁴ Однако нельзя забывать, что шла Гражданская война, большевиками проводилась политика «военного коммунизма», что сопровождалось падением реальной покупательной способности рубля. Конечно, необходимо учитывать также, что галопирующий рост цен на основные продукты практически полностью обесценивал выделяемые государством субсидии, которые поступали с большими задержками. Как отмечается в «Пояснительной записке и сведениях о фактически полученных и израсходованных суммах с 1 января по 1 мая 1919 г.», из-за неполучения причитающейся субсидии вовремя общество «не только не имело возможности привести в жизнь полностью намеченные мероприятия, но было поставлено в необходимость задержать уплату жалования имеющимся служащим»⁵. Отметим, что вся деятельность ученых в обществах проходила на безвозмездной основе, и только несколько человек получали заработную плату, чаще всего библиотекари, курьеры, делопроизводители или секретари. Общество гражданских инженеров оплачивало жалование 5 штатным единицам. В частности, в первом полугодии 1919 г. месячный оклад казначея общества составлял 200 руб., секретаря – 500 руб., а делопроизводителя – 850 руб.⁶ Во втором же полугодии размер окладов значительно повысился и выросло число штатных единиц: в месяц казначей стал получать 500 руб., секретарь – 1 тыс. руб., библиотекарь – 500 руб., делопроизводитель – 1200 руб., сторож – 750 руб.⁷ Важно, что жалование секретарю, библиотекарю и казначею было назначено правлением общества, принимая во внимание, что эта работа для членов общества была «побочным занятием»⁸.

Кроме того, сметы зачастую подвергались серьезной корректировке со стороны власти, в первую очередь сокращалось число оплачиваемых штатных сотрудников. В частности, при рассмотрении сметы Общества гражданских инженеров на первое полугодие 1920 г. Подотделом ученых учреждений и высших учебных заведений Петроградского управления научных и научно-художественных учреждений отмечалось, что «не находит оснований к содержанию Обществом за счет казны

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.А-2306. Оп. 19. Д. 132. Л. 2 об.

⁴ ЦГА СПб. Ф.Р-2555. Оп. 1. Д. 184. Л. 13

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 13.

большого штата, чем одного секретаря или делопроизводителя, библиотекаря, и отдельного рассыльного, почему сделав распоряжение об оплате ведомости за март с[его] г[ода] полностью, впредь будет оплачивать только содержание лишь указанных выше служащих»⁹. Таким образом с апреля 1920 г. «штат служащих» Общества гражданских инженеров составлял только три человека, что усложняло его канцелярскую работу. Правление общества при обращении в Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений Академического центра в декабре 1920 г. отмечало, что оно вследствие «сокращения штатов служащих» «постоянно бывает затруднено срочными исполнением специальных работ», а поэтому оно лишено возможности своевременно предоставлять запрашиваемые Отделом статистические сведения¹⁰. Однако в таком же положении находились и другие научные общества, функционировавшие в Петрограде и получавшие государственные субсидии в эти годы. В частности, у Русского общества любителей мироведения только библиотекарь и «правитель дел» получали жалование в 1921 г.¹¹. Бесспорным лидером по количеству оплачиваемых штатных единиц в первые послереволюционные годы оставалось Русское географическое общество, которое в 1922 г. имело 15 таких сотрудников¹². Нужно также отметить, что штатные единицы «пользовались льготными трамвайными билетами, талонами на электрическое освещение и другими правами советских служащих»¹³.

Тем не менее, бюджет Общества гражданских инженеров складывался не только из государственных ассигнований, он также дополнялся членскими взносами и средствами от продажи выпусков журнала «Известия Общества гражданских инженеров»¹⁴.

Кроме того, обществом была предпринята попытка поправить свое материальное благосостояние. Так в 1920 г. состоялось открытие при Обществе гражданских инженеров мастерской для приема и выполнения технических заданий, которая приступила к приему и выполнению заказов¹⁵.

Расходовались средства в первую очередь на организацию заседаний и хозяйственные нужды: наем помещения, его отопление и освещение, телефон, канцелярские и почтовые расходы, печатание повесток, текущий ремонт и приобретение необходимого инвентаря, пополнение библиотеки. Кроме того, в 1919 г. был приобретен рататор – аппарат для размножения документов, использовавшийся, в первую очередь, для получения необходимого количества повесток на собрания общества, которые распространялись среди его членов¹⁶.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 22.

¹¹ Там же. Д. 355. Л. 8.

¹² ГА РФ. Ф.А-2307. Оп. 2. Д. 148. Л. 114 об.

¹³ ЦГА СПб. Ф.Р-2555. Оп. 1. Д. 595. Л. 231 об.

¹⁴ Там же. Д. 184. Л. 18.

¹⁵ Там же. Л. 27.

¹⁶ Там же. Л. 18.

Значительных расходов также требовала издательская деятельность научной организации. В сметах указывалось, что стоимость работ по изданию журнала «Известия Общества гражданских инженеров» составляла в каждом полугодии 20 тыс. руб.¹⁷.

Одной из основных форм деятельности научных обществ было заслушивание и обсуждение докладов и научных сообщений на заседаниях. Общество гражданских инженеров достаточно активно развивало эту форму своей работы. Так, в 1919 г. состоялось 10 общих собраний и 23 заседаний правления. Однако не все запланированные доклады были представлены на собраниях. В годовом отчете за 1919 г. отмечалось, что некоторые из них были перенесены на следующий год, «в виду ряда неблагоприятных условий для осуществления и желательного успеха докладов»¹⁸.

В 1920 г. было проведено 12 заседаний правления и 9 общих собраний, на которых были заслушали следующие доклады: Л. В. Шмеллинг «Об учреждении Института экспериментальной техники», Г. К. Космачевский «Вопросы организации строительных работ», А. А. Алексеев «О профессиональном образовании строительных рабочих», Л. В. Шмерлинг «По вопросу об основных условиях, которым должны отвечать поселки-сады»¹⁹. Как видно из приведенного списка тематика выступлений была более чем актуальна в новых социально-экономических и политических условиях. Однако, как и в предыдущий год, ряд докладов не состоялся «вследствие холода и отсутствия света» – печальная примета научного быта послереволюционного Петрограда.

На собраниях также рассматривались научно-организационные вопросы, касающиеся, в частности, изменений уставных документов, и поступавшие от различных учреждений предложения. Например, в 1920 г. общество получило запрос от Лекторского бюро внешкольного подотдела о чтении лекций по вопросам науки, искусства и общественной жизни²⁰.

Кроме того, довольно распространенной общей практикой в эти годы было приглашение правительственными органами представителей научных обществ в качестве экспертов в различные комитеты и комиссии. Общество гражданских инженеров выступало консультантом в целом ряде мероприятий, связанных со строительством в Петрограде: «Общество принимало участие в рассмотрении программ и порядка объявления конкурса на Народный дом, объявленного Народным Петергофским Совдепом и конкурсе Первого Государственного Крематория»²¹, а также «в объявлении конкурсов на составление проектов планировки и постройки поселков для рабочих и служащих Северо-Западной железной дороги и участие в экспертизе вновь произведенных построек на канатной фабрике»²². Представители общества также были направлены для участия в работе Межведомственного совещания по просьбе Комитета государственных сооружений²³.

¹⁷ Там же. Л. 13, 18.

¹⁸ Там же. Л. 24.

¹⁹ Там же. Д. 184. Л. 27.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 24.

²² Там же. Л. 27.

²³ Там же.

Помимо этого, на общих собраниях происходили выборы новых членов, что обеспечивало устойчивый рост общего числа членов общества (табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности членов Общества гражданских инженеров в 1917–1921 гг.²⁴

годы	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Число членов Общества гражданских инженеров	176	207	264	274	278

Однако, несмотря на рост членов общества, тяжелые условия сказались на посещаемости его собраний и заседаний (табл. 2).

Таблица 2. Динамика средней посещаемости собраний и заседаний Общества гражданских инженеров в 1914–1921 гг.²⁵

годы	1914 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Средняя посещаемость собраний и заседаний Общества гражданских инженеров	41	18	17	11	9	11

Как видно из приведенных в таблице данных, снижение посещаемости происходило постепенно, а по сравнению с дореволюционным периодом посещаемость заседания общества в 1918–1918 г. сократилась в два раза, в последующие годы практически в четыре раза.

Сведения о динамике численности своего состава и посещаемости в первые послереволюционные годы были направлены руководством Общества гражданских инженеров по запросу Комитета по устройству выставки Петроградского отдела народного образования, которую планировали провести в 1921 г. [См.: Синельникова, 2024]. Участие большинства научных учреждений и организаций выражалось в представлении различных плакатов, схем, графиков, периодических изданий и книг, фотографий, карт, диаграмм и т. п. Общество гражданских инженеров также предполагало для выставки представить один «большого размера» плакат, который должен был представлять основные результаты деятельности общества за период с 1914 по 1921 г.²⁶

Перед научными обществами в первые послереволюционные годы помимо финансовых и хозяйственных трудностей очень остро стояла также проблема легитимации их деятельности. Всем общественным организациям необходимо было пройти регистрацию в советских административных органах, для чего нужно было представить свой устав. Вследствие отсутствия каких-либо типовых уставов научных

²⁴ Там же. Д. 272. Л. 120.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 119.

обществ вплоть до 1923 г., общества зачастую подавали свои еще дореволюционные уставные документы для регистрации, не внося в них принципиальных изменений.

Общество гражданских инженеров также отправило на регистрацию свой устав 1914 г. В экземпляр устава, напечатанный типографским способом в 1914 г., были «от руки» внесены некоторые правки: «Российская империя» была заменена на «Российскую республику»; из раздела «Средства общества» вычеркнули пункт о процентах на капиталы общества и доходы от движимого и недвижимого имущества общества; а также был вычеркнут параграф о праве общества приобретать недвижимую собственность²⁷. Примечательно, что без каких-либо правок был оставлен § 15 устава, в котором излагался довольно своеобразный способ формирования Правления общества. Правление, состоявшее из 10 членов общества, избиралось сроком на три года, при этом ежегодно из его состава выбывала «одна треть членов первые два года по жребию, а затем по старшинству избрания»²⁸. Определенная уставным документом процедура обновления состава руководящего органа общества была весьма оригинальна и не встречалась в уставах других научных обществ, то есть была вполне оригинальным измышлением Общества гражданских инженеров.

В итоге, устав общества был утвержден Подотделом гражданских дел Отдела управления Губисполкома 10 февраля 1920 г., и Общество гражданских инженеров было внесено в реестр обществ и союзов под № 124²⁹.

Однако уже в августе 1921 г. общество направило свой устав повторно для перерегистрации в Подотдел гражданских дел в Отдел управления Губисполкома³⁰. Заключение об обществе, полученное в установленном порядке от Петроградского губернского отдела народного образования в январе 1922 г., гласило, что «учредители известны, как представители данной специальности, преследующие достижимые при настоящих политико-экономических условиях цели»³¹. К сожалению, после 1922 г. сведений об Обществе гражданских инженеров обнаружить не удалось. Возможно, это было обусловлено отказом актива общества от дальнейших усилий по прохождению процедуры перерегистрации, особенно учитывая, что в августе 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР было принято постановление «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними». После его публикации началась масштабная кампания по перерегистрации обществ, которую советская власть использовала как предлог для упорядочения и очищения системы общественных организаций от нежелательных организаций. Кроме того, принудительная высылка представителей интеллигенции на «философских пароходах» осенью 1922 г. также повлияла на решение некоторых научных обществ отказаться от прохождения очередной перерегистрации.

Тем не менее в Москве было создано Всероссийское общество гражданских инженеров, устав которого был утверждён НКВД дел 29 марта 1927 г. Согласно уставу, новое общество имело целью «объединение инженеров, работающих в области

²⁷ Там же. Д. 184. Л. 31, 32 об., 35 об.

²⁸ Там же. Л. 33-33 об.

²⁹ Там же. Ф.Р-1001. Оп. 6. Д. 16. Л. 9 об.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Там же. Ф.Р-1001. Оп. 6. Д. 1. Л. 17.

гражданского, коммунального и промышленного строительства на почве практической и научно-технической деятельности и распространение технических знаний в области гражданского, коммунального, промышленного и сельского строительства», а районом деятельности являлась территория РСФСР [Устав, 1927, с. 459–460]. Примечательно, что создание этого общества обсуждалось на самом высоком государственном уровне в Совнаркоме РСФСР, НКВД, ЦК ВКП(б), Госплане и Наркомпросе³². Первым председателем Всероссийского общества гражданских инженеров стал известный специалист по промышленной архитектуре, член-корреспондент Академии архитектуры СССР Лео Акселевич Серк (1882–1954). В 1928 г. общество совместно с Всероссийским Центральным союзом потребительских обществ провело открытый конкурс проектов дома Центросоюза в г. Москве, а также по поручению Правления акционерного общества «Совторгфлот» конкурс проектов дома для Северной главной конторы «Совторгфлота» в г. Архангельске, а в 1929 г. по поручению Уфимского горсовета общество провело конкурс проектов жилого каменного дома в г. Уфе и по поручению «Зернотреста» конкурс на составление проекта типовой центральной усадьбы совхозов «Зернотреста». Таким образом эти конкурсы продолжали традицию, заложенную Обществом гражданских инженеров в дореволюционный период своего существования.

К сожалению, выявить прямую связь с прежним Обществом гражданских инженеров или преемственность между двумя организациями не удалось. Будем надеяться на дальнейшие архивные поиски. Но в целом можно отметить, что Общество гражданских инженеров, до революции много сделавшее для развития инженерного дела в строительной отрасли, и в самые тяжелые в экономическом отношении первые послереволюционные годы продолжало свою деятельность, проводило заседания, на которых заслушивались и обсуждались научные доклады на актуальные для того времени темы, участвовало в различных мероприятиях и конкурсах проектов, организовывало лекции, продолжало работу над своим журналом, а его представители выступали в качестве экспертов по приглашению различных ведомств по вопросам строительства и инженерной деятельности.

Литература и источники

- Алексеев, А. А. (2025). Общество гражданских инженеров. *Санкт-Петербург: энциклопедия: сайт*. URL: <https://encspb.ru/object/2855708911?lc=ru> (дата обращения: 20.01.2025)
- Дом Общества гражданских инженеров (1902). *Зодчий: журнал архитектурный и художественно-технический*, 42, 474–475.
- Кириченко, Е. И. (1967). От первого съезда русских зодчих до Великой Октябрьской Социалистической революции (1892–1917 гг.). *100 лет общественных архитектурных организаций в СССР. 1867–1967* (с. 28–30). Москва.
- Комарова, И. И. (1985). Архитектурные общества России во второй половине XIX – начале XX вв. *Архитектура СССР*, 5, 108–110.
- Краткий отчет о деятельности Общества за пятилетие 1894–1899 гг.* (1900). Санкт-Петербург: Типография Э. Арнгольда.
- Международная выставка благоустройства городов и курортов, устраиваемая Обществом гражданских инженеров в С.-Петербурге на двух берегах Большой Невки с 26 апреля по 1 сентября 1909 года: правила о выставке*. Санкт-Петербург: Тип. журн. «Строитель».

³² ГА РФ. Ф.А-259. Оп. 40 сч. Д. 428.

- Международная строительная художественная выставка (1908). *Зодчий: журнал архитектурный и художественно-технический*, 30, 271–272.
- Общество гражданских инженеров (2015). *Цифровая библиотека: сайт Политехнического музея*. URL: <https://lib.polytech.one/communities/79?ysclid=m5ll196j3844734917> (дата обращения: 20.01.2025).
- Отчет Общества гражданских инженеров за 1902 г.* (1903). Санкт-Петербург: Тип. журн. «Строитель».
- Отчет секретаря о деятельности Общества гражданских инженеров за 1914 и 1915 гг.* (1916). Петроград.
- Синельникова, Е. Ф. (2024). Научные общества Петрограда в 1917–1920 гг. (по материалам выставки Петроградского отдела народного образования 1921 г.). *Социология науки и технологий*, 3, 107–122. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-3-107-122>
- Справочник научных обществ России* (2025). *Элементы. Каталог «Наука в РУНЕТЕ»: сайт*. URL: http://www.snor.ru/index-m=articles&an=sc_251.html (дата обращения: 20.01.2025).
- Устав Всероссийского общества гражданских инженеров (1927). *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, издаваемое Народным комиссариатом юстиции*. Москва: Народный комиссариат юстиции, № 50. Отдел II, ст. 118, 459–465.
- Устав общества взаимного вспоможения гражданских инженеров под названием «Общество гражданских инженеров»*. Утв. 14 окт. 1894 г. (1894). Санкт-Петербург.
- Хазанова, В. Э. (1967). От Великой Октябрьской Социалистической революции до создания Союза советских архитекторов (1917–1932 гг.). *100 лет общественных архитектурных организаций в СССР. 1867–1967* (с. 32–55). Москва.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 03.02.2025
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Синельникова Елена Федоровна – кандидат исторических наук, заместитель директора, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
ORCID: 0000-0001-9789-4538; e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

CIVIL ENGINEERS SOCIETY IN FIRST YEARS OF SOVIET POWER

Elena F. Sinelnikova

*St. Petersburg branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

Abstract. The paper analyzes the activities of the Civil Engineers Society in the first years of Soviet power (1917–1922). This period in the history of this scientific society remains unknown to this day. In this regard, it is important to refer to the documents of the society stored in the State Archives of the Russian Federation and the Central State Archives of St. Petersburg. The study is based on these archival documents. The author has concluded that the Civil Engineers Society in the first post-revolutionary years organized and held board meetings and general meetings, at which scientific speeches were delivered and discussed, continued to work on its journal, and its members, at the invitation of government agencies, acted as experts on construction issues. Unfortunately, after 1922, no information about the society has yet been found, but there is hope for the success of further archival research.

Keywords: science history, Russian science, scientific societies, engineering, scientist activities, research work, archival sources.

For citation: Sinelnikova, E. F. (2025). Civil engineers society in first years of Soviet power. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 405–415. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).405-415](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).405-415)

References

- Alekseyev, A. A. (2025). Society of civil engineers. *Encyclopedia of St. Petersburg*. URL: <https://encspb.ru/object/2855708911?lc=ru> (accessed: 20.01.2025). (In Russian).
- Brief report on the activities of the Society for the five years 1894–1899* (1900). St. Petersburg: E. Arngold Typography. (In Russian).
- Charter of the All-Russian Society of civil engineers (1927). *Collection of laws and regulations of the workers' and peasants' government of the Russian Socialist Federative Soviet Republic, issued by the People's Commissariat of Justice*. Moscow: People's Commissariat of Justice, No. 50. Section II, articles 118, 459–465. (In Russian).
- Charter of the society of mutual assistance of civil engineers under the name "Society of Civil Engineers"*. Approved on October 14, 1894 (1894). St. Petersburg.
- Directory of scientific societies of Russia (2025). *Elements. Catalog "Science in RUNET"*. URL: http://www.snor.ru/index-m=articles&an=sc_251 (accessed: 20.01.2025). (In Russian).
- House of the Society of civil engineers (1902). *Zodchiy = The Architect*, 42, 474–475. (In Russian).
- International Building Art Exhibition (1908). *Zodchiy = The Architect*, 30, 271–272 (In Russian).
- Khazanova, V. E. (1967). From the Great October Socialist Revolution to the creation of the Union of Soviet architects (1917–1932). *100 years of public architectural organizations in the USSR. 1867–1967* (pp. 32–55). Moscow. (In Russian).
- Kirichenko, E. I. (1967). From the first congress of Russian architects to the Great October Socialist Revolution (1892–1917). *100 years of public architectural organizations in the USSR. 1867–1967* (pp. 28–30). Moscow. (In Russian).
- Komarova, I. I. (1985). Architectural societies of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Architecture of the USSR*, 5, 108–110. (In Russian).
- Report of the Society of civil engineers for 1902* (1903). St. Petersburg: 'Stroitel' Journal Typography. (In Russian).
- Secretary's report on the activities of the Society of civil engineers for 1914 and 1915* (1916). Petrograd. (In Russian).
- Sinelnikova, E. F. (2024). Scientific societies of Petrograd in 1917–1920 (based on the materials of the exhibition of the Petrograd Department of Public Education in 1921). *Sociology of Science and Technology*, 3, 107–122. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-3-107-122> (In Russian).
- Society of civil engineers (2015). *Digital Library: Polytechnic Museum*. URL: <https://lib.polytech.one/communities/79?ysclid=m5ll196j3844734917> (accessed: 20.01.2025). (In Russian).
- The International exhibition of urban and resort improvement, organized by the Society of civil engineers in St. Petersburg on the two banks of the Bolshaya Nevka River from April 26 to September 1, 1909: rules of the exhibition*. St. Petersburg: 'Stroitel' Journal Typography. (In Russian).

First Published
Received 03.02.2025
Accepted 15.03.2025

About the author

Sinelnikova Elena Fedorovna – Cand. Sci. in History, Deputy Director, St. Petersburg branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russia.
ORCID: 0000-0001-9789-4538; e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СТАНОВЛЕНИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ (1945–1950)

Е. М. Артемьев

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается формирование системы высшего образования в Северной Корее с момента освобождения страны от японского колониального господства в августе 1945 г. до начала Корейской войны 25 июня 1950 г. Автор ставит задачу проанализировать влияние, которое на данный процесс оказывало сотрудничество Северной Кореи с Советским Союзом, и установить формы сотрудничества двух стран в образовательной сфере. В исследовании анализируются северокорейские публикации 1950-х – начала 1960-х гг., посвященные истории образования в стране, а также работы современных российских и южнокорейских историков. Поставленная задача раскрывается посредством рассмотрения отдельных аспектов сотрудничества СССР и Северной Кореи в образовательной сфере: обучение в СССР северокорейских студентов, отправка в Северную Корею советских специалистов, активное изучение северокорейскими преподавателями и студентами русского языка, заимствование северокорейской системой образования отдельных аспектов образовательной системы СССР. В заключительной части статьи оцениваются результаты, достигнутые Северной Кореей в сфере образования за рассматриваемый период, и делается вывод, что одним из важнейших факторов, который способствовал их достижению, было сотрудничество с Советским Союзом.

Ключевые слова: Северная Корея, СССР, высшее образование, Университет им. Ким Ирсена, 1940-е гг.

Для цитирования: Артемьев, Е. М. (2025). Роль Советского Союза в становлении системы высшего образования в Северной Корее (1945–1950). *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 416–425. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).416-425](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).416-425)

После того как в августе 1945 г. территория Корейского полуострова была освобождена от продолжавшегося 35 лет (1910–1945) японского колониального господства, в истории страны наступил новый этап. В двух частях Кореи – северной, занятой армией Советского Союза, и южной, занятой войсками США – начались процессы, которые в конечном итоге привели к созданию двух независимых государств, претендующих на право называться единственной легитимной властью на территории всего полуострова. Колоссальные изменения коснулись всех сторон жизни общества, в том числе и сферы образования, как на Севере, так и на Юге.

В Северной Корее на момент освобождения страны ситуация в сфере образования складывалась крайне тяжелая. Критически не хватало квалифицированных кадров. Сразу после освобождения страны во всей Корее было около 200 научно-технических специалистов, имеющих высшее образование, из них на территорию Севера приходилось всего около 20 человек. В 1946 г. численность технических специалистов и квалифицированных рабочих в Северной Корее не превышала 500 и 3000 человек соответственно, из них большинство имели образование не выше средней школы [Ли, Ким, 2001].

Причины столь серьезного недостатка квалифицированных научно-технических кадров кроются в диспропорциях системы образования, выстроенной японскими властями в Корее в колониальные годы. Особое внимание в образовательном процессе уделялось тем навыкам, которые бы позволили корейцам успешно справляться с

функцией малоквалифицированной рабочей силы. Практически не преподавались ни считавшиеся более престижными гуманитарные дисциплины, ни технические предметы на сколько-нибудь продвинутом уровне. Сама по себе образовательная система имела дискриминационный характер – японские студенты имели больше возможностей получить качественное образование, чем корейские [Lee, 1989].

Единственным высшим учебным заведением в Корее в колониальные годы был открытый в 1924 г. Кёнсонский (Кёнсон – название Сеула в колониальные годы) императорский университет, но и в нем число студентов-корейцев было ограничено 12 % от общего числа обучающихся для естественнонаучных специальностей и 37 % для гуманитарных и общественных дисциплин [Hong, 1970]. Результаты данной политики, а также трудности войны плачевно сказались на уровне образования корейцев.

В подготовленной советской стороной после освобождения сводке о состоянии дел в Северной Корее ситуация характеризовалась следующим образом: «В горной, текстильной, пищевой, бумажной и других отраслях промышленности широко применялся труд подростков 16, 14 и даже 12 лет. Все это приводило к тому, что большая часть рабочих, особенно в горной, текстильной и пищевой промышленности была неграмотна или малограмотна. <...> За годы войны шло снижение образовательного уровня. К 1945 г. неграмотность населения достигла 40 %. На всю Северную Корею было 1199 начальных и 36 средних школ. Техникумов и высших учебных заведений совсем не было»¹.

Власти Северной Кореи с самого начала уделяли вопросам развития образования и науки самое пристальное внимание. 8 февраля 1946 г. был образован Временный народный комитет Северной Кореи – орган власти, координировавший все преобразования в северной части страны, возглавил его Ким Ирсен [Курбанов, 2009]. 23 марта комитетом была принята «Политическая программа из 20 пунктов», посвященная первоочередным вопросам государственного строительства. Пункт 16 данной программы гласил: «Реализуя систему всеобщего обязательного образования, повсеместно организовать начальные и средние школы, профессиональные училища, университеты. Реформировать систему народного образования в соответствии с демократической системой государства» [Ким, 1992]. В программной речи «О ряде задач, стоящих перед сферой образования» Ким Ирсен подчеркивал прямую связь образовательной системы с успехом в деле государственного строительства, говоря о невозможности построения сильного, демократического и независимого государства и процветания корейского народа без развития в стране образования [Ким, 1992].

Важнейшей задачей, стоявшей перед северокорейским руководством, была организация системы университетского образования. Решался этот вопрос стремительными темпами: 29 мая 1946 был образован Комитет по подготовке создания университета, 8 июля принято решение об образовании университета, а уже 1 октября, несмотря на недостаток материально-технического обеспечения, а также сильнейшую нехватку кадров – как профессорско-преподавательского состава, имевшего опыт преподавания, так и абитуриентов, имевших достаточные знания для обучения в вузе – Университет имени Ким Ирсена был открыт [Ким, 1996]. Университет первоначально состоял из 7 факультетов – инженерного, сельскохозяйственного,

¹ АВП РФ (б.д.). Ф. 0102. Оп. 3. Папка 6. Д. 23. Л. 2.

медицинского, гуманитарного, физико-математического, железнодорожного, юридического; для обучения было набрано 1610 студентов [10 лет развития, 1955, с. 38]. В это же время были открыты педагогические институты в Пхеньяне и Чхочжине, а также медицинский институт в Хамхыне [История образования, 1963].

С момента основания Университет имени Ким Ирсена и северокорейская образовательная система в целом испытывали сильнейшее влияние Советского Союза. Об этом, например, свидетельствует выпущенное в 1956 г. издание, посвященное десятилетию Университета имени Ким Ирсена, где прямо говорится о том, что университет возник при непосредственной поддержке советской армии и советского народа, развивался благодаря широкомасштабным обменам и помощи со стороны братских Советского Союза и Китая, а предоставленные через главный штаб советских войск учебные программы советских университетов, учебные пособия и материалы стали для учебного заведения «колоссальной помощью». Еще одним подтверждением данного тезиса могут служить данные публикаций в различных журналах, издаваемых в 1950-е гг. северокорейскими научно-техническими организациями. Например, в издании «Промышленные знания» (кор. 공업지식), выпускавшемся Союзом промышленных технологий Северной Кореи, вышел целый ряд статей, где высоко оценивался уровень развития науки и технологий в СССР, рассказывалось о том, как Советский Союз стал ведущей научной державой. В журнале «Естественные науки» (кор. 자연과학), где публиковались главным образом ученые, занятые в инженерно-технической области, выходили статьи, посвященные жизни советских ученых, переводились их научные статьи и сообщения о результатах исследований [Чон и др., 2017].

Фактически сотрудничество СССР и КНДР в образовательной области началось сразу после освобождения Кореи, но формальные рамки для него были заданы после официального провозглашения независимого северокорейского государства. По инициативе Ким Ирсена и первого посла СССР в КНДР Т. Ф. Штыкова 18 февраля 1948 г. Министерство высшего образования СССР подготовило постановление о помощи Северной Корее в области образования и научных исследований. В рамках реализации этого постановления в 1948 г. северокорейским университетам было выделено 1,5 млн рублей наличными, предоставлено лабораторное оборудование и транспорт. Кроме того, в северокорейские университеты были направлены 31 профессор и 11 переводчиков по 23 специальностям [Чон и др., 2017].

9 сентября 1948 г. было провозглашено образование в северной части Корейского полуострова Корейской Народно-Демократической Республики, а в октябре 1948 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и КНДР. 3–20 марта 1949 г. Советский Союз посетила северокорейская делегация во главе с Ким Ирсеном. В ходе данного визита 19 марта 1949 г. было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР. Стороны договаривались в том числе о том, что «будут всемерно развивать и укреплять установившиеся отношения между ними в области культуры, науки и искусства» (статья 3), а также «будут содействовать обмену между обеими странами опытом в области промышленности и сельскохозяйственного производства путем посылки специалистов, оказания технической помощи, организации выставок, обмена

образцами семян и растений, а также иными способами» [Отношения Советского Союза, 1981]. Таким образом, научно-техническое сотрудничество между СССР и Северной Кореей впервые было нормативно оформлено. В рамках состоявшихся также в ходе данного визита переговоров с советским руководством Ким Ирсен озвучил И. В. Сталину ряд просьб, касающихся расширения взаимодействия в сферах науки и образования: отправка советских ученых в северокорейские университеты для чтения лекций, прием на обучение в СССР северокорейских студентов, а также прохождение северокорейскими специалистами стажировок в Советском Союзе, предоставление Северной Корее советских учебных программ и материалов, расширение обмена в области культуры и искусства. И действительно, в этом же году в Университет имени Ким Ирсена были направлены советские ученые, читавшие лекции по самым разнообразным предметам: марксизм-ленинизм, диалектический материализм, русский язык, мировая история, политическая экономия, география, химия, биология, физика, математика и др. (после начала 25 июня 1950 г. Корейской войны все советские преподаватели вернулись в СССР) [Чон и др., 2017].

Делегации северокорейских врачей, преподавателей, научно-технических работников активно направлялись на краткосрочные командировки в учреждения образования и науки Советского Союза начиная со второй половины 1946 г., задолго до того, как Ким Ирсен обсуждал данный вопрос со Сталиным. В 1946 г. также началось обучение северокорейских студентов в советских вузах. 27 июля 1946 г. было принято постановление Совета Министров СССР, согласно которому в вузы Советского Союза было разрешено принять 300 граждан Северной Кореи. 299 приехавших северокорейских студентов распределили по 11 городам. Самые большие группы находились в Свердловске (145 чел.), Томске (87 чел.), Иркутске (20 чел.). Остальные студенты были распределены в Москву, Ленинград, Казань, Одессу, Киев, Ташкент, Алма-Ату, Днепропетровск [Сон, 2017, с. 66–69]. К 1948 г. в советских вузах прошли обучение 440 студентов из Северной Кореи [10 лет развития, 1955].

В июне 1948 г. было подписано соглашение между Министерством высшего образования СССР и Временным народным комитетом Северной Кореи об обучении корейских студентов и аспирантов в высших гражданских учебных заведениях СССР. На основании этого соглашения Министерством высшего образования СССР предоставлялась ежегодная квота для обучения студентов из Северной Кореи: 120 мест для студентов и 20 мест для аспирантов [10 лет развития, 1955]. К 1950 г. число северокорейских студентов и аспирантов в вузах СССР достигло 702 человек [Чон и др., 2017].

Подготовка северокорейских кадров шла не только в вузах Советского Союза, но и в учебных заведениях самой Северной Кореи, помощь в организации которых оказывал СССР. Начиная с 1945 г. советские специалисты играли колоссальную роль во всех сферах жизни Северной Кореи, образование и подготовка национальных кадров не стали исключением. Особо среди специалистов, направлявшихся в КНДР, можно выделить советских корейцев. Главным образом это были преподаватели и партийные работники низшего и среднего звена, отобранные из многочисленной корейской диаспоры Средней Азии. Отмечается, что в целом они имели хорошее образование, значительные технические познания, обширный опыт управленческой работы.

Это были, как правило, представители второго или третьего поколения корейских иммигрантов в России, которые обрусели в культурном отношении [Ланьков, 2009].

Советские корейцы, отправлявшиеся на работу в Северную Корею, проходили жесткий отбор, работали над повышением квалификации, чтобы иметь возможность работать в стране. Так, например, в 1947 г. при Ташкентском педагогическом институте были организованы курсы подготовки преподавателей русского языка для корейских школ, на которых с 1 января по 1 июля 1947 г. обучались 46 слушателей. К концу 1940-х гг. в КНДР работали 400–500 советских корейцев, по большей части – специалисты в технической и административной сфере [Сон, 2015], многие из них заняли ответственные должности в северокорейской системе образования.

Так, например, Пак Ир (Петр Александрович Пак), который до отъезда в Корею был старшим преподавателем основ марксизма-ленинизма в Казахском государственном университете им. С. М. Кирова, был назначен проректором Университета им. Ким Ирсена. Фактически именно он осуществлял руководство учебным заведением (ректор Ким Дубон выполнял, скорее, номинальную функцию) до декабря 1947 г., когда его отозвали назад в СССР, по всей видимости, в результате доноса [Селиванов, 2018]. Нам Ир (Яков Петрович Нам), который до направления в Северную Корею работал преподавателем и административным работником в Казахской и Узбекской ССР, стал заведующим отделом департамента кадрового образования Временного народного комитета Северной Кореи (а после образования КНДР в сентябре 1948 г. – заместителем министра просвещения) [Селиванов, 2016].

В числе других советских корейцев–работников сферы образования можно упомянуть, например, работавших в министерстве просвещения: Пак Ёнбин – заместитель министра просвещения, Ким Дон-юн – директор департамента высшего образования, Чон Тхэсон – директор издательского департамента, Пак Токхван – директор департамента начального образования; занятых в образовательных учреждениях: Хо Ик – ректор Пхеньянского педагогического института, Мён Вольбон – заведующий кафедрой русского языка и литературы в Университете им. Ким Ирсена, Ким Хаён – заведующий ректор Педагогического университета Синьчжу, Ли Чжынвон – проректор Вонсанского педагогического института, Чон Чжонмун – профессор русского языка Вонсанского педагогического института, Ким Ёнсу – проректор Вонсанского сельскохозяйственного института, Пак Хёнсик – директор Центральной школы подготовки кадров, Чан Чжуик – заведующий кафедрой педагогики Центральной партийной школы [Чон и др., 2017]. Занимая высокие должности в северокорейской системе образования, советские корейцы с одной стороны были представителями советской образовательной и административной системы, а с другой – владели корейским языком, что позволяло им выступать проводниками советского влияния в северокорейском образовании.

С учетом ориентации северокорейского государства на сотрудничество с СССР, повсеместное внедрение изучения русского языка было наряду с организацией преподавания научно-технических специальностей одной из задач, которую руководство страны стремилось решить в числе первоочередных. На протяжении колониального периода японские власти в Корее проводили политику ассимиляции корейского народа, особенно ужесточившуюся с конца 1930-х гг., поэтому

неудивительно, что основным иностранным языком для корейцев после освобождения страны был японский, также изучался английский. Русский язык до 1945 г. в Корее практически не изучался, так как интерес к нему мог восприниматься как возможное проявление симпатий к коммунистическим идеям, что вызывало подозрение. С учетом того, что теперь в составлении образовательных программ активно участвовали советники из СССР, учебная литература поставлялась Советским Союзом, а специалисты и студенты из Северной Кореи стажировались и проходили обучение в советских учебных заведениях, владение русским языком для северокорейцев тех лет действительно было крайне важным.

С 1947 г. в технических училищах Северной Кореи все занятия по изучению английского языка были заменены русским. В феврале 1948 г. в Северную Корею было направлено почти 100 преподавателей русского языка, которые начали работу в вузах Пхеньяна. По данным северокорейских источников, если в 1947 г. доля преподавателей в Университете имени Ким Ирсена, которые вели занятия при помощи пособий на русском языке, составляла 30 %, то к 1949 г. она выросла до 90 % [10 лет развития, 1955].

Южнокорейский исследователь Ким Тхэюн высказывает мнение о том, что данные цифры сильно преувеличены [Ким, 2018], однако сам факт их публикации говорит о том, сколь важным считалось в то время владение русским языком в северокорейском образовательном сообществе. Более реалистичной выглядит статистика, полученная на основании анализа личных дел преподавателей Хыннамского и Пхеньянского инженерных институтов по состоянию на декабрь 1949 г., согласно которой наибольшее число сотрудников в качестве иностранного языка владело японским (86 %), на втором месте был английский (74 %) и только затем русский язык (44 %), при этом речь идет о базовом уровне владения языком [Ким, 2018].

Советское влияние распространялось не только на учебные программы и язык преподавания в северокорейских учебных заведениях, но и на то, как образование было организовано.

В числе отличительных черт советской системы образования, которые были перенесены на корейскую почву, можно упомянуть кружки, организованные в университетах и профессионально-технических училищах Северной Кореи и призванные способствовать популяризации науки и техники среди учащихся. Интересно, что даже само слово «кружок» в Северной Корее было заимствованием из русского языка (кор. 크루쇼크, кхырусёкхы) [Организация и функционирование, 1959]. В каждом северокорейском университете были организованы кружки, в которых студенты занимались литературой, искусством, спортом и т. д. Посредством кружковой деятельности студенты вовлекались в общественно-политическую жизнь страны. Так, например, студенты литературного кружка Университета им. Ким Ирсена 9 сентября 1948 г., в день образования КНДР, выступили с театральной постановкой и танцевальным номером на первом заседании Верховного народного собрания, а в январе того же года выступили на русском языке на прощальном мероприятии по случаю вывода из КНДР советских войск [10 лет развития, 1955].

Советское влияние в северокорейском образовании прослеживается и в другом процессе. В 1948 г., следуя советской тенденции в образовании, когда из классического

университета факультеты выделялись в отдельные институты, инженерный и железнодорожный факультеты были преобразованы в отдельный Пхеньянский политехнический институт (с 1951 г. – Политехнический институт имени Ким Чхэка, с 1988 г. – Политехнический университет имени Ким Чхэка, по настоящее время является ведущим техническим вузом КНДР), сельскохозяйственный факультет стал Саривонским сельскохозяйственным институтом, медицинский факультет стал Пхеньянским медицинским институтом [Чон и др., 2017].

В целом с провозглашением 9 сентября 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики образовательная система Северной Кореи стала развиваться еще более активно. Если до сентября 1948 г. в Северной Корее было 6 высших учебных заведений, то с сентября 1948 по 1949 их число увеличилось до 15. Помимо трех уже упомянутых вузов в этот период были основаны Вонсанский сельскохозяйственный институт (1 сентября 1948 г.), Чхончжинский медицинский институт (1 сентября 1948 г.), Хечжусский педагогический институт (5 октября 1948 г.), Вонсанский педагогический институт (15 октября 1949 г.), Пхеньянский институт русского языка (15 ноября 1949 г.), Государственный музыкальный институт (1 марта 1949 г.), Государственный институт искусств (16 сентября 1949 г.) [Чон и др. 2017].

За 5 лет, которые прошли с момента освобождения Корейского полуострова от японского колониализма в 1945 г., северокорейские власти добились впечатляющих успехов в области высшего образования. В колониальный период в северной части корейского полуострова не было ни одного университета, а число научно-технических специалистов, имеющих высшее образование, во всей Северной Корее на момент освобождения оценивалось в 20 человек, а к 1949 г. в КНДР было уже 15 полноценных высших учебных заведений, 3 вечерних института и 5 заочных институтов, где в общей сложности обучались более 18 тыс. студентов. В 69 профессиональных технических училищах обучалось 40 тыс. студентов, а еще 20 тыс. получали образование заочно или без отрыва от производства [10 лет развития, 1955].

Столь значительные успехи не были бы возможны без колоссальной поддержки, которую северокорейскому образованию оказывал Советский Союз, направляя в страну специалистов, преподавателей и переводчиков, предоставляя материально-техническую помощь учебным заведениям страны, принимая на обучение студентов из Северной Кореи и способствуя закреплению в образовательной сфере КНДР передовых советских практик.

Литература и источники

- 10 лет развития народного образования в Республике после освобождения* (1955). Пхеньян: Издательство «Библиотека образования». 해방후 10년간의공화국인민교육의발전. 평양: 교육도서출판사.
- История образования в Корее* (1963). Токио: Библиотека учащегося. 조선교육사. 東京: 학우서방.
- Ким, Г. (1996). Формирование системы образования в разделенном государстве после освобождения, 1945–1948: на примере Сеульского государственного университета и Университета имени Ким Ирсена. *Сборник статей Педагогического факультета Сеульского государственного университета*, 53, 1–20. 김기석. 해방후분단국가교육체제의형성, 1945–1948: 국립서울대학교와김일성종합대학의등장을중심으로. 서울大學校師大論叢, 第53集, 1–20.

- Ким, И. (1992). *Полное собрание сочинений Ким Ирсена: в 100 т. Т. 3: январь – июнь 1946*. Пхеньян: Издательство Трудовой партии Кореи. 김일성전집, 3 (1946.1–1946.6). 평양: 조선로동당출판사.
- Ким, Т. (2018). Основание и формирование системы учреждений научно-технического образования в Северной Корее сразу после освобождения (1945–1950). *Объединение и мир*, 10(2), 115–155.
- 김태윤. 해방직후북한의과학기술교육기관설립과체제형성 (1945–1950). 통일과평화. 10집 2호, 115–155.
- Курбанов, С. О. (2009). *История Кореи: с древности до начала XXI в.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Ланьков, А. Н. (2009). *Август, 1956 год: кризис в Северной Корее*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Ли, Ч., & Ким, Г. (2001). *Государственная система организации исследований и система подготовки научно-технических кадров в Северной Корее*. Сеул: Институт научно-технической политики.
- 이춘근, 김계수. 북한의국가연구개발체제와과학기술인력양성체제. 서울, 과학기술정책연구원.
- Организация и функционирование в школах кружков плавания и мореплавания* (1959). Пхеньян: Издательство «Библиотека образования». 학교에서의해양및수영크루쇼크조직과운영. 평양: 교육도서출판사.
- Отношения Советского Союза с народной Кореей, 1945–1980* (1981): документы и материалы. Москва: Наука.
- Селиванов, И. Н. (2016). Нам Ир (1913–1976): основные вехи биографии (по материалам российских архивов). *Корё сарам: записки о корейцах: сайт*. URL: <https://koryo-saram.site/nam-ir-1913-1976-osnovnye-vehi-biografii-po-materialam-rossijskih-arhivov/> (дата обращения: 15.05.2024).
- Селиванов, И. Н. (2018). Петр Александрович Пак-Ир: человек, личность, ученый. *Корё сарам: записки о корейцах: сайт*. URL: <https://koryo-saram.site/petr-aleksandrovich-pak-ir-chelovek-lichnost-uchenyj/> (дата обращения: 15.05.2024).
- Сон, Ж. Г. (2015). Советские корейцы в Северной Корее в 1946–1948 годах. *Корея: 70 лет после освобождения*. Москва: ИДВ РАН.
- Сон, Ж. Г. (2017). Интернациональная помощь СССР Северной Корее в области образования (1946–1948). *Историческая и социально-образовательная мысль*, 9(1/2), 65–72. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-65-72>
- Чон, Г., Ким, Ю., & Лим, С. (2017). Перенимание Северной Кореей [опыта создания] советской модели университета и ее трансформация. *Обзор Азии = Asian Survey*, 7(1), 109–150. 정근식, 김윤애, 임수진. 북한에서소련형대학모델의이식과희석. 아시아리뷰, 제7권제1호, 109–150. <https://doi.org/0.24987/SNUACAR.2017.7.1.109>
- Hong, Y. (1970). Japanese colonial policy in action. *Korea Journal*, 10(10), 7–9.
- Lee, S. (1989). The emergence of the modern university in Korea. *Higher Education*, 18(1), 87–116. <https://doi.org/10.1007/BF00138962>

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 10.02.2025
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Артемьев Егор Максимович – аспирант, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
ORCID: 0009-0008-3710-0378; e-mail: artemyev93@gmail.com

SOVIET UNION'S ROLE IN NORTH-KOREAN HIGHER-EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT (1945–1950)

Egor M. Artemyev

*St. Petersburg branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

Abstract. The paper examines the formation of the higher education system in North Korea from the moment of the country's liberation from Japanese colonial rule in August 1945 until the beginning of the Korean War on June 25, 1950. The author sets the task of analyzing the influence that cooperation between North Korea and the Soviet Union had on this process and identifying the forms of cooperation between the two countries in the educational sphere. The study analyzes North Korean publications of the 1950s – early 1960s devoted to the history of education in the country, as well as the works of modern Russian and South Korean historians. The task is accomplished by examining individual aspects of cooperation between the USSR and North Korea in the educational sphere: training of North Korean students in the USSR, sending Soviet specialists to North Korea, active study of the Russian language by North Korean teachers and students, borrowing of individual aspects of the educational system of the USSR by the North Korean education system. The final part of the article evaluates the results achieved by North Korea in the field of education during the reviewed period and concludes that one of the most important factors that contributed to their achievement was their cooperation with the Soviet Union.

Keywords: North Korea, USSR, higher education, Kim Il Sung University, 1940s.

For citation: Artemyev, E. M. (2025). Soviet Union's role in North-Korean higher-education system development (1945–1950). *Memoirs of NovSU*, 2(57), 416–425. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).416-425](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).416-425)

References

- Development of people's education in the Republic in ten years after liberation* (1955). Pyongyang: Education Books Publ. (In Korean).
- History of education in Korea* (1963). Tokyo: Hagusōbang. (In Korean).
- Hong, Y. (1970). Japanese colonial policy in action. *Korea Journal*, 10(10), 7–9.
- Jung, K., Kim, Y., & Lim, S. (2017). Transplantation and dilution of the Soviet type university model in North Korea. *Asia Review*, 7(1), 109–150. (In Korean).
- Kim, I. (1992). *The complete works of Kim Irsen: in 100 vols. Vol. 3: January – June 1946*. Pyongyang: Workers Party of Korea Publ. (In Korean).
- Kim, K. (1996). The formation of divided education system in Korea after liberation, 1945–1948: the rise of Seoul National University and Kim Il-Song University. *The SNU Journal of Education Research*, 53, 1–20. (In Korean).
- Kim, T. (2018). The formation process and characteristics of North Korea's science and technology education system right after liberation (1945–1950). *Journal of Peace and Unification Studies*, 10(2), 115–155. (In Korean).
- Kurbanov, S. O. (2009). *History of Korea: from Antiquity to beginning of the 21st Century*. St. Petersburg University Publ. (In Russian).
- Lankov, A. N. (2009). *August, 1956: Crisis in North Korea*. Rosspen Publ. (In Russian).
- Lee, Ch., & Kim, K. (2001). *The national R&D system and S&T human resources training system in North Korea*. Seoul Science and Technology Policy Institute Publ. (In Korean).
- Lee, S. (1989). The emergence of the modern university in Korea. *Higher Education*, 18(1), 87–116.
- Organizing and operation marine and swimming student clubs in schools* (1959). Pyongyang: Education Books Publ. (In Korean).
- Selivanov, I. N. (2016). *Nam Il (1913–1976): main milestones of the biography (based on materials from Russian archives)*. URL: <https://koryo-saram.site/nam-ir-1913-1976-osnovnye-vehi-biografii-po-materialam-rossijskih-arhivov/> (accessed: 15.05.2024). (In Russian).

- Selivanov, I. N. (2018). *Petr Aleksandrovich Pak-Ir: man, personality, scientist*. URL: <https://koryosaram.site/nam-ir-1913-1976-osnovnye-vehi-biografii-po-materialam-rossijskih-arhivov/> (accessed: 15.05.2024).
- Son, Zh. G. (2017). International cooperation of the USSR and North Korea in the field of education (1946–1948). *Historical and Social-Educational Idea*, 9(1/2), 65–72. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-65-72> (In Russian).
- Son, Zh. G. (2015). *Soviet Koreans in North Korea in 1946–1948. Korea: 70 years after liberation*. Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- The Soviet Union's relations with People's Korea, 1945–1980. Documents and materials* (1981). Nauka Publ. (In Russian).

First Published
Received 10.02.2025
Accepted 15.03.2025

About the author

Artemyev Egor Maksimovich – PhD student, St. Petersburg branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russia.
ORCID: 0009-0008-3710-0378; e-mail: artemyev93@gmail.com

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ СОЗДАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ

В. Е. Замальдинов

*Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Нижний Новгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается интернет-коммуникация как пространство, в котором создаются новые лексические единицы. Анализируются словообразовательные неологизмы, созданные с помощью префиксации. Новообразования отражают общественные реалии, используются для негативной характеристики денотата. Демонстрируются суффиксальные неологические единицы. Для их образования адресант достаточно часто употребляет антропонимы в качестве производящих слов. Суффиксальные номинации участвуют в создании политического портрета, обеспечивают интерес адресата. Выделяются словообразовательные неологизмы аффиксоидного типа. Неологические единицы, как правило, используются автором публицистического текста для выражения оценки. Описываются сложные словообразовательные неологизмы. Композиты обладают оценочностью, которая поддерживается семантикой мотивирующего слова. Выявляются неологизмы неузурального происхождения. Устанавливается, что востребованы в интернет-коммуникации междусловное наложение и графическая гибридизация. Новые лексические единицы побуждают объект воздействия читать текст внимательно. Проведены структурно-семантический анализ, словообразовательный анализ, прагматический анализ. Результаты исследования могут представлять интерес для филологов и журналистов.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, словообразовательные неологизмы, оценочность, русский язык, способы словообразования.

Для цитирования: Замальдинов, В. Е. (2025). Интернет-коммуникация как пространство для создания словообразовательных неологизмов. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 426–435. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).426-435](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).426-435)

К числу бурно развивающихся форм русской речи относится интернет-коммуникация. Под ней мы понимаем полифункциональное общение в электронной среде. Именно в интернет-коммуникации находят свое яркое воплощение следующие основные тенденции: усиление диалогичности, усиление коллоквиализации общения, экспрессивизация и огрубление речи и др. Как отмечают исследователи, «переход общения в виртуальную реальность коренным образом изменил отношение носителей языка к его нормам» [Сиротинина, Дегальцева, 2023, с. 72].

Современная интернет-коммуникация обладает большими возможностями для создания словообразовательных неологизмов (новообразований). Новые лексические единицы служат свидетельством культурных перемен, выходят за пределы интернет-пространства и начинают употребляться в средствах массовой информации (СМИ) (см., например: [Герасименко, Сальников, 2022; Дедова, Григорьева, 2018; Замальдинов, 2022; Замальдинов, Хоригути, 2021; Ильясова, Болотова, 2022; Радбиль и др., 2022]).

Цель работы – дать структурно-семантическое описание новообразований, зафиксированных в интернет-коммуникации.

Специфика новообразований в интернет-коммуникации вызывает пристальный интерес у исследователей. Так, М. В. Иванова, Н. И. Клушина и Н. В. Смирнова делают обзор современных направлений изучения лингвокреативности в российской науке

[Иванова и др. 2024]. Н. Н. Кошкарлова анализирует лексический состав русского языка с точки зрения отражения ценностных приоритетов носителей языка [Кошкарлова, 2021]. В. В. Катермина и С. Х. Липириди рассматривают образный потенциал английского неографического дискурса [Катермина, Липириди, 2024]. Однако некоторые вопросы остаются недостаточно исследованными.

Новые лексические единицы в интернет-коммуникации создаются узуальными и неузуальными (оказиональными) способами. Под узуальными способами понимаются способы деривации без нарушения существующих в языке законов. Узуальным словам противостоят окказионализмы. При их создании адресант сознательно нарушает законы построения соответствующих общезыковых единиц.

Основными узуальными способами создания новообразований являются префиксация, суффиксация, аффиксоидация, сложение. При приставочном способе префикс присоединяется к производящему слову. Наиболее распространен в интернет-коммуникации греческий префикс *анти-* с семантикой противоположности и отрицания. Приведем примеры: «Неизвестные в Киеве расклеили **анти-Зеленские** листовки» (заголовок)¹ [здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранена. – В. З.]; «Сирийские повстанцы или про-турецкие террористы или **анти-асадовские** бандиты, выбирайте на свой вкус, вошли в Алеппо»²; «А возможно нас хотят втянуть в историю “**анти-Трампа**”, построить площадку, с которой это демшиза, клан Пинчука, Кучмы, соросята, вся вот эта публика будут атаковать Трампа <...>»³. Новообразования-существительные и новообразования-прилагательные с приставкой *анти-* достаточно часто создаются на базе одушевленных имен собственных. Новые лексические единицы способствуют скрытому формированию негативного образа политического лидера в массовом сознании.

Продуктивны в интернет-коммуникации новые лексические единицы с приставкой *псевдо-* со значением неистинности. Данный префикс активно присоединяется к основам одушевленных существительных и используется адресантом для создания негативно-оценочных наименований лиц по роду деятельности. Проиллюстрируем сказанное: «Одиннадцать жителей Амурской области стали жертвами благовещенского **псевдо-механика**»⁴; «Забайкальский слесарь попался в ловушку **псевдо-инвесторов** и утянул за собой знакомых» (заголовок)⁵; «**Псевдо-военный** из ОПГ Ростова разводит девушек на деньги» (заголовок)⁶; «На самом деле со всей суммой, почти 14 миллионов рублей, **псевдо-кассир** сбежал»⁷;

¹ Телеграм-канал «Херсонский Вестник». URL: <https://t.me/HersonVestnik/35681> (дата обращения: 16.02.2025).

² LiveJournal. URL: <https://matsam.livejournal.com/5157398.html> (дата обращения: 16.02.2025).

³ Телеграм-канал «ПолитНавигатор». URL: <https://t.me/Politnavigator/153269> (дата обращения: 16.02.2025).

⁴ Комсомольская правда. URL: <https://www.amur.kp.ru/online/news/6105565/?ysclid=m6omlswcnb350043074> (дата обращения: 16.02.2025).

⁵ Забьюс. URL: https://zabnews.ru/lenta/56598-zabaykalec_popalsya_v_lovushku_psevdoinvestorov?ysclid=m6omococn6708586547 (дата обращения: 16.02.2025).

⁶ Privet-Rostov.ru. URL: <https://privet-rostov.ru/incident/110526-psevdo-voennyj-iz-opg-rostova-razvodit-devushek-na-dengi.html> (дата обращения: 16.02.2025).

⁷ Царьград. URL: https://mo.tsargrad.tv/news/migrant-v-moskve-prikinulsja-kassirom-obmennika-i-ukral-14-millionov-rublej_1144680?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 16.02.2025).

«В праздники в Москве активизировались **псевдо-коммунальщики**» (заголовок)⁸; «Пенсионерка лишилась 500 тысяч рублей из-за звонка от **псевдо-почтальона**» (заголовок)⁹; «72-летняя жительница Кабанского района попала на уловки **псевдо-медиков**. Женщине поступил звонок в мессенджере с надписью “Поликлиника”»¹⁰; «Жителей ЯНАО предупреждают о новой схеме мошенничества в предновогодний период. **Псевдо-фотографы** предлагают бесплатную фотосессию и просят перейти по ссылке на свое портфолио»¹¹; «Потерпевшая выполнила все инструкции и перевела на указанные **псевдо-банкиром** счета 560 тысяч рублей. После этого звонивший перестал выходить на связь»¹²; «**Псевдо-мастер** из Воронежской области развел жительницу Брянска почти на 6000 рублей» (заголовок)¹³.

Распространены в интернет-пространстве новообразования с безоценочной приставкой **экс-** с семантикой ‘бывший’. Новые лексические единицы, как правило, обозначают лиц, совершивших правонарушение: «В Пскове **экс-полицейский** получил год колонии за фальсификацию доказательств по уголовному делу» (заголовок)¹⁴; «**Экс-министр** спорта Бенина получил срок за попытку госпереворота» (заголовок)¹⁵; «**Экс-судья** Марина Сальникова приговорена к 11,5 годам за взятку в 3 млн рублей» (заголовок)¹⁶; «**Экс-помощник** президента США получил срок за попытку изнасилования ребенка» (заголовок)¹⁷; «В отношении **экс-мэра** Петрозаводска Владимира Любарского возбуждено еще одно уголовное дело» (заголовок)¹⁸; «**Экс-премьера** Маврикия арестовали в рамках дела об отмывании денег» (заголовок)¹⁹; «Осужденный за взятку **экс-майор** пермского УФСБ намерен

⁸ Недвижимость и строительство. URL: https://www.estatemedi.ru/gorod/v-prazdniki-v-moskve-aktivizirovalis-psevdokommunalshhiki/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 16.02.2025).

⁹ Татарстан-24. URL: https://tatarstan24.tv/news/6250.pensionerka-lishilas-500-tysyach-rublej-iz-za-zvonka-ot-psevdopochtalona?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁰ Номер один. URL: https://gazeta-n1.ru/news/incidents/144368/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 16.02.2025).

¹¹ URA.RU. URL: https://ura.news/news/1052854709?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 16.02.2025).

¹² TVTVER.ru. URL: https://tvrtv.ru/news/dve-zhitelnicy-tverskoj-oblasti-obogatili-psevdobankirov/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 16.02.2025).

¹³ Стрела. URL: https://riastrela.ru/p/179275/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 16.02.2025).

¹⁴ Псковское агентство информации. URL: <https://informpskov.ru/news/471332.html?ysclid=m6onep32nt443636078> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁵ Африканская инициатива. URL: <https://afrinz.ru/2025/01/eks-ministr-sporta-benina-poluchil-srok-zapopytku-gosperevorota/?ysclid=m6onh7hp4m192967614> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁶ Царьград. URL: https://nn.tsargrad.tv/novost/jeks-sudja-marina-salnikova-prigovorena-k-115-godam-zavzjatku-v-3-mln-rublej_1146463?ysclid=m6onkosdce454661996 (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁷ Телеграм-канал «URA.RU». URL: https://t.me/ura_ru/562328 (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁸ Karelia.news. URL: <https://karelia.news/news/10139231/v-otnoshenii-yeks-myera-petrozavodska-vladimira-lyubarskogo-vozbuzhdeno-eshhe-odno-ugolovnoe-delo/?ysclid=m6onrdcu8751571542> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁹ NEWS.am. URL: https://news.am/rus/news/866967.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 17.02.2025).

уйти на СВО» (заголовок)²⁰; «Полиция Ингушетии разыскивает неизвестного, обстрелявшего **экс-начальника** ГОВД» (заголовок)²¹; «**Экс-президент** Молдавии назвал Санду незаконно избранным президентом» (заголовок)²²; «RTVI: в коттеджах **экс-полковников** группы “Альфа” прошли обыски» (заголовок)²³. Новообразования с заимствованной приставкой **экс-** приобретают отрицательную оценочность за счет использования их в негативно-окрашенных контекстах. Адресант намеренно акцентирует внимание читателей на том, что нарушитель некогда имел высокий социальный статус.

Таким образом, в интернет-медиа зафиксированы новообразования с приставками **анти-**, **псевдо-**, **экс-**. Новые лексические единицы отражают происходящие в обществе процессы, используются для негативной характеристики денотата.

Встречаются в интернет-пространстве словообразовательные неологизмы, возникшие в результате суффиксации. При данном аффиксальном способе деривационное значение выражается с помощью суффикса и системы флексий производного слова. В интернет-коммуникации представлены новые лексические единицы с формантом **-щин(а)** с неодобрительной оценкой. В качестве мотивирующих у данных номинаций выступают фамилии социально значимых лиц: «Как **“макроновщина”** не только хоронит отношения Франции с Россией, но и позже заставит страну платить по полной»²⁴; «То есть активистки собираются расквитаться со своими мужиками, перестав размножаться. Я поддерживаю эту инициативу и сожалею, что она рассчитана всего на 4 года **трамповщины**»²⁵; «**“Байденовщина”** ведет США к смерти, второе дыхание Америке может придать лишь новая большая мечта»²⁶; «**Киркоровщина**: замес инфантильности, излишества и извращенности» (заголовок)²⁷; «Будет ли завершение такого явления как **“Бузовщина”?**» (заголовок)²⁸; «Квартира балерины Волочковой в Санкт-Петербурге как образ безвкусицы и китча. **Волочковщина** на грани безумия» (заголовок)²⁹. Негативная оценка в новообразованиях с суффиксом **-щин(а)** создается с помощью маркированного аффикса.

²⁰ URA.RU. URL: https://ura.news/news/1052889709?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 17.02.2025).

²¹ Совершенно Секретно. URL: https://www.sovsekretno.ru/news/politsiya-ingushetii-razyskivaet-neizvestnogo-obstrelyavshego-eks-nachalnika-govd/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 17.02.2025).

²² ПЕН ТВ. URL: https://ren.tv/news/v-mire/1308251-eks-prezident-moldavii-nazval-sandu-nezakonno-izbrannym-prezidentom?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 17.02.2025).

²³ Smotrim.ru. URL: https://smotrim.ru/article/4361782?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 17.02.2025).

²⁴ Телеграм-канал «Аргументы и факты». URL: <https://t.me/aifonline/21046> (дата обращения: 19.02.2025).

²⁵ LiveJournal. URL: <https://dandorfman.livejournal.com/4045266.html> (дата обращения: 19.02.2025).

²⁶ Красная весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/84275d8e?ysclid=m7bjnh2j3p985694523> (дата обращения: 19.02.2025).

²⁷ LiveJournal. URL: <https://radmirkilmatov.livejournal.com/420550.html?ysclid=m7bjwxhm2i804059421> (дата обращения: 19.02.2025).

²⁸ Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/YMRhqv7FelvqEdcB?ysclid=m7bk15qbt9784036138> (дата обращения: 19.02.2025).

²⁹ Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/YSW4WVjCwRwFrXXV?ysclid=m7bk63p7ib244265206> (дата обращения: 19.02.2025).

Названия сторонников политических деятелей образуются в интернет-коммуникации с использованием заимствованного суффикса *-оид* со значением подобия. Приведем примеры из нашей картотеки: *«Клинтоноиды рулят бабками в России! А у кого бабки — у того и ВЛАСТЬ! Хорошо, что Обащики с Клинтоноидами срутся! Нам на руку! А что с Трампоноидами делать?!»*³⁰; *«Тем не менее, проект Интервенция 2.0 активно форсится, его обсуждение стимулируют, преподнося как компьютерную стратегию, где никто по-настоящему не умрёт. Это, кстати, яркий симптом: макрониды ни разу не озвучили, что отправка французов на Украину означает соразмерный приток заполненных гробов»*³¹. В новых номинациях с суффиксом *-оид* первоначальный признак подобия дополняется значением отрицательной оценки и значением лица. Авторы текстов намекают на то, что сторонники общественно-политических лидеров действуют необдуманно, подражая своим прототипам.

Для образования новых субстантивов адресант использует безоценочный суффикс *-(из)аци(я)* с семантикой отвлеченного состояния: *«СКРИПАЛ(ь)изация Европы-2: немецкий гамбит»* (заголовок). *«Ну, что-ж, в Германии кто-то сумел из слова “кокаин” составить слово “Новичок”, и мы, в который раз становимся свидетелями антироссийской истерии <...>»*³²; *«В настоящее время происходит “байденизация” политической элиты и истеблишмента стран G7. Большинство лидеров западных развитых демократий оказались неспособны выполнять свои прямые обязанности <...>»*³³; *«“Чубайсизация” по-белорусски или куда ведут протесты?»* (заголовок)³⁴; *«“Макронизация” Франции угрожает всей Европе»* (заголовок)³⁵; *«И это самое страшное в нынешнем положении — всеобщая “бузовизация” на телевидении и в шоу-бизнесе. На них ровняются дети и подростки, впитывают их стиль и образ жизни, с самого детства в них закладывается, что работать не нужно и многое другое»*³⁶; *«Могу сказать Ольге только одно: срочно к наркологу! Иначе ей грозит оскотинивание, расчеловечивание и волочковизация. Она всего на полшажка не догоняет Волочкову по всем параметрам»*³⁷. Негативная оценочность данных неологических единиц с суффиксом *-(из)аци(я)* обусловлена словесным окружением.

Итак, в интернет-СМИ достаточно часто в качестве производящих слов для суффиксальных номинаций адресант использует актуальные антропонимы. Новые лексические единицы являются мощным средством создания политического портрета, обеспечивают интерес со стороны целевой аудитории.

Интернет является пространством для возникновения новых лексических единиц аффиксоидного типа. Аффиксоиды — это морфемы, занимающие

³⁰ LiveJournal. URL: <https://academialora.livejournal.com/66462.html> (дата обращения: 19.02.2025).

³¹ Телеграм-канал «Юрий Баранчик». URL: <https://t.me/barantchik/15740> (дата обращения: 19.02.2025).

³² Конт. URL: <https://cont.ws/@alextores/1773041> (дата обращения: 21.02.2025).

³³ Репортер. URL: <https://topcor.ru/52024-politico-bajden-potopil-vmeste-s-soboj-mnogo-mirovyh-liderov.html> (дата обращения: 21.02.2025).

³⁴ Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/YCEP1OzOyGszGalG> (дата обращения: 21.02.2025).

³⁵ Day.Az. URL: <https://news.day.az/politics/1577371.html> (дата обращения: 21.02.2025).

³⁶ Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/YQJb2gR5uEhFa7-?ysclid=m7edsl7lul735916485> (дата обращения: 21.02.2025).

³⁷ Киноафиша. URL: <https://www.kinoafisha.info/articles/buduschee-buzovoy-predresheno-volochkovizaciya/> (дата обращения: 21.02.2025).

промежуточное положение между аффиксами и корнями. Они подразделяются на префиксоиды и суффиксоиды.

Востребованы в интернет-пространстве неологические единицы с префиксоидом *крипто-* с семой 'тайный': «История его будет вспоминать как великого мирового пирамидного **крипто-лохотронщика**, а не ученого-мецената»³⁸; «Аккаунт звезды “Во все тяжкие” Дина Норриса взломали **крипто-мошенники**» (заголовок)³⁹; «Зеленский блокирует Truth Social Трампа: новый виток **крипто-конфликта**» (заголовок)⁴⁰; «Укрывший \$36 миллионов **криптовор** спалился, купив редкий ник в онлайн-игре» (заголовок)⁴¹. Негативная оценочность данных дериватов связана с семантикой мотивирующих слов.

Популярны в интернет-коммуникации новообразования с суффиксоидом *-гейт* с семантикой 'скандал': «Яхтенно-налоговый скандал для великого флотоводца Романа Абрамовича — только начало проблем, связанных с “**Мерит-гейтом**»»⁴²; «**Котлас-гейт**. Алексею Норицыну отказано в восстановлении на работе» (заголовок)⁴³; «Свидетельством тому является печально известный скандал “**Катар-гейт**”, потрясший европейский орган в 2022 году»⁴⁴; «**Илюхин-гейт**» (заголовок). «Сегодня на очередной сессии Северодвинского горсовета Сергей Илюхин с 90-процентной вероятностью будет лишен депутатского мандата <...>»⁴⁵; «Если мы с вами гипотетически рассматриваем этот сценарий, как у голливудского фильма, то там будут и госизмена, и Байден против Америки, и громкие судебные процессы. Это будет что-то со словом “гейт”, какой-нибудь “**Байден-гейт**” или “**Ядерный гейт**” и так далее, — предположил собеседник “ВМ”»⁴⁶; «**Обама-гейт**. Экс-президент США попал в скандал с ЛГБТ-сексом и наркотиками» (заголовок)⁴⁷. Наблюдения показывают, что англоязычный элемент *-гейт* может сочетаться с именами существительными, обозначающими организации, географические названия, фамилии общественных деятелей.

³⁸ Агентство Политических Новостей. URL: https://www.apn.ru/index.php?newsid=47169&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 21.02.2025).

³⁹ Чемпионат. URL: https://www.championat.com/cybersport/news-5876778-akkaunt-zvezdy-vo-vse-tyazhie-dina-norrisa-vzломali-kripto-moshenniki.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 21.02.2025).

⁴⁰ Царьград. URL: https://nn.tsargrad.tv/novost/zelenskij-blokiruet-ruth-ocial-trampa-novyj-vitok-kripto-konflikta_1160182?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 21.02.2025).

⁴¹ Onliner. URL: <https://tech.onliner.by/2021/11/19/ukravshij-36-millionov-kriptovor-spalihsya-kupiv-redkij-nik-v-onlajn-igre> (дата обращения: 21.02.2025).

⁴² Ленправда. URL: https://www.lenpravda.ru/brief/291948.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 21.02.2025).

⁴³ Руснорд. URL: <https://rusnord.ru/politic/66006-kotlas-gejt-alekseju-noricynu-otkazano-v-vosstanovlenii-na-rabote.html> (дата обращения: 21.02.2025).

⁴⁴ Caliber.Az. URL: <https://caliber.az/post/evroparlament-vnov-popalsya-na-korrupcii> (дата обращения: 21.02.2025).

⁴⁵ Руснорд. URL: <https://rusnord.ru/hot/65390-iljuhin-gejt.html> (дата обращения: 21.02.2025).

⁴⁶ Вечерняя Москва. URL: <https://vm.ru/world/1186061-na-poroge-gosizmeny-mozhet-li-bajden-peredat-ukraine-yadernoe-oruzhie> (дата обращения: 21.02.2025).

⁴⁷ Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/politics/world/obama-geyt_eks-prezident_ssha_popal_v_skanal_s_lgbt-seksom_i_narkotikami?ysclid=m7eg5qdujp31474134 (дата обращения: 21.02.2025).

Таким образом, в интернет-СМИ употребительны новообразования аффиксоидного типа. Новые лексические единицы, как правило, используются адресантом для выражения оценки.

Растет в интернет-коммуникации число новых лексических единиц, образованных способом сложения. Высокую продуктивность в массмедиа проявляют сложносоставные номинации, первый компонент которых несклоняем: *«Интернет-террорист месяцами измывался над школьницей, выставляя ее живодеркой: парня обвиняют в доведении до самоубийства»* (заголовок)⁴⁸; *«Интернет-паника: у россиян массово перестал работать интернет»* (заголовок)⁴⁹; *«МВД: в 2024 году ликвидировано 37 интернет-наркошопов»* (заголовок)⁵⁰; *«Интернет-грабеж»* (заголовок). *«Жительница Ярцево лишилась денег при попытке приобрести шторы на одном из интернет-сайтов. При переписке неизвестный ввел женщину в заблуждение, в результате чего она самостоятельно перевела сумму в размере более 3 тысяч рублей на неустановленный расчетный счет»*⁵¹; *«Интернет-аферист обобрал защитника столичного “Спартака” почти на миллион рублей»* (заголовок)⁵²; *«Интернет-обман вместо звонков. Банки рассказали, как изменилась тактика мошенников»* (заголовок)⁵³; *«Интернет-сплетни, которые захватили умы пользователей: правда или ложь?»* (заголовок)⁵⁴; *«Как обезопасить себя от интернет-шантажа»* (заголовок)⁵⁵; *«Интернет-наркоман: не дайте вашему ребенку стать зависимым от Интернета»* (заголовок)⁵⁶; *«Принц Уильям с женой Кейт сбежали из Британии на райский остров Мюстик, который связан со секс-скандалом»* (заголовок)⁵⁷; *«Секс-преступление с участием подростка: взрослого мужчину обвинили в изнасиловании»* (заголовок)⁵⁸; *«Онлайн-мошенник “украл” личность парня из Москвы, чтобы разводить девушек на деньги и устраивать*

⁴⁸ Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/daily/27659/5044699/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 21.02.2025).

⁴⁹ Сибирское информационное агентство. URL: https://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=16811055&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 21.02.2025).

⁵⁰ БелТА. URL: https://belta.by/society/view/mvd-v-2024-godu-likvidirovano-37-internet-narkoshopov-697393-2025/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 21.02.2025).

⁵¹ Yartsevo.ru. URL: <https://www.yartsevo.ru/news/5767-internet-grabezh.html> (дата обращения: 21.02.2025).

⁵² МосМонитор. URL: <https://mosmonitor.ru/news/sport/143492internet-afelist-obobral-zashhitnika-stolichnogo/> (дата обращения: 21.02.2025).

⁵³ Банки. ру. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10964326&ysclid=m7ehh3n7n3285732104> (дата обращения: 21.02.2025).

⁵⁴ FB.ru. URL: <https://fb.ru/post/humor/2019/7/19/120144?ysclid=m7eikyhnyb215619811> (дата обращения: 21.02.2025).

⁵⁵ DTornado. URL: <https://dtornado.ru/blog/kak-obezopasit-sebja-ot-internet-moshennikov> (дата обращения: 21.02.2025).

⁵⁶ Socmedarch. URL: <https://ru2.socmedarch.org/online-addict-prevent-your-child-from-becoming-addicted-to-online-5657> (дата обращения: 21.02.2025).

⁵⁷ TVcenter.ru. URL: https://tvcenter.ru/zvezdy/prints-uilyam-s-zhenoy-keyt-sbezhal-iz-britanii/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 21.02.2025).

⁵⁸ Sputnik Грузия. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20230701/seks-prestuplenie-s-uchastiem-podroostka-vzroslogo-muzhchinu-obvinili-v-iznasilovanii-279160139.html> (дата обращения: 21.02.2025).

несуществующие вечеринки» (заголовок)⁵⁹; «**Онлайн-аферист** украл у пензенца 900 тысяч рублей» (заголовок)⁶⁰; «ГИБДД Башкирии оштрафовали водителя маршрутки, устроившего **порно-скандал**»⁶¹. Негативный характер экспрессии в данных неологических единицах обусловлен семантикой мотивирующих слов (*террорист, паника, наркошоп, грабеж, аферист, обман, скандал, преступление, мошенник и др.*).

Особое место в интернет-СМИ занимают новообразования, созданные неузualmente способами. Приведем примеры: «**Снегопадла**» (заголовок). «Когда только расчистили снег, а его навалило еще больше»⁶² ← *снегопад* + *падла*; Добро пожаловать в **deadский** *sad* (заголовок)⁶³. Данные новообразования образованы с помощью междусловного наложения и графической гибридизации. Новые лексические единицы побуждают адресата внимательнее читать текст, используются адресантом как оценочное средство.

Можно заключить, что интернет является пространством для создания новых лексических единиц. Среди узualmente способов активность проявляют префиксация, суффиксация, аффиксоидация, сложение. Среди неузualmente способов доминируют междусловное наложение и графическая гибридизация. Новообразования привлекают читательское внимание, являются средством выражения авторской позиции, информируют адресата о содержании публикации.

Литература и источники

- Герасименко, И. Е., & Сальников, В. С. (2022). Влияние социальных сетей на появление неологизмов в русском языке. *Глобальный научный потенциал*, 10(139), 222–224.
- Дедова, О.В., & Григорьева, П. В. (2018). Игровое словообразование в современном русском языке. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 5, 49–64.
- Замальдинов, В. Е. (2022). Новообразования-гибриды в текстах современной медиакommunikation. *Медиалингвистика*, 9(3), 210–219. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.303>
- Замальдинов, В. Е., & Хоригути, Д. (2021). «Коронавирусные» новообразования в языке СМИ и интернет-коммуникации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, 20(5), 141–152. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.11>
- Иванова, М. В., Клушина, Н. И., & Смирнова, Н. В. (2024). Лингвокреативность современного интернет-пространства (на материале Рунета). *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 5, 216–222.
- Ильясова, С. В., & Болотова, А. Ю. (2022). Роль китаизмов-неологизмов в современном русском языке (на материале медиатекстов). *Научная мысль Кавказа*, 4(112), 153–159.
- Катермина, В. В., & Липириди, С. Х. (2024). *Образный потенциал английского неогеографического дискурса*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Кошкарлова, Н. Н. (2021). Лексико-семантические изменения как отражение ценностных приоритетов носителей русского языка. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2, 80–88.

⁵⁹ ГЛАВК. URL: https://glvk.guru/articles/204321-onlajn-mochennik_ukral_lichnostj_parnja_iz_moskvy_chno_by_razvoditj_devushek_na_denjgi_i_ustraiivatj_nesushchestvujushchie_vecherinki (дата обращения: 21.02.2025).

⁶⁰ Пензенская правда. URL: <https://pravda-news.ru/news/proisshestiya/onlayn-aferist-ukral-u-penzentsa-900-tysyach-rubley/> (дата обращения: 21.02.2025).

⁶¹ Мой Башкортостан. URL: https://mybashkortostan.ru/02371850-v-bashkirii-voditel-marshrutki-oshtrafo-van-gibdd-posle-porno-skandala?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fden.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 21.02.2025).

⁶² Телеграм-канал «SlovoDna». URL: <https://t.me/slovodna/7084> (дата обращения: 21.02.2025).

⁶³ Телеграм-канал «Че». URL: <https://t.me/jqofa/24857> (дата обращения: 21.02.2025).

- Радбиль, Т. Б., Рацибурская, Л. В., Ясаи, Л., & Палоши, И. В. (2022). Прагматика процессов неодеривации в русском языке последних десятилетий. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 1, 149–153. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_1_149
- Сиротина, О. Б., & Дегальцева, А. В. (2023). *Динамика норм русского языка: ответ на вызовы времени и новые условия жизни*. Саратов: Саратовский государственный университет. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04808-4>

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 01.02.2025
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Замальдинов Владислав Евгеньевич – кандидат филологических наук, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород, Россия.
ORCID: 0000-0003-4513-3571; e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

INTERNET COMMUNICATION AS SPACE FOR CREATING DERIVATIONAL NEOLOGISMS

Vladislav E. Zamaldinov

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Nizhny Novgorod, Russia*

Abstract. The paper considers Internet communication as a space where new lexical units are created. Derivational neologisms created with the help of prefixes are analyzed. Such neologisms reflect social realities and are used to negatively characterize a denotatum. Suffixal neological units are demonstrated. To form them, the addresser often uses anthroponyms as generating words. Suffix nominations are involved in creating a political portrait and ensure the interest of the addressee. The derivational neologisms of the root-affix type are distinguished. Neological units are usually used by the author of a journalistic text to express an assessment. Complex derivational neologisms are described. Composites have evaluativity, which is supported by the semantics of the motivating word. Neologisms of non-usual origin are revealed. It is established that the interword overlap and graphical hybridization are in demand in Internet communication. New lexical units encourage the receptor to read the text carefully. Structural and semantic analysis, word-formation analysis, and pragmatic analysis are carried out. The results of the study may be of interest to philologists, journalists and public relations specialists.

Keywords: Internet communication, derivational neologisms, evaluative, Russian language, word formation.

For citation: Zamaldinov, V. E. (2025). Internet communication as space for creating derivational neologisms. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 426–435. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).426-435](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).426-435)

References

- Dedova, O. V., & Grigoreva, P. V. (2018). Wordplay derivation in modern Russian. *Lomonosov Philology Journal*, 5, 49–64. (In Russian).
- Gerasimenko, I. E., & Salnikov, V. S. (2022). The influence of social networks on the appearance of neolexics in the Russian language. *Global Scientific Potential*, 10(139), 222–224. (In Russian).
- Ilyasova, S. V., & Bolotova, A. Yu. (2022). The Chinese neologisms part in the modern Russian language (based on media texts). *Scientific Thought of Caucasus*, 4(112), 153–159. (In Russian).
- Ivanova, M. V., Klushina, N. I., & Smirnova, N. V. (2024). Linguocreativity of modern internet space (on Runet). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 5, 216–222. (In Russian).
- Katermina, V. V., & Lipiridi, S. H. (2024). Figurative potential of English geographical discourse. Krasnodar: Kuban State University Publ. (In Russian).

- Koshkarova, N. N. (2021). Lexical and semantic changes as reflection of Russian speakers' axiological preferences. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 80–88. (In Russian).
- Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Jászay, L., & Pálosi, I. V. (2022). Pragmatics of neo-derivational processes in the newest Russian. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 1, 149–153. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_1_149 (In Russian).
- Sirotnina, O. B., & Degaltseva, A. V. (2023). The dynamics of Russian language norms: responding to the challenges of the time and new living conditions. Saratov: Saratov Research State University Publ. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04808-4> (In Russian).
- Zamaldinov, V. E. (2022). Neologisms-hybrids in the texts of modern media communication. *Media Linguistics*, 9(3), 210–219. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.303> (In Russian).
- Zamaldinov, V. E., & Horiguti, D. (2021). “Coronavirus” innovations in media language and internet communication. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 20(5), 141–152. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.11> (In Russian).

First Published
Received 01.02.2025
Accepted 15.03.2025

About the author

Zamaldinov Vladislav Evgenievich – Cand. Sci. in Philology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russia. ORCID: 0000-0003-4513-3571; e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЛИЦА ДЕТЬМИ РАННЕГО ВОЗРАСТА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Чиглова

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

Аннотация. Процесс освоения персонального дейксиса у детей раннего возраста будет иметь свои характерные особенности в зависимости от структуры языка, который ребёнок осваивает в качестве родного. Дети, осваивающие русский язык, будут отличаться наибольшим разнообразием индивидуальных стратегий, в то время как стратегии детей, осваивающих английский язык, будут сходны между собой. Онтогенез персонального дейксиса в немецком языке будет также отличаться разнообразием, поскольку основным фактором, обуславливающим наличие данного разнообразия, является морфологическое богатство языка. Немецкий язык обладает развитой системой морфологических форм, в частности его категория лица находит выражение в многообразии личных местоимений и личных глагольных форм. Рисунок освоения этих форм является основным показателем детской стратегии при освоении категории лица. В русском языке, разнообразие стратегий представляет собой варианты сочетаний двух основных универсальных стратегий – морфологической и синтаксической. Стратегии освоения категории лица в немецком языке будут также складываться из универсальных стратегий, которые схожи с морфолого-синтаксической стратегией русских детей, однако стратегии детей при освоении немецкого языка будут обладать своими особенностями, наличие которых обусловлено факторами, нехарактерными для русского языка.

Ключевые слова: детская речь, немецкий язык, русский язык, английский язык, категория лица, персональный дейксис, типология языка, морфология, синтаксис.

Для цитирования: Чиглова, Е. И. (2025). Особенности стратегии освоения категории лица детьми раннего возраста в немецком языке. *Ученые записки НовГУ*, 2(57), 436–443. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).436-443](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).436-443)

Освоение категории лица – один из наиболее сложных процессов, которые осуществляет мозг ребенка. Это обусловлено тем, что элементы, маркированные категорией лица, содержат в себе указание на лицо – говорящего, адресанта и лицо (или объект), о котором говорят. На начальном этапе становления языковой компетенции ребенок еще не осознаёт своё «я» и тем более не имеет понятия о противопоставлении «я» – «другой». Постепенно, в ходе своего индивидуального речевого онтогенеза, ребенок приходит к освоению самого основного – и самого сложного – дейктического противопоставления «я – ты». Внешне, на уровне продуцирования, этот процесс можно проследить, наблюдая за появлением в его речи элементов, маркированных категорией лица – личных местоимений и личных глагольных форм. Ранее проведенные автором исследования показывают, что рисунок появления тех или иных элементов категории лица разнится не только в разных языках, но и в пределах одного языка у разных детей. Это наводит на предположение о корреляции между структурой осваиваемого языка и стратегией его освоения. Во-вторых, это говорит о том, что существуют некоторые онтолингвистические универсалии, действующие как независимо от структуры языка, так и согласно с ней.

В настоящей статье мы рассматриваем освоение элементов, маркированных категорией лица, детьми раннего возраста в русском, английском и немецком языках. В фокусе нашего исследования находятся элементы 1-го и 2-го лица единственного

числа, поскольку именно они являются центральными элементами поля личности [Бондарко, 1991]. Рассматриваемые языки принадлежат к одной (индоевропейской) языковой семье, но два из них – английский и немецкий – принадлежат к германской группе языков, в то время как русский – к славянской. Таким образом, русский язык будет максимально отличаться от английского и немецкого в плане структуры. Последние, однако, несмотря на принадлежность к одной группе, также имеют существенные структурные различия, обусловленные историческим развитием. Так, английский язык обладает бедной морфологической системой, достаточно фиксированным порядком слов и высоким индексом аналитизма. Немецкий язык гораздо богаче в плане морфологии, индекс аналитизма у него меньше, однако порядок слов регламентирован гораздо строже, чем в английском языке. Русский язык существенно отличается от английского и немецкого, поскольку для него характерны относительно свободный порядок слов и наиболее богатая из трех рассматриваемых языков система флексий. Традиционно русский и немецкий языки относят к языкам с высокой степенью синтеза, однако немецкий более аналитичен, чем русский. Соответственно, категория лица в трех языках будет выражена по-разному. Так, в английском языке она представлена в основном системой личных местоимений с супплетивными формами, а также ограниченным количеством флексий. Падежная система у личных английских местоимений также ограничивается всего двумя падежами (мы не рассматриваем здесь лично-притяжательные местоимения, которые иногда выделяют в отдельный притяжательный падеж). Для немецкого языка характерна более разветвленная система как личных глагольных окончаний, так и личных местоимений. Наиболее далеко в этом плане отстоят друг от друга английский и русский языки, как аналитический и синтетический. Из трех представленных в статье языков русский обладает самой развитой системой личных глагольных флексий. Ранее мы обнаружили следующую закономерность: чем богаче морфологическая система языка, тем меньше ошибок будет допускать ребенок при выборе местоименной или личной глагольной формы [Чиглова, 2019]. Подобная особенность русских детей при освоении глаголов была ранее отмечена С. Н. Цейтлин [Цейтлин, 2005]. Кроме того, исследователи разных языков обнаружили, что дети, осваивающие флективные языки (финский [Toivainen, 1980], итальянский [Pizzuto, Caselli, 1994]), начинают продуцировать глаголы со словоизменительными аффиксами уже на стадии однословных высказываний, в то время как дети, изучающие языки с менее богатой морфологией (английский), начинают это делать лишь на стадии двусловных высказываний [Penke, 2012]. Согласно С. Н. Цейтлин, «чем сложнее устроена словоизменительная система в том или ином языке, тем раньше ребенок обнаруживает ее существование, увереннее начинает избирать нужную форму и правильно строить нужную форму в случае необходимости» [Цейтлин, 2011, с. 193]. Таким образом, особенности морфологической организации русского языка с самого начала настраивают ребенка на освоение разветвленной системы личных глагольных аффиксов.

Еще одним из наших наблюдений явилось наличие разнообразных индивидуальных стратегий при освоении категории лица у детей, осваивающих русский язык. Разнообразие стратегий было столь велико, что наводило на мысль о

том, что вероятное количество стратегий будет равно количеству русскоговорящих детей. Конечно, данное разнообразие обуславливается не только одними структурными особенностями русского языка. Скорее, оно связано с сочетанием множества факторов, которые действуют совместно с языковой структурой, либо обусловлены ею. К этим факторам мы относим время начала говорения (появления первых различимых оболочек слов), особенности инпута (речи, которую слышит ребенок), индивидуальные психофизические особенности ребенка. Разнообразие форм и флексий в русском языке обуславливает разнообразие выбора стратегий матери (инпут) и самого ребенка.

Мы предполагаем, что вышеупомянутое разнообразие детских стратегий при освоении категории лица будет иметь место в немецком языке, поскольку он обладает достаточно развитой системой флексий. Также мы имеем целью сравнить эти стратегии со стратегиями детей, осваивающих английский и русский языки.

Материалом исследования послужили данные лонгитюдных наблюдений за развитием речи детей раннего возраста в виде транскриптов, взятых из международной базы CHILDES (английский и немецкий языки), и из Фонда данных детской речи Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (русский язык).

Согласно исследованиям С. Н. Цейтлин и Г. Р. Добровой, существуют две основные стратегии, которых могут придерживаться дети, осваивающие русский язык в качестве родного – морфологическая и синтаксическая. Следует отметить, что в чистом виде они практически не встречаются, однако одна из них может быть преобладающей [Цейтлин, 2005; Доброва, 2009]. Е. Л. Бровко, в свою очередь, рассматривает такие стратегии, как конструирование и имитация, которые она определяет как разные пути освоения синтаксиса [Бровко, 2013]. Поскольку синтаксис тесно связан с морфологией, мы можем проследить параллель между этими стратегиями и стратегиями С. Н. Цейтлин и Г. Р. Добровой. Так, морфологическая стратегия будет соответствовать имитационной, а синтаксическая – стратегии конструирования.

Морфологическая стратегия состоит в том, что ребенок особенно «внимателен» к грамматической форме слова. Он постепенно наращивает среднюю длину высказывания (meanlengthofutterance (MLU)), начиная с однословных высказываний. Грамматические ошибки в речи таких детей крайне редки, поскольку они (дети) склонны к имитации и имитируют грамматические формы из инпута.

Синтаксическая стратегия состоит в том, что ребенок очень быстро начинает наращивать среднюю длину высказывания, не особо заботясь о правильности выбираемой грамматической формы или используя ономаптоеи. В итоге могут получаться высказывания вроде «дядя брррра» (дядя едет на велосипеде) (01.11.10) «Витя папа открою» (= «Витя откроет папе») (02.01.28) «Витя папа иди» (Витя пойдет к папе)». Надо сказать, что подобные высказывания у русских детей существуют в речи очень непродолжительное время, и их нельзя сравнивать с ошибками, например, англоговорящих детей, речь о которых пойдет ниже.

При исследовании шести русских детей (Феди, Саши, Нади, Сони, Лизы и Вити) мы обнаружили разные варианты сочетания этих двух стратегий, что, в свою очередь, было лишь одной из особенностей индивидуальной стратегии ребенка при освоении

категории лица в русском языке. Сравнивая стратегии детей, осваивающих английский язык – девочек Эллы и Джейн – мы не выявили существенных различий в освоении категории лица. Так, и Элла, и Джейн допускали характерные для детей-англофонов ошибки – употребление объектной и притяжательной форм местоимений “me”, “my”, “mine” в качестве подлежащего, то есть вместо формы именительного падежа “I”. Также они, как и прочие дети-англофоны, допускали ошибки при употреблении (вернее, неупотреблении) личных глагольных форм 3-го лица единственного числа презенса:

Джейн: Jenny don't like (= Jenny doesn't like) (02.04.00) (2 года, 4 месяца, 0 дней).

Элла: It all better (= It is all better) (02.00.03). Ella talk (= Ella talks) (02.02.22).

Употребление неправильной глагольной формы весьма характерно для детей, осваивающих английский язык, и примеры, подобные вышеприведенным, встречаются в речи как Джейн, так и Эллы на протяжении длительного периода – от полугода (Элла) до года (Джейн). Надо сказать, что подобные ошибки можно также встретить в речи взрослых носителей языка. Это объясняется тем, что мышление человека, говорящего на аналитическом языке, не столь заточено на использование морфологических форм, как, скажем, мышление русскоговорящих людей.

Кроме того, практически все англоговорящие дети осуществляют качественный скачок в освоении форм личных местоимений и глагольных форм тогда, когда начинают осваивать порядок слов вопросительных предложений. Это наводит на мысль, что освоение порядка слов в английском языке и освоение грамматических форм (личных глагольных флексий и личных местоимений, в частности) – это два взаимосвязанных процесса. Фиксированная структура предложений словно «дисциплинирует» ребенка, не позволяя ему употребить неконвенциональную морфологическую форму. Освоение порядка слов, однако, проходит у разных детей с очень незначительными вариациями, а именно, период перехода от высказываний относительно свободного строя к высказываниям с конвенциональной структурой будет разным по длительности. Таким образом, различия в стратегиях детей, осваивающих категорию лица в морфологически бедном языке, будут незначительны.

В ходе исследования развития речи двух немецкоговорящих девочек – Каролины и Керстин – мы выявили ряд особенностей. Во-первых, как и дети-англофоны, немецкие дети часто делают ошибки при морфологическом согласовании, то есть выбирают глагольную форму, которая не сочетается с подлежащим:

Каролина: Ich essen (= Ich esse) (01.10.29). Ich machen kleiner machen (= Ich mache) (01.11.08). Ich sollten um ma macht (= Ich soll ... Machen) (02.01.03).

Из данных типичных примеров видно, что Каролина предпочитает глагольную форму, совпадающую с формой инфинитива и личной формой 1-го и 3-го лица множественного числа настоящего времени – именно эта форма появляется в речи Каролины одной из первых. Это так называемый «период одной формы», который является онтолингвистической универсалией, то есть характерен для всех языков, в том числе и флективных. Кроме того, в речи девочки есть примеры неконвенционального выбора форм личных местоимений, как у англофонов:

Каролина: Mich da bin (= Ich bin da) (01.06.13); bär du (= für dich) (01.11.04).

Также в речи Каролины мы обнаружили так называемую неконвенциональную гибридную глагольную форму, представляющую собой сочетание формы 3-го лица

единственного числа настоящего времени («schläft») и совпадающих друг с другом форм инфинитива и личных форм 1-го и 3-го лица множественного числа настоящего времени («schlafen»): Мама: «Was macht der Papi?» Каролина: «Pappi **schlafen**» (01.10.18). Как известно, в речи детей-руссофонов подобные формообразовательные инновации встречаются еще более часто (ср.: «шёла» вместо «шёл», «писáю» вместо «пишу»). Это обусловлено наличием у русского глагола двух словообразовательных основ. В немецком языке дети сталкиваются с наличием глаголов сильного спряжения, для которых характерно изменение корневой гласной (ср.: schlafen – schläft). Таким образом, здесь мы можем наблюдать сходство в речевом онтогенезе русо- и германофонов.

У Керстин наблюдается несколько отличная картина. Девочка не допускает ошибок в согласовании личных местоимений и личных глагольных форм, так как она вообще их поначалу не употребляет вместе. Вплоть до конца исследуемого периода (02.06.02), ребенок избегает употребления личных местоимений. Стратегия Керстин отличается тем, что она, если можно так выразиться, более внимательно относится к порядку слов, нежели Каролина. Она начинает с однословных высказываний, постепенно наращивая длину высказываний, которые, поначалу являются замороженными (голофразами), например, «da isse Balla» («da ist der Ball»). Конечно, иногда порядок слов бывает свободным, как и у Каролины, но в целом количество таких высказываний у Керстин минимально. В возрасте 02.04.16 можно уже встретить длинные высказывания со вполне конвенциональным порядком слов «so, haben den abgenommen», «und gehen wir ada». Выше мы отметили, что освоение порядка слов может влиять на употребление личных форм. Следовательно, стратегия Керстин обуславливала отсутствие неконвенциональных форм и их сочетаний в речи.

Таким образом, мы можем видеть некоторое сходство между морфолого-синтаксической стратегией русских детей и стратегиями немецких девочек. Стратегия Каролины напоминает синтаксическую стратегию русских детей, поскольку в ней имеет место а) длительное присутствие в речи неконвенциональных употреблений личных местоимений и личных глагольных форм, б) сравнительно большая средняя длина высказываний. В свою очередь, стратегия Керстин схожа с морфологической стратегией, или вернее будет назвать её имитационной, в пользу чего говорят одиноко употребляемые морфологические формы, за которыми следует наращивание средней длины высказывания, в ходе чего девочка употребляет уже присвоенные ею грамматические формы в составе фиксированных синтаксических структур. Тут можно сделать вывод о промежуточном характере стратегий немецкоговорящих детей: как и в английском, они могут опираться на порядок слов, с той лишь разницей, что для немецких детей подобная опора будет не обязательным, а лишь возможным вариантом; как и в русском, они могут выбирать пути освоения морфологии и синтаксиса – через условные имитацию или конструирование.

Еще одной особенностью освоения категории лица является рисунок появления элементов, маркированных категорией лица, в продуцировании. Так, в английском языке дети прежде всего будут осваивать личные местоимения, личные глагольные формы будут появляться в речи позже. Что касается порядка появления всех местоимений, то, согласно исследованиям на материале английского языка, личные местоимения появляются в речи детей, начиная с 1-го лица, затем идет 2-е и, наконец, 3-е лицо

[Charney, 1980]. У русскоговорящих детей картина в корне отличная – как правило, первыми элементами персонального дейксиса у них в речи будут глагольные формы 3-го лица настоящего времени. Далее личные местоимения и личные глагольные формы будут появляться параллельно, и рисунок их появления может отличаться от ребенка к ребенку, но отличия будут незначительны. Можно представить наиболее типичную модель освоения категории лица русскими детьми: 1) глагольные формы 3-го лица; 2) глагольные формы 1-го лица единственного числа, которые образуют временную оппозицию с глагольными формами 3-го лица; 3) местоимение «я» (которое может быть эгоцентричным, то есть обозначать только самого ребенка); 4) местоимение «ты»; 5) глагольные формы 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения. У некоторых детей «ты» может предшествовать «я», «я» может иметь варианты – как падежные формы, так и притяжательные местоимения, некоторые элементы могут появляться одновременно и так далее [Чиглова, 2019].

Что касается немецкоговорящих девочек, то здесь мы имеем следующее. У Каролины порядок появления искомых элементов будет таким: 1) инфинитив / форма 1-го и 3-го лица множественного числа настоящего времени глагола, 2) «я», 3) личные глагольные формы 1-го лица единственного числа 4) личные глагольные формы 3-го лица единственного числа, 5) «ты», 6) личные глагольные формы 2-го лица единственного числа.

У Керстин порядок появления в речи элементов, маркированных категорией лица, следующий: 1) личные глагольные формы 3-го лица единственного числа, 2) «мой», 3) «я», 4) личные глагольные формы 1-го лица единственного числа 6) «ты», 6) личные глагольные формы 2-го лица единственного числа. Как видно, порядок освоения ключевых элементов – 1-го и 2-го лица – такой же, как и у Каролины, однако личные глагольные формы 3-го лица единственного числа появляются гораздо раньше – до собственно дейктических элементов – как у русскоговорящих детей.

Таким образом, мы можем наблюдать значительное сходство между рисунком освоения категории лица в русском и немецком языках. Наиболее значимое отличие состоит лишь в том, что в немецком языке, как правило личное местоимение 1-го лица единственного числа «я» будет предшествовать соответствующей глагольной форме. Это вполне закономерно ввиду фиксированного порядка слов в немецком языке и вытекающей из этого невозможности продропа.

Исходя из вышеизложенного, процесс освоения категории лица в ходе становления индивидуальной языковой системы будет обладать определенными особенностями, обусловленными структурно-типологическими характеристиками данного языка. В немецком языке это развитая система личных глагольных форм и фиксированный порядок слов в предложении. В совокупности эти особенности способствуют разнообразию детских стратегий при освоении категории лица, выражающемуся в различном рисунке появления в речи элементов, маркированных категорией лица, характерных ошибках, имеющих место в ходе онтогенеза персонального дейксиса, различиях при освоении синтаксиса и морфологии. Следует отметить, что строго определенный порядок слов способствует освоению морфологических форм, снижая вероятность употребления неконвенциональных сочетаний в детской речи.

Литература и источники

- Бондарко, А. В. (Ред.). (1991). Персональность. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость* (с. 5–85). Санкт-Петербург: Наука.
- Бровко, Е. Л. (2013). Ваня и Лиза: два пути в синтаксис. *Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: сборник научных статей* (с. 9–19). Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена.
- Доброва, Г. Р. (2009). О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегии освоения языка. *Вопросы психолингвистики*, 9, 53–70.
- Цейтлин, С. Н. (2005). Категория рода в детской речи. *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры* (с. 346–375). Санкт-Петербург: Наука.
- Цейтлин, С. Н. (2011). К вопросу о конструировании ребенком индивидуальной языковой системы. *Проблемы порождения и восприятия речи: материалы X выездной школы-семинара* (с. 193–197). Череповец: Череповецкий государственный университет.
- Чиглова, Е. И. (2019). Стратегии освоения личных местоимений и личных глагольных форм 1-го и 2-го лица единственного числа в русскоязычном онтогенезе. *Вестник Череповецкого государственного университета. Технические науки. Филологические науки. Педагогические науки*, 1(88), 125–133. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-1-88-12>
- Charney, R. (1980). Speech roles and the development of personal pronouns. *Journal of Child Language*, 7(3), 509–528. <https://doi.org/10.1017/s0305000900002816>
- Penke, M. (2012). *The acquisition of inflectional morphology*. University of Cologne. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21194.06085>
- Pizzuto, E., & Caselli, M. (1994). The acquisition of Italian verb morphology in a cross-linguistic perspective. *Other children, other languages: Issues in the theory of language acquisition* (pp. 137–187). Hillsdale (NJ): Erlbaum.
- Toivainen, J. (1980). *Inflectional affixes used by Finnish-speaking children aged 1–3 years*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Статья публикуется впервые
Поступила в редакцию 10.02.2025
Принята к публикации 15.03.2025

Об авторе

Чиглова Елена Ильинична – кандидат филологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия.
ORCID: 0000-0001-5967-7524; e-mail: osminkinae@gmail.com

PERSON-CATEGORY ACQUISITION BY YOUNG CHILDREN IN GERMAN LANGUAGE

Elena I. Chiglova

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

Abstract. The process of the acquisition of personal deixis in early child speech has its characteristics based on the structure of the language the child acquires. Children, acquiring Russian, tend to have the most diversity of strategies, whereas the strategies of children, acquiring English, are very similar. The formation of personal deixis in the German language should also be very diverse in strategies, as the main factor being the cause of its diversity, is the morphological abundance of the language. The German language has a well-developed system of morphological forms, namely its category of person comprises a variety of personal pronouns and their forms and the respective finite verb forms. The pattern of acquisition of these forms is the landmark of a child's strategy while acquiring the category of person. In the Russian language, the diversity of strategies is made up of the two universal child strategies – morphological and syntactical. The strategies of the acquisition of the person category in German are made up of the similar junction of universal strategies, but in this case they have their own peculiarities specific for this language.

Keywords: child speech, German language, Russian language, English language, person category, personal deixis, language typology, morphology, syntax.

For citation: Chiglova, E. I. (2025). Person-category acquisition by young children in German language. *Memoirs of NovSU*, 2(57), 436–443. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).436-443](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).436-443)

References

- Bondarko, A. V. (Ed.). (1991). *Personality. Theory of functional grammar. Personality. Aspect* (pp. 5–85). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
- Brovko, E. L. (2013). Vanya and Liza: Two ways to syntax. *St. Petersburg School of Ontolinguistics: collection of scientific articles* (pp. 9–19). St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ. (In Russian).
- Charney, R. (1980). Speech roles and the development of personal pronouns. *Journal of Child Language*, 7(3), 509–528. <https://doi.org/10.1017/s0305000900002816>
- Chiglova, E. I. (2019). The strategies of acquisition of the 1st and 2nd person pronouns and the respective finite verb forms in Russian as a first language. *Cherepovets State University Bulletin*, 1(88), 125–133. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-1-88-12> (In Russian).
- Dobrova, G. R. (2009). On variations of speech development: referential and expressive strategies of first language acquisition. *Journal of Psycholinguistics*, 9, 53–70. (In Russian).
- Penke, M. (2012). *The acquisition of inflectional morphology*. University of Cologne. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21194.06085>
- Pizzuto, E., & Caselli, M. (1994). The acquisition of Italian verb morphology in a cross-linguistic perspective. *Other children, other languages: Issues in the theory of language acquisition* (pp. 137–187). Hillsdale (NJ): Erlbaum.
- Toiviainen, J. (1980). *Inflectional affixes used by Finnish-speaking children aged 1–3 years*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Zeitlin, S. N. (2005). The category of gender in child speech. *Problems of functional grammar. Field structures* (pp. 346–375). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
- Zeitlin, S. N. (2011). On building an individual language system by a child. *Problems of speech generation and perception: Proceedings* (pp. 193–197). Cherepovets: Cherepovets State University Publ. (In Russian).

First Published
Received 10.02.2025
Accepted 15.03.2025

About the author

Chiglova Elena Ilinichna – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia.
ORCID: 0000-0001-5967-7524; e-mail: osminkinae@gmail.com

**НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

2025 | 2 (57)

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**